

КАУФМАНСКИЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ ВЪ ПАМЯТЬ 25 ЛѢТЪ,
ИСТЕКШИХЪ СО ДНЯ СМЕРТИ ПО-
КОРНТЕЛЯ И УСТРОИТЕЛЯ ТУРКЕ-
==== СТАНСКАГО КРАЯ ====

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА

К. П. ФОНЪ-КАУФМАНА, I-ГО.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1910.

2004175273

36542-45

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	
1. Покоритель и устроитель Туркестанскаго края, генераль-адъютантъ К. П. Фонъ-Кауфманъ 1-й (Матеріалы для біографическаго очерка). А. Семенова	I—LXXXIV
2. Событія передъ хивинскимъ походомъ 1873 года по разсказу хивинскаго историка В. Бартольда	1
3. Исторія одного вѣнка (фантазія). В. Колосовскаго	20
4. Керки (картинки аму-дарьинской жизни). Б. Литвинова	35
5. На Башнѣ Смерти. Д. Н. Логофета	86
6. „Бѣгство“ Абдуръ-Рахманъ-хана изъ Ташкента въ Афганистанъ. (Эпизодъ изъ исторіи нашей внѣшней политики въ Средней Азій.) А. Семенова	100
7. Три туркменскихъ сказки (въ русскомъ переводѣ). А. Самойловича	118
8. Эпизодъ изъ исторіи Туркестанской публичной бібліотеки, основанной К. П. Кауфманомъ. Л. Ю. Б.	129
9. Колебанія во взглядахъ на образованіе туземцевъ въ Туркестанскомъ краѣ. (Хронологическая справка) Н. Остроумова	140
10. Городъ Алмалыкъ и Мазаръ-Туглукъ-Тимуръ-хана. Н. Пантусова	161
11. Легенда о Туглукъ-Тимуръ-ханѣ. Его же	189
12. Пѣсни бачей. Б—Г. М.—А. Илькина, А. Б. Диваева и П. Комарова	203
13. Киргизскіе напѣвы. Г. П. Гизлера	219
14. Нѣкоторые семейные обычаи киргизовъ сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области. Н. Калмакова	221
15. Перстень-печать Миранъ-шаха мирзы, сына Тамерлана. Н. Веселовскаго	229
16. Указатель личныхъ и географическихъ именъ. А. Семенова	237

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль объ изданіи настоящаго Сборника въ память исполнившагося въ 1907 году двадцатипятилѣтія со дня смерти К. П. Кауфмана принадлежитъ бывшему Туркестанскому генераль-губернатору, нынѣ члену Государственнаго Совѣта, Н. П. Гродекову. Письменные просьбы генерала Гродекова и управляющаго канцеляріей генераль-губернатора, В. А. Мустафина, принимавшаго большое участіе въ организациі изданія Сборника, о присылкѣ статей для послѣдняго были обращены почти ко всѣмъ здравствующимъ сподвижникамъ покойнаго покорителя и устроителя Туркестана и многимъ ученымъ и изслѣдователямъ, занимающимся изученіемъ Средней Азіи. Сочувственное отношеніе къ изданію Сборника не прерывалось и со стороны преемниковъ Н. П. Гродекова: бывшаго Туркестанскаго генераль-губернатора П. П. Мищенко и настоящаго—А. В. Самсонова, также обращавшихся съ подобными просьбами къ разнымъ ученымъ, военнымъ и общественнымъ дѣятелямъ. Изъ большинства статей лицъ, отозвавшихся на этотъ призывъ, и составилъ настоящій Сборникъ.

— Пролета револуцијата, која
дејствително ја донесе; она ео нештоа револуција,
но нештоа револуција која донесе само револуција
само. — Ајде: ево револуција револуција револуција
револуција, но револуција револуција револуција револуција
револуција револуција.

Грандмастер!

Покоритель и устроитель Туркестанскаго края, генераль-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ I-й.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИЧЕСКАГО ОЧЕРКА).

Родъ фонъ-Кауфмановъ происходитъ изъ Швабii, откуда перешель въ Австрію, гдѣ существовалъ до конца XVII столѣтія, а затѣмъ распался на нѣсколько отраслей, основавшихся въ Бранденбургѣ, Даніи, Польшѣ и съ XVIII столѣтія—въ Россіи.

Родоначальникомъ этого рода считается Освальдъ Кауфманъ, жившій въ Тиролѣ въ 1444 году. Его сынъ Эбергардъ въ 1469 году императоромъ германскимъ Фридрихомъ III былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Сынъ Эбергарда, Иоаннъ (1557 г.), былъ намѣстникомъ (Pfleger) Нижней Австріи и владѣльцемъ помѣстья Ресингъ; за заслуги, оказанныя при осадѣ Вѣны турками, возведенъ императоромъ Карломъ V (въ 1530 г.) въ имперское рыцарское достоинство вмѣстѣ со своими двумя братьями. Одинъ изъ нихъ, Ульрихъ, былъ епископомъ и ректоромъ (rector magnificus) вѣнскаго университета (1535 г.).

Родъ фонъ-Кауфмановъ процвѣталъ въ Нижней Австріи до 1629 г., когда за приверженность ученію Лютера вмѣстѣ съ другими помѣстными дворянскими родами былъ изгнанъ изъ Австріи императоромъ Фердинандомъ II. По Вестфальскому миру всѣ эти изгнанники были возстановлены въ своихъ правахъ, но предокъ К. П., Балтусъ фонъ-Кауфманъ, на родину не вернулся, оставшись въ

Бранденбургъ, гдѣ онъ проживалъ по изгнаніи. Внукъ Балтуса, Фридрихъ-Людвигъ, родившійся въ 1715 году, поступилъ на службу къ королю польскому Станиславу Августу и былъ повѣреннымъ послѣднѣго въ 1772 г. въ Берлинѣ. Сыновья Фридриха-Людвига, Августъ и Осдоръ, состояли на русской службѣ. Августъ умеръ генералъ-майоромъ въ 1810 году, а Осдоръ, участникъ походовъ графа Румянцева-Задунайскаго, отличился при взятіи Тульчи, былъ раненъ при Кара-Су и умеръ подполковникомъ, командуя въ арміи князя Потемкина-Таврическаго легко-гренадерскимъ батальономъ. Сынъ Осдора Петръ, оставшись девятилѣтнимъ сиротою послѣ смерти отца, по повелѣнію императрицы Екатерины II былъ принятъ въ сухопутный шляхетскій корпусъ, при чемъ его опекунами были назначены государынею: сенаторъ Ромеръ, Чичеринъ и секретарь императрицы — Храповицкій. Кавалеръ ордена Св. Георгія 4-й степени, впоследствии генералъ-лейтенантъ, начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи, Петръ Осдоровичъ началъ свою службу въ рядахъ суворовскихъ чудо-богатырей и былъ участникомъ кампаній: 1812—1814 гг., турецкой—1828 г. и венгерской—1848 г.¹⁾ За отлично усердную службу ему были высочайше пожалованы въ Царствѣ Польскомъ, въ Брестъ-Куявскомъ уѣздѣ²⁾, майоратъ въ 5000 злотыхъ годового дохода³⁾.

Во время перепитій тревожной и безпокойной армейской жизни генерала Кауфмана, именно, послѣ кампаній во Франціи, гдѣ онъ оставался съ оккупационнымъ отрядомъ до 1818 года, при возвращеніи его на родину, въ деревнѣ Майданахъ, близъ Иванъ-Города⁴⁾, 19 февраля

¹⁾ Приведенныя здѣсь данныя о генеалогіи рода фонъ-Кауфмановъ любезно сообщены племянникомъ Константина Петровича, гофмейстеромъ Высочайшаго двора П. М. фонъ-Кауфманомъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія.

²⁾ Брестъ-Куявскъ—нынѣ заштатный городъ Варшавской губерніи.

³⁾ См. полный послужной списокъ К. П. Кауфмана, хранящійся въ архивѣ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора.

⁴⁾ См. статью „Генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ, главнокомандующій Хивинскою экспедиціей“ въ журналѣ „Всемирная Иллюстрація“ за 1873 г., № 243.

1818 года¹⁾ у него родился будущій покоритель и устроитель Туркестанскаго края—Константинъ Петровичъ. Ранніе годы дѣтства послѣдняго протекли въ тяжелой походной обстановкѣ и беззаботностью до-школьной жизни ему не пришлось много пользоваться. Четырнадцать лѣтъ отъ роду мальчикъ былъ опредѣленъ кондукторомъ въ кондукторскую роту Главнаго Инженернаго Училища (нынѣ Николаевское Инженерное Училище). Прекрасные успѣхи и хорошее поведеніе скоро выдвинули молодого питомца училища, и, имѣя восемнадцать лѣтъ отъ роду, Кауфманъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ—полевого инженеръ-прапорщика, а черезъ годъ, окончивъ съ выдающимся успѣхомъ офицерскіе классы (нынѣ Академія) вмѣстѣ съ будущимъ севастопольскимъ героемъ Тотлебеномъ, въ чинѣ инженеръ-поручика былъ выпущенъ въ армію. Въ теченіе пяти послѣдующихъ лѣтъ Кауфманъ служилъ въ Западномъ краѣ: сначала въ ново-георгіевской инженерной командѣ, затѣмъ въ брестъ-литовской. Въ 1843 году К. П. Кауфманъ получилъ назначеніе въ грузинскій инженерный округъ съ зачисленіемъ при тифлисской инженерной командѣ. Вскорѣ по прибытіи на Кавказъ, бывший тогда ареною упорной, тяжелой борьбы нашей съ воинственными горными племенами, произведенный въ штабсъ-капитаны и назначенный старшимъ адъютантомъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Кауфманъ очутился въ атмосферѣ непрерывныхъ стычекъ, тяжелыхъ походовъ и геройскихъ штурмовъ, повисшихъ подъ облаками горныхъ ауловъ.

Почти тринадцать лѣтъ провелъ Константинъ Петровичъ въ рядахъ кавказской арміи, обнаруживая выдающееся мужество и храбрость даже въ той суровой боевой школѣ, каковою тогда по праву считалась кавказская армія. Походы противъ горцевъ съ 1844 по 1852 гг., штурмъ аула Гергебилъ въ 1848 году, чрезъ годъ взятіе аула Чохъ, походы 1854 года, сраженіе подъ Кюрюкь-

¹⁾ Дата взята изъ упомянутаго послужнаго списка К. П. Кауфмана.

Дара и осада, и штурмъ укрѣпленнаго англичанами Карса въ 1855 году,—все это были славные этапы боевой и трудовой жизни Кауфмана на Кавказѣ.

Однако суровые отцы-командиры, желѣзная дисциплина, неприступные скаты дикихъ горъ и стремнинъ, занятыхъ свободолюбивымъ непріателемъ, изнурительные походы, невѣроятные по трудности штурмы горныхъ укрѣпленій,—все это не вытравило изъ сердца Кауфмана той природной гуманности и доброты, которыя его всегда отличали.

Тяжелые годы службы на Кавказѣ не прошли безслѣдно для будущей карьеры К. П. Кауфмана: онъ получилъ Анну 2-й степени съ императорскою короною, Владиміра 3-й степени съ мечами, золотую саблю съ надписью: «за храбрость». За взятіе Гергебиля награжденъ Георгіемъ 4-й степени и переведенъ капитаномъ въ гвардію; произведенъ въ полковники и генераль-маіоры. Но честь быть молодымъ 38-лѣтнимъ генераломъ въ общемъ не легко обошлась Кауфману: помимо общихъ трудностей почти тринадцатилѣтней службы на Кавказѣ, Константинъ Петровичъ былъ за это время два раза тяжело раненъ въ Даргинской экспедиціи и подъ Чохомъ.

Воинскія заслуги Кауфмана оцѣнила и Императорская Военная Академія и его alma mater, Николаевская Инженерная Академія, членомъ совѣта которыхъ онъ былъ назначенъ въ 1856 году.

Черезъ годъ К. П. Кауфманъ, въ должности начальника штаба генераль-инспектора по инженерной части¹⁾, участвуетъ въ комитетѣ, учрежденномъ для составленія предположеній о преобразованіи заведеній военныхъ кантонистовъ въ училища военнаго вѣдомства и за отличное исполненіе обязанности, возложенной на комитетъ²⁾, ему объявляется монаршее благоволеніе. Еще черезъ годъ мы его видимъ уже въ Государевой свитѣ пользующимся вниманіемъ и расположеніемъ императора Александра II.

1) См. вышеупомянутый послужной списокъ Кауфмана.

1861 годъ, положившій начало достопамятной эпохѣ великихъ реформъ, застаеъ свиты его величества генераль-майора Кауфмана въ должности директора канцелярїи военнаго министерства, при чемъ, въ теченіе почти четырехъ послѣдующихъ лѣтъ, пока онъ занималъ эту должность, горячее время начавшагося государственнаго строительства захватило и его. Кауфманъ по высочайшему повелѣнію назначается членомъ и управляющимъ дѣлами комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ генераль-отъ-инфантерїи Даненберга I-го, для обсужденія предположеній объ измѣненіи организациіи войскъ; назначается постояннымъ членомъ спеціальнаго комитета по устройству и образованію войскъ; по высочайшему повелѣнію ему предоставляется право голоса въ засѣданіяхъ Военнаго Совѣта наравнѣ съ прочими членами; также по высочайшему повелѣнію онъ назначается членомъ учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта Непокойчицкаго комитета для разсмотрѣнія основныхъ положеній преобразованія арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства и устройства военныхъ тюремъ и предсѣдателемъ учрежденнаго по распоряженію тогдашняго военнаго министра, Д. А. Милютина, комитета для пересмотра и составленія постановленій относительно правъ и преимуществъ унтеръ-офицеровъ нестроевыхъ частей¹⁾.

Чинъ генераль-лейтенанта и званіе генераль-адъютанта были наградами Константину Петровичу за этотъ періодъ его службы.

За четыре почти года, проведенные въ должности директора канцелярїи военнаго министерства, Кауфманъ пользовался искренними симпатїями подчиненныхъ²⁾.

Въ 1865 году К. П. фонъ-Кауфманъ былъ назначенъ виленскимъ генераль-губернаторомъ на мѣсто ушедшаго

1) Ibidem.

2) См. Воспоминанія В. Н. Никитина, небызвѣстнаго автора „Многострадальныхъ“ и „Быта арестантовъ въ тюрьмахъ“, помѣщенныя въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1906 г., стр. 650—667.

въ отставку, съ возведеніемъ въ графское достоинство. М. Н. Муравьева.

«...Приношу Вамъ глубокую, отъ всей души моей благодарность за тѣ четыре года, которые мы прослужили вмѣстѣ; за дѣятельное, смѣю сказать, дружеское содѣйствіе, которое я нашелъ въ Васъ въ продолженіе этихъ многотрудныхъ годовъ. Повѣрьте, что я во всю жизнь не забуду этой помощи, Вами оказанной...», писалъ бывшій военный министръ, Д. А. Милютинъ, Константину Петровичу, узнавъ о состоявшемся его назначеніи въ Вильну¹⁾.

Однако править Сѣверо-Западнымъ краемъ К. П. пришлось недолго: въ слѣдующемъ году, осенью, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ по дѣламъ службы и обратно не вернулся, завоевавъ, однако, въ Вильнѣ, повидимому, общія симпатіи населенія²⁾

Высочайшимъ приказомъ отъ 9 октября 1866 г. фонъ-Кауфманъ былъ уволенъ въ одиннадцатимѣсячный отпускъ «съ отчисленіемъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта»³⁾.

¹⁾ Изъ копій съ письма Д. А. Милютина къ К. П. фонъ-Кауфману отъ 24 апрѣля 1865 г., сообщеннаго З. Е. М—ой.

²⁾ См. статью Е. Шумигорскаго въ „Русской Старинѣ“ за 1898 годъ, январская книжка, стр. 155—158: „Къ биографіи К. П. фонъ-Кауфмана“.

³⁾ См. вышеупомянутый полный послужной списокъ генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана.

Бывшій туркестанскій генераль-губернаторъ, нынѣ членъ Государственнаго Совета, генераль-отъ-инфантеріи Н. И. Гродековъ, и покойный генеральскій консулъ въ Кашгарѣ, Н. Ф. Петровскій, рассказывали пишущему это интересный эпизодъ, связанный съ отозваніемъ К. П. изъ Вильны и рассказанный упомянутыми лицами самимъ К. П.

Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ узналъ отъ Д. А. Милютина, что государь желаетъ съ нимъ лично о чемъ-то говорить. Не зная, что за серьезныя причины были его вызова изъ Вильны и имѣя въ виду, что наиболее сенсационнымъ событіемъ за время его управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ были крупныя недоразумѣнія князя Меншикова съ крестьянами, К. П. взялъ изъ своей походной канцеляріи посвященное этимъ недоразумѣніямъ дѣло и внимательно ознакомился съ нимъ, такъ какъ полагалъ, что государь требуетъ его именно по этому дѣлу.

Насталъ день аудіенціи. Кауфманъ былъ приглашенъ въ кабинетъ государя. Александръ II принялъ его, какъ и всегда, весьма доброжелательно. Сталъ спрашивать про Вильну, про настроеніе населенія, при чемъ задавалъ вопросы, не глядя на Кауфмана, а лаская свою любимую собаку. Наконецъ послѣдовала не-

Однако весь «отпускъ» Константину Петровичу не пришлось использовать, ибо въ слѣдующемъ году, 14 іюля, состоялся высочайшій приказъ о его назначеніи туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа.

Снабженный широкими полномочіями по устройенію края, съ правомъ вести войны и заключать мирныя договоры, Кауфманъ въ октябрѣ 1867 года отправился изъ Петербурга къ мѣсту своего новаго служенія, избравъ маршрутъ на Ташкентъ не прямо черезъ Оренбургъ, а кружнымъ путемъ, черезъ Семипалатинскъ, Сергіополь и Вѣрный.

Дѣлалось это въ цѣляхъ болѣе ближайшаго ознакомленія съ краемъ и тогдашнимъ составомъ административныхъ лицъ. Медленное передвиженіе въ экипажѣ, неизбѣжныя остановки на станціяхъ, болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ тѣхъ или другихъ городахъ и значительныхъ поселеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ для неизбѣжнаго отдыха послѣ утомительной дороги,—

большая пауза, послѣ которой государь, продолжая заниматься съ собакой, спросилъ:

— Ну, а еще что новаго?

Константинъ Петровичъ, полагая, что настала удобный моментъ доложить государю о недоразумѣніяхъ Меньшикова съ крестьянами, сталъ подробно излагать все дѣло.

Прослушавъ нѣкоторое время докладъ, Александръ II вдругъ пересталъ ласкать собаку и, глядя на Кауфмана, произнесъ:

— А знаешь, Кауфманъ, я рѣшилъ тебя отозвать изъ Вильны.

Озадаченный такою неожиданностью, Константинъ Петровичъ тѣмъ не менѣе быстро овладѣлъ собою и, поклонившись государю, замѣтилъ:

— Ваше императорское величество, какъ вѣрноподанный своего государя, осмѣливаюсь спросить, что это означаетъ: перемѣну ли системы управленія краемъ, или смѣну только лица?

Александръ II всталъ, выпрямился во весь свой ростъ и, погрозивъ пальцемъ, сказалъ:

— Кауфманъ, ты знаешь, что у меня перемѣны въ системѣ управленія не бывають...

Аудіенція была кончена, и, охваченный самыми разнообразными чувствами отъ только что пережитаго, Кауфманъ, ничего и никого не замѣчая, направился къ выходу изъ дворца. И опомнился лишь тогда, когда лакей дворцоваго вѣдомства подавъ шинель Константину Петровичу, спросилъ:

— Ваше превосходительство, а гдѣ же ваша каска?

Оказалось, что Кауфманъ забылъ ее въ кабинетѣ государя...

все это давало генераль-губернатору неоцѣнимые способы и случаи непосредственнаго знакомства съ подвѣдомственнымъ ему краемъ и служилымъ въ ней соловіемъ.

7 ноября Кауфманъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ пробылъ недѣлю, а затѣмъ выѣхалъ въ Ходжентъ и на передовую линію для обозрѣнія пограничной съ Бухарою полосы. Съ возвращеніемъ К. П. изъ этой поѣздки въ Ташкентъ туркестанскій военный округъ и генераль-губернаторство были фактически открыты.

Едва ли какому-либо генераль-губернатору когда-нибудь приходилось принимать край болѣе разстроенный. Масса злоупотребленій, общее недовѣріе и злоба мѣстныхъ жителей на русскую администрацію — вотъ было тогдашнее положеніе дѣлъ въ Туркестанѣ.

Не лучше дѣло обстояло и съ политическимъ горизонтомъ, гдѣ далеко не все было спокойно. Тогдашнее положеніе окружавшихъ Туркестанъ независимыхъ и полунезависимыхъ ханствъ можно охарактеризовать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ.

Кокандское ханство сохраняло лишь тѣнь прежняго величія. Послѣ славнаго дѣла подъ Акъ-Мечетью въ 1853 и 1854 годахъ до 1860 года кокандцы не предпринимали никакихъ активныхъ дѣйствій противъ насъ. Въ 1860 году они рискнули испытать счастье въ войнѣ съ русскими, но на этотъ разъ со стороны Сибири. Но эта попытка окончилась для кокандцевъ полною неудачею: сначала были взяты и срыты укрѣпленія Токмакъ и Пишпекъ, потомъ 20-тысячный отрядъ кокандцевъ при 10 орудіяхъ понесъ тяжкое пораженіе подъ Узунъ-Агачемъ отъ начальника Алатавскаго округа, подполковника Колпаковскаго, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи лишь 3 роты и сотни при 6 орудіяхъ. Затѣмъ взятіе полковникомъ Веревкинымъ Аулісата, Черняевымъ — Сузака и Чулакъ-Кургана смыкають такъ называемыя военныя линіи оренбургскую и сибирскую. Послѣднимъ аккордомъ въ этомъ предпріятіи было паденіе одного изъ

значительнѣйшихъ городовъ Средней Азій. богатаго и торговаго Ташкента. 15-е іюня 1865 года. день его штурма, вносило одну изъ блестящихъ страницъ въ исторію подвиговъ нашихъ войскъ въ Средней Азій: городъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ человѣкъ, окруженный стѣною въ 24 версты длиною, съ 30 тысячами защитниковъ и 63 орудіями былъ взятъ черняевскимъ отрядомъ, по численности не доходившимъ даже до двухъ тысячъ человѣкъ.)

Послѣ такого разгрома кокандцы присмирѣли, выжидая дальнѣйшихъ событий. Учрежденіе въ Средней Азій особаго генераль-губернаторства они поняли какъ предзнаменованіе послѣднихъ дней своего существованія. Изъ Коканда, Андижана и другихъ городовъ ханства начались переселенія въ Китайскій Туркестанъ, въ Яркендъ и Кашгаръ. Оставшіеся жители начали дѣятельно укрѣпляться. (Вообще въ ханствѣ произошелъ такой переполюхъ, что Кауфманъ счелъ необходимымъ отправить почти тотчасъ же по пріѣздѣ въ Ташкентъ (10 ноября) къ кокандскому хану письмо съ купцомъ Хлудовымъ. Сущность содержанія письма сводилась къ тому, что если самъ ханъ начнетъ враждебныя дѣйствія, то никакія укрѣпленія его не спасутъ отъ русскихъ войскъ, если же онъ будетъ дорожить дружбой съ русскими, то можетъ быть вполне спокоенъ, ибо завоевывать его владѣнія никто не хочетъ и Россіи въ нихъ нѣтъ никакой надобности ¹⁾.)

Затерянная въ невообразимыхъ пескахъ Хи́ва считала себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо, ибо разгромъ очаговъ ислама—Бухары и Коканда, естественно, заставлялъ обращать взоры правовѣрнаго міра Средней Азій на это небольшое государство, увѣренное въ особомъ покровительствѣ Аллаха, гордое своею недоступностью для Россіи и неудачными походами Бековича-Черкаскаго и графа Перовскаго. Успѣхи русскаго оружія въ войнахъ съ бухар-

¹⁾ См. корреспонденцію неизвѣстнаго автора въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1867 годъ, № 5 „Письмо изъ Ташкента. Ташкентъ, 23 ноября“. Была также перепечатка этой корреспонденціи въ „Сынъ Отечества“ за тотъ же годъ, въ № 10.

скимъ и коқандскимъ ханствами только увеличили самонадѣянность хивинцевъ, и нападенія на наши караваны, захватъ нашихъ купцовъ и т. п. безчинства послужили причиною того, что въ концѣ 1867 г. для обезпеченія нашихъ киргизъ отъ грабежей и набѣговъ хивинцевъ были постоянно высылаемы наши отряды изъ Казалинска и Перовска къ Принбаю и далѣе.

Тѣмъ не менѣе Кауфманъ почти тотчасъ же по приѣздѣ въ Ташкентъ написалъ хивинскому хану Мухаммедъ-Рахиму, дружественное письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ его о своемъ прибытіи въ Ташкентъ, о высочайшемъ полномочіи на веденіе пограничныхъ дѣлъ и о движеніи нашихъ отрядовъ за Сырь-Дарью для наказанія хивинскихъ разбойниковъ. Однако ханъ не удостоилъ это письмо своимъ отвѣтомъ и поручилъ веденіе переписки съ генераль-губернаторомъ своимъ приближеннымъ; тѣ въ свою очередь такъ мало снѣшили съ отвѣтомъ, что послѣдній былъ полученъ только въ февралѣ 1868 года¹⁾.

Сложнѣе дѣла обстояли съ Бухарою. Послѣ взятія у коқандцевъ Ташкента бухарцы предъявили намъ требованіе очистить Ташкентъ и Чимкентъ, въ противномъ случаѣ грозили «священной войной». Этотъ ультиматумъ былъ посланъ эмиромъ съ особымъ посломъ въ Петербургъ. Въ отвѣтъ на это покоритель Ташкента, генераль Черняевъ, арестовалъ бухарскихъ купцовъ, проживавшихъ въ занятыхъ нами городахъ, прося распространить эту мѣру на сырь-дарьинскую линію и на оренбургскій округъ. Бухарскій посланникъ по распоряженію оренбургскаго генераль-губернатора Крыжановскаго былъ задержанъ въ Казалинскѣ. Не желая входить въ какіе бы то ни было переговоры ни съ Крыжановскимъ, ни съ подчиненнымъ ему Черняевымъ, бухарское правительство настаивало на непосредственныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ, на что генераль-адъютантъ Крыжановскій,

¹⁾ См. книгу М. А. Терентьева, „Россія и Англія въ Средней Азіи“. Спб., 1875 г., стр. 82—83.

снабженный весьма широкими полномочіями на веденіе приграничныхъ дѣлъ, согласиться не могъ. Чтобы добиться своего, бухарскій эмиръ Музаффаръ-Эдинъ прибѣгъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ сталъ просить Черняева, котораго Крыжановскій при отъѣздѣ своемъ изъ Ташкента въ Оренбургъ уполномочилъ вести съ бухарцами переговоры, прислать къ нему посольство для переговоровъ, при чемъ упоминалъ, что въ Бухару прибыли какіе-то европейцы со стороны Афганистана.

Черняевъ, вѣроятно, полагая, что бухарцы болѣе не претендуютъ на непосредственныя сношенія съ Петербургомъ и хотятъ вести переговоры непосредственно съ нимъ, отправилъ къ Музаффару письмо съ изложеніемъ условій, на которыхъ могутъ быть восстановлены прежнія дружескія отношенія къ Бухарѣ и снято запрещеніе съ бухарской торговли. Письмо повезли къ эмиру чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Струве, гвардіи штабсъ-ротмистръ Глуховской, корпуса топографовъ Колесниковъ и горный инженеръ Татариновъ.

Заполучивъ посольство, Музаффаръ заговорилъ другимъ языкомъ: онъ потребовалъ пропуска своего посла въ Петербургъ и обѣщалъ отпустить посольство только тогда, когда его посоль благополучно возвратится изъ Петербурга. Такимъ образомъ наше посольство обратилось въ заложниковъ. Черняевъ для выручки его предпринялъ зимнюю экспедицію къ Джизаку, однако на штурмъ не рискнулъ изъ опасенія ухудшить положеніе миссіи и 11 февраля 1866 года отступилъ изъ подъ Джизака, не зная ничего о томъ, что 10-го февраля изъ Петербурга выѣхалъ ему на смѣну редакторъ «Русскаго Инвалида», генеральнаго штаба генераль-майоръ Романовскій.

Дальнѣйшія событія быстро слѣдовали одно за другимъ: Ирѣ-Джарскій бой, штурмъ Холжента, Ура-Тюбе и Джизака,—все это совершилось въ промежутокъ отъ 8 мая по 18-е сентября 1866 года и вписало одну изъ блестящихъ страницъ въ исторію нашихъ завоеваній въ Средней Азій.

Въ октябрѣ бухарскій походъ окончился. Генералы Крыжановскій и Романовскій выѣхали въ Ташкентъ. Но отъ Бухарскаго эмира не было ни извѣстiя, ни посольства, хотя мы овладѣли его территорiей въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ.

Наконецъ, уже весною слѣдующаго года эмиръ Музаффаръ прислалъ въ Оренбургъ посла для переговоровъ о мирѣ. Генераль-адъютантъ Крыжановскій предложилъ трактатъ, который въ общихъ чертахъ былъ одобренъ императоромъ Александромъ II. Но такъ какъ переговоры затянулись и къ тому времени подоспѣлъ законопроектъ объ учрежденiи туркестанскаго генераль-губернаторства и высочайшия полномочiя на право веденiя войны и заключенiя мира были переданы главному начальнику новаго края, генералу Кауфману, то мирный договоръ съ Бухарою было предоставлено подписать генералу Крыжановскому вмѣстѣ съ Кауфманомъ по совмѣстномъ обсужденiи.

На пути въ Ташкентъ Кауфманъ прибылъ въ Оренбургъ и тамъ состоялось подписанiе мирнаго трактата обоими генераль-губернаторами¹⁾. Копiя съ него была вручена бухарскому послу вмѣстѣ съ письмомъ Кауфмана эмиру, въ которомъ онъ увѣдомлялъ эмира о своемъ назначенiи и желанiи поддерживать мирныя отношенiя съ сосѣдями. Кауфманъ рассчитывалъ по прибытiи въ Ташкентъ застать отвѣтъ на это письмо отъ эмира. Но прошелъ весь ноябрь 1867 года, а посла изъ Бухары съ письмомъ все не было, шайки бухарскихъ разбойниковъ не переставали появляться на нашей границѣ. Объяснялось это тѣмъ обстоятельствомъ, что эмиръ Музаффаръ велъ въ это время переговоры съ главами другихъ мусульманскихъ государствъ, въ частности съ ту-

¹⁾ Трактатъ опредѣлялъ русско-бухарскую границу, обязывая обѣ договаривавшiяся стороны принимать мѣры противъ вторженiя пограничныхъ шайкъ разбойниковъ, разрѣшалъ свободный доступъ бухарско и русско-подданнымъ во все мѣста Россiи и Бухары; русскимъ предоставлялось право покупать въ Бухарѣ недвижимость; судъ и расправа надъ русско-подданными должна была принадлежать туркестанскому генераль-губернатору и т. п.

решкимъ султаномъ, разсчитывая съ ихъ помощью дать Россіи реваншъ за понесенныя передъ тѣмъ пораженія. Переговоры эти ни къ чему не повели, и посолье эмира въ Константинополь, нѣкто Мухаммедъ-Парса, долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ. Музаффару приходилось такимъ образомъ выбирать одно изъ двухъ: или смириться передъ новымъ могущественнымъ сосѣдомъ, или рискнуть еще разъ попытать счастья въ борьбѣ съ нимъ своими силами.

Въ пору такого колебанія со стороны эмира въ декабрѣ 1867 г. отъ него прибылъ, наконецъ, въ Ташкентъ къ новому генераль-губернатору посолье, мирахуръ ²⁾ Муса-Бекъ. Онъ привезъ съ собою письмо къ Кауфману отъ Музаффара, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ, что получилъ письмо Кауфмана, а равно и условія, съ своей стороны посылаетъ посла, съ нимъ и свои условія. Но условій никакихъ у Муса-Бека не оказалось. Изъ объясненій же съ посломъ ничего не выяснилось: Муса-Бекъ съ истинно восточною безстрастностью ни на что не возражалъ, но на все соглашался. Приписывая это какому-нибудь недоразумѣнію, Кауфманъ въ декабрѣ же написалъ эмиру, прося ратифицировать отправленныя ему мирныя условія.

Несмотря однако на незначительное, сравнительно, разстояніе отъ Ташкента до резиденціи эмира, послѣдній не торопился съ отвѣтомъ.

Мирахуръ Муса-Бекъ все жилъ въ Ташкентѣ. На глазахъ бухарца прошли ташкентскія святки и новогоднее празднество; немногочисленная русская колонія веселилась, какъ умѣла; привѣтливый, обходительный и гостепріимный генераль-губернаторъ былъ душою этого занесеннаго на далекую окраину русскаго кружка. Повидимому, никто не предвидѣлъ возможности дальнѣйшихъ событій, до глубины народныхъ всколыхнувшихъ мусульманскій міръ Средней Азіи и тягостнымъ ударомъ

²⁾ Шталмейстеръ.

обрушившихся на нашу вѣчную соперницу въ этой странѣ, Англію.

Въ полномъ собраніи именитыхъ людей города Ташкента, собравшихся поздравить главнаго начальника края съ новымъ годомъ, К. П. Кауфманъ произнесъ большую рѣчь, которая отличалась программнымъ характеромъ, предусматривая направленіе той политики, которую будетъ преслѣдовать облеченный широкими полномочіями новый генераль-губернаторъ ¹⁾.

¹⁾ „Въ то время,—говорилъ Кауфманъ,—когда Ташкентъ и другіе уѣздные города принадлежали еще ханамъ, жизнь и имущество каждаго жителя находились въ рукахъ деспотическихъ бековъ, назначавшихся изъ числа самыхъ близкихъ людей къ хану, слѣдовательно, такихъ, которые, по существовавшимъ въ Средней Азійи порядкамъ, могли безнаказанно попирать всѣ божескіе и человѣческіе законы. Такимъ образомъ при возвращеніи каравановъ изъ Ирбита, Нижняго, Петропавловска и Троицка, у купцовъ отбиралось все цѣнное и хорошее въ пользу бека или хана. Ради корысти кокандскія и бухарскія власти нарушали иногда мусульманскіе законы и налагали противозаконныя подати. Богатые люди подвергались, по капризу высшихъ властей, опасности быть повѣшенными или зарѣзанными потому только, что они были богаты. Всякій человекъ, безъ исключенія, могъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію. Караваны грабились киргизами и, чтобы охранить свои товары, ташкентцы были принуждены содержать войска въ укрѣпленіяхъ, выстроенныхъ на торговыхъ пунктахъ, а вы знаете, что это дорого стоитъ. Къ довершенію всего, кровавые перевороты въ Кокандѣ или Бухарѣ отзывались въ сартовскихъ городахъ неистовствомъ кипчаковъ или другой партіи, успѣвшей захватить власть надъ ханствами въ свои руки. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда русскіе, чтобы положить конецъ набѣдамъ кокандскихъ закятчиѣвъ на волости русскихъ киргизовъ, чтобы обезпечить ихъ отъ грабежей кокандскихъ подданныхъ и, наконецъ, чтобы обуздать претензіи сосѣднихъ правительствъ, принуждены были завоевать правый и лѣвый берегъ Сыра до города Холжента. Генералы Черняевъ и Романовскій, исполняя волю нашего великаго государя, заботились объ устройствѣ новой области; но принужденные оборонять страну отъ нападений бухарцевъ и кокандцевъ, они имѣли мало времени для того, чтобы окончить это устройство. Кроме того, по своему служебному положенію, они не имѣли достаточно правъ, чтобы сдѣлать все, чего они желали для блага народа безъ разрѣшенія высшаго начальства. Однако съ тѣхъ поръ, какъ наши войска заняли эту страну, русскіе основныя законы защитили сартовъ. Жизнь и имущество жителей завоеванныхъ мѣстъ были обезпечены. Сартовскіе города и деревни, которые прежде трепетали предъ всякимъ внѣшнимъ врагомъ, защищаются теперь непоколебимою русскою арміею, слѣдовательно, не боятся никого. Грабежи каравановъ въ нашихъ предѣлахъ прекратились совершенно. Всѣ лица, добросовѣстно содѣйствовавшія русской власти, осыпаны наградами. Администрація области знала именно всѣхъ ташкентцевъ, бывшихъ прежде ея врагами, точно также какъ теперь она можетъ назвать каждаго, который не въ такой степени вѣренъ государю, какъ того требуетъ принесенная ему присяга, однако она не преслѣдуетъ ни тѣхъ, ни другихъ. Она ждала и ждетъ, чтобы этихъ людей исправило время. Надѣюсь, они поймутъ свой долгъ и свою пользу. До сихъ поръ русская администрація не всегда дѣйствовала безошибочно,

Прошелъ январь и февраль, а отъ эмира не было никакихъ вѣстей; наконецъ, въ началѣ марта на имя генераль-губернатора было прислано письмо отъ кушъ-беги ¹⁾,—эмиръ самъ не отвѣчалъ,—въ которомъ содержался крайне неопредѣленный и туманный отвѣтъ по поводу поставленныхъ эмиру генераль-губернаторомъ условій.

потому что у губернаторовъ не было еще лицъ, достаточно подготовленныхъ для управления здѣшнимъ народомъ, и еще потому, что наша власть не могла быть хорошо знакома съ жизнью сартовъ, ни съ тѣми изъ послѣднихъ, которыхъ нужно было допустить къ участию въ управленіи городомъ и областью. Чтобы узнать жизнь сартовъ и киргизовъ, въ прошломъ году была командирована особая комиссія, которая сдѣлала въ Петербургѣ свой докладъ. На основаніи свѣдѣній, ею доставленныхъ, написаны новые законы для этой области, которую велѣно называть Сырь-Дарьинскою. Между тѣмъ его императорскому величеству благоудно было, по многимъ соображеніямъ, основать туркестанское генераль-губернаторство изъ земель, простирающихся отъ Тарабагатайскихъ горъ и Аягуза, что у Чугучака, до Аральскаго моря. Въ составъ генераль-губернаторства входятъ двѣ области: Сырь-Дарьинская и Семирѣченская. Волею государя императора генераль-губернаторомъ этихъ земель назначенъ я. Чтобы охранить спокойствіе вѣрренныхъ мнѣ странъ, государю было угодно дать мнѣ право вести, въ случаѣ нужды, войну и заключать миръ съ сосѣдними, съ этой стороны Россіи, владѣніями. Пользуясь такимъ довѣріемъ моего государя, я употребляю всѣ мѣры, чтобы дать вамъ безопасность и спокойствіе. Прибытіе сюда посланниковъ эмира и кокандскаго хана съ заявленіемъ дружбы даетъ мнѣ надежду, что миръ не будетъ нарушенъ и укрѣпится. Для того же, чтобы упрочить внутреннее устройство края на благополучіе живущихъ въ немъ русскихъ сартовъ и киргизовъ, государю угодно было повелѣть мнѣ обсудить здѣсь, на мѣстѣ, какъ именно примѣнить къ дѣлу тѣ законы, которые были написаны въ Петербургѣ для всѣхъ жителей туркестанскаго генераль-губернаторства. Эти законы составлены такъ, что могутъ дать вамъ счастье, если вы только его пожелаете. Такимъ образомъ, правительство полагаетъ возможнымъ предоставить ташкентцамъ, какъ и всѣмъ другимъ сартамъ, право выбирать правильнымъ образомъ арыкъ-аксакаловъ, аксакаловъ и казіевъ, съ подчиненными имъ лицами. Число аксакаловъ и казіевъ въ каждой мѣстности будетъ опредѣлено мною. Выборы предположено производить на три года, съ правомъ, по истеченіи ихъ, избирать новыхъ лицъ или оставлять тѣхъ же на прежнихъ мѣстахъ. Ташкентцы и жители другихъ городовъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ преступленій, будутъ судиться выбранными казіями по шариату и обычаю такимъ образомъ, что въ приговоры казіевъ не будутъ имѣть права вмѣшиваться русскіе чиновники. Если бы однако обѣ тяжущіяся стороны захотѣли судиться у русскаго судьи, то это имъ разрѣшается; русскимъ же судьямъ приказано разбирать дѣла по совѣсти. Жалованье арыкъ-аксакаламъ и аксакаламъ, съ ихъ помощниками, будетъ назначаться самимъ народомъ. Казіи будутъ получать, по обычаю, отъ тяжущихся „казилыкъ“. Общества могутъ, впрочемъ, назначать имъ содержаніе; тогда казіи не будутъ уже имѣть права брать „казилыкъ“. Сборъ податей предположено возложить на хозяйственные управленія, которыя учредятся

¹⁾ Министръ-премьеръ.

Миролюбивый, корректный Кауфманъ, желая во что-бы то ни стало поддерживать добрыя отношенія къ сосѣдямъ, написалъ эмиру подробное письмо, въ которомъ разъяснял порядокъ и значеніе объѣма мирныхъ условій, скрѣпленныхъ подлежащими подписями и печатями. Мирахуръ Муса-Бекъ выѣхалъ съ этимъ письмомъ въ Бу-

для всѣхъ сартовскихъ поселеній изъ гражданъ, выращенныхъ народомъ. При ханахъ жители здѣшнихъ городовъ и деревень платили: хераджъ, танапъ, зякетъ, савашъ и саулукъ-зякетъ, кошъ, ханскую подать, кеспешъ чиновникамъ и сборы: въсовый, базарный, соляной и подводный [на поддержаніе дорогъ, на поддержаніе вала кругомъ города, арыковъ, улицъ и т. д. Производить сборы на поддержаніе арыковъ въ городахъ и на пашняхъ на починку и очистку улицъ будетъ предоставлено хозяйственнымъ управленіямъ въ размѣрѣ, который они признаютъ нужнымъ. При этомъ будетъ однако наблюдаться, чтобы лица, которымъ поручатся работы, исполняли свою обязанность честно и правильно. Будетъ также обращено вниманіе на то, чтобы сборы по исправленію арыковъ и прочаго не превышали дѣйствительныхъ расходовъ по работамъ. Новинности, взимающіяся при ханахъ на исправленіе дорогъ, будетъ обращена въ денежную плату, которая въ размѣрѣ, мною опредѣленномъ, будетъ собираться въ каждомъ городѣ черезъ хозяйственныя управленія, на устройство правильныхъ почтовыхъ сообщеній и на улучшеніе дорогъ. Затѣмъ, вмѣсто всѣхъ податей, которыя прежде платились ханскимъ правительствамъ, предложено установить въ пользу казны всего три подати: хераджъ, танапъ и зякетъ, такъ что, со времени, когда хозяйственныя управленія откроютъ свои засѣданія, кромѣ трехъ податей, жалованья туземнымъ властямъ и сбора на устройство почтъ и улучшеніе дорогъ, ташкентцы, какъ жители прочихъ городовъ, освобождаются отъ всѣхъ другихъ податей и сборовъ. Зякетъ будетъ взыматься въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ части съ торговаго капитала, на который купецъ будетъ торговать въ теченіе года. Если зякетъ станеть собираться два раза въ годъ, то каждый разъ будетъ платиться $\frac{1}{80}$ часть капитала. Если бы купецъ захотѣлъ торговать на сумму выше той, за какую уплаченъ зякетъ, то обязуется внести дополнительный зякетъ. Сборъ хераджа, танапа и зякета будетъ производиться общественными управленіями; повѣрять же, какъ вѣрно собраны эти подати, будутъ русскіе чиновники.

Такимъ образомъ правительство предлагаетъ передать въ руки народа большую часть управленія. Но если новые законы съ такою заботливостію желаютъ сдѣлать народъ счастливымъ, то мнѣ нужно еще узнать, достаточно ли умна сарты, чтобы благоразумно воспользоваться милостями великаго государя. Предупреждаю васъ, что даже такое сильное правительство, какъ русское, затруднится сдѣлать народъ счастливымъ, если послѣдній не пойметъ своей пользы. Для того, чтобы узнать, можно ли управлять сартами помощью новыхъ законовъ, я приказываю комиссіямъ приступить къ устройству народнаго управленія въ городахъ области, въ томъ числѣ и въ Ташкентѣ. Прежде всего необходимо, чтобы жители помогли этимъ комиссіямъ, вѣрили ихъ добрымъ намѣреніямъ, старались исполнять всѣ ихъ распоряженія охотно и отъ души, потому что они будутъ работать на пользу народа. Нужно также, чтобы аксакалы и кази были выбраны народомъ изъ числа самыхъ лучшихъ людей. Особенно важенъ выборъ въ члены хозяйственныхъ управленій, которые будутъ собирать подати. Выберутъ жители своихъ чиновниковъ

хару, Съ его отъѣздомъ положеніе на бухарской грани-
цѣ стало еще тревожнѣе: разбойничьи шайки увеличи-
лись, грабежи и убійства нашихъ подданныхъ повторя-
лись едва ли не ежедневно. Генераль-губернаторъ распо-
рядился выслать на границу отрядъ въ 600 казаковъ; въ

назъ хорошихъ людей,—будеть имъ жить хорошо; выберутъ дурныхъ,—опять начнутся
обиды, притѣсненія и незаконные сборы въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. Наблюде-
ніе за ходомъ работъ комиссій во всей Сырь-Дарьинской области принадлежать
ея губернатору, генералу Головачеву. Но такъ какъ, кромѣ того, онъ долженъ
управлять Сырь-Дарьинскою областью, командовать въ ней войсками и исполнять
другія порученія, которыя я возложилъ на генерала Головачева, то, чтобы облег-
чить его, я поручилъ устройство собственно города Ташкента правителю моей кан-
целяріи генералу Гейнсу. Васъ всѣхъ собравшихся сюда сартовъ я назначаю въ
составъ комиссій, которыя будутъ состоять подъ его предѣлительствомъ. Дѣлая
васъ участниками работъ, которыя будутъ благотѣльными для народа, и оказы-
вая вамъ большое довѣріе, я надѣюсь, что вы постараетесь оправдать это довѣріе.
Генералу Гейнсу я предоставилъ право рекомендовать мнѣ тѣхъ изъ васъ, которые
будутъ особенно полезны при работахъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы подобныя
лица были мною отличены и награждены. Съ другой стороны, онъ же будетъ
имѣть право просить о высылкѣ изъ Ташкента каждаго человѣка, который станетъ
загруднять работы по устройству управленія городомъ. Я собралъ васъ, лучшихъ
людей Ташкента, чтобы вы выслушали, поняли меня и рассказали жителямъ все,
что я говорилъ, а также объяснили имъ, сколько полезно для нихъ содѣйствовать
правительству, которое желаетъ имъ сдѣлать много добра. Передайте также ва-
шимъ согражданамъ, что если благія намѣренія правительства будутъ встрѣчены со
стороны жителей Ташкента равнодушіемъ, вслѣдствіе котораго оно не будетъ въ
состояніи исполнить всѣхъ своихъ намѣреній, или если сарты, вмѣсто того, чтобы
помогать, станутъ паче чаянія, мѣшать исполненію дѣлей правительства, или об-
манывать его, то это убѣдитъ меня, что вамъ слишкомъ еще рано давать законы.
подобныя тѣмъ, которые хотятъ вамъ дать. Передайте, что тогда правительство
будетъ принуждено, вслѣдствіе вашего неблагоразумія, вмѣшаться во внутренніе
порядки вашей жизни. Тогда само правительство назначитъ вамъ аксакаловъ, ка-
зѣевъ и чиновниковъ, которые будутъ брать съ васъ подати уже по ближайшему
усмотрѣнію администраціи. Тогда правительство будетъ поставлено въ необходи-
мость дѣйствовать такъ, чтобы его приказанія исполнялись ради страха, если вы
не захотите ихъ исполнять ради сознанія собственной пользы. Помните мое слово.
Оно твердо, потому что сказано вашимъ высшимъ начальникомъ, представителемъ
здѣсь, въ странѣ, русскаго правительства, которое, какъ вамъ извѣстно, достаточ-
но сильно, чтобы выполнить, несмотря ни на что, свою волю. Предупреждаю еще
разъ: въ вашихъ рукахъ ваша судьба. Поймете вы свою пользу, захотите для себя
добра, станете содѣйствовать правительству, и вы будете счастливы; захотите дру-
гого, пойдете на перекоръ правительственнымъ вѣдамъ,—и тогда власть начнетъ
дѣйствовать строго и сильно. Желая вамъ добра, советую выбрать любовь и слѣ-
пую, безграничную преданность великому государю вашему, который не устаетъ
заботиться о насъ, и любовь эта укажетъ вамъ, какъ надо вести себя, чтобы
быть достойными такой же любви со стороны нашего добраго „Бѣлаго Царя“.

(См. газ. «Москва» за 1868 годъ. была также перепечатка въ газетѣ «Сынъ
Отечества» за тотъ же годъ, № 80.)

Ухумскомъ ушельѣ отрядъ былъ встрѣченъ соединенными войсками катта-курганскихъ и чилекскаго бековъ. Бухарцы были разбиты, но не были преслѣдуемы, и отрядъ такимъ образомъ не перешель границу. Несмотря на такого рода явно воинственныя замыслы Бухары, Кауфманъ тѣмъ не менѣе считаль вполне возможнымъ такъ или иначе уладить мирнымъ путемъ непріязненные къ намъ отношенія бухарцевъ и предполагаль было 9 апрѣля выѣхать въ Петербургъ за семействомъ.

Но вскорѣ въ Ташкентѣ было получено извѣстіе, что эмиръ Музаффаръ въ Кермине провозгласилъ «джехадъ», священную войну, противъ русскихъ и что военныя дѣйствія предполагаетъ начать послѣ отъѣзда генераль-губернатора изъ края. Въ виду такихъ событій о поѣздкѣ въ Петербургъ нечего было и думать.

Въ половинѣ апрѣля Кауфманъ выступилъ съ дѣйствующимъ отрядомъ численностью около 8.300 человекъ при 16 орудіяхъ на Самаркандъ. 1-го мая Константинъ Петровичъ былъ подь Самаркандомъ, гдѣ и принялъ бой съ непріателемъ во много разъ превышавшимъ численностью его войска и занявшимъ выгодныя позиціи на Зарафшанскихъ высотахъ. 2-го мая въ великолѣпный солнечный день побѣдитель и его войска торжественно вступили въ первопрестольную столицу бухарскаго ханства и въ древнѣйшій городъ Средней Азіи, чтимый во всемъ мусульманскомъ мірѣ.

Должностныя, почетныя и вліятельныя лица города встрѣтили Кауфмана у древнихъ стѣнъ великолѣпной мечети Шахи-Зинда и поднесли ему хлѣбъ-соль и повторили свою просьбу о принятіи города въ подданство русскаго государя.

„Имѣю счастье поздравить Ваше Императорское Величество съ новымъ торжествомъ: древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, центръ мусульманства Самаркандъ, гордый своею историческою славой, безъ выстрѣла палъ къ стопамъ Вашего Величества, отворивъ ворота храбымъ и честнымъ войскамъ Вашимъ...“

Донеслъ Кауфманъ телеграммой императору Александру II отъ 2 мая¹⁾.

По докладѣ государю подробнаго донесенія о дѣлѣ, бывшемъ 1 мая подъ Самаркандомъ на Зарафшанскихъ высотахъ, и о занятіи безъ выстрѣла Самарканда, К. П. Кауфману была выражена высочайшая признательность и былъ пожалованъ орденъ Георгія 3-й степени²⁾.

Выждавъ прибытія небольшихъ подкрѣпленій изъ Ташкента, Кауфманъ написалъ бухарскому эмиру письмо, въ которомъ предлагалъ ему миръ почти на прежнихъ условіяхъ. Но это письмо осталось безъ отвѣта и одному изъ посланныхъ, доставившихъ это письмо, была отрублена голова, другой былъ брошенъ въ клоповникъ. Вскорѣ пришлось воочию убѣдиться, что пропаганда противъ истребленія пришельцевъ не утихаетъ и эмиръ мечтаетъ о дальнѣйшей съ ними борьбѣ. Фанатичные муллы, проповѣдники «священной войны», наводнили густо населенную зарафшанскую долину; вооруженныя скопища бухарцевъ сосредоточились у Катта-Кургана и Кара-Тюбе. Кауфманъ рѣшилъ въ виду этого двинуться дальше. 16 мая подъ начальствомъ генерала Головачева, такъ геройски ведшаго себя въ битвѣ подъ Самаркандомъ, къ Катта-Кургану выступилъ отрядъ изъ 13½ ротъ, 3 сотень и при 12 орудіяхъ. 18-го числа на разсвѣтѣ Катта-Курганъ былъ безпрепятственно занятъ. Получивъ извѣстіе о занятіи города, Кауфманъ отправился туда вмѣстѣ съ провіантомъ и фуражемъ. Въ Катта-Курганѣ Кауфмана уже ждали бухарскіе послы, привезшіе на этотъ разъ оренбургскій мирный договоръ 1867 г., ратификованный эмиромъ. Конечно, послѣ тѣхъ событій, которыя произошли со дня подписанія этого трактата Крыжановскимъ и Кауфманомъ, условія, заключавшіяся въ этомъ договорѣ, были недостаточны, и генераль-адъютантъ Кауфманъ предложилъ посламъ слѣдующую дилемму: или

1) См. „Русскій Туркестанъ“. Сборникъ, изданный по поволу Политехнической выставки. Вып. третій подъ редакціей В. Н. Троицкаго. Спб., 1872, стр. 174.

2) См. послужной списокъ К. П. Кауфмана.

уплатить Россіи въ теченіе восьми лѣтъ 4½ мил. руб. контрибуціи съ тѣмъ, что послѣ этого срока эмиръ получить обратно всѣ завоеванныя у него земли отъ Катта-Кургана до Яны-Кургана включительно, или же уплатить до 120 тыс. руб. военныхъ издержекъ и признать за Россіей всѣ сдѣланныя ею завоеванія.

Послы выбрали послѣднее, попросили дать имъ десять дней срока, необходимаго на проѣздъ и для сбора контрибуціи. Но не успѣли бухарцы прибыть къ эмиру, какъ перемиріе было нарушено неожиданнымъ нападениемъ бухарско-подданныхъ киргизъ на наши войска. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что со стороны Шахрисябза къ Кара-Тюбе подходят многочисленныя вооруженныя толпы шахрисябзцевъ. Отдавъ соответственныя распоряженія Головачеву, Кауфманъ, взявъ двѣ сотни казаковъ, 25 мая вернулся въ Самаркандъ.

Тамъ было также неспокойно. Въ глубинѣ базаровъ, съ виду казавшихся такими мирными, въ нѣдрахъ полутемныхъ туземныхъ «хона» (жилицъ) все подготовлялось къ усиленной борьбѣ съ русскими. Низкіе поклоны и сладкія рѣчи туземныхъ должностныхъ лицъ дѣйствовали усыпляющимъ образомъ на бдительность побѣдителей, и юркіе «яхуди» и «ирани» (евреи и персіане) то и дѣло въ тревогѣ прибѣгавшіе къ русскимъ и перелававшіе, что самаркандцы готовятся къ нападенію на нихъ, служили предметомъ почти всеобщихъ насмѣшекъ увѣренныхъ въ свой безопасности побѣдителей.

Получая тревожныя свѣдѣнія о сосредоточеніи бухарцевъ у Кара-Тюбе, Кауфманъ послалъ туда полковника Абрамова разбить непріятели и возвратиться въ Самаркандъ. Въ Самаркандѣ, за выступленіемъ отряда Абрамова, осталось лишь 555 человекъ войска во главѣ съ Константиномъ Петровичемъ, справедливо полагавшимъ, что достаточно его личнаго присутствія для удержанія города въ повиновеніи ¹⁾).

¹⁾ См. т. I „Исторія завоеванія Средней Азіи“, генер.-лейт. Терентьевъ. Спб., 1906 г., прим. на стр. 432.

И это было среди десятковъ тысячъ фанатически настроенныхъ обитателей Самарканда, гдѣ горячая проповѣдь безпощаднаго «джихада» неудержимо лилась подъ сводами темныхъ медресе и мечетей и на залитомъ солнцемъ Регистанѣ, гдѣ забитые и трусливые евреи опять спѣшили надѣть свои символы рабства, грубые веревочные пояса, и вмѣстѣ съ малочисленной колоніей персіанъ съ страхомъ ожидали за свою преданность къ русскимъ поголовнаго истребленія.

Но движеніе Абрамова къ Кара-Тюбе было неудачно и Абрамовъ долженъ былъ возвратиться въ Самаркандъ, при чемъ подъ самымъ городомъ былъ встрѣченъ вооруженными массами горожанъ; послѣдніе вступили въ бой съ русскими, но вскорѣ бѣжали въ городъ, гдѣ почти на каждомъ шагѣ были построены баррикады. Обо всемъ этомъ, однако, горсть гарнизона съ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками ничего не знала до самаго вступленія Абрамова въ Самаркандъ. Только тогда поняли, какая опасность угрожала немногочисленнымъ русскимъ войскамъ, забравшимся въ глубь враждебно настроенной страны, отрѣзаннымъ отъ Ташкента. Приходилось поэтому заботиться объ укрѣпленіи должнымъ образомъ самаркандской цитадели и объ ориентировкѣ среди создававшихся почти ежедневно различныхъ затрудненій. Но обстоятельства настолько осложнялись съ каждымъ днемъ, что Кауфманъ не успѣлъ и половины своихъ плановъ привести въ исполненіе. 29-го мая отъ генерала Головачева было получено извѣстіе о скопленіи большихъ бухарскихъ силъ на Зерабулакскихъ высотахъ и что нашъ незначительный тамъ отрядъ вотъ уже четыре дня какъ сильно стѣсненъ.

Оставивъ въ самаркандской цитадели около 600 человекъ и два орудія, Кауфманъ съ остальными войсками и артиллеріей поспѣшно двинулся къ Катта-Кургану.

Происшедшій затѣмъ 2-го іюня бой, — бой на Зерабулакскихъ высотахъ, — слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы рассказывать его здѣсь. Достаточно сказать, что 1,700 рус-

скихъ штыковъ и 320 шапекъ обратили въ дикое и нестройное бѣгство десятки тысячъ непріятеля.

Послѣ Зерабулакской побѣды многіе начальники войсковыхъ частей совѣтовали командующему войсками идти дальше въ глубь страны, чтобы разомъ покопичить съ сопротивленіемъ эмира, но Кауфмана безнужно было опасаться за безопасность тыла и судьба Самарканда. Предчувствіе не обмануло побѣдителя подъ Зерабулакомъ. Медленно подвигался русскій отрядъ изъ Катта-Кургана назадъ къ Самарканду, повсюду встрѣчая очень мало жителей и совершенно ничего не зная о томъ, что ничтожная горсть русскихъ, засѣвшихъ въ цитадели, осаждаются скопищами наймановъ, кара-калпаковъ, китай-кипчаковъ и разныхъ другихъ племенъ. Они собрались къ Самарканду въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ (до 65-ти) при появленіи шахрисябзскихъ войскъ Джура-Бія; жители же Самарканда побуждаемые страхомъ, а болѣе всего фанатизмомъ, отворили ворота полчищамъ Джура-Бія и вмѣстѣ съ ними штурмовали цитадель Самарканда ¹⁾.

Горсть защитниковъ самаркандской цитадели во главѣ съ доблестными полковникомъ Назаровымъ и майоромъ Штемпелемъ тщетно посылали за помощью къ Кауфману: посланцы или попадали въ руки непріятеля, или просто перебѣгали къ нему. И лишь 7 іюня, когда отрядъ Кауфмана былъ въ 18 верстахъ отъ Самарканда, было получено донесеніе майора Штемпеля о критическомъ положеніи самаркандскаго гарнизона.

На другой день побѣдитель подъ Зерабулакомъ съ своимъ отрядомъ вступилъ въ Самаркандъ; Джура-Бій съ своими войсками послѣшно отступилъ, едва узнавъ о приближеніи Кауфмана къ Самарканду; лишь горожане да жители окрестныхъ кишлаковъ продолжали штурмовать цитадель. И подъ грохотъ орудій, среди ужасающей

¹⁾ Появленіе Джура-Бія, шахрисябзскаго правителя, подъ Самаркандомъ объясняется тѣмъ, что Джура-Бій былъ убѣжденъ въ побѣдѣ Кауфмана надъ эмиромъ и полагалъ, что побѣдитель, не останавливаясь нигдѣ, пойдетъ на Кермине и Бухару (см. „Русскій Туркестанъ“. Сборн., изданный по поводу Политическаго вѣстника. Вып. третій подъ ред. В. Н. Троицкаго. Сиб. 1872, стр. 185).

обстановки, изможденные, измученные 7-мидневною осадкою, храбрые защитники Самарканда встрѣчали своего желаннаго освободителя; встрѣтили далеко не всѣ, ибо одной четверти гарнизона не суждено было увидаться съ возвратившимися изъ-подъ Катта-Кургана товарищами.

«Страшную, потрясающую картину, — говорит очевидец¹⁾, — представляла самаркандская цитадель возвратившемуся изъ Катта-Кургана отряду. Дымящіяся груды рухнувшихъ саклей, которыя мы поджигали на вылазкахъ, обгорѣлыя, обезображенные трупы, разбросанные между развалинами и издававшіе нестерпимый смрадъ, заражавшій воздухъ, исхудалыя и закоптѣлыя лица защитниковъ, державшихся на ногахъ только вслѣдствіе нравственнаго напряженія, — вотъ что представилось отряду 8-го іюня. Свѣжіе слѣды борьбы были краснорѣчивымъ доказательствомъ ея упорности».

«Ордена храбрыхъ» были наградами доблестнымъ защитникамъ Самарканда, въ томъ числѣ и прапорщику запаса, знаменитому впослѣдствіи В. В. Верещагину, беззавѣтно сражавшемуся на самаркандскихъ стѣнахъ наряду съ прочими защитниками и совершенно не думавшему о смерти.

«Храбрыя войска гарнизона самаркандской цитадели, — гласилъ отданный Кауфманомъ 10-го іюня приказъ по войскамъ, — по выступленіи моемъ изъ Самарканда въ Катта-Курганъ для пораженія тамъ эмировыхъ войскъ, собравшихся для враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, вы были осаждены. Шахрисябзскія войска и массы вооруженныхъ городскихъ и окрестныхъ жителей, увлеченныхъ возмутителями, возымѣли дерзкую мысль уничтожить васъ. Они ошиблись и наказаны. Васъ руководили долгъ, присяга и честное русское имя. Больные и раненые, могущіе отдѣлять и колоть, всѣ были въ строю, на стѣнахъ и въ вылазкахъ. Распорядительный, храбрый комендантъ и всѣ господа штабъ- и оберъ-

¹⁾ См. въ т. LXXXVII, отд. 1-мъ „Военнаго Сборника“ статью Е. Воронца „Воспоминанія о защитѣ Самарканда въ 1886 году“, стр. 54.

офицеры были съ вами всегда, руководили вами и раздѣляли ваши опасности. Ихъ распорядительность, а ваша храбрость и стойкость, сдѣлали ничтожными всѣ попытки непріятеля. Вы не уступали ему ничего. Вы были семь дней и когда на восьмой я пришелъ къ вамъ, всѣ были такъ бодры и веселы, что нельзя было мнѣ не любоваться, не гордиться вами.

«Помяните доброй и вѣчной памятью павшихъ во время славной семидневной обороны цитадели. А вамъ, молодцамъ, спасибо за службу!»¹⁾

Рядъ горестныхъ неудачъ, народныя волненія и всеобщее неудовольствіе правовѣрнаго населенія смирили гордость эмира Музаффара, и онъ 12 іюня прислалъ къ Кауфману посла съ письмомъ, въ которомъ звучало неподдѣльное отчаяніе. Еще не такъ давно—гордый духовный глава мусульманъ Средней Азіи, теперь эмиръ униженно просилъ принять его капитуляцію со всею арміею и оружіемъ и допустить его до личнаго свиданія съ государемъ, чтобы испросить у него позволенія удалиться въ Мекку.

Но имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 2½ тысячъ войска, изнуреннаго боями и тяжелыми переходами и сообразуясь съ возможностью всеобщаго возстанія враждебно настроеннаго населенія ханства, Кауфманъ не рискнулъ занять Бухару, и миръ съ Музаффаромъ былъ заключенъ на тѣхъ условіяхъ, которыя диктовались покорителемъ Самарканда и побѣдителемъ подъ Зерабулакомъ. Къ Россіи присоединялись округа Самаркандскій и Катта-Курганскій; владѣнія русскаго императора и эмира разграничивались; эмиръ обязывался уплатить въ теченіе года 125 т. тиллей (500 т. рублей золотомъ) и наблюдать, чтобы его приграничные беки не производили разбойничьихъ набѣговъ на русско-подданныхъ.

Изъ отвоеванной у Бухары территоріи былъ образованъ Зарафшанскій округъ; начальникомъ его былъ на-

¹⁾ См. „Русскій Туркестанъ“. Сборникъ, изданный по поводу Политикоэкономической выставки. Вып. третій подъ редакціей В. Н. Троицкаго. Спб. 1872, стр. 198.

значенъ генераль-майоръ Абрамовъ, съ правами губернатора въ отношеніи подчиненія ему военно-народнаго управленія и съ правами командира корпуса по отношенію къ отряду войскъ, оставленному въ его распоряженіи.

7 іюля форсированнымъ маршемъ Кауфманъ вернулся въ Ташкентъ, гдѣ ложные слухи о неудачахъ русскихъ возбудили крайнее броженіе умовъ, и немногочисленная русская колонія уже готовилась ко всѣмъ кровавымъ тягостямъ осады со стороны враждебно настроенныхъ туземцевъ. Доносились слухи о такомъ же враждебномъ настроеніи и со стороны Коканда, но вступленіе въ Ташкентъ побѣдоноснаго русскаго отряда, извѣстія о полномъ разгромѣ могущества бухарскаго эмира все и всѣхъ успокоили, и жизнь быстро пришла въ мирную колею ¹⁾.

Неудачная война съ русскими и неурядица въ собственной семьѣ повели къ тому, что въ ханствѣ эмира Музаффаръ то здѣсь, то тамъ вспыхивали бунты и волненія. Старшій сынъ эмира, Абдуль-Маликъъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Катта-Тюри ²⁾, пользуясь громадною популярностью среди населенія за свою непримиримую ненависть къ русскимъ, поднялъ знамя возстанія противъ своего отца и, опираясь на помощь непокорныхъ бековъ Шахрисабза, былъ во многихъ мѣстахъ провозглашенъ эмиромъ. Музаффаръ былъ объявленъ свергнутымъ съ престола. Восточная часть ханства почти цѣликомъ ускользала изъ-подъ власти Музаффаръ. Тысячи зажигательныхъ прокламацій распространялись въ народѣ, приглашая свергнуть иго тирана, опозорившаго правовѣрный народъ въ неудачной войнѣ съ невѣрными «урусами». Въ это-то тяжелое для эмира Музаффаръ время его колеблющійся тронъ былъ снова поставленъ незыблемо тѣмъ, кого онъ такъ еще недавно считалъ своимъ заклятымъ врагомъ: по распоряженію Кауфмана

¹⁾ См. вышеназванный трудъ г.-л. Терентьева т. I, стр. 472—475.

²⁾ Т.-е. великій князь, великій господинъ, въ переводѣ съ узбекскаго.

начальникъ Зарафшанскаго округа, генералъ Абрамовъ, выступилъ въ октябрѣ 1868 г. съ отрядомъ противъ Катта-Тюри и разбилъ его подъ городомъ Карши. Непокорный сынъ Музаффаръ бѣжалъ въ Шахрисябъ, но тамошніе беки его не приняли, боясь мести со стороны русскихъ. Тогда Катта-Тюрю обратился къ генералу Абрамову съ просьбою примирить его съ отцомъ. Эмиръ Музаффаръ согласился, но Абдулъ-Маликъ, не довѣряя искренности отца, испросилъ позволеніе прибыть въ Самаркандъ. Но по дорогѣ не устоялъ противъ искушенія занять бухарскій городъ Хатырчи, ознаменовавъ вступленіе въ него казнями своихъ противниковъ. Разбитый своимъ отцомъ, Абдулъ-Маликъ нѣкоторое время скитался въ Хивѣ, былъ въ кочевьяхъ закаспійскихъ туркменъ, затѣмъ въ теченіе полугода проживалъ въ Меймене, оттуда переехалъ въ Кабуль и, наконецъ, нашелъ убѣжище въ англо-индійскихъ владѣніяхъ¹⁾.

Пока происходили всѣ эти неурядицы, К. П. Кауфманъ съ разрѣшенія государя находился въ Петербургѣ по дѣламъ службы (съ 8 августа 1868 года по 19 июля 1869 года).

За время его столь продолжительнаго отсутствія въ краѣ не произошло никакихъ особенныхъ событій, если не считать работъ русско-бухарской пограничной комиссіи, установившей границу, да побѣдоносные походы бухарскаго эмира на востокъ ханства, когда полунизависимыя горныя ханства: Гисаръ, Каратегинъ, Денау, Кулябъ и Кабадианъ были присоединены къ Бухарѣ. Подавивъ возстаніе мятежнаго сына, взявъ утраты взятой русскими территоріи расширивъ границы своего ханства приобрѣтеніемъ другихъ обширныхъ и богатыхъ областей, эмиръ Музаффаръ тѣмъ не менѣе все еще питалъ надежду на возвращеніе ему русскими хотя бы Самарканда. Но ни просьбы эмира къ генералъ-губернатору, ни личное обращеніе посла Музаффаръ къ импе-

¹⁾ Скончался въ срединѣ 1909 года въ Пешаверѣ.

ратору Александру II въ Петербургѣ въ 1870 году о возвратѣ завоеванныхъ нами бухарскихъ городовъ вообще и Самарканда въ частности остались безрезультатными. Мало того, побѣдители постарались прочнѣе закрѣпить за собою захваченныя земли путемъ присоединенія къ нимъ обширнаго района, занятаго Зарафшанскими горами, обильнаго минеральными богатствами, но съ суровою и дикою природою и слабо населеннаго свободолюбивыми и полудикими таджиками, извѣстными у равнинныхъ обитателей подъ именемъ «гальчей».

По возвращеніи своемъ изъ Петербурга Клауфманъ весною 1870 года распорядился двинуть въ зарафшанскія горныя области два отряда: одинъ изъ Самарканда подъ начальствомъ генераль-майора Абрамова, другой изъ Ура-Тюбе во главѣ съ полковникомъ Деннетомъ. Трудно проходимыя горныя тропы, головокружительные подъемы и спуски, заоблачныя выси потонувшихъ во мглѣ горныхъ хребтовъ и мрачныя пропасти съ глухо шумящими на днѣ ихъ потоками,—все было преодолено и пройдено славными войсками. Полунезависимые мелкіе владѣтели, какъ, напримѣръ, матчинскій, кштутскій и другіе беки, засѣвшіе въ своихъ повисшихъ надъ стремнинами «курганахъ»¹⁾, одинъ за другимъ сдавались послѣ короткаго сопротивленія. Въ какіе-нибудь два мѣсяца горный зарафшанскій районъ былъ завоеванъ, и его свободолюбивое иранское населеніе, считавшее себя недоступнымъ въ своихъ естественныхъ твердыняхъ, отнынѣ стало считаться русско-подданымъ. Въ административномъ отношеніи присоединенная страна образовала такъ называемые «Зарафшанскіе горные тюмени», управлявшіеся особымъ начальникомъ изъ офицеровъ²⁾.

¹⁾ «Курганомъ» въ горныхъ варѣвяхъ Средней Азии называется укрѣпленіе замокъ, гдѣ во времена независимости жили мѣстные ханы и правители вообще. Курганы дѣлались изъ булыжника, скрѣпленнаго глиною, при чемъ для большей прочности въ стѣнѣ закладывались, въ лежачемъ положеніи, арчевыя бревна. Тяжелыя ворота украшались рѣзбою и иногда оковывались желѣзомъ.

²⁾ Должность начальника надъ зарафшанскими горными тюменями въ 80-хъ годахъ была упразднена и съ того времени изъ административнаго обихода исчезъ и монгольское слово «тюмень» (туманъ), замѣняясь русскимъ «волость».

Въ то время, когда велась эта кампанія, на границахъ Шахрисябза стали появляться разбойничьи шайки, изъ которыхъ одна даже произвела нападеніе на казачью команду. Когда у шахрисябзскихъ бековъ потребовали выдачи разбойниковъ, то Джура-Бія и Баба-Бія отказались исполнить это.

Экспедиція генераль-майора Абрамова и полковника Деннета въ Зарафшанскіе горные тюмени повлекла за собою, до извѣстной степени, занятіе враждебно настроенныхъ къ намъ полунезависимыхъ бековъ Шаара и Кп-таба. Ихъ правители Джура-Бія и Баба-Бія давно уже пользовались у Кауфмана дурной репутаціей. Въ 1868 году, какъ было упомянуто выше, они подступили къ Самарканду и, возмутивъ его жителей, вмѣстѣ съ ними штурмовали цитадель, гдѣ засѣла горсть русскихъ войскъ.

Когда былъ заключенъ мирный договоръ съ Бухарою, Кауфманъ, не желая продолженія войны вообще и желая такъ или иначе обезвредить безпокойныхъ шахрисябзцевъ, призналъ шахрисябзскія владѣнія подвластными бухарскому эмиру, который въ свою очередь обѣщался подчинить себѣ Джура-Бія и Баба-Бія¹⁾. Но Музаффаръ не успѣлъ въ этомъ, и беки безпрестанно возмущали подданныхъ эмира противъ своего повелителя, помогали его непокорному сыну Катта-Тюркъ и довели Музаффара до того, что въ бытность Кауфмана осенью 1869 году въ Самаркандѣ эмиръ прислалъ къ генераль-губернатору довѣренное лицо съ просьбою помочъ наказать ему шахрисябзцевъ за непокорность и выгнать Джура-Бія и Баба-Бія, ибо эмиръ справедливо видѣлъ въ нихъ корень тѣхъ штригъ и происковъ, которые порождали среди жителей смуты и безпорядки и всяческое уклоненіе отъ повиновенія эмиру. Однако по

¹⁾ См. рапортъ Кауфмана (по окружному штабу) военному министру отъ 12 августа 1870 г. за № 6103 въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 143 за 1870 г. («Переписка по поводу экспедиціи генераль-майора Абрамова въ Шахрисябзскія владѣнія»).

отношенію къ русскимъ беки въ это время держали себя такъ безукоризненно, что немедленно исполняли всѣ предъявляемыя къ нимъ требованія по тѣмъ или инымъ недоразумѣніямъ въ торговыхъ дѣлахъ, пропускали караваны, выдавали бѣглыхъ и скрывавшихся у нихъ преступниковъ и вообще выказывали желаніе находиться съ русскими въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ. Въ виду этого Кауфманъ отклонилъ просьбу эмира, хотя въ душѣ склоненъ былъ думать, «что замѣна независимыхъ шахрисябзскихъ бековъ другими, поставляемыми отъ эмира во всякое время, могла только улучшить наше положеніе, укрѣпить мирныя отношенія къ эмиру и возвысить его къ намъ довѣріе»¹⁾.

Такъ продолжалось до экспедиціи генераль-майора Абрамова въ Зарафшанскія горы. Въ это время на границахъ Шахрисябза стали появляться мелкія разбойничьи шайки, грабившія и убивавшія нашихъ подданныхъ. Одна изъ нихъ подъ начальствомъ бѣглаго преступника изъ Самарканда, Айдаръ-Ходжи, напала изъ засады на казачью команду, посланную къ собиравшему на границѣ подати князю Урусову. Двое казаковъ были убиты, трое ранены. На требованіе выдать Айдаръ-Ходжу беки отвѣчали, что шайкою руководилъ не онъ, а другое лицо, и что Айдаръ-Ходжи въ ихъ владѣніяхъ нѣтъ. На дальнѣйшія письма и требованія Абрамова отъ имени Кауфмана Джура-Бій и Баба-Бій ничего не отвѣчали. Дерзость пограничныхъ шаекъ въ то же время увеличивалась. Шахрисябзцы не довольствовались уже сборомъ податей съ нашихъ пограничныхъ кишлаковъ и угономъ ихъ стадъ, предводители шаекъ стали требовать возвращенія Шахрисябзу пограничныхъ кишлаковъ; грабежи и убійства все чаще повторялись въ средѣ жителей Зарафшанскаго округа; волненія среди пограничнаго сельскаго населенія стали общимъ явленіемъ. Не видя обезпеченія своей безопасности, жители громко

¹⁾ Ibidem.

указывали на шахрисябцевъ, какъ на виновниковъ ихъ бѣдствій; взносъ податей остановился, пограничные кишлаки опустѣли¹⁾. Все это до известной степени наводило на мысль, что шахрисябцы рассчитываютъ на поддержку и матеріальную помощь извнѣ. И главному начальнику края вспоминались слова эмира Музаффаара, переданныя черезъ посла въ Самаркандѣ, что между беками Шахрисяба и афганскимъ эмиромъ Ширъ-Али существуетъ особое соглашеніе, о которомъ было недавно заявлено эмиру кабульскимъ посланникомъ²⁾. Тогда на это заявленіе Кауфманъ не обратилъ особаго вниманія.

Ввиду всего этого Кауфманъ рѣшилъ наказать шахрисябцевъ быстрымъ и неожиданнымъ движеніемъ въ глубь ихъ страны, овладѣть Шааромъ и Китабомъ, изгнать оттуда Джура-Бія и Баба-Бія и пригласить эмира принять страну въ свои владѣнія. Для похода было выбрано такое время, когда мѣстные жители занимаются уборкою хлѣба и потому бекамъ невозможно въ это время собрать значительныя силы для защиты страны. До самаго момента выступленія въ походъ приготовленія къ нему держались въ строжайшемъ секретѣ. 7-го августа 1870 года по приказанію Кауфмана главный отрядъ численностью до 1300 человекъ при 6 орудіяхъ выступилъ въ Шахрисябъ изъ Самарканда подъ начальствомъ начальника Зарафшанскаго округа, генераль-майора Абрамова; черезъ три дня выступилъ туда же второй вспомогательный отрядъ во главѣ съ полковникомъ Соковнинымъ (до 600 человекъ)³⁾. Все произошло такъ, какъ предполагалось. Занятое полевыми работами, совершенно неожиданное прихода русскихъ, населеніе могло только выставить противъ русскихъ около восьми тысячъ солдатъ. 11 августа наши войска подступили къ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ См. письмо генераль-адъютанта Кауфмана къ директору азіатскаго департамента, тайному совѣтнику Стрелюхову, отъ 16 августа 1870 г. за № 4059 въ томъ же дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 143/1870 года

³⁾ См. вышеназванный рапортъ Кауфмана (по окружному штабу) военному министру.

Шаару и Китабу, двумъ укрѣпленнымъ городамъ Шахрисябза, смежно расположеннымъ и заключеннымъ въ одну общую стѣну. Послѣ упорнаго боя и штурмовъ въ теченіе 12, 13 и 14 августа Китабъ и Шааръ сдались на милость побѣдителей и Абрамовъ, принявъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности, объявилъ шахрисябзскія земли принадлежащими бухарскому эмиру. Джура-Бій и Баба-Бій съ кучкою родственниковъ и приближенныхъ бѣжали по направленію въ Кокандъ.

Характерно, что въ то время, когда подъ стѣнами Шаара и Китаба гремѣли орудійные выстрѣлы, лилась кровь нападающихъ и защитниковъ и рѣшалась судьба свободолюбиваго Шахрисябза, генераль Кауфманъ посылалъ въ Петербургъ свои донесенія военному министру и директору Азіатскаго департамента о своемъ намѣреніи предпринять походъ въ Шахрисябзъ...

Спустя три недѣли послѣ занятія нами Шахрисябза, когда результаты экспедиціи Абрамова стали извѣстны въ Ташкентѣ во всѣхъ деталяхъ, Кауфманъ закрѣпилъ актъ передачи Шахрисябза эмиру Музаффару особымъ письмомъ отъ 28 августа.

Занятіе бухарцами Шахрисябза обошлось безъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ на Востокѣ жестокихъ расправъ съ населеніемъ, вѣроятно, вслѣдствіе упомянутаго письма Кауфмана эмиру. И разбѣжавшіеся жители городовъ и пригородныхъ кишлаковъ стали возвращаться на свои мѣста, скоро во всемъ Шахрисябзѣ воцарилось спокойствіе ¹⁾).

Сдавъ города бухарскимъ ставленникамъ, генераль Абрамовъ, по приказанію Кауфмана, съ небольшимъ отрядомъ двинулся вторично въ Зарафшанскія горы, гдѣ оставались еще независимыми Магіанское и Фарабское бекства. Фарабъ и Магіанъ были присоединены къ про-

¹⁾ См. письмо начальника Зарафшанскаго округа генераль-маіора Абрамова къ Кауфману отъ 1 сентября 1870 г. за № 70 въ томъ же дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора.

чимъ тюменямъ Зарафшанскаго округа, а бѣжавшіе было при приближеніи русскихъ ихъ правители добровольно явились потомъ съ повинною въ Самаркандъ.

Вся экспедиція по занятію Шахрисябза обошлась въ 8.913 руб. 24½ коп.; сумма эта была употреблена изъ доходовъ Зарафшанскаго округа, которые Кауфману высочайшею властью было разрѣшено употреблять въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, безъ отчета, на благоустройство края. Въ число этихъ денегъ была зачтена военная добыча въ видѣ 1.408 бухарскихъ батмановъ ¹⁾ рпса, принадлежавшаго Джура-Бію и проданнаго за 6.463 рубля ²⁾.

Джура-Бій и Баба-Бій чрезъ дикую горную страну, раздѣляющую верховья Кашка-Дарьи отъ Ферганской долины, пробирались въ Кашгаръ, но кокандскій ханъ Худояръ послалъ войско, чтобы задержать ихъ. Беки были схвачены около Махрама и Худояръ-ханъ, чтобы доказать свою дружбу къ русскому правительству, приказалъ ихъ отправить плѣнниками въ Ходжентъ.

...«Дѣйствительно, шахрисябзскіе беки и народъ ихъ постоянно волновались и беспокоили ваши владѣнія, посылая людей для грабежа; вы же долгое время терпѣли все это. Но, наконецъ, они получили надлежащее наказаніе за ихъ безчинства и проступки. Всякій замышляющій дурное получить, наконецъ, достойное возмездіе за свои поступки». Писалъ по поводу шахрисябзскихъ бековъ Худояръ-ханъ «высокостепенному другу своему, туркестанскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту Константину Петровичу фонъ-Кауфману» ³⁾.

Нѣкоторое время Джура-Бій и Баба-Бій проживали въ Той-Тюбе, откуда подавали Кауфману чрезъ дипломатическаго чиновника разныя прошенія, подчеркивая,

¹⁾ Батманъ бухарскій равняется восьми пудамъ.

²⁾ См. письмо генераль-маіора Абрамова отъ 12 сентября 1870 г. къ Кауфману и его же рапортъ ему же отъ 11 марта 1871 г. за № 970 въ томъ же дѣлѣ.

³⁾ См. оригиналъ письма Худояръ-хана, на узбекскомъ нарѣчій, отъ 11 Джемади-ус-Сани 1887 г. (1868) въ томъ же дѣлѣ канцеляріи генераль-губернатора.

что они находятся «подъ покровительствомъ генераль-губернатора и въ его великой милости. Это для насъ великое счастье; до гроба жизни мы не можемъ отблагодарить его за это» ¹⁾).

Поистинѣ достойные послѣдователи старинной турецкой поговорки: «руку, которую ты не можешь отрѣзать, цѣлуй!»

Одаренные, особенно Джура-Бій, умомъ воспримчивымъ и острымъ, они быстро впослѣдствіи сблизились съ русскимъ обществомъ Ташкента и возымѣли желаніе войти въ него равноправными и полезными членами. Когда началась война съ Кокандскимъ ханствомъ, беки просили Кауфмана разрѣшить имъ принять участіе въ походѣ. Въ отрядѣ Скобелева они успѣли отличиться и по ходатайству генераль-губернатора въ 1876 году Александръ II приказалъ зачислить Джура-Бія подполковникомъ русской военной службы, а Баба-Бія майоромъ ²⁾).

Беки потомъ долго жили въ Ташкентѣ, получая пенсію отъ русскаго правительства и бухарскаго эмира. Первое давало имъ ее за службу въ рядахъ русской арміи, второй уплачивалъ субсидію за то, что принадлежавшая когда-то бекамъ ихъ родовая Шахрисябзская провинція безъ пролитія капли бухарской крови стала достояніемъ Бухары. Ихъ своеобразныя фигуры долго еще послѣ героическаго періода края выдѣлялись на общемъ фонѣ сѣрой захолустной ташкентской жизни. Атлетическая, массивная фигура Джура-Бія вполне гармонировала съ его недюжиннымъ природнымъ умомъ, изощреннымъ сложными перипетіями жизни и силой характера; его справедливость и необыкновенное самообладаніе снискали ему общес уваженіе русскихъ и туземцевъ. Полный же брюнетъ, росту выше средняго, Баба-Бій слылъ въ средѣ

¹⁾ См., напримѣръ, письмо Баба-Бія г. Струве отъ 1 ноября 1871 г. въ дѣлѣ № 2, 1871 г., канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора.

²⁾ См. некрологъ «Генераль-майоръ Джура-Бекъ» въ № 17 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1906 годъ.

мѣстныхъ туземцевъ и русскаго населенія за честнѣйшаго, отзывчиваго и безконечно добраго чловѣка. Въ чинѣ полковника онъ умеръ въ 1898 году. Джура-Бій пережилъ его на восемь лѣтъ: въ началѣ 1906 года онъ трагически погибъ, убитый у себя въ домѣ при загадочныхъ обстоятельствахъ ¹⁾.

Смерть этихъ бековъ была заключительнымъ актомъ въ старинной враждѣ знатнаго шахрисябзскаго турецкаго рода Кинагазъ съ бухарской династіей Мангытъ и отнынѣ безмятежный покой бухарскихъ эмировъ уже не тревожитъ призракъ мятежныхъ феодаловъ ²⁾.

Въ слѣдующемъ 1871 году состоялось занятіе Кульджи при слѣдующихъ, предшествующихъ этому событію, обстоятельствахъ.

Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда вниманіе китайскаго правительства было отвлечено возстаніемъ тайпинговъ, въ западныхъ провинціяхъ Китая, предложенныхъ собственной участи, деспотизмъ и произволъ манчжурскихъ чиновниковъ, поборы и притѣсненія дошли до крайней степени. Глухой ропотъ и недовольство сдерживалось до 1863 года, когда, наконецъ, общее раздраженіе переполнило чашу терпѣнія угнетенныхъ и разразилось открытымъ возмущеніемъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ весь край къ западу отъ провинціи Гань-су фактически перешелъ изъ-подъ власти китайскаго правительства подъ власть инсургентовъ. При этомъ мятежъ, начавшись въ округѣ Урумчи и другихъ земляхъ провинціи Гань-су, быстро охватилъ Илійскую область и Восточный или Китайскій Туркестанъ, получивъ

1) См. объ этомъ въ № 16 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1906 годъ (въ отдѣлѣ «Мѣстныхъ Извѣстій»), затѣмъ корреспонденцію изъ Ташкента въ одномъ изъ февральскихъ №№ газеты «Асхабадъ» за тотъ же годъ. Сообщенная офиціознымъ «С.-Петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ» въ телеграммахъ въ русскія и иностранныя газеты, эта корреспонденція обратила на себя большое вниманіе.

2) О причинахъ возникновенія этой вражды см. интересную статью В. В. «Раджабъ-Ханъ» *) въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» за 1903 г., № 35.

*) Раджабъ-ханъ былъ также одинъ изъ правителей Шахрисябза, правившій Яка-Багомъ во времена Джура-Бія и Баба-Бія.

въ каждой изъ этихъ странъ свой особый мѣстный характеръ.

Первыми зачинщиками возстанія являлись такъ наз. дунгане или дунгени, мусульманское население провинціи Гань-су; къ нимъ впоследствии присоединился всякій сбродъ ссыльныхъ, поселенныхъ вдоль военной дороги, ведущей изъ Гань-су въ область Или. Въ Илійской области дунгане нашли союзниковъ въ единовѣрныхъ имъ таранчахъ, когда-то насильственно переселенныхъ изъ Алтышаара и занимавшихъ до послѣднихъ событій полурабское положеніе въ краѣ. Общая ненависть къ китайцамъ и стремленіе облегчить свою участь соединили дунганъ и таранчей; но скорѣ между ними началась борьба за преобладаніе, кончившаяся тѣмъ, что дунгане принуждены были уступить, и съ 1867 г. въ Илійской области стали господствовать таранчи.

Какъ въ Джунгаріи, такъ и въ Или, революція шла снизу вверхъ, поднятая забытымъ, отверженнымъ классомъ общества; совсѣмъ при иныхъ условіяхъ она проявилась и организовалась въ Китайскомъ Туркестанѣ.

Китайское правительство, несмотря на свое всегдашнее умѣнье постепенно, посредствомъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ, подчинить своему деспотическому вліянію отдаленныя земли, никогда не могло окончательно укрѣпиться въ Туркестанѣ. Въ немъ безпрерывно вспыхивали возмущенія, во главѣ которыхъ обыкновенно стояли «ходжи», потомки прежнихъ владѣтелей изъ рода Мухаммеда, разжигавшіе въ населеніи религіозный фанатизмъ и національную ненависть къ китайцамъ. Подобныя возмущенія, затѣвавшіяся большею частью не во-время и безъ опредѣленнаго плана, до сего времени легко подавлялись; такая участь, напримѣръ, постигла въ 1825 г. возстаніе Жангира, потомка кашгарскихъ ходжей, и слѣдовавшія затѣмъ возстанія 1829, 1847 и 1857 годовъ. Наконецъ, возстаніе дунганей въ 1863 году послужило сигналомъ общаго движенія въ Китайскомъ Туркестанѣ.

Въ то время, когда сѣверная часть этого Туркестана под-

пала подъ власть дунганей, въ Кашгарѣ и другихъ западныхъ провинціяхъ утвердился талантливый и энергичный выходецъ изъ Коканда, Якубъ-бекъ. Появленіе его здѣсь произошло вслѣдствіе того, что кокандскій Худояръханъ задумалъ отнять у китайцевъ Алтышааръ, воспользовавшись смутами въ Китайскомъ Туркестанѣ; съ этою цѣлью онъ послалъ въ Кашгарію бывшего коменданта Акъ-Мечети, Якубъ-бека, съ отрядомъ войска, подъ предлогомъ возстановленія тамъ власти ходжей въ лицѣ нѣкоего Бузрукъ-хана. По прибытіи въ Кашгаръ, Якубъ-бекъ, дѣйствуя именемъ Бузрукъ-хана, скоро достигъ быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ, а затѣмъ, заключивъ хана въ тюрьму, сдѣлался полновластнымъ обладателемъ Кашгаріи, почти независимымъ отъ Китая и Коканда. Съ замѣчательнымъ постоянствомъ и настойчивостью Якубъ-бекъ стремился къ осуществленію развѣ намѣченной цѣли, — сдѣлаться независимымъ государемъ Западнаго Китая; упрочивши свое положеніе въ этой странѣ, организовавъ сравнительно хорошо дисциплинированную вооруженную силу, заручившись на первое время добрыми отношеніями къ таранчамъ, Якубъ-бекъ вытѣсняетъ дунганей изъ сѣверной части Китайскаго Туркестана, послѣдовательно беретъ одинъ за другимъ города: Учъ, Аксу, Бай, Сайрамъ, Куча, Карашааръ и, наконецъ, перенесъ свое оружіе въ самый центръ дунганскаго возстанія, занимаетъ Турфанъ и Хаши (Кумюль). Такъ что къ 1871 году Якубъ-бекъ являлся владѣтелемъ не только всего Китайскаго Туркестана, но и обширныхъ земель къ востоку, вплоть до провинціи Гань-су.

Съ самаго начала возстанія тогдашнее наше правительство рѣшило придерживаться принципа полного невмѣшательства въ дѣла Западнаго Китая и эта воздержанность въ первое время доходила до того, что нашимъ пограничнымъ отрядамъ, выставленнымъ мѣстами на самой границѣ, было строжайше воспрещено переходить эту границу по какой бы то ни было причинѣ, такъ что отряды

не имѣли права даже преслѣдовать разбойничьи шайки, являвшіяся для угона стадъ и грабежа нашихъ подданныхъ и дерзавшій даже нападать на самые отряды. II, на примѣръ, боруходзирскій отрядъ долженъ былъ въ январѣ 1867 г. спокойно смотрѣть, не смѣя подать помощи, на поголовное истребленіе таранчами населенія пограничныхъ китайскихъ городовъ, изъ которыхъ ближайшій—Тургень, отстоялъ всего на три версты отъ отряда. II такое пассивное отношеніе къ кровавымъ событіямъ въ западномъ Китаѣ продолжалось съ нашей стороны въ теченіе восьми лѣтъ!

Результатами подобнаго невмѣшательства были: 1) образованіе въ восточномъ Туркестанѣ сильнаго и непріязненнаго намъ мусульманскаго государства подъ главенствомъ Якубъ-бека; 2) полное паденіе нашего престижа въ восточномъ Туркестанѣ, гдѣ русскіе чиновники и агенты бѣжали изъ мѣстъ, занятыхъ дунганамі¹⁾, гдѣ русскихъ людей безнаказанно умерщвляли, а имущество русско-подданныхъ грабили и расхищали тѣ же инсургенты, гдѣ, наконецъ, на глазахъ русскихъ отрядовъ истреблялись мятежомъ цѣлыя поселенія дружественной державы, Китая, и 3) обостреніе отношеній съ Китаемъ, такъ какъ при началѣ возстанія китайское правительство рассчитывало на извѣстное содѣйствіе къ усмиренію этого возстанія, но, несмотря на самыя настоятельныя, самыя униженныя просьбы китайскихъ генераловъ, мы отказали имъ въ помощи, запретивъ при этомъ продавать хлѣбъ въ Кульджу населенію, умирающему отъ голода, и допустивъ сверхъ того въ Вѣрномъ продажу плѣнныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы не могли остановить перекочевокъ нашихъ подданныхъ въ Китай, гдѣ они вмѣстѣ съ мятежниками принимали участіе въ разграбленіи китайскихъ городовъ и селеній.

Подобная наша политика «непротивленія злу» въ

¹⁾ Дошло дѣло, на примѣръ, до того, что дунгане напали даже на консульство въ Улясутаѣ и разграбили его, консулъ же съ прочими русскими едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

отношеніи упомянутыхъ событій въ Западномъ Китаѣ повела также къ тому, что наша до того весьма оживленная торговля съ западнымъ Китаемъ почти прекратилась, и мы, приобретя пекинскимъ договоромъ 1862 г., право имѣть торговыя факторіи въ Кашгарѣ, этимъ правомъ не могли воспользоваться вслѣдствіе смуты и неурядицъ въ этой странѣ. II Якубъ-бекъ скоро присвоилъ себѣ исключительное право торговать заграничными товарами, насильно заставляя нашихъ купцовъ продавать ихъ въ большой убытокъ себѣ, по цѣнѣ, назначенной имъ, а ихъ товары изъ Коканда въ Кашгаръ Якубъ-бекъ совершенно запретилъ пропускать изъ вражды къ Худояръ-хану¹⁾.

Всѣ эти обстоятельства въ связи съ постоянными указаніями военныхъ губернаторовъ Семипалатинской и Семирѣченской областей, энергично поддерживаемыхъ Кауфманомъ, на невозможность дальнѣйшаго безучастнаго отношенія къ событіямъ въ Восточномъ Туркестанѣ повели къ тому, что въ Петербургѣ 20 апрѣля 1871 года было созвано особое совѣщаніе, подъ предѣлательствомъ военнаго министра Милютина, при участіи представителей отъ туркестанскаго генераль-губернатора и генераль-губернатора Западной Сибири. На этомъ совѣщаніи было рѣшено не оставаться «безучастными къ совершающимся въ сосѣдней странѣ событіямъ и что, напротивъ, весь вредъ, причиняемый ими въ теченіе семи лѣтъ нашему политическому значенію и торговлѣ дѣлаетъ вмѣшательство наше въ дѣло Западнаго Китая въ самомъ близкомъ времени неизбежнымъ». Исходя изъ этого, совѣщаніе постановило «прибѣгнуть къ вооруженному движенію въ центръ Дунганскаго района», занявъ на первое время два главныхъ пункта этого района: Кульджу и Урумчи. Съ этою цѣлью было предположено двинуть въ этомъ

1) См. записку военнаго губернатора Семипалатинской области, генераль-майора Полторацкаго, о событіяхъ въ Западномъ Китаѣ въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора, № 33 (1871 г.): «Относительно мѣръ, какія слѣдуетъ принять намъ по отношенію къ мусульманскому возстанію въ Монголіи и западномъ Китаѣ».

направленіи два отряда: одинъ со стороны Зайсана, а другой — изъ Семирѣчья. Вмѣстѣ съ этимъ совѣщаніе проектировало не устанавливать своей администраціи въ занятыхъ нами пунктахъ, но передать ихъ тотчасъ же китайскимъ сановникамъ, которые будутъ сопровождать военные отряды. По возстановленіи въ странѣ китайскаго владычества войска наши должны были быть выведены изъ предѣловъ Китая. Эти соображенія совѣщанія были 27 апрѣля 1871 года утверждены императоромъ Александромъ II-мъ¹⁾.

Это было тѣмъ болѣе во-время, что грабежи на границахъ Кульджи и Семирѣчья киргизъ достигли апогея и всѣ мирныя усилія генераль-лейтенанта Колпаковского, военного губернатора Семирѣченской области, воздѣйствовать на правительство таранчей въ цѣляхъ прекращенія кульджинскими киргизами ежедневныхъ грабежей и убійствъ нашихъ подданныхъ не повели ни къ чему. Кульджинскій правитель, Султанъ-Ханъ-Аля-Ханъ, или на языкѣ официальныхъ документовъ того времени—Абиль-огля²⁾, былъ глухъ ко всякимъ просьбамъ и даже совершенно воспретилъ въ Кульджу доступъ русскому купечеству³⁾.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ еще прежде, чѣмъ въ Ташкентѣ было получено рѣшеніе нашего правительства занять Кульджу, на границахъ Семирѣченской области уже начались оживленныя схватки нашихъ пограничныхъ отрядовъ съ таранчами; однако общее и

¹⁾ См. копію протокола совѣщанія отъ 20 апрѣля 1871 года въ томъ же дѣлѣ канцеляріи № 33. 1871 года.

²⁾ Онъ былъ таранчинецъ и принадлежалъ къ роду ходжей, предки его еще до джунгарскаго (калмыцкаго) владычества играли значительную роль въ Илійской долинѣ. Абиль-Оглы вступилъ на престола 44 лѣтъ, въ 1866 г., послѣ паденія китайской Кульджи (Хой-юань-ченъ) отъ мятежниковъ (см. дѣло канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора, № 222 1872 г. «Материалы для исторіи кульджинскаго ханства и его правителей»).

³⁾ См. письмо генераль-лейтенанта Колпаковского военному губернатору и командующему войсками Семипалатинской области, генераль-маіору В. А. Полторацкому, отъ 11 февраля 1871 г., № 752 въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора. № 18. 1871 г. («О занятіи Кульджи, торговлѣ и сношеніи съ западнымъ Китаемъ»).

рѣшительное наступленіе всѣхъ нашихъ силъ къ Кульджѣ Кауфманъ предписалъ начать Колпаковскому 12 іюня. Послѣдовавшіе затѣмъ довольно упорные бои таранчей кончились ихъ разгромомъ, и 21 іюня кульджинскій султанъ Абиль-Огль, встрѣтивъ генерала Колпаковскаго въ 12 верстахъ отъ своей столицы, сдался на милость побѣдителя. А на слѣдующій день состоялся торжественный въѣздъ Колпаковскаго вмѣстѣ съ Абиль-Оглемъ въ городъ Кульджу.

Кауфманъ получилъ объ этомъ извѣстіе 2 іюля 1871 года и на слѣдующій день отправилъ по поводу сего письменныя сообщенія: начальнику Зарафшанскаго округа, генералу Абрамову, эмиру бухарскому и хану кокандскому. Послѣднія письма были одного и того же содержанія, въ нихъ, между прочимъ, говорилось:

«... До тѣхъ поръ, пока таранчи, ближайшіе наши сосѣди по Семирѣченской области, жили мирно и не беспокоили нашей границы, я терпѣлъ ихъ существованіе, не желая затѣвать войны. Но когда въ настоящее время султанъ кульджинскій сталъ явно дѣйствовать недружелюбно къ намъ, принимая у себя бѣжавшихъ отъ насъ воровъ и пзмѣнниковъ и покровительствуя безпорядкамъ между пограничными киргизами, то я былъ вынужденъ послать противъ него войска для усмиренія и наказанія непокойнаго сосѣда»¹⁾.

Характерный и знаменательный стиль для почти всемогущаго ярымъ-падшаха (полу-царя) Средней Азии, каковымъ считался Кауфманъ!

Вся кульджинская экспедиція обошлась въ 65 тыс. рублей, и Кауфманъ для пополненія этого расхода, впрелъ до утвержденія государя, наложилъ на мятежныхъ таранчей и киргизъ контрибуцію по 3 рубля со двора осѣдлыхъ и съ кибитки кочевыхъ²⁾.

¹⁾ См. дѣло канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора, № 123/1871 г. («Письма къ бухарскому эмиру и кокандскому хану о покореніи Кульджи»).

²⁾ См. донесеніе генерала Кауфмана военному министру отъ 13 сентября 1871 г., № 8138, въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора, № 18/1871—1872 г.г. («О занятіи Кульджи, торговля и сношенія съ Западнымъ Китаемъ»).

Ближайшее знакомство съ занятою нами провинціей показало Кауфману, посѣтившему Кульджу вскорѣ по ея покореніи въ цѣляхъ ознакомленія съ нею и съ обстоятельствами кампаніи, что для сохраненія въ ней спокойствія тамошняя власть должна обладать внушительной силой. Между тѣмъ у китайскаго правительства, которому предполагалось передать сейчасъ же Кульджу, этой силы и не было. И плійскій цзянь-цзюнь-жунь, ведшій по уполномочія своего правительства переговоры съ генераломъ Колпаковскимъ (представителемъ со стороны туркестанскаго генераль-губернатора) и полковникомъ Богуславскимъ (представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ) не могъ дать никакихъ гарантій за сохраненіе спокойствія населенія, такъ какъ у китайцевъ совершенно не было войскъ, чтобы держать край въ повиновеніи и переговоры пришлось прекратить.

Вынесенныя въ свое время Кауфманомъ личныя впечатлѣнія изъ обозрѣнія Кульджи, что возвращеніе этого края китайцамъ можетъ повлечь за собою новую, быть можетъ болѣе страшную рѣзню, нашли себѣ подтвержденіе и въ впечатлѣніяхъ генераль-майора Богуславскаго, проѣхавшаго всю Плійскую долину. Въ своихъ донесеніяхъ князю-канцлеру, военному министру и туркестанскому генераль-губернатору ¹⁾ онъ подчеркивалъ ту страшную ненависть дунганъ и таранчей къ манчжурскому правительству, при которой не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи Кульджи Китаю.

Въ результатѣ китайцамъ было обѣщано возвратить Кульджу тогда, когда они окажутся достаточно сильными, чтобы справиться съ положеніемъ дѣлъ въ мятежной провинціи. И передача Кульджи китайцамъ, какъ извѣстно, состоялась черезъ десять лѣтъ.

Съ паденіемъ Кульджи Якубъ-бекъ, устрешенный наступательнымъ движеніемъ русскихъ и встревоженный положеніемъ дѣлъ въ провинціяхъ Гань-Су и Шань-Си,

¹⁾ См. письмо генераль-майора Богуславскаго къ туркестанскому генераль-губернатору отъ 21-го мая 1872 г. въ томъ же дѣлѣ.

стать заботиться объ упроченіи своего положенія. Укрѣпленіе города Акъ-Су и снаряженное имъ посольство въ Англо-Индійскія владѣнія были первыми шагами въ этомъ родѣ.

Образованіе изъ Кашгара независимаго мусульманскаго государства давно уже тревожило Ташкентъ и Кауфманъ предложилъ Худояръ-хану, опираясь на русскую силу, занять Кашгаръ, но кокандскій ханъ, справедливо опасаясь успѣховъ «счастливаго авантюриста», не рискнулъ на борьбу съ своимъ бывшимъ подданнымъ. Въ виду этого Кауфманъ отказался отъ дальнѣйшаго воздѣйствія на Худояръ-хана въ упомянутомъ смыслѣ и рѣшилъ вступить съ Якубъ-бекомъ въ непосредственныя сношенія мирнаго характера, тѣмъ болѣе, что дѣлая шагъ къ сближенію съ Якубъ-бекомъ, К. П. Кауфманъ высказалъ только снисходительность, свойственную силѣ.

Во главѣ миссіи, отправленной Кауфманомъ къ «бадаuletу» кашгарскому ¹⁾ стоялъ капитанъ генеральнаго штаба Каульбарсъ, зарекомендовавшій себя исполненіемъ до того важныхъ порученій, остальные члены были — геодезистъ капитанъ Шаригорстъ и купецъ Колесниковъ. Инструкціи, данныя Каульбарсу Кауфманомъ, сводились къ тому, чтобы склонить Якубъ-бека подписать условія, тождественныя съ заключенными договорами съ Кокандомъ и Бухарою, собрать свѣдѣнія о торговлѣ Кашгара и т. п.

Несомнѣнно, что предшествующій разгромъ Коканда, Бухары и недавнее взятіе Кульджи, протекшее въ глазахъ Якубъ-бека, повліяли на послѣдняго и заставили его принять предложенныя ему посольствомъ условія о свободной торговлѣ. Мирнолюбивое сближеніе съ владѣтелемъ Кашгара удостоилось въ 1872 г. высочайшаго одобренія. И генераль Кауфманъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 14-го ноября 1872 г. о поли-

¹⁾ Бадаuletъ—счастливый; титулъ, принятый Якубъ-бекомъ.

тинкѣ, которой мы должны слѣдовать по отношенію къ Китаю и сопредѣльнымъ съ Туркестаномъ ханствамъ ¹⁾, справедливо высказывалъ соображенія, что если Якубъ-бекъ будетъ свято исполнять заключенныя съ нимъ условія и не предпринимать никакихъ вызывающихъ дѣйствій по отношенію къ намъ, «то намъ нечего пока беспокоиться изъ-за успѣховъ его по направленію къ Урумчи».

Однако исконная соперница Россіи—Англія—не дремала, и въ слѣдующемъ году, именно 11-го декабря 1873 г., Якубъ-бекъ торжественно принималъ у себя большую экспедицію Форсайта, привезшую много подарковъ и обѣщаній «бадаулету». Въ числѣ первыхъ было нѣсколько тысячъ ружей, въ которыхъ такъ нуждался властитель Кашгара. Богатство англичанъ, ихъ представительство, дорогіе подарки и обѣщанія слѣлали свое дѣло и Якубъ-бекъ вскорѣ наложилъ на русскую торговлю такія же стѣсненія, которыя существовали до заключеннаго имъ съ Кауфманомъ договора 1872 года. По-прежнему стали практиковаться захватъ товаровъ, арестъ нашихъ купцовъ и т. п. Въ слѣдующемъ 1874 г. Якубъ-бекъ заключилъ съ Форсайтомъ формальный договоръ, при чемъ, почти одновременно съ этимъ, Якубъ-бекъ завязалъ также дружественныя сношенія съ турецкимъ султаномъ, который далъ Якубъ-беку титулъ «эмира» и прислалъ даже особое посольство, результа-

¹⁾ Докладъ этотъ былъ врученъ К. П. Кауфманомъ въ ноябрѣ 1872 г. въ Петербургѣ князю-кандлеру и послужилъ предметомъ обсужденія въ особомъ засѣданіи подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора Александра II. (См. дѣло канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора № 7—1872 г. «О политикѣ, которой мы должны слѣдовать по отношенію къ Коканду, Хивѣ, Кашгару и Китаю»).

Въ этомъ замѣчательномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о вышнихъ событіяхъ за время своего пятилѣтняго управленія Туркестаномъ К. П. Кауфманъ подробно развилъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе средне-азиатскихъ ханствъ и на вытекающія къ нимъ отношенія Россіи. Предположенія генерала Кауфмана, высказанныя въ этомъ докладѣ, какъ извѣстно, удостоились высочайшаго одобренія: кокандскому хану, заключавшему въ 1872 г. съ нами торговый договоръ, былъ пожалованъ титулъ «свѣтлости» при особомъ рескриптѣ, Зарафшанскій округъ былъ окончательно присоединенъ къ Россіи, Самаркандъ было рѣшено не отдавать Бухарѣ, съ Бухарою въ слѣдующемъ году былъ заключенъ дружескій договоръ на условіяхъ, продиктованныхъ Кауфманомъ, и была рѣшена участь Хивы.

томъ чего явился протекторатъ Турціи надъ Кашгаромъ. Вскорѣ появились въ обращеніи кашгарскія монеты, гдѣ наряду съ именемъ Якубъ-бека стояло имя турецкаго султана Абдуль-Азиза, какъ суверена Кашгара.

Въ то время, когда туркестанскій генераль-губернаторъ принималъ столь активное участіе въ дѣлахъ Западнаго Китая, назрѣвали важныя событія и на западѣ нашихъ владѣній въ Средней Азій.

Не смотря на то, что почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Ташкентъ, Кауфманъ написалъ хивинскому хану Сейидъ-Мухаммедъ-Рахиму письмо, въ которомъ извѣщалъ хана о своемъ назначеніи и прибытіи въ туркестанскій край, о высочайшемъ полномочіи, о движеніи нашего отряда къ р. Сыръ-Дарьѣ для наказанія хивинскихъ разбойниковъ и т. п. Но письмо это, какъ выше было упомянуто, осталось безъ отвѣта и лишь въ слѣдующемъ году (въ февралѣ 1868 г.) хивинскій кушъ-беги отвѣтилъ генераль-адъютанту Кауфману письмомъ (самъ ханъ не считалъ нужнымъ этого сдѣлать), по тону весьма не деликатнымъ. Въ этомъ письмѣ указывалось туркестанскому генераль-губернатору, какую политику должна преслѣдовать Россія по отношенію къ Хивѣ. Съ весны же 1869 г., когда вводилось новое положеніе среди оренбургскихъ киргизовъ, съ злымъ умысломъ по-своему перетолкованное киргизамъ ихъ султанами и уфимскими муллами, возникли извѣстные безпорядки въ Тургайской и Уральской областяхъ. Имъ воспользовалась и Хива, на которую не произвели, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія ни разгромъ Бухары, ни пораженія кокандцевъ. Среди киргизовъ стали распространяться прокламаціи хана; по степи разъѣзжали хивинскіе эмиссары, подстрекавшіе киргизовъ къ активнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ; появились даже небольшіе хивинскіе отряды. Все это привело наконецъ къ кровавой развязкѣ: степь заволновалась и въ мартѣ 1870 г. киргизы-адаевцы открыто возстали противъ русскихъ. Къ нимъ затѣмъ примкнули и другіе роды.

Отовсюду стали получаться извѣстія о разграбленіи почтовыхъ станцій, объ угонѣ конскихъ табуновъ изъ-подъ самыхъ нашихъ укрѣпленій; торговые караваны грабились, наши кушцы убивались или брались въ плѣнъ. Оренбургскому генералъ-губернатору киргизы ставили совершенно неприемлемыя условія: дать имъ особаго муфтія, назначить для нихъ уѣздныхъ начальниковъ изъ мусульманъ, освободить ихъ отъ новыхъ податей, предоставить право совершенно свободныхъ и ничѣмъ не стѣсняемыхъ перекочевокъ и т. п.

Все это не замедлило найти живой откликъ и на границахъ Туркестана и Хивы. Начались и здѣсь нападенія на почтовые станціи, угонъ верблюдовъ, грабежи и разбои, похищенія людей и отводъ ихъ въ Хиву въ качествѣ плѣнниковъ.

Не желая сразу прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, генералъ Кауфманъ пытался было вразумить хивинскаго хана письмами, изъ коихъ одно (отъ 20-го сентября 1869 г.) заключало весьма недвусмысленную фразу: «если ваше высокостепенство не пожелаете исполнить мои справедливыя требованія, то, въ случаѣ разрыва дружбы между нами, тяжело будетъ честнымъ людямъ расплачиваться за разбойниковъ».

Письма остались безъ отвѣта, а нарочный, возившій ихъ, былъ задержанъ въ Хивѣ и посаженъ подъ арестъ ¹⁾.

Понимая, что въ концѣ-концовъ безъ войны съ Хивою нельзя будетъ обойтись, Кауфманъ обратилъ свои взоры къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, и его проницательный умъ остановился на необходимости скорѣйшаго созданія на этихъ берегахъ такого русскаго пункта, который бы по своему выгодному положенію послужилъ, во-первыхъ, къ развитію и установленію прочныхъ торговыхъ сношеній между Россіей и полудикими и воинственными туркменскими племенами, а во-вто-

¹⁾ См. Терентьева, Россія и Англія въ Средней Азіи. С.-Петербургъ. 1875, стр. 82—95.

рыхъ,—къ облегченію военныхъ дѣйствій противъ Хивы, оказавшейся бы, благодаря этому, окруженною почти со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями. Высадку русскаго отряда и возведеніе города-укрѣпленія Кауфманъ приурочивалъ къ Красноводскому заливу. Взглядъ свой на стратегическое и торговое значеніе этого предпріятія, а равно и на тогдашнія неурядицы въ оренбургскихъ степяхъ, Кауфманъ подробно развилъ въ замѣчательномъ письмѣ отъ 10-го іюня 1869 г. на имя военнаго министра, графа Д. А. Милютина. Письмо это было написано и проредактировано самимъ Кауфманомъ и отправлено въ Петербургъ съ полковникомъ Столѣтовымъ.

Какъ смотрѣли въ Петербургѣ на проектъ Кауфмана, высадку въ Красноводскій заливъ, и поскольку понимали тогдашнее положеніе вещей въ Средней Азій, лучше всего показываютъ слѣдующія строки изъ письма директора азіатскаго департамента, тайнаго совѣтника Стремоухова, къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману отъ 12 февраля 1870 г. «Изъ вашего письма я вижу, что вы смотрите на Красноводскъ, какъ на средство, облегчающее военную экспедицію въ Хиву. Наше министерство и вообще правительство смотритъ на него иначе, а именно, какъ на новыя ворота для нашей торговли, и, въ крайнемъ случаѣ, какъ на благотворную угрозу или внушеніе Хивѣ. Намъ было бы желательно, чтобы посредствомъ этого пункта широко развилась торговля, которая своею выгодностью докажетъ Хивѣ пользу добрыхъ къ намъ отношеній, а въ то же время глупый ханъ пойметъ, что и до него добраться теперь уже сравнительно легко. Не дай Богъ, чтобы намъ пришлось идти войною и занимать Хиву; занять легко, а каково будетъ ее очистить и неужели же и эту страну присоединить къ имперіи? Мигъ кажется, что нѣтъ никакой настоящей надобности идти воевать съ Хивою. Всѣ слухи и оренбургскія вѣсти о хивинскихъ арміяхъ оказались совершеннымъ пучкомъ: они были первоначально распушены старымъ разбойни-

комъ Исетомъ, чтобы пугать насъ и придать себѣ болѣе значенія, и охотно подхвачены и изукрашены Оренбургомъ въ видахъ, которые намъ извѣстны. Теперь, когда Усть-Урть окончательно отдѣлитъ Оренбургскій край отъ хивинскихъ владѣній, вѣроятно, эта искусственная агитация затихнетъ. Если же новый торговый путь на Красноводскъ начнетъ успѣшно развиваться и торговля приобрететъ новое обширное значеніе для Хивы, то можно основательно надѣяться, что при всей своей глупости хивинцы поймутъ необходимость мирныхъ къ намъ отношеній. Съ другой стороны, частые разбои, неизбежные отъ поры до времени, могутъ быть прекращены и караемы малыми отрядами, по примѣру превосходно сдѣланной экспедиціи изъ Катта-Кургана. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю бы вооружиться терпѣніемъ и дать обстоятельствамъ болѣе обрисоваться, но ни въ какомъ случаѣ не думать о походѣ на Хиву и покуда не начинать съ нею дипломатическихъ сношеній. Я убѣжденъ, что неминуемо, рано или поздно, ханъ пришлетъ къ вамъ посольство для объясненій»¹⁾).

Какъ бы то ни было, но Кауфманъ добился своего, и въ 1869 году полковникъ Столѣтовъ высадился съ небольшимъ отрядомъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, у Красноводскаго залива, въ мѣстности «Кадд-и-Шахъ» (Царская Стопа), и основалъ укрѣпленіе Красноводскъ. Этимъ было положено начало прочному умиротворенію нами безпокойной Хивы и дальнѣйшему затѣмъ движенію русскихъ въ глубь вольной Туркменіи, до афганскихъ предѣловъ.

Услышавъ о высадкѣ русскихъ въ Красноводскомъ заливѣ, хивинцы обезпокоились, хотя Кауфманъ сдѣлалъ попытку увѣрить хана (письмомъ отъ 18 января 1870 г.), что Красноводскъ предназначается для устройства складочныхъ мѣстъ для товаровъ, а возведеніе укрѣпленія вызывается необходимостью обезпечить наши караваны

¹⁾ См. копію съ этого письма въ вышеназванномъ дѣлѣ канцеляріи туркмен.-губ., № 211.

отъ нападенія туркменъ. Въ апрѣлѣ 1870 г. отъ хивинскаго кушъ-беги было получено письмо, въ которомъ заключался протестъ противъ занятія береговъ Красноводскаго залива и весьма прозрачный намекъ, что Хива не боится даже вступить въ борьбу съ Россіей. ...«Съ основанія міра и до сихъ поръ не было такого примѣра, чтобы одинъ государь для спокойствія другого государя и для благоденствія жителей его государства на границѣ закладывалъ крѣпость и посылалъ войска свои,—писали кушъ-беги. Нашъ государь желаетъ того, чтобы Бѣлый царь, подобно своимъ предкамъ не увлекался обширностью своей имперіи, ему Господомъ Богомъ дарованной, и не заботился о пріобрѣтеніи чужихъ земель, такъ какъ это не въ обычаѣ у великихъ государей. Если же, разсчитывая на силу своихъ войскъ, онъ пожелаетъ идти войною, то предъ Создателемъ неба и земли, Великимъ Судіею всѣхъ земныхъ судей, и сильный, и слабый—равны: Онъ кому захочетъ, тому и дастъ побѣду»¹⁾. Въ виду этого послѣдовало представленіе Кауфмана военному министру соображеній о необходимости измѣнить характеръ нашихъ отношеній къ Хивѣ и вооруженною рукою привести его къ подчиненію къ справедливымъ требованіямъ нашего правительства. Подобныя соображенія туркестанскаго генераль-губернатора удостоились высочайшаго одобренія, о чемъ Кауфманъ былъ поставленъ въ извѣстность графомъ Милютинымъ письмомъ отъ 13 марта 1870 года.

Но въ это время вопросъ о Хивѣ пришлось отодвинуть на второй планъ, вслѣдствіе вышеназванныхъ событій въ Западномъ Китаѣ, вызвавшихъ занятіе нами Кульджи.

Правда, эмиръ бухарскій предложилъ Кауфману и хивинскому хану свое посредничество къ мирному улаженію помянутыхъ отношеній между Россіей и Хивой,

¹⁾ См. копію съ перевода письма кушъ-беги отъ 18 Зиль-Хидже 1286 года (полученнаго въ Ташкентѣ 14 апрѣля 1870 г.) въ дѣлѣ канцеляріи турк. ген.-губ., № 48/1873 («Экспедиція въ Хиву»). Самого оригинала письма въ дѣлѣ нѣтъ.

но изъ этого ничего не вышло и посольъ Музаффаръ-Эддина возвратился въ Бухару, весьма неделикатно принятый въ Хивѣ.

Однако, видя себя опфьленнымъ русскими отрядами со стороны Оренбурга, Туркестана, Красноводска, Чикишляра и другихъ мѣсть, хивинскій ханъ тѣмъ не менѣе попытался войти въ сношенія съ русскими, но не чрезъ Кауфмана, ибо, повидимому, сознавалъ свою предъ нимъ невѣжливость.

Въ 1872 г. ханъ послалъ посольства: одно къ намѣстнику Кавказа, другое—въ Пестербургъ, но первое посольство было задержано въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ¹⁾, второе—въ Оренбургѣ. Тѣмъ же Мухаммедъ-Рахимъ обращался за помощью и къ вице-королю Индіи; послѣдній совѣтовалъ смириться предъ Россіей и не давать въ будущемъ никакихъ поводовъ къ ся неудовольствію.

Весною 1873 г. было наконецъ предположено покончить съ этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ, доставлявшимъ столько заботъ и безпокойствъ Оренбургу и Ташкенту. Одновременное наступленіе отрядовъ со стороны недавно возникшаго Красноводска, Оренбурга и Туркестана, происходило подъ главнымъ руководствомъ туркестанскаго генераль-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана. Не мѣсто здѣсь, въ этомъ краткомъ очеркѣ, повторять описаніе этого многотруднаго похода, такъ блестяще выполненнаго. 28 мая генераль Веревкинъ бомбардировалъ Хиву, а 29 мая русскія войска вступили въ городъ, и на слѣдующій день, 30 мая, въ день годовщины рожденія Петра Великаго, былъ отслуженъ молебенъ о здравіи государя и панихида за упокой императора Петра Перваго и участниковъ въ экспедиціи при немъ въ Хиву, отряда Бековича-Черкаскаго. Ханъ бѣжалъ въ степь къ туркменамъ-іомудамъ и побѣдитель изъ опустѣвшаго

¹⁾ Подробности объ этомъ имѣются въ моей статьѣ: «Почившій великій князь Михаилъ Николаевичъ въ его отношеніи къ Туркестану въ 1871—1872 гг. (Архивная справка)». («Турк. Вѣдом.» за 1910 г., №№ 51—63).

дворца Мухаммедъ-Рахима въ качествѣ трофеевъ взялъ ханскую бібліотеку (хранящуюся нынѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ) и ханскій тронъ (нынѣ находящійся въ Московской Оружейной Палатѣ¹⁾). 2 июня, по приглашенію Кауфмана, ханъ явился къ тому, кто первый положилъ конецъ недоступности затерянной въ пескахъ Хивы. Кауфманъ принялъ его съ почетомъ, оказалъ знаки вниманія и возстановилъ въ своихъ правахъ²⁾. По настоянію Кауфмана всѣ рабы въ Хивѣ были освобождены и отнынѣ должны были считаться на одинаковыхъ правахъ съ прочими подданными хана; такихъ освобожденныхъ рабовъ-персіянъ въ ханствѣ находилось свыше 30 тысячъ человекъ. Большинство изъ нихъ предпочло вернуться на родину и лишь немногіе остались въ Хивѣ.

12 августа Кауфманъ и ханъ заключили мирный договоръ, который состоялъ изъ восемнадцати пунктовъ. Сущность его сводилась къ тому, что всѣ хивинскія земли праваго берега Аму-Дарьи отходятъ къ Россіи, русскимъ предоставляется право свободнаго проживанія и торговли въ ханствѣ безданно-безпошлинно и ханъ уплачиваетъ 2.200.000 рублей военной контрибуціи. Последняя была разсрочена на 20 лѣтъ. Бухарскому эмиру, бесплатно поставлявшему провіантъ для нашихъ войскъ и вообще оказывавшему большое вниманіе къ намъ во время хивинскаго похода, были отданы хивинскія земли по правому берегу Аму отъ урочища Кукерташ до Мешенкли.

Изъ отошедшихъ отъ Хивы земель былъ образованъ такъ называемый Аму-Дарьинскій отдѣлъ въ составѣ двухъ приставствъ: Нукусскаго и Чимбайскаго, въ администра-

¹⁾ О немъ см. интересную статью покойнаго В. В. Стасова: «Тронъ хивинскихъ хановъ» въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ» за 1886 г., вып. V, стр. 405—417 и перепечатанную затѣмъ въ «Собраніи сочиненій В. В. Стасова, 1847—1886 гг.», т. I, стр. 851—866.

²⁾ Своеобразное описаніе завоеванія Хивы въ 1873 г. и возстановленіе Мухаммедъ-Рахимъ-Хана въ его владѣтельныхъ правахъ см. въ статьѣ «Смерть хивинскаго хана Мухаммедъ-Рахимъ-хана» въ константинопольской газетѣ «Таариф-и-Муслемини» отъ 25 Рамазана 1328 года (№ 16)

тивномъ отношеніи подчиненный Сыръ-Дарьинскому областному начальству.

Вслѣдъ за покореніемъ Хивинскаго ханства стали назрѣвать и событія въ Кокандѣ. Кокандскій ханъ Худояръ съ самаго прибытія въ край генераль-адъютанта Кауфмана хотя и держался въ высшей степени корректно по отношенію къ туркестанскому генераль-губернатору ¹⁾, даже оказывалъ не мало дружественныхъ услугъ, но въ средѣ своихъ подданныхъ былъ весьма непопуляренъ. Сначала неудачныя войны Худояръ-хана съ Бухарою и съ Россіей, потомъ, съ водвореніемъ русскихъ въ Средней Азій, пробудившая у хана любовь къ стяжательности, породившая безчисленное количество всевозможныхъ налоговъ и тяжелые поборы,—все это послужило причиною къ возникновенію въ народѣ глубокаго недовольства ханомъ. Въ 1875 году недовольство Худояръ-ханомъ проникло и въ его семью: въ послѣдней составилъ заговоръ, къ которому примкнулъ и наслѣдникъ кокандскаго престола Сейидъ-Мухаммедъ-Насръ-Эдинъ. Заговорщики вступили въ тѣсныя сношенія съ самозванцемъ-мятежникомъ нѣкимъ Пуладъ-ханомъ, выдававшимъ себя за сына перваго кокандскаго хана, Алимъ-хана, сына Нарбутъ-бія. Пуладъ-ханъ имѣлъ значительное число приверженцевъ и вооруженныя силы. Худояръ-ханъ ничего не подозревалъ о заговорѣ.

Въ іюлѣ 1875 года дипломатическій чиновникъ при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ Вейнбергъ, съ полковникомъ генеральнаго штаба, флигель-адъютантомъ Скобелевымъ, по порученію Кауфмана, отправились въ Кашгаръ для съемки пути; при нихъ находились два топографа и двадцать два казака. Путь лежалъ чрезъ Кокандъ. Приѣздъ русскихъ въ сто-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, онъ предложилъ свои услуги въ качествѣ посредника между Кауфманомъ и Якубъ-бекомъ, выдалъ бѣжавшихъ къ нему мятежныхъ шахрисябскихъ бековъ: Джура-бія и Баба-бія, во время неурожая хлѣба въ 1871 г. въ нашихъ предѣлахъ организовалъ къ намъ доставку послѣдняго изъ Ферганы, и т. п.

лицу ханства ускорилъ развязку: въ прибывшемъ казачьемъ конвоѣ народъ увидѣлъ поддержку, оказываемую «невѣрными» ненавистному хану. Базары, многолюдныя площади и узкія улицы заволновались; изъ конца въ конецъ города полилась страстная проповѣдь муллъ и разныхъ юродивыхъ о необходимости всеобщаго возстанія противъ русскихъ и хана. Ничего не знавшій о народномъ настроеніи, Худояръ-ханъ отправилъ въ это время двухъ своихъ наиболѣе довѣренныхъ офицеровъ противъ мятежнаго самозванца Пуладъ-хана. Но эти офицеры со всѣми своими силами перешли на сторону мятежниковъ, вслѣдъ за ними къ Пуладъ-хану перешелъ и наслѣдникъ кокандскаго престола Сейидъ-Мухаммедъ-Насръ-Эддинъ съ андиджанскимъ гарнизономъ; одновременно съ этими событіями, развертывавшимися съ поразительною быстротою, стали переходить на сторону мятежниковъ города: Ошъ, Наманганъ, Маргеланъ и Ассакѣ. Худояръ-ханъ, видя себя покинутымъ самими, казалось, вѣрными и близкими людьми, собралъ свою казну и имущество и подъ прикрытіемъ 8000 чловѣкъ при 68 орудіяхъ выѣхалъ изъ Коканда въ Ходжентъ въ сопровожденіи Вейнберга и Скобелева. Последніе вынуждены были отказаться отъ своей поѣздки въ Кашгаръ, потому что вся дорога туда была усѣяна многочисленными шайками кокандцевъ, грабившихъ и опустошавшихъ окрестности. Однако мятежники не оставили въ покоѣ и уходившаго изъ своего ханства Худояра: значительныя силы ихъ бросились за нимъ и когда Худояръ-ханъ хотѣлъ было дать имъ отпоръ, то сопровождавшій его отрядъ перешелъ на сторону инсурентовъ вмѣстѣ съ пушками. Значительная часть ханской казны была взята. Вейнбергу и Скобелеву съ ихъ незначительнымъ конвоемъ пришлось пережить не мало неприятныхъ минутъ, однако своевременно поданная помощь отъ ходжентскаго уѣзнаго начальника не допустила совершиться катастрофѣ и Худояръ-ханъ съ своимъ семействомъ, свитой и имуществомъ, въ сопровожденіи на-

шего посольства, прибылъ въ Ходжентъ, а затѣмъ оттуда въ Ташкентъ (8-го августа).

На престолъ кокандскій вступилъ сынъ Худояръ-хана вышеназванный Сейидъ-Мухаммедъ-Насръ-Эддинъ, который и извѣстилъ Кауфмана о совершившемся переворотѣ слѣдующимъ письмомъ отъ 6-го Реджеба 1292 года.

«Высококостепенному генераль-адъютанту фонъ-Кауфману. Послѣ достиженія добрыхъ словъ да будетъ извѣстно, что такъ какъ всякія новшества, противныя Шаріату, день ото дня увеличивались Средоточіемъ Вселенной ¹⁾, то весь народъ этой страны, не будучи въ состояніи переносить сего тяжкаго бремени, сразу вышелъ изъ повиновенія и потому Величіе Народа, подорѣвая подланныхъ (въ дурныхъ замыслахъ), бѣжалъ. Послѣ того все духовенство, сановники, князья, старѣйшины и прочіе знатные люди ханства, считая нашу милость достойною занять ханскій престолъ, въ счастливые часы пятницы, 6-го Реджеба, возвели насъ на достохвальный престолъ царства и власти. Такъ какъ по установленіямъ и обычаямъ прежнихъ владыкъ добрыя вѣсти передавались близкимъ и дальнимъ, то и мы посылаемъ, наконецъ, доброжелателя своего, муллу Абдуль-Керима, который принесетъ (вамъ) эти извѣстія о великихъ милостяхъ, ниспосланныхъ намъ». Печать «Сейидъ-Мухаммедъ-Насръ-Эддинъ-ханъ» ²⁾.

Это письмо было получено Кауфманомъ 31 іюля 1875 года и одновременно же съ нимъ пришло на имя генераль-губернатора длинное посланіе (отъ 8 Реджеба 1292 г.) Абдуррахмана-афтобачи, муллы-Иса-Ауліа и Халыкъ-Назара-парвоначи, содержащее перечисленіе прегрѣшеній предъ народомъ низверженнаго Худояръ-хана и причины избранія вмѣсто его Насръ-Эддина... «Народъ съ трудомъ переносилъ тяжкіе поборы и наконецъ не вы-

¹⁾ Т.-е. Худояръ-ханомъ, его отцомъ.

²⁾ См. персидскій текстъ этого письма въ дѣлѣ канц. турк. генер.-губ. № 43/18752, части дипломатической («О положеніи дѣлъ въ Кокандскомъ ханствѣ послѣ изгнанія Худояръ-хана»).

держалъ и поднялся отовсюду. Ханъ однако и тогда не обратилъ на это вниманія и увеличилъ еще болѣе притѣсненіе (своихъ подданныхъ). Сколько разъ его просили смягчить образъ своихъ дѣйствій, но онъ никогда не соглашался», писалось, между прочимъ, въ этомъ письмѣ ¹⁾).

Въ отвѣтъ на названное письмо Насръ-Эддина Кауфманъ увѣдомилъ его письмомъ (отъ 4 августа № 201), что «никогда не одобрялъ образъ дѣйствія» его «родителя, хотя и находился съ нимъ въ долготѣтней дружбѣ», и что согласенъ признать его именемъ государя императора ханомъ при выполненіи имъ слѣдующихъ четырехъ условій: 1) признать договоръ, заключенный съ Худояромъ въ 1868 году и возстановить кредитъ нашихъ купцовъ, подорванный послѣдними событіями въ Кокандѣ; 2) возмѣстить убытки, причиненные отнятіемъ вещей у членовъ нашего посольства; 3) уплатить «за кровь» двухъ убитыхъ кокандцами нашихъ джигитовъ и 4) назначить пенсію Худояръ-хану съ оставшимися ему вѣрными саванниками и свитою ²⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая законченною политическую роль бывшаго кокандскаго хана Сейидъ-Мухаммедъ-Худояръ-хана, до самой послѣдней минуты твердо увѣреннаго, что всемогущій генералъ-губернаторъ возстановитъ его въ своихъ правахъ, Кауфманъ предложилъ Худояръ-хану выѣхать въ Оренбургъ для постоянного жительства ³⁾).

¹⁾ Ibidem; персидскій текстъ и русскій переводъ (дипломатическаго чиновника г. Вейнберга).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Худояръ-ханъ въ концѣ 1877 г. тайно бѣжалъ изъ Оренбурга съ нѣсколькими киргизами пргнесскаго рода въ хивинскія владѣнія, гдѣ напелъ пріютъ у туркменъ-чоудоровъ. Затѣмъ черезъ земли туркменъ-теке Худояръ-ханъ пробрался въ Гератъ и Бадахшанъ, а оттуда инкогнито проѣхалъ чрезъ Персію въ Мекку. Воинскія команды, послыавшіяся изъ Оренбурга и Уральска для поимки бѣглеца, не могли его настичь; пойманы были лишь нѣкоторые наши киргизы, пособившіи Худояръ-хану въ его бѣгствѣ. Роздавъ имѣвшіеся у него капиталы различнымъ своимъ единовѣрцамъ, кому взыщамъ, кому на храненіе, Худояръ-ханъ за-границей очень нуждался, такъ какъ почти всѣ его деньги не были ему возвращены (См. явленіе канцеляріи турк. ген.-губ. № 86 1878 года, отдѣл. 4-го «О побѣгѣ изъ Оренбурга бывшаго кокандскаго хана Худояръ-хана и о розысканіи его и киргизъ Азбергенъ Мунайтпасова и др. и о поимкѣ арестанта Сарыя Битакова«).

Вступленіе на престоль Насръ-Эддинъ-хана однако не ✓ положило въ Кокандскомъ ханствѣ коненъ смутамъ, грабежамъ и разбоямъ, мало того, кокандцы, считая русскихъ виновниками въ долготѣнномъ поддержаніи непопулярнаго Худояръ-хана, наводнили наши предѣлы многочисленными шайками вооруженныхъ грабителей и даже отрядами войскъ, грабившихъ и убивавшихъ нашихъ подданныхъ, нападавшихъ на наши отряды и даже атаковавшими Ходжентъ. Помимо того, во главѣ недовольныхъ «невѣрными» стояли и разные вліятельные сторонники Худояръ-хана, (а такихъ было не мало); они подарками и ласкою склонили искони безпокойныхъ и войнолюбивыхъ кипчаковъ Ферганы выступить «бойцами за вѣру¹⁾». Въмѣстѣ съ тѣмъ Насръ-Эддинъ медлилъ съ отвѣтомъ на поставленныя Кауфманомъ условія; такое положеніе вещей не могло быть терпимо и Кауфманъ 1-го августа выступилъ изъ Ташкента въ походъ, мобилизовавъ всѣ подчиненныя ему въ округѣ силы для отраженія непріятеля. Дѣйствія нашихъ отрядовъ въ разныхъ мѣстахъ обширнаго края были настолько успѣшны, что шайки непріятеля скоро были вытѣснены изъ нашихъ предѣловъ.

Чтобы сильнѣе воздѣйствовать на кокандцевъ Кауфманъ предпринялъ изъ Ходжента походъ въ самое ханство. Происшедшая 20—21 августа 1875 года блестящая побѣда подъ Махрамомъ, гдѣ героемъ упорной битвы показалъ себя начальникъ кавалеріи Кауфмана, полковникъ Скобелевъ, произвела на кокандцевъ отрезвляющее дѣйствіе. И Насръ-Эддинъ-ханъ, медлившій до того вре-

Изъ Мекки Худояръ-ханъ направился въ англо-индійскія владѣнія и на границѣ съ Афганистаномъ умеръ; прахъ его былъ привезенъ въ Гератъ и тамъ похороненъ. Многочисленные члены его семьи (дѣти и жены) всѣ получаютъ пенсію изъ земскихъ средствъ Туркестана.

1) См. письмо Миръ-Худояръ-дадхи къ парвоначи (вѣроятно, Абдурахману) отъ 28 Реджеба 1293 г. (18 августа 1875 г.), и обязательства кипчакской партіи въ августѣ 1875 г. (1292 г.) въ оригиналахъ (по-персидски) и въ переводахъ въ дѣлѣ канц. турк. ген.-губ. № 47, 1875 г. дипломатической части. («Переписка съ Насръ-Эддинъ-ханомъ и другими лицами на пути дѣйствующаго отряда къ г. Коканду и во время стоянки на позиціи при Кокандѣ. Кокандскій походъ»).

мени отозваться на предложенныя генераль-губернаторомъ условія въ письмѣ отъ 4 августа, поспѣшилъ прислать длинное извинительное письмо, въ которомъ оправдывался разными неурядицами въ ханствѣ, задержавшими отвѣтъ его Кауфману. Но послѣдній, очевидно, считалъ себя обиженнымъ поведеніемъ Насръ-Эддина и потому въ послѣдующихъ письмахъ къ нему уже не называлъ его «свѣтлѣйшимъ ханомъ», а «свѣтлѣйшій царевичъ (ханъ-заде)» и диктовалъ свои условія такъ, какъ ему хотѣлось.

...«Завтра, когда я встану съ войсками на позицію предъ городомъ, тогда я приглашу вашу свѣтлость къ себѣ для совѣщанія о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла», писалъ Кауфманъ хану 28 августа, изъ лагеря на урочищѣ Хошъ-Кунрюкъ¹⁾. 29-го августа на урочищѣ Джаръ-Мечеть состоялось свиданіе Кауфмана съ Насръ-Эддинъ-ханомъ и затѣмъ послѣдовало признаніе послѣдняго кокандскимъ ханомъ²⁾; торжественное вступленіе побѣдителя въ столицу ханства, въ Кокандъ, униженная встрѣча молодымъ ханомъ, безсильнымъ сдѣлать что-либо для усмиренія своихъ мятежныхъ подданныхъ во главѣ съ Абдуррахманомъ-афтобачи и Пуладъ-ханомъ, затѣмъ занятіе Кауфманомъ безъ боя Маргелана и молоденкій полскъ Скобелева Абдуррахмана и Пулада по направленію къ Ошу— все это съ калейдоскопичною быстротою совершилось въ теченіе какого-нибудь мѣсяца. И 22 сентября 1875 года Кауфманъ, пригласивъ къ себѣ въ Маргеланъ Насръ-Эддинъ-хана, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому къ Россіи отходили «всѣ земли (Кокандскаго) ханства, лежащія по правому берегу рѣки Сыръ-Дарьи и по правому берегу Нарына». Кромѣ того кокандцы уплачивали 600 т. рублей въ возмѣщеніе убытковъ, «понесенныхъ русскими подданными отъ внезапнаго нападенія кокандскихъ войскъ на русскіе предѣлы» и сверхъ того—должны:

¹⁾ См. это письмо за № 216, въ томъ же дѣлѣ канцеляріи туркест. генер.-губ. № 47/1875 г.

²⁾ См. письма Насръ-Эддинъ-хана къ генералу Кауфману въ томъ же дѣлѣ № 47, отъ 10 и 11 Шабана 1291 г. (30 и 31 августа 1875 г.).

были ежегодно вносить въ русскую казну 300 т. руб. ¹⁾. Отосланнымъ къ намъ землямъ было присвоено наименованіе Наманганскаго отдѣла.

Однако, съ уходомъ русскихъ войскъ изъ Ферганы волненія, главнымъ образомъ среди кипчаковъ, возобновились; опять появились шайки грабителей и разбойниковъ, муллы проповѣдывали джихадъ. «Свѣтлѣйшій ханъ, — писалъ Кауфманъ Насръ-Эддинъ-хану ²⁾, послѣ пожеланія всего лучшаго содержаніе слѣдующее. До меня дошли слухи, что нѣкоторые люди и въ г. Кокандѣ также позволяютъ себѣ высказываться противъ состоявшагося между нами соглашенія. Люди эти, вѣроятно, другого языка, кромѣ языка крови, не понимаютъ. Примите немедленно мѣры, чтобы злоумышленники эти были найдены и строго наказаны. Для вашего спокойствія и блага народа это необходимо».

Афтобачи и Пуладъ-ханъ стояли во главѣ недовольныхъ, центромъ возстанія былъ Андижанъ. Кауфманъ рѣшилъ наказать андижанцевъ и послать изъ лагеря подъ Наманганомъ отрядъ генераль-майора Троицкаго, у котораго въ подчиненіи находился полковникъ Скобелевъ, къ Андижану; тамъ сосредоточилось 7.000 защитниковъ подъ начальствомъ Абдурахмана-афтобачи, за городомъ же стоялъ Пуладъ-ханъ съ 15.000 киргизовъ. Походъ оказался неудаченъ и отрядъ Троицкаго потерпѣлъ почти пораженіе. Кокандцы воспрянули духомъ и возстаніе все росло; тогда Кауфманъ распорядился укрѣпить Наманганъ и самъ выѣхалъ 16 октября 1875 г. въ Ходжентъ, на границу Кокандскаго ханства; почти одновременно съ прибытіемъ въ Ходжентъ главнаго начальника

¹⁾ См. „Копію съ договора, заключеннаго между туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ 1-мъ, и Сейидъ-Мухаммедъ-Насръ-Эддинъ-ханомъ кокандскимъ 22 сентября 1875 г. (4 Рамазана 1292) въ лагерѣ при Маргеланѣ“ въ дѣлѣ канц. турк. генер-губ. № 45/1875 г., части дипломатической („Переписка съ Насръ-Эддинъ-ханомъ кокандскимъ и другими лицами во время движенія дѣйствующаго отряда къ Маргелану и стоянки при этомъ городѣ. Кокандскій походъ“).

²⁾ См. это письмо отъ 26 сентября 1875 г. (8 Рамазана 1292 г.) въ томъ же дѣлѣ.

Туркестанскаго края туда прибылъ и кокандскій ханъ Насръ-Эддинъ, заявившій, что оги спасается отъ своихъ мятежныхъ подданныхъ подъ защиту русскихъ. По прибыдѣ въ Ходжентъ Кауфманъ выпустилъ прокламацію къ населенію Кокандскаго ханства, призывая его образумиться и подумать о послѣдствіяхъ бунта¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно приказалъ занять Махрамъ, а Скобелева, незадолго передъ тѣмъ произведеннаго въ генераль-майоры за Махрамскій бой, — оставилъ съ довольно значительнымъ отрядомъ въ Наманганъ, снабдивъ его особой инструкціей на предметъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ ханствѣ. Самостоятельныя дѣйствія Скобелева во враждебной странѣ на первыхъ же порахъ были очень удачны: ему удалось нанести кокандцамъ нѣсколько значительныхъ пораженій. И хотя Кауфманъ, получивъ объ этомъ донесенія, отечески обращалъ вниманіе генерала Скобелева, — относившагося съ сыновнею преданностью къ первому туркестанскому генераль-губернатору, — на нѣкоторыя неудачныя детали его военныхъ операцій, тѣмъ не менѣе онъ поручилъ Скобелеву составить подробный планъ кокандской экспедиціи; Скобелевъ представилъ этотъ планъ Кауфману къ началу декабря 1875 г., конечными цѣлями его были: 1) обложеніе кокандскихъ кипчаковъ контрибуціей, 2) выдача плаварей возстанія, 3) взятіе заложниковъ и 4) отобраніе оружія. За нѣкоторыми небольшими измѣненіями Кауфманъ утвердилъ планъ Скобелева и самъ 6-го декабря 1875 года выѣхалъ въ Петербургъ, съ высочайшаго соизволенія, по дѣламъ службы.

Рядъ побѣдоносныхъ походовъ Скобелева и его геройскихъ развѣдокъ непріятеля повели къ тому, что въ началѣ января 1876 г. былъ взятъ Анджиканъ, а въ концѣ января сдался на милость побѣдителя и самъ Абдурах-

¹⁾ См. воззваніе генерала Кауфмана „улемамъ, мулламъ, старшимъ людямъ и всѣмъ благочыслящимъ жителямъ г. Коканда“ отъ 24 октября 1875 г. въ дѣлѣ канц. турк. генер.-губер. № 47/1875 г. („Переписка съ Насръ-Эддинъ-ханомъ и другими лицами во время стоянки дѣйствующаго отряда у г. Намангана. Кокандскій походъ“).

мань-афтобачи. Проживавшій въ Ходжентѣ кокандскій ханъ Насръ-Эддинъ-ханъ, рассчитывая на поддержку русскихъ и воспользовавшись побѣдами русскихъ, по просьбѣ прибывшей къ нему депутаціи кокандцевъ, выѣхалъ снова въ Кокандъ и вступилъ въ городъ, но будучи разбитъ кипчаками и киргизами, бѣжалъ изъ Коканда въ Махрамъ, подъ защиту русскаго гарнизона. Однако жители Коканда на другой день послѣ бѣгства хана произвели поголовное избіеніе кипчаковъ и киргизъ и снова пригласили къ себѣ Насръ-Эддина, который 30 января опять занялъ ханскій престолъ.

2 февраля изъ Петербурга отъ Кауфмана была получена генераль-лейтенантомъ Колпаковскимъ, временнымъ замѣстителемъ его въ Туркестанскомъ краѣ, депеша о томъ, что въ виду нескончаемыхъ волненій и беспорядковъ въ Кокандскомъ ханствѣ, государь императоръ повелѣлъ присоединить послѣднее къ Россіи.

Пославъ Скобелеву въ Ходжентъ депешу о предстоящемъ присоединеніи Кокандскаго ханства вр. исправлявшій должность туркестанскаго генераль-губернатора и командующаго войсками, генераль-лейтенантъ Колпаковскій сталъ торопиться сборами въ походъ на Кокандъ, рассчитывая 19 февраля, въ день восшествія на престолъ императора Александра II, занять столицу ханства. Но свиты его величества генераль-майоръ Скобелевъ, какъ извѣстно, предупредилъ расчеты Колпаковскаго и, не дождавшисъ его, еще 6 февраля форсированнымъ маршемъ съ отрядомъ изъ 2 сотенъ казаковъ, 2 роты стрѣлковъ и $\frac{1}{2}$ роты конницы направился къ Коканду, 7-го утромъ внезапно явился подъ его стѣнами и безъ выстрѣла занялъ столицу ханства. Донося объ этомъ пораженному такимъ извѣстіемъ генералу Колпаковскому, Скобелевъ почтительно просилъ вр. командующаго войсками туркестанскаго военного округа какъ можно скорѣе прибыть въ Кокандъ «дабы получить указанія для введенія прочнаго порядка въ Ферганской области»¹⁾.

¹⁾ См. Исторію завоев. Ср. Азии, Терензьева, т. II, стр. 405—408.

При этомъ занятіе столицы ханства не обошлось безъ инцидента, кокандскіе шейхъ-уль-исламъ и кази-калѣнъ публично оказали Скобелеву недостаточно почтенія и потому были имъ арестованы и препровождены въ Ходжентъ¹⁾.

...«Строго наказать шейхъ-уль-ислама и кази-калѣна кокандскихъ; хорошо бы ихъ удалить вовсе, не назначая никого на ихъ мѣсто», телеграфировалъ Кауфманъ Колпаковскому изъ Петербурга въ отвѣтъ на донесеніе послѣдняго²⁾.

15 февраля состоялся торжественный въездъ генерала Колпаковского въ Кокандъ и объявленіе собранному народу высочайшаго повелѣнія о присоединеніи ханства къ Россіи подъ именемъ Ферганской области. А въ ночь на 19-ое февраля былъ схваченъ послѣдній и наиболее опасный изъ главарей возстанія Пуладъ-ханъ, который вскорѣ былъ, по приказанію Кауфмана казненъ въ Маргеланѣ, «какъ въ мѣстѣ наибольшихъ его звѣрскихъ подвиговъ³⁾». Послѣдній кокандскій ханъ Насръ-Элдинъ, а также Абдурахманъ-афтобачи, шейхъ-уль-исламъ, кази-

¹⁾ См. депешу Скобелева отъ 9 февраля 1876 г. на имя генерала Колпаковского въ дѣлѣ полевого штаба дѣйствующ. войскъ туркест. военного округа № 5, 1876 г. («О провозженіи Абдурахмана-афтобачи и прочихъ политическихъ преступниковъ бывшаго Кокандскаго ханства въ предѣлы Россіи; тутъ же и о преданіи нѣкоторыхъ туземцевъ полемому суду и смертной казни»); это дѣло полевого штаба вшито въ дѣло канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора № 23, 1876 г. отдѣленія 4-го. («Объ отправленіи въ г. Оренбургъ предводителя кокандскаго возстанія, Абдурахмана-афтобачи, и друг. лицъ; тутъ же о 13 кокандцахъ»).

²⁾ Ibidem. Воля Кауфмана, какъ извѣстно, исполняется до сего времени: ни шейхъ-уль-ислама, ни кази-калѣна нынѣ нѣтъ въ Кокандѣ.

³⁾ См. въ томъ же дѣлѣ № 5/1876 года депешу Кауфмана изъ Петербурга въ Ходжентъ генералу Колпаковскому отъ 23 февраля 1876 г.

Любопытно было воззваніе отъ 23 февраля 1876 г. первого начальника Ферганской области, свиты его величества генералъ-майора Скобелева, приглашавшее смотрѣть казнь Пуладъ-хана.

«Жителямъ г. Маргелана и окрестныхъ кишляковъ. Послѣ завтра, т. е. въ понедѣльникъ, будетъ повѣшенъ въ г. Маргеланѣ, на площади у урды, Пуладъ-ханъ, обвиненный въ присвоеніи себѣ самовольно власти правительства и за вѣроломныя поступки и зверское (sic!) обращеніе какъ со своими, такъ и русскими, взятыми въ плѣнъ; почему приглашаются жители г. Маргелана и окрестныхъ кишляковъ присутствовать при исполненіи казни надъ Пуладъ-ханомъ». (См. подлинникъ этого воззванія, подписанный Скобелевымъ, въ этомъ же дѣлѣ, листъ 60).

калѣнь и еще девять знатныхъ лицъ были высланы въ Европейскую Россію. Каждому изъ нихъ было положено болѣе или менѣе приличное содержаніе ¹⁾).

Несмотря на присоединеніе ханства къ Россіи, свободлюбивое населеніе Ферганской долины не могло сразу успокоиться и то здѣсь, то тамъ вспыхивали бунты и возстанія и новому начальнику области, свиты его величества генераль-майору Скобелеву, пришлось не мало положить труда и заботъ, прежде чѣмъ край былъ окончательно замиренъ. Особенно заслуживаетъ вниманія походъ Скобелева, послѣ занятія Оша, на Гульчу, въ Алайскія горы, гдѣ укрывались скопища киргизъ, подстрекаемыхъ сыновьями извѣстной «Алайской Царицы», Курбанъ-Джанъ-дадхи. По счастію ея одному изъ скобелевскихъ отрядовъ дадха была весьма ласково принята и щедро одарена Скобелевымъ и изъявила готовность принять русское подданство со всѣмъ своимъ народомъ. Сыновья ея (за исключеніемъ одного) и она потомъ, какъ извѣстно, честно служили Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ ²⁾).

Присоединеніе Кокандскаго ханства къ нашимъ владѣніямъ въ Средней Азій заставило Кауфмана подумать о выясненіи нашей границы съ Кашгаромъ. Во времена независимости ханства граница его шла по Алайскому хребту, такъ что кочевья алайскихъ киргизъ входили въ

¹⁾ Абдурахманъ-афтобачи сначала проживалъ въ Оренбургѣ, потомъ Кауфманъ выразилъ министру внутреннихъ дѣлъ желаніе, чтобы для жительства афтобачи была назначена одна изъ южныхъ губерній имперіи. Тогда афтобачи поселили въ Екатеринбургѣ, назначивъ ему 3,000 рублей въ годъ пенсіи изъ доходовъ съ Ферганской области. Кокандскіе: шейхъ-уль-исламъ и кази-калѣнь и съ ними 9 саванниковъ бывшаго Кокандскаго ханства были высланы въ Вологодскую губернію, а одинъ—Батырь—тюря, бывший главнокомандующій войсками ханства,—въ Архангельскую губернію; всѣмъ имъ было назначено министромъ внутреннихъ дѣлъ содержаніе «въ размѣрѣ, опредѣленномъ для лицъ привилегированнаго сословія, т.е. по 72 руб. въ годъ каждому». (См. отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ на имя туркестанскаго генераль-губернатора отъ 29 апрѣля 1876 года № 1313 въ выше-названномъ дѣлѣ канцеляріи ген.-губ. № 23/1876 г.).

²⁾ Скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1907 году. (См. ея некрологъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» за тотъ же годъ, № 26 отъ 16 февраля, «Царица Алая»).

составъ Кокандскаго ханства. Въ послѣдніе же годы правленія Худояръ-хана, когда въ Кашгарѣ укрѣпился Якубъ-бекъ, послѣдній занялъ своими сторожевыми постами всю Заалайскую мѣстность, не обращая вниманія на протесты Худояра.

Для переговоровъ съ Якубъ-бекомъ о восстановленіи прежней границы съ Кашгаромъ Кауфманъ послалъ въ Кашгаръ капитана генеральнаго штаба Куропаткина. Посольство прибыло въ Кашгаръ 25 октября и въ виду войны Якубъ-бека съ китайцами вернулось въ Ташкентъ на слѣдующій годъ 6 апрѣля. Послѣ долгихъ переговоровъ Якубъ-бекъ, какъ извѣстно, согласился наконецъ на исправленіе границы въ желательномъ для Кауфмана направленіи, выговоривъ при этомъ право послать свое посольство въ Ташкентъ¹⁾. Въ Ташкентѣ посольство Якубъ-бека добилось одной важной уступки: Кауфманъ согласился отдать кашгарскому владѣтелю укрѣпленіе Улугчатъ. Посольство повезло проектъ договора и карту, но Кауфману не суждено было дождаться отвѣта по сему предмету: 27 мая 1877 года въ г. Курля неожиданно скончался бадаулетъ кашгарскій, Мухаммедъ-Якубъ-бекъ, при весьма загадочныхъ обстоятельствахъ²⁾. Тѣло

¹⁾ См. книгу А. Н. Куропаткина „Кашгарія. Историко-географическій очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля. Спб. 1879“, стр. 1—14.

²⁾ По поводу смерти Якубъ-бека есть двѣ версіи. Именно, не увѣренный въ преданности турфанскихъ войскъ, бадаулетъ, во время пребыванія въ Курля, сказалъ находившемуся при немъ довѣренному секретарю, мирзѣ Камалю, что онъ пошлетъ его въ Аксу съ 50 человѣками и вслѣдъ за нимъ будетъ отпускать для свиданія съ своими семействами нѣкоторыхъ солдатъ, человѣкъ по пятидесяти за разъ. Увольняемые въ отпускъ обязаны представляться ему тамъ (въ Аксу), тѣмъ же, которые проѣдутъ въ Аксу къ своимъ семьямъ тайно, мирза Камаль уполномоченъ отрубить головы. Мирза Камаль сообщилъ солдатамъ волю Якубъ-бека; солдаты, выслушавъ это, попросили мирзу Камали испросить у бадаулета списки тѣхъ солдатъ, коимъ онъ разрѣшаетъ повидаться съ семьями. Мирза Камаль утромъ, на другой день, отправился къ Якубъ-беку, послѣдній принялъ его у себя въ кабинетѣ. Мирза Камаль, докладывая, что онъ убѣждаетъ въ тотъ же день въ Аксу для исполненія порученій бадаулета, просилъ дать ему письменныя свидѣнія, кто именно изъ солдатъ будетъ къ нему отправляемъ. Якубъ-бекъ, разсердившись на этотъ, очевидно, нелѣпый вопросъ, обнажилъ шашку и нанесъ ей ударъ мирзѣ Камалю, отрубивъ ухо и ранивъ въ плечо. Мирза Камаль „чтобы не напрасно умереть“, собравъ силы, нанесъ своею шашкою ударъ Якубъ-беку, послѣдній упалъ. Повалился безъ чувствъ и мирза Камаль. Оба они пролежали въ такомъ положе-

Бадаулета было привезено въ Кашгаръ его вторымъ сыномъ Хакъ-Кули-бекомъ и торжественно похоронено въ мазаръ высокочтимаго патрона Кашгара, Хазрети-Апака. Правителемъ Джигиты-Шаара войска избрали сына покойнаго Якубъ-бека, Хакимъ-ханъ-тюрю, но находившійся въ Кашгаръ братъ Хакимъ-хана, Бекъ-Кули-бекъ, во время свиданія съ привезшимъ тѣло отца Хакъ-Кули-бекомъ застрѣлилъ изъ пистолета брата, собралъ кашгарскія войска и, объявивъ имъ о смерти Бадаулета, заставилъ провозгласить себя правителемъ Кашгара¹⁾, заключивъ въ тюрьму своихъ младшихъ братьевъ и многихъ родственниковъ. Въ результатѣ всего получилось то, что вся сторона отъ Аксу до Куня-Турфана была во власти Хакимъ-ханъ-тюри, мѣстность же по эту сто-

ниа пять часовъ. Когда, наконецъ, вошелъ слуга Бадаулета, семидесятидвѣтихъ юниша, и, увидѣвъ Якубъ-бека и мирзу Камали облитыхъ кровью, побѣждалъ доложить старшимъ начальникамъ. Послѣднiе, войдя въ комнату, нашли тяжело раненаго мирзу Камали и мертваго Якубъ-бека. (См. рапортъ военнаго губернатора Семирѣченской области туркестанскому генералъ-губернатору отъ 23 августа 1877 года № 1.509 въ дѣлѣ канцелярiи туркестанскаго генералъ-губернатора, части дипломатической, № 50/1877 г. „О смерти владѣтеля Кашгара Якубъ-бека и вступленiи на престолъ старшаго сына его Бекъ-Кули-бека и событiяхъ въ Кашгарѣ послѣ смерти Бадаулета“).

По другой версиі Якубъ-бекъ, находясь въ г. Курля, утромъ, въ день своей смерти, послѣ пріема представлявшихся, по обыкновенiю, отправился выпить кислое молоко на половину своей жены-китайки. Выйдя оттуда въ пріемную, гдѣ сидѣли его совѣтники, онъ бросился съ палкою въ рукъ на казначея и сталъ наносить ему удары, потомъ бросился бить одного изъ махрамовъ и затѣмъ мирзу Камали. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, нанесенныхъ послѣднему, Якубъ-бекъ упалъ и въ этотъ моментъ у него изъ носа пошла кровь. Его внесли въ одну изъ комнатъ мужской подовины, гдѣ онъ въ тотъ же день вечеромъ скончался, при чемъ все тѣло его послѣ смерти сдѣлалось чернымъ.

Передъ смертью Якубъ-бекъ послалъ за сыномъ своимъ Хакъ-Кули-бекомъ, но послѣдній, пріѣхавъ, не засталъ уже отца въ живыхъ и приказалъ немедленно убить китайку, жену Якубъ-бека, и ея мать. (См. показанiя джигита полковника Джурабека, Мухаммедъ-Сафара, ѣздившаго въ Кашгаръ; показанiя эти отбиралъ и записалъ 5 октября 1877 года коллежскій совѣтникъ Ибрагимовъ. [Въ томъ же выше-названномъ дѣлѣ канцелярiи генералъ-губернатора № 50, 1877 года]. Эти свѣдѣнiя о смерти Бадаулета Мухаммедъ-Сафару, будто бы, передавалъ самъ мирза Камали).

¹⁾ См. упомянутый рапортъ семирѣченскаго военнаго губернатора № 1.509 и переводъ письма кашгарскаго посланника Турабъ-Ходжи къ статскому совѣтнику Вейнбергу отъ 4 Реджеба 1294 г. (2 июля 1877 г.) въ томъ же дѣлѣ канцелярiи генералъ-губернатора № 50, 1877 г.

рону Мараль-Баши была въ рукахъ Бекъ-Кули-бека ¹⁾). Возникли кровопролитныя междоусобія между братьями, окончившіяся пораженіемъ Хакимъ-ханъ-тюри и бѣгствомъ его въ русскіе предѣлы (Кауфманъ далъ ему пріютъ въ Ферганѣ). Но недолго пришлось править Кашгаромъ новому владѣтелю его, Бекъ-Кули-беку, столь часто сносившемуся съ Кауфманомъ и увѣрявшему послѣдняго, что онъ постарается, «насколько хватить жизни, при управленіи народомъ сообразоваться... съ милостивыми указаніями» туркестанскаго генераль-губернатора ²⁾). Изгнанный китайцами изъ Кашгара Бекъ-Кули-бекъ бѣжалъ въ предѣлы Русскаго Туркестана и нашелъ пріютъ и покровительство у того же «высоко-чтимаго и могущественнаго генераль-губернатора», который далъ убѣжище сопернику и брату его, Хакимъ-ханъ-тюрѣ ³⁾). Въ виду всѣхъ этихъ смутъ и неурядицъ преемники Якубъ-бека, разумѣется, разговоры о границѣ уже не поднимали.

Новые господа Кашгара—китайцы—слышать не хотѣли ни о какихъ нашихъ договорахъ съ Якубъ-бекомъ о границѣ. И Кауфманъ вынужденъ былъ послать въ Пркештамъ съ отрядомъ войскъ генерала Абрамова, военнаго губернатора и командующаго войсками Ферганской области, замѣнившаго Скобелева. (Послѣдній, въ виду приготовленій къ войнѣ съ Турціей, выѣхалъ изъ Ферганы въ отпускъ, чтобы устроиться потомъ при дѣйствующей арміи). Абрамовъ забраковалъ границу съ Кашгаромъ, намѣченную Куропаткинымъ, о чемъ и доносилъ Кауфману.

Давать Абрамову тѣ или другія подробныя указанія по сему предмету генераль-губернатору не пришлось,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ См. письма Бекъ-Кули-бека къ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману (въ оригиналѣ, на персидскомъ языкѣ, и переводѣ) въ томъ же дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 50, 1877 года.

³⁾ Со временъ Кауфмана до нынѣ Бекъ-Кули-бекъ живетъ въ сел. Пскентъ, Ташкентскаго уѣзда, Сырь-Дарьинской области, получая отъ русскаго правительства пенсію.

потому что на очереди стояло, въ виду нашей войны съ Турціей и вооруженнаго нейтралитета Англии, «устрашение» послѣдней. Слабымъ мѣстомъ для этого была Индія, добраться же до нея можно было чрезъ Бухару и Афганистанъ. Но такъ какъ Бухара находилась уже въ извѣстной зависимости отъ Россіи, то предстояло условиться лишь относительно перехода чрезъ Афганистанъ. На афганскомъ престолѣ находился Ширъ-Али, весьма недовольный англичанами за занятіе Келата и Кветты. Настроеніемъ Ширъ-Али и пожелало воспользоваться тогдашнее наше правительство, склонивъ афганскаго эмира, находившагося въ дружественныхъ сношеніяхъ съ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ ¹⁾, въ свою пользу.

Въ виду этого и была рѣшена въ Петербургѣ извѣстная посылка въ Афганистанъ генеральнаго штаба генераль-майора Столѣтова. Подробныя указанія Столѣтову долженъ былъ дать туркестанскій генераль-губернаторъ.

Какъ добрался до Афганистана генераль Столѣтовъ съ своими спутниками (полковникомъ, впослѣдствіи генераль-майоромъ, Разгоновымъ, врачомъ Яворскимъ, чиновниками: Земанъ-бекомъ и Малевинскимъ, класснымъ топографомъ Бендерскимъ, подпоручикомъ Назировымъ, фельдшеромъ и 22 казаками), что онъ тамъ дѣлать, какъ одинъ выѣхалъ изъ Афганистана, въ какомъ положеніи оказались оставшіеся члены миссіи въ Кабуль, какъ Ширъ-Али, понадѣявшись на обѣщанную Столѣтовымъ помощь, объявилъ войну Англии, какъ потомъ, разбитый, рассчитывая найти пріютъ въ Россіи, покинулъ Кабуль и направился туда черезъ Мазари-Шерифъ, въ которомъ и умеръ, — все это слишкомъ хорошо извѣстно,

¹⁾ См. дѣла дипломатической части канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора: „Сношенія съ Ширъ-Али-ханомъ, эмиромъ кабульскимъ“, № 2, 1870 г., „О прибытіи въ Ташкентъ гонца отъ эмира кабульскаго, Ширъ-Али-хана, съ письмомъ на имя туркестанскаго генераль-губернатора“, № 25, 1874 г., „О назначеніи сына эмира кабульскаго, Абдулла-хана, наследникомъ афганскаго престола“, № 13, 1874 г. и „Переписка съ Ширъ-Али-ханомъ, эмиромъ кабульскимъ“, № 13, 1878 г.

чтобы здѣсь повторять ¹⁾. Всегдашній страхъ предъ Англіей, свойственный нашей тогдашней дипломатіи, быть можетъ, и поведеніе нашего чрезвычайнаго посла Россіи въ отношеніи къ эмиру Ширъ-Али и, главное, бездушіе къ судьбамъ и престижу отечества со стороны руководителей нашей тогдашней политики, пережившаго свою славу князя Горчакова и пресловутаго «друга Англіи», графа Шувалова, разрушили на десятки лѣтъ предпріятіе, которое задумалъ провести первый туркестанскій генераль-губернаторъ: включить Афганистанъ, какъ и Бухару, въ сферу русскаго вліянія, вырвавъ его

1) См.: „Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг. Изъ дневника члена посольства г-ра Н. М. Яворскаго, 2 т., Спб. 1882—83“, дѣла канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора дипломатической части: № 63, 1878 г. „Посольство Столѣтова въ Афганистанъ и смерти Ширъ-Али-хана“ (подъ этимъ заглавіемъ значится: „Дѣло это сформировано изъ: 1) дѣла дипломатической части 78 г. за № 63; 2) дѣла полевого штаба; 3) дѣла канцеляріи генераль-губернатора и 4) бумаги, найденныхъ въ кабинетѣ К. П. фонъ-Кауфмана послѣ его смерти и найденныхъ въ архивѣ“) и № 98, 1878 г. „О командированіи доктора Яворскаго“ и 2-й т. „Исторіи завоеванія Средней Азіи“, сост. ген.-лейт. Терентьевъ. Спб. 1906 г. Последнимъ источникомъ, впрочемъ, слѣдуетъ пользоваться осторожно: ходъ событій хотя въ общемъ и вѣрно изложенъ, но Кауфманъ, которымъ авторъ имѣлъ личныя причины быть недовольнымъ, представленъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ онъ рисуется по документамъ; такъ, напримѣръ, генераль-лейтенантъ Терентьевъ пишетъ (стр. 458 и 473), будто Кауфманъ виноватъ былъ въ томъ, что члены столѣтовскаго посольства оставались въ Кабулѣ столь продолжительное время, терпя всевозможныя лишенія. Это не вѣрно: распоряженія объ оставленіи нашего посольства въ Афганистанѣ передано Кауфману Милютинимъ во исполненіе высочайшаго указація (депеша графа Милютина изъ Ливаліи, № 163, отъ 6 сентября 1878 г., затѣмъ подтвержденная депешами за №№ 697 и 355, отъ 30 сентября и 1 октября того же года), и лишь въ концѣ 1878 года (3 декабря) была получена Кауфманомъ телеграмма отъ князя-камера, что государю благоугодно повелѣтъ: возвратиться Разгонову съ находящимися при немъ лицами въ Россію (все это—въ упомянутомъ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 63, 1878 г.) Отъ Столѣтова же, послѣ его выѣзда изъ Ташкента, Кауфманъ получалъ всего лишь одно извѣстіе (въ депешѣ изъ Ливаліи отъ 3 октября): „здѣсь въ исправленіи здоровья, тѣмъ болѣе, что, кажется, погода будетъ благоприятствовать. Черезъ недѣлю телеграфирую“. Кауфманъ на это протелеграфировалъ: „жалко, что выздоровленіе откладывается. Какіе именно признаки погоды благоприятствуютъ выздоровленію. Последнее извѣстіе 8 сентября: тамъ готовятся“ (въ томъ же дѣлѣ № 63, 1878 г.). Очевидно, Кауфманъ думалъ, что депеша Столѣтова въ иносказательной формѣ намекаетъ на настроеніе придворныхъ сферъ по афганскому вопросу и потому такъ и отвѣтилъ, но что въ дѣйствительности хотѣлъ выразить Столѣтовъ своею депешою—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ Кауфманъ отъ него болѣе не получалъ ни писемъ, ни телеграммъ, несмотря на свою настойчивую просьбу.

у англичанъ. Въмѣсто этого престижъ Россіи палъ въ Афганистанъ безвозвратно и среди воинственныхъ горныхъ клановъ этой страны о русскихъ уже потомъ не могли слышать безъ ненависти ¹⁾).

Послѣдующія событія въ отношеніи Афганистана въ немногихъ словахъ сводятся къ слѣдующему.

Кратковременное правленіе преемника Ширъ-Али, Якубъ-хана, оспаривалось у него его дядею, Эйюбъ-ханомъ, сыномъ Достъ-Мухаммеда. Среди возникшихъ неурядицъ вспыхнуло возстаніе афганцевъ противъ англичанъ и англійскіе гарнизоны были почти повсемѣстно истреблены. Потомъ произошелъ походъ англичанъ въ отплату за это; Якубъ-ханъ сдался на милость побѣдителей и былъ отвезенъ плѣнникомъ въ Индію. Эйюбъ-ханъ успѣлъ нанести англичанамъ пораженіе, но къ англичанамъ подоспѣли подкрѣпленія, Эйюбъ былъ разбитъ и англичане оккупировали Афганистанъ ²⁾. Во время всѣхъ этихъ злоключеній афганцевъ проживавшій на русской пенсіи въ Самаркандѣ афганскій сердаръ Абдуръ-Рахманъ-ханъ въ 1879 г. былъ вызванъ въ Ташкентъ, гдѣ ему и указано было поселиться, чтобы изъ Самарканда, въ виду близости Афганистана, сердаръ не могъ вмѣшаться въ афганскія дѣла. Но изъ Ташкента Абдуръ-Рахманъ «бѣжалъ» при нашей помощи въ Афганистанъ ³⁾ и, подчинивъ въ короткое время важнѣйшія афганскія провинціи: Балахшанъ и Афганскій Туркестанъ, скоро

¹⁾ Закупная сторона нашего поведенія по отношенію къ Афганистану и его эмиру вызвала у перваго туркестанскаго генераль-губернатора не мало горькихъ жалобъ и справедливыхъ упрековъ на виновниковъ столь унижительной роли Россіи; эти сѣтованія съ массою интереснѣйшихъ, относящихся къ этому факту подробностей, К. П. Кауфманъ щедро разбросалъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ отъ того времени къ З. Е. М.—ой. Огромная переписка его съ нею, которую читаешь пишущій это, представляетъ большой историческій интересъ и будетъ крайне жаль, если эти письма исчезнутъ безслѣдно.

²⁾ Подробности см. въ трудѣ Л. Н. Соболева: „Англо-Афганская распря (Очеркъ войны 1879—1880 гг.)“. Спб. 1882—83 гг.“

³⁾ Предшествовала этому „бѣгству“ депеша начальника главнаго штаба, графа Гейдена, отъ 18 марта 1879 г. на имя Кауфмана, въ которой, между прочимъ, было сказано: „при настоящихъ обстоятельствахъ въ Афганистанъ не признаете ли полезнымъ, чтобы Абдуръ-Рахманъ съ своими братьями отправился туда“. Въ отвѣтъ на это Кауфманъ протелеграфировалъ Гейдену (22 марта 1879 г.): „мнѣ непонятно,

упрочился на афганскомъ престолѣ¹⁾, а затѣмъ (уже не при Кауфманѣ), какъ извѣстно, порвать всякія сношенія съ Россіей, склонившись всецѣло на сторону богатой Англіи, умѣло ведущей международныя дѣла. Афганистанъ съ тѣхъ поръ остается запретною для русскихъ страной и ни одна русская нога до сего времени гласно еще не переступала на афганскій берегъ Оксуса.

Почти одновременно съ этими событіями въ Ташкентѣ неожиданно поразилъ 26 марта 1881 года апоплексическій ударъ генераль-адъютанта Кауфмана, на котораго, по общему отзыву знавшихъ его старыхъ туркестанцевъ, произвела потрясающее впечатлѣніе вѣсть о мученической кончинѣ императора Александра II, котораго первый туркестанскій генераль-губернаторъ искренно и горячо любилъ и уважалъ. Мѣсто тяжело больного Кауфмана заступилъ военный губернаторъ Семирѣченской области и командующій въ оной войсками генералъ Кольпаковскій. Приѣздъ его въ Ташкентъ и начало временнаго исправленія должности генераль-губернатора совпали съ передачею нашимъ правительствомъ китайцамъ Кульджи. Въ Семирѣчѣ уже были по распоряженію Кауфмана собраны отряды изъ разныхъ родовъ оружія, готовые двинуться въ китайскіе предѣлы по первому случаю. Приѣхавшему въ Петербургъ чрезвычайному китайскому послу маркизу Цзенгъ были предъявлены требованія объ уплатѣ военныхъ издержекъ за Кульджин-

какія обстоятельства въ Афганистанѣ могутъ побуждать желать, чтобы Абдуръ-Рахманъ съ братьями отправился туда. Миѣ пока извѣстно, что Якубъ-ханъ желаетъ продолжать борьбу и что народъ ему сочувствуетъ. Казалось бы, Абдуръ-Рахману надо не пускаться туда и козить до возможности быть въ немъ набоности“.

Черезъ три дня послѣ отсылки этой депеши Кауфманъ получилъ шифрованную депешу отъ правителя своей канцеляріи, камергера Кабулова, изъ Петербурга такого содержанія: „предложеніе отправить Абдуръ-Рахмана въ Афганистанъ, кажется, вѣдѣно „другомъ Англіи“. Англичане не приостановились движеніемъ на Кабуль, вслѣдствіе нападенія на нихъ тилъ, хотя отбито съ урономъ“.

„Я такъ и думалъ“, написалъ на этой депешѣ Кауфманъ.

(Все это въ вышеназванномъ дѣлѣ канц. ген.-губ. № 63, 1878 г.).

¹⁾ О подробностяхъ „бѣгства“ афганскаго сардара Абдуръ-Рахмана въ Афганистанъ см. напечатанную въ этой же книгѣ статью: „Бѣгство“ Абдуръ-Рахмана-хана изъ Ташкента въ Афганистанъ“, стр. 100—117.

скій походъ, содержанія войскъ, убытковъ нашихъ подданныхъ, исправленіе нашихъ границъ и признаніе договора нашего съ покойнымъ Якубъ-бекомъ объ уступкѣ намъ части Ферганы (въ чемъ китайцы доселѣ отказывали и изъ-за чего, собственно, Россія и угрожала Китаю новымъ походомъ). Очевидно, стоявши въ Семірѣчьи наши войска въ боевомъ порядкѣ были одною изъ причинъ, что китайское правительство быстро согласилось на предъявленныя къ нему требованія и 12 февраля 1881 года былъ подписанъ въ Петербургѣ договоръ, къ сентябрю мѣсяцу того же года ратификованный государемъ и богдыханомъ. Распространившіеся въ средѣ кульджинскаго населенія слухи объ условіяхъ передачи китайцамъ Кульджи породили въ народѣ панику, повлекшую за собою прекращеніе посѣвовъ, продажу за безцѣнокъ всего имущества и стремленіе массами эмигрировать въ наши предѣлы. Въ виду этого Колпаковскій распорядился немедленно командировать въ Кульджу въ качествѣ комиссара (таковой былъ предусмотрѣнъ пятой статьей договора) помощника командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, генераль-майора Фриде, которому ввѣрилъ командованіе нашими войсками въ Кульджѣ и подчинилъ тамошнюю гражданскую администрацію. «Дабы,—какъ доносилъ Колпаковскій министрамъ: военному и иностранныхъ дѣлъ,—чрезъ сосредоточеніе властей гражданской и военной въ однѣхъ рукахъ гарантировать успѣшную подготовку къ передачѣ и самую передачу»¹⁾.

До прибытія же въ Кульджу Фриде Колпаковскимъ была послана и. д. военнаго губернатора въ Вѣрномъ, камергеру Щербинскому, депеша, чтобы онъ выѣхалъ въ Кульджу и успокоить населеніе, передавъ, что жителямъ не возбраняется переходить въ русскіе предѣлы, но по уборкѣ хлѣба и по приведенію въ порядокъ всѣхъ

¹⁾ См. депешу генерала Колпаковского названнымъ министрамъ отъ 3 июня 1881 г., за №№ 469 и 470, въ дѣлѣ канцел. турк. ген.-губ. № 7, 1881 г. „О назначеніи генерал-майора Фриде начальникомъ войскъ и населенія Кульджинскаго района“.

своихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что спѣшить не къ чему, ибо передача Кульджи Китаю состоится не раньше осени¹⁾. Поѣздка Щербинскаго по Кульджѣ и объявленіе населенію вышеназваннаго дѣйствительно успокоили послѣднее и оно высказывало нелицепріятный восторгъ по поводу заботъ о немъ со стороны генерала Колпаковскаго²⁾. Вскорѣ по ратификаціи договора богдыханъ объявилъ полную амністію кульджинскому населенію за всѣ его прежнія возмущенія противъ китайскаго правительства. Эта амністія, опубликованная въ многочисленныхъ прокламаціяхъ, усердно расклеивавшихся китайцами по всѣмъ кульджинскимъ кентамъ (селеніямъ), хотя и была встрѣчена съ недовѣріемъ населеніемъ, но тѣмъ не менѣе сыграла достаточно успокоительную роль³⁾. Съ 13 августа началось выступленіе нашихъ войскъ изъ Кульджи и къ концу 1881 года Кульджа была передана китайцамъ, какъ это и было обѣщано 10 лѣтъ тому назадъ.

Наступившій 1882 годъ былъ особенно памятенъ для Туркестана. Въ ночь на 4 мая скончался «владыка» Туркестана, его первый генераль-губернаторъ, покоритель и устроитель, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, почти пятнадцать лѣтъ со славою и честью правившій обширнѣйшей въ имперіи окраиной и высоко державшій здѣсь русское знамя и русскій престижъ. Почета и вниманія, не показнаго и официальнаго, а искренняго, праху усопшаго было оказано не мало; не мало было пролито надъ гробомъ его и неподдѣльныхъ слезъ окружавшихъ его туркестанцевъ, его сотрудниковъ по покоренію и устроенію края. 17 мая многочисленныя толпы туземцевъ и русскихъ шли за гробомъ почившаго покорителя и устро-

¹⁾ См. депешу Колпаковскаго Щербинскому отъ 3 іюня 1881 г., № 477 (въ томъ же дѣлѣ канц. ген.-губ.).

Затѣмъ право переселенія желающихъ въ русскіе предѣлы Колпаковскій предложилъ на годъ со дня передачи Кульджи китайцамъ, о чемъ и донесъ министрамъ: военному и иностраннымъ дѣлъ (*ibidem*).

²⁾ См. депешу Щербинскаго изъ Кульджи отъ 23 іюня и отъ 13 іюля 1881 г. въ томъ же дѣлѣ.

³⁾ См. письмо генераль-маіора Фриде отъ 1 ноября 1881 года, № 264, къ Колпаковскому въ томъ же дѣлѣ № 3, 1881.

ителя Туркестана отъ небольшой Иосифо-Георгиевской церкви до свѣже вырытой могилы, противъ мужской гимназии, въ такъ называемомъ Кауфманскомъ скверѣ. Достаточно сказано было у праха его рѣчей искреннихъ и теплыхъ; изъ нихъ первую и наиболѣе выразительною была рѣчь генерала Колпаковского, забывшаго въ этотъ день скорби свои шероховатя при жизни отношенія къ покойному...

Черезъ пять лѣтъ, 4 мая 1889 г., прахъ покойнаго К. П. Кауфмана былъ торжественно перенесенъ въ незадолго передъ тѣмъ сооруженный ташкентскій Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ и поконтъя понынѣ близъ правой стѣны, за чугунной рѣшеткой. На мраморной черной доскѣ золотыми буквами вырѣзана слѣдующая надгробная надпись:

«Генераль-адъютантъ, инженеръ-генераль Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ I, кавалеръ св. Георгія 2-й степени, св. Владиміра I ст., св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Анны I ст., св. Станислава I ст. и другихъ російскихъ и иностранныхъ орденовъ. Первый туркестанскій генераль-губернаторъ и командующій войсками туркестанскаго военнаго округа 1867—1882 гг.

«Покоритель Самарканда 1868 г., Хивинскаго ханства 1873 г. и Кокандскаго ханства 1875 г.

Устроитель Туркестанскаго края»¹⁾.

Окидывая почти пятнадцатилѣтнее правленіе Туркестанскимъ краемъ покойнаго К. П. Кауфмана, нельзя не придти къ заключенію, что весь тотъ внутренній обликъ края, который существуетъ до сего времени, обязанъ своимъ возникновеніемъ первому туркестанскому генераль-губернатору. Только крайне напряженная работа столь большого государственнаго человѣка, какимъ былъ покойный, въ теченіе почти полтора десятка лѣтъ могла прочно приобщить къ Россіи огромный край съ

¹⁾ Подробности погребенія К. П. Кауфмана смотри въ книгѣ «Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края. Личныя воспоминанія Н. Остроумова (1877—1881 гг.). Ташкентъ, 1899», стр. 191—198.

сплоченнымъ мусульманскимъ населеніемъ, въ фанатичной средѣ котораго незадолго до прихода русскихъ погибло не мало выходцевъ изъ «невѣрнаго Парангистана», пытавшихся проникнуть въ этотъ косный міръ.

Введеніе въ завоеванныхъ странахъ гражданскаго управленія весьма несложнаго типа при оставленіи въ дѣйствіи многихъ установленій, существовавшихъ въ ханскія времена, обезпечило на первыхъ же порахъ упроченіе довѣрчиваго отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителямъ и послужило залогомъ къ ихъ дальнѣйшему, еще болѣе тѣсному, единенію. Зиядилось это на основаніи высочайше утвержденнаго 11 апрѣля 1867 года проекта временнаго положенія объ управленіи въ областяхъ туркестанскаго генераль-губернаторства, «при чемъ туркестанскому генераль-губернатору было предоставлено право, примѣняясь къ указаннымъ въ проектѣ основаніямъ, принимать всѣ тѣ мѣры, какія будутъ имъ признаны полезными для устройства края». Главныя изъ началъ, положенныхъ въ основаніе этого проекта въ отношеніи покореннаго населенія, были: предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ выборнымъ изъ среды его по всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, оставленіе въ силѣ мѣстнаго шариата, а у кочевниковъ—обычая въ той сферѣ правоотношеній, которая не могла быть до времени опредѣлена русскимъ закономъ, и отстраненіе въ туземномъ управленіи, его законахъ и обычаяхъ всего того, что оказывалось рѣшительно вреднымъ въ интересахъ государства ¹⁾. Проникновеніе этими соображеніями, а также вдумчивое отношеніе къ прошлымъ историческимъ судьбамъ средне-азиатскихъ народностей, столь рѣзко отличающихся отъ населенія остальныхъ частей имперіи, повело къ строгой согласованности всѣхъ частей гражданскаго управленія края, гдѣ верховнымъ, почти полновластнымъ, распорядителемъ

¹⁾ См. «Проектъ всеподданнѣйшаго отчета генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана (по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ туркестанскаго генераль-губернаторства). Спб., 1885», стр. 42—43.

являлся все знавший и все самъ дѣлавшій генераль-губернаторъ, олицетворявшій власть единую и сильную, входившую во всѣ интересы текущей жизни и потому хорошо понятную туземцамъ, десятки вѣковъ жившимъ въ принципахъ автократическаго правленія. Неуклонное проведеніе К. П. Кауфманомъ принятой системы управленія не замедлило дать самыя благопріятныя послѣдствія, и уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Туркестанъ представлялъ картину мирнаго труда населенія и наилучшихъ отношеній между покоренными и завоевателями ¹⁾).

Къ сожалѣнію, при изданіи новаго «Положенія объ управленіи Туркестанскаго края» въ 1886 г. не были приняты во вниманіе причины, создавшія столь прекрасныя условія, а учтены лишь слѣдствія этихъ причинъ. Поторопились подвести подъ общенормскія нормы все управленіе краемъ, представляющимъ массу особенностей по

¹⁾ Временное положеніе 1867 г. было введено въ видѣ опыта на три года, но представленный въ 1871 г. Кауфманомъ проектъ управленія Туркестанскимъ краемъ вслѣдствіе различныхъ замѣчаній подлежащихъ вѣдомствъ и возникшей затѣмъ переписки не былъ проведенъ въ законодательномъ порядкѣ, поэтому положеніе 1867 г., распространенное на Зарафшанскій округъ и Ферганскую область, съ добавленіемъ соответственныхъ итатовъ и съ введеніемъ нѣкоторыхъ дополненій и измѣненій, продолжало существовать въ краѣ до 1886 г.

Характерную горькую резолюцію по поводу поставлявшихся ему предъ министерами въ отношеніи представленнаго новаго проекта положенія объ управленіи краемъ Кауфманъ написалъ на письмѣ къ нему военнаго министра отъ 10 марта 1872 г., № 17352 (см. дѣло канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 56/1872 г. «Съ замѣчаніями министерствъ на проектъ положенія 1871 года»): «Не могу не благодарить за откровенное изложеніе мнѣній г. в. м., столь логично изложенныхъ, но съ тою же откровенностью долженъ выразиться, что одною изъ побудительныхъ причинъ предлагать то, что я предложилъ, есть невозможность сношеній съ нѣкоторыми изъ военныхъ учрежденій, которыя не хотятъ входить въ положеніе генераль-губернатора, на которомъ лежить такая тяжелая отвѣтственность и который за всѣ труды свои и заботы получаетъ въ благодарность одни оскорбительные отзывы и нежеланіе помочь ему; происходитъ же это отъ равнодушія къ дѣлу этихъ учрежденій. Отъ незавѣдыванія ли дѣла или отъ личнаго равноположенія ко мнѣ, но я на каждомъ шагѣ получаю несочувственныя и оскорбительныя бумаги, которыя, разрушая мое здоровье, лишаютъ меня возможности всякой надежды на веденіе управленія въ краѣ при такой централизациі въ министерствахъ, какая выразилась въ последнее время. Мнѣ удалось устроить отношенія къ нѣкоторымъ изъ сосѣдей нашихъ въ Средней Азійи, о которыхъ и мечтать было нельзя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Достигнуть этого я могъ лишь твердою, непзмѣнною, честною и въ то же время, выражусь такъ, доброю политикою съ этими

этнографическимъ, географическимъ, экономическимъ, бытовымъ и политическимъ условіямъ. Слѣдствіемъ этого было возникновеніе ряда недоразумѣній съ неизбежными у насъ между вѣдомственными треніями и въ области правовыхъ отношеній, и въ сферѣ административнаго управленія; авторитетъ русскихъ правительственныхъ органовъ, охранителей туземныхъ правъ и обычаевъ, сталъ падать, но внѣшній видъ благополучія и порядка еще держался довольно долго, такъ какъ память о дѣятельности К. П. Кауфмана, полной достоинства и твердости, до сихъ поръ оказываетъ вліяніе на сохраненіе за мѣстными властями симпатій населенія.

Одновременно съ упроченіемъ въ краѣ русской гражданственности возникъ вопросъ и колонизаціонный. Сотни тысячъ различныхъ выходцевъ изъ Китая, Кашгара, Кызыль-Кумскихъ степей, изъ Хивы, Бухары, Коканда и отчасти Афганистана ¹⁾, измученные неурядищами,

ханами, вопреки общественному здѣсь мнѣнію, безъ кровопролитія; и что же? Лишаютъ меня возможности довести дѣло до конца и послѣдними распоряженіями относительно Хивы компрометируютъ меня передъ этими ханами; и очень быть можетъ, что дѣло придется поправлять съ оружіемъ въ рукахъ.—И хлопочу объ увеличеніи доходовъ съ края и достигъ уже недурныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ и достигну еще значительно большихъ, если мнѣ не будутъ мѣшать разныя формальности; меня заѣдаютъ министерства финансовъ и контроля разными до смѣшного требованіями, а министерство финансовъ даже грубыми, личными, неприличными отзовами, на которые мнѣ стыдно отвѣчать: развѣ такъ платятъ люди, сколько-нибудь имѣющіе совѣсть и любовь къ родинѣ, человѣку, который себя не жалѣетъ на пользу отечества.—Всякому терпѣнію есть мѣра.—И шахохусъ иногда въ такомъ положеніи, что если бы не любовь къ государю императору и нежеланіе огорчать его, я готовъ былъ бы просить все и бѣжать отъ этихъ дѣлъ. Я не имѣю другого честолюбія, какъ только то, чтобъ государь былъ мною доволенъ: къ остальному всему я равнодушенъ, но мнѣ не даютъ дѣла дѣлать, а только портятъ, отравляютъ жизнь. Если бы я добивался обогащенія или возвышенія, я былъ бы равнодушенъ ко всему, что меня огорчаетъ теперь, но я желаю только добра и развитія вѣреннаго мнѣ края не на счетъ Россіи, а на счетъ средствъ этого края,—вопреки стремленію нѣкоторыхъ господъ обрѣзать, какъ они думаютъ, крылья мнѣ.—Советы и указанія воен. м—ра такъ хороши, что нельзя имъ не послѣдовать, и я готовъ еще разъ попробовать, испытать все, что можно, чтобы быть лишь поставленнымъ въ возможность отвѣчать за край передъ государемъ. Но если мнѣ не удастся достигнутаго въ бытность мою зимою въ Петербургѣ, тогда я вынужденъ буду просить государя объ освобожденіи меня, ибо мое положеніе мнѣ не поль сидитъ».

¹⁾ Вышеназванный всеподданнѣйшій отчетъ генерала Кауфмана опредѣляетъ число такихъ эмигрантовъ съ 1867 г. по 1882 г. въ 300 тыс. человѣкъ лишь въ Сурь-Дарьинскую область и Зарафшанскій округъ (стр. 135—136).

поборами и притѣсненіями у себя на родинѣ, устремились въ туркестанское генераль-губернаторство, гдѣ, водворившись, нашли покой и полную защиту своихъ правъ; благодаря этому, заселилось много пустовавшихъ земель, которыя были разработаны подъ различныя культуры.

На ряду съ этимъ инородческимъ переселеніемъ въ край шла и русская колонизація его; такъ, въ Семирѣченской области число станицъ и поселковъ казачьяго войска съ 14, бывшихъ при пріѣздѣ въ край генерала Кауфмана, увеличилось до 27, а крестьянскихъ семей переселилось и прочно осѣло до 20 тыс. душъ, при томъ безъ всякихъ искусственныхъ поощреній, безъ затратъ и правительственныхъ пособій, лишь съ небольшими займообразными выдачами переселенцамъ на первоначальное домообзаведеніе (всего въ годъ выдавалось ссудъ 3.500 руб.).

Упорядоченіе существовавшихъ путей сообщенія, устройство новыхъ дорогъ и учрежденіе почтовыхъ трактовъ, соединеніе телеграфомъ важнѣйшихъ городовъ края съ общероссійскою телеграфною сѣтью и постройка различныхъ капитальныхъ правительственныхъ сооружений—окончательно спаяли до сего времени почти дикій и мало извѣстный край съ остальною Россіей.

Были зарегистрированы площади культурныхъ и необрабатываемыхъ земель, а равно и установлена болѣе или менѣе точная градація, что именно и гдѣ засѣвается; вмѣстѣ съ тѣмъ были сняты на планъ удобныя для русскихъ поселеній мѣстности (въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ) и намѣчены подъ русскую колонизацію пространства степныхъ раіоновъ, безъ ущерба кочевому населенію.

Открытіе залежей каменнаго угля, мѣдной, марганцевой, свинцовой и т. п. рудъ и минераловъ, равно какъ разнообразныя виды до сего времени мало извѣстной туркестанской фауны и флоры съ различными цѣнными продуктами послѣдней (въ родѣ орѣховыхъ наплывовъ, единственныхъ въ мірѣ зарослей пытварной полыни, дающей пытварное сѣмя, и проч.), были впервые болѣе или менѣе подробно описаны и зарегистрированы, благодаря

трудамъ и изысканіямъ Мушкетова ¹⁾, Сѣвернова ²⁾, Миддендорфа ³⁾, супруговъ Федченко ⁴⁾, Регеля ⁵⁾, Ошавина ⁶⁾ и мног. другихъ.

Этнографія и искусство народовъ Средней Азии за время управления Туркестаномъ Кауфмана едва ли не впервые стали предметомъ изученія и популяризаціи со стороны русскихъ и европейскихъ изслѣдователей, писателей и художниковъ: Уйфальви ⁷⁾, Хорошихинъ ⁸⁾, Ма-

1) Его капитальный „Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 г. Спб. 1886“.

2) Его важнѣйшіе труды по зоогеографіи и орогеографіи Туркестана: „Вертикальное и горизонтальное распространеніе туркестанскихъ животныхъ, Спб. 1871 г.“, „Путешествія по Туркестанскому краю и послѣдованіе горной страны Тянь-Шаня, Спб. 1873“, и „Орографическій очеркъ Памирской горной системы, Спб. 1886“.

3) Его капитальные „Очерки Ферганской долины“ изданные сначала по-французски и потомъ въ переводѣ по-русски (В. П. Ковалевскаго, въ Спб. 1882 г.) (Разборъ этого сочиненія былъ помѣщенъ въ № 178 „Прав. Вѣстника“ за 1882 годъ.)

4) См. „Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко“, помѣщенное въ томахъ XI, XIX, XXI, XXVI, XXXIV, XCIV и CIII. „Изв. Имп. О-ва Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.“. Въ этомъ обширномъ трудѣ вып. 20-й XXXIV тома („Альбомъ туркестанскихъ видовъ“) и т. CIII („Списокъ туркестанскихъ растений“) принадлежатъ карандашу и перу супруговъ покойнаго А. П. Федченко—О. А.

5) Рядъ статей въ различныхъ научныхъ повременныхъ изданіяхъ: „Садоводство въ Туркест. краѣ“ („Вѣст. Рос. О-ва Садов.“ 1881, № 4), „Путеш. въ Шугнанъ“ („Изв. П. Русск. Геогр. О-ва“ 1884, т. 20 и проч. Также отчеты о его путешествіяхъ по Средней Азии въ „Mittheilungen“ Петербурга.

6) Посвятившій себя изученію фауны полужестокорылыхъ Туркестана; рядъ статей, писанныхъ во время Кауфмана, разбросанъ въ „Зап. Турк. Отд. П. О-ва Люб. Ест. Антр. и Этногр.“, въ „Тр. Русск. Энтом. О-ва въ С.-Петерб.“ и проч.

7) Главнѣйшіе: „Expédition Scientifique Française en Russie, en Sibirie et dans Le Turkestan. Paris. 1878—82 (5 томовъ съ рисунками и картами, изъ нихъ два заключаютъ атласъ. Собственно Средней Азии посвящены томъ первый и второй); Les Aryens au nord et au sud de L'Hindoukouch 1896; „Résultats anthropologiques d'un voyage en Asie Centrale“ etc.

Трудъ супруговъ Уйфальфи (m-me Ujfalvy Bourdon), раздѣлявшей путешествіе съ мужемъ въ Среднюю Азію, называется „De Paris à Samarcand; Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibirie occidentale. Paris. 1880“. О способѣхъ научныхъ изслѣдованій покойнаго Уйфальфи въ Туркестанѣ знавшіе его туркестанцы рассказывали курьезныя вещи: какъ бы подтвержденіемъ сего можетъ служить указаніе академика К. Г. Залелана въ его статьѣ „Шугнанскій словарь Д. Л. Иванова“ („Восточныя замѣтки“, Сиб. 1895 г., стр. 272).

Въ архивѣ канц. г.-губ. между прочимъ, имѣется дѣло „По поводу вилкаціи съ французскаго подданнаго Уйфальфи 1000 р. въ пользу наследниковъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го“ (№ 3, 1883 г.).

8) Рядъ его разнообразныхъ и интересныхъ статей, до сего времени сохраняющихъ извѣстное значеніе въ этнографической литературѣ по Средней Азии, былъ

евъ¹⁾, Симаковъ²⁾, Верещагинъ³⁾, Каразинъ⁴⁾ и проч. принесли посильную дань изображенію народовъ Средней Азии, ихъ быта и предметовъ матеріальной культуры какъ

собрали и издали по распоряженію Клауфмана отдельной книгой (подъ редакціей Маева) „Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края. Спб. 1876“.

1) Наибольше крупныя труды: „Очерки Бухарскаго ханства“, „Очерки Гиссарскаго края“, „Очерки горныхъ бекствъ Бухарскаго ханства“ (въ V вып. „Матеріаловъ для статистики Турк. края. Спб. 1879 г.“, стр. 77—332), „Азиатскій Ташкентъ“ (въ IV вып. „Матер. для статистики Тур. края. Спб. 1876 г.“, стр. 260—313) и проч. Маевъ былъ такъ же первымъ редакторомъ „Турк. Вѣдом.“ и названныхъ „Матеріаловъ“, издававшихся „Туркест. Стат. Комитетомъ“.

2) Первый трудъ, посвященный графическому изображенію предметовъ искусства средне-азиатскихъ народностей: „Искусство Средней Азии. Сборникъ орнаментовъ и узоровъ, снятыхъ съ натуры на памятникахъ архитектурныхъ, и предметовъ гончарныхъ, ткацкихъ, ювелирныхъ и проч. членомъ Самарской ученой экспедиціи Н. Симаковымъ въ 1879 году. Изд. Императорскаго О-ва Поощренія Художествъ. Спб. 1882—1883“. Заключаетъ 9 немум. стр. текста и 50 раскрашенныхъ листовъ, изображающихъ орнаменты тканей, предметы утвари, оружіе и проч. (Хвалебная рецензія Стасова на это издание помѣщена въ „Худож. Новостяхъ“ отъ 15 февр. 1883 г. № 4, стр. 126—139, и затѣмъ была перепечатана въ „Собр. сочин. В. В. Стасова 1847—1886, т. II. Спб. 1894“, стр. 695—702.)

3) Помимо знаменитыхъ его туркестанскихъ картинъ, этюдовъ и рисунковъ, находящихся нынѣ въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ, известны его: „Туркестанъ. Этюды съ натуры В. В. Верещагина, изданныя по порученію туркестанскаго генералъ-губернатора на высочайше дарованныя средства. 26 листовъ съ 106 рисунками. Спб. 1874“. (Превосходно исполненныя фотографіи въ Мюнхенѣ и Обернеттеръ съ подписями на трехъ языкахъ), и „Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ картинъ В. В. Верещагина, исполненныхъ Ганфштедтелемъ и Обернеттеромъ въ Мюнхенѣ“, всего 29 картоновъ большаго размѣра (22½ × 16½ вершк.), великолѣпно сдѣланныхъ коллодійнымъ способомъ. Были въ свое время въ продажѣ и отдельные листы этого изданія.—О пребываніи въ Туркестанѣ Верещагина и о его работахъ здѣсь въ архивѣ канцеляріи генералъ-губернатора имѣется не безынтересное дѣло „О командированіи прапорщика Верещагина въ нѣкоторыя части Туркестанскаго края для изслѣдованія въ научномъ отношеніи и за границу“, № 230/1868—1873 л.

4) Изъ средне-азиатскихъ картинъ Каразина известны его большія батальныя полотна, находящіяся въ № 8 камеръ-юнгферскаго корридора Зимняго Дворца: „Штурмъ Ташкента“, „Взятіе Самарканда“, „Зерабулакскій бой“, „Взятіе Махрама“, „Переправа чрезъ Аму-Дарью“, „Взятіе Геокъ-Тепе“ и „Походъ въ Пескахъ“. Картина „Бой подъ Чандыремъ“ (изъ этой же серіи) находится въ домѣ начальника Закаспійской области (въ Асхабадѣ). Рядъ же разнообразныхъ акварелей Каразина изъ средне-азиатской жизни находится почти во всѣхъ картинныхъ галлерейхъ Россіи, а репродукціи съ нихъ и съ его талантливыхъ „туркестанскихъ“ иллюстрацій были разбросаны почти во всѣхъ русскихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Хивинскому походу Каразинымъ былъ посвященъ спеціальныи альбомъ хромо-литографій, исполненныхъ Винкельманомъ и Штейнбокомъ въ Берлинѣ по акварелямъ покойнаго художника (17 картоновъ съ 12 хромо-литографіями).

Изъ балетристическихъ произведеній Каразина, посвященныхъ Туркестану, слѣдуетъ отмѣтить его извѣстныя: „Въ камышахъ“, „Двуногий волкъ“, „Наль“ и друг.

въ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ художественныхъ изображеніяхъ пера и кисти.

Всѣмъ этимъ работникамъ на шивѣ науки и искусства со стороны покойнаго устроителя Туркестана оказывалось самое широкое содѣйствіе, вниманіе и покровительство, а многимъ и самый предметъ того или другаго изслѣдованія быть внушенъ Константиномъ Петровичемъ, который живо сознавалъ всю важность тѣхъ или другихъ научныхъ работъ по краевѣдѣнію. Извѣстная, на примѣръ, ученая экспедиція Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоявшая подъ начальствомъ покойнаго А. П. Федченко, была задумана генераль-адъютантомъ Кауфманомъ ¹⁾; по его же инициативѣ было издано нѣсколько художественныхъ альбомовъ, воспроизводящихъ жизнь новаго края въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, — таковы: выпущенный въ 7 экземплярахъ извѣстный фотографическій «Туркестанскій альбомъ» въ четырехъ частяхъ ²⁾, «Виды и типы Хивинскаго ханства (тридцать три картины, заключающихъ сорокъ одинъ фотографическій снимокъ)», «Типы народностей Средней Азии» (восемьдесятъ пять фотографій въ двойномъ видѣ каждая—en face и въ профиль ³⁾) и другіе.

Вообще говоря, самой свѣтлой чертой высокаго ума

¹⁾ См. теплыя строки по адресу инициатора экспедиціи, «незавѣннаго К. П. Кауфмана», въ предисловіи къ 24 выпуску (т. III) «Путешествія въ Туркестанъ А. П. Федченко, совершеннаго отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія по порученію туркестанскаго генераль-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана. Списокъ растений, собранныхъ въ Туркестанѣ въ 1869, 1870 и 1871 годахъ О. А. Федченко. Москва, 1902 г.».

²⁾ Часть первая включаетъ фотографическіе снимки археологическихъ памятниковъ Туркестана, вторая — военно-историческіе виды, портреты и сооружения, третья—этнографическій альбомъ и четвертая—снимки, относящіеся до туркестанской промышленности. (См. о немъ В. В. Стасова «Фотографич. и фототипич. коллекція Импер. Публ. Библіот.» Прилож. къ «Отч. И. Публ. Библіот. за 1885 г.»; стр. 1—176. Затѣмъ эта статья была перепеч. въ «Собр. соч. В. В. Стасова, т. II. СПб. 1899»; стр. 862—914).

³⁾ Этотъ альбомъ въ исполненіи В. Козловскаго былъ составленъ по порученію Кауфмана комитетомъ по участію Туркестанскаго края на третьемъ международномъ съѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ.

К. П. Кауфмана, какъ это вѣрно замѣтили въ своемъ надгробномъ словѣ одинъ изъ его сослуживцевъ, было убѣжденіе, что только серьезнымъ изученіемъ природныхъ и бытовыхъ условій края, только при помощи истинно-научныхъ приѣмовъ можно достигъ твердыхъ отвѣтовъ на жизненные вопросы и потому поощрявшаго возможно широкое и разностороннее научное изслѣдованіе Туркестанскаго края ¹⁾).

Восточныя рукописи и печатныя произведенія, предметы археологій и искусства среднеазиатскихъ народностей, взятые на правахъ побѣдителя изъ покинутыхъ дворцовъ или другихъ мѣстныхъ городовъ, въ изобиліи отсылались Кауфманомъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, Азіатскій Музей, Оружейную Палату и проч.

Живое сознаніе просвѣтительныхъ началъ въ только что завоеванномъ краѣ побудило генерала Кауфмана открыть Туркестанскую публичную библіотеку и при ней музей, первую типографію военно-народнаго управления и основать старѣйшій въ краѣ печатный органъ въ Туркестанѣ «Туркестанскія Вѣдомости», на страницахъ котораго печатались интереснѣйшія и цѣнныя статьи, касавшіяся различныхъ проявленій мѣстной жизни въ ея настоящемъ и прошломъ.

Искреннее желаніе собрать въ мѣстной публичной библіотекѣ все, что выходило въ свѣтъ на европейскихъ языкахъ о Туркестанѣ и сопредѣльныхъ странахъ, побудило К. П. Кауфмана привлечь къ подобной работѣ извѣстнаго библіографа, покойнаго В. П. Межова. Его трудами, на отпушенные генераль-губернаторомъ средства, былъ созданъ извѣстный «Туркестанскій сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азій вообще и Туркестанскаго края въ особенности», въ 416 томахъ котораго собрано все, что появлялось въ Европѣ въ видѣ

¹⁾ В. Ф. Ошанинъ, говорившій у могилы К. П. отъ лица ташкентскаго отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (см. вышеупомянутую книгу Н. Остроумова «Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края», стр. 193).

отдѣльныхъ изданій или въ газетахъ и журналахъ за время съ 1867 года (и ранѣе) по 1883 годъ.

Въ отношеніи учебнаго дѣла было сдѣлано также не мало: вмѣсто четырнадцати низшихъ училищъ, существовавшихъ къ пріѣзду Кауфмана въ Семирѣченской и Туркестанской областяхъ, при немъ возникло сорокъ шесть новыхъ начальныхъ училищъ, пять среднихъ учебныхъ заведеній, съ пансіонами при нѣкоторыхъ изъ нихъ, ученическія квартиры при училищахъ и нѣсколько дѣтскихъ пріютовъ. Стараясь о развитіи и постановкѣ воспитательнаго дѣла въ краѣ на соответствующую высоту въ интересахъ государственныхъ, К. П. Кауфманъ усиленно занимался о возможно большемъ распространеніи идеи русской школы среди туземцевъ, какъ лучшаго средства къ сближенію ихъ съ Россіей¹⁾.

Помимо изложеннаго, многіе проекты Кауфмана не получили осуществленія или вслѣдствіе неожиданно открывавшихся военныхъ операцій и связанной съ ними неизбежной экономіи въ средствахъ на другія мѣропріятія, или благодаря несочувственному отношенію петербургскихъ сферъ. Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ покойнаго устроителя Туркестана, однако, до сего времени не потеряли своей жизненности и чрезъ десятки лѣтъ идеи ихъ вновь предлагаются къ осуществленію; таковы проекты покойнаго о созданіи краевого центрального статистическаго комитета, мѣстнаго центрального архива съ специально приспособленнымъ для сего зданіемъ, школы для переводчиковъ туземныхъ языковъ или мѣстнаго восточнаго института, и тому подобное. Все это указываетъ на широту замысловъ покойнаго генераль-губернатора, далеко опередившаго современныя ему условія бюрократическихъ началъ управленія вообще и жившаго идеями глубокаго проникновенія въ насущныя задачи нашего владычества въ Туркестанѣ.

¹⁾ См. ту же книгу Н. Остроумова „Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края“, стр. 194.

Конечно, описать все сдѣланное покойнымъ генераломъ Кауфманомъ для гражданскаго устройства края, тѣмъ болѣе въ такомъ обѣломъ очеркѣ, какъ настоящій, невозможно: это значило бы писать исторію водворенія русской гражданственности въ Средней Азіи за первыя 15 лѣтъ нашего владѣнія ею. Ташкентскіе архивы съ ихъ десятками тысячъ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ массу чрезвычайно цѣнныхъ матеріаловъ на русскомъ и туземныхъ языкахъ, относящихся ко временамъ Кауфмана, ждутъ своей специальной разработки. Только благодаря подобной разработкѣ и безпристрастному изученію документовъ эпохи Кауфмана, съ его безчисленными резолюціями и замѣтками на нихъ, и возможно будетъ составить ясное представление о планомѣрности всѣхъ его административныхъ и военныхъ распоряженій, о широтѣ его государственныхъ замысловъ и о честномъ, идейномъ отношеніи къ задачамъ русскаго управленія Средней Азіей.

Правда, на этомъ свѣтломъ фонѣ героической туркестанской легенды были и свои мрачныя стороны. Знаменитое дѣло о расхищеніи казенныхъ земель въ Кураминскомъ уѣздѣ, гдѣ были замѣшаны военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области, генераль-лейтенантъ Головачевъ, помощникъ правителя канцеляріи генераль-губернатора, камеръ-юнкеръ Савинковъ, и кураминскій уѣздный начальникъ полковникъ Гуйюсъ, или громкій процессъ ходжентскаго уѣзднаго начальника, барона Нольде, обвинявшагося въ растратахъ, пыткахъ и прочихъ преступленіяхъ, и нѣкоторые другіе «подвиги» бывшихъ «господь-ташкентцевъ», дополнявшіе уголовную хроніку края,—нерѣдко приводятся противниками К. П. Кауфмана, какъ иллюстрація царившаго въ его время безшабашнаго разгула страстей и вакханаліи взяточничества, казнокрадства и всякихъ злоупотребленій въ административно-военной средѣ Туркестанскаго края. На это позволительно замѣтить, что даже самые ярые противники покойнаго генераль-губернатора не могутъ привести ни одного примѣра, рисующаго его личную нечестность и злоупотребленіе

высочайше ввѣренными ему правами и полномочіями, подчеркивая лишь, что Кауфманъ мягко относился къ преступленіямъ вышеназванныхъ лицъ, ходатайствуя объ облегченіи ихъ участи.

Нѣкоторыя изъ лицъ, окружавшихъ Кауфмана и выдѣлявшихся своими весьма невысокими нравственными и служебными качествами, въ весьма значительной степени обязаны своимъ появленію въ крайъ связямъ своихъ высокопоставленныхъ родственниковъ; прибывъ въ край и чувствуя за собою могучую поддержку въ Петербургѣ, они топтали въ грязь здѣсь и себя, и то русское дѣло, которое они обязаны были по чувству долга и вѣрности государю всячески оберегать. Поэтому-то здѣсь и послѣ Кауфмана встрѣчались такіе печальной памяти представители титулованныхъ фамилій, которые, будучи посланы въ Бухару въ качествѣ чрезвычайныхъ пословъ отъ генераль-губернатора, обращались къ эмиру съ просьбою дать имъ сейчасъ же десятки тысячъ рублей займа или, пріѣхавъ въ Петербургъ, начинали въ придворныхъ сферахъ распускать про генераль-губернатора всевозможныя зловредныя небылицы...

Усдѣлать за всѣмъ этимъ и пресѣчь зло въ корнѣ не подѣ силу было Кауфману, постоянно заваленному дѣлами по внѣшне-политической, административной и военной частямъ, созиданіе конхъ приходилось начинать съ самаго основанія и по планамъ лично имъ разрабатывавшимся.

Были, разумѣется, ошибки, увлеченія и извѣстныя слабости, какъ и у всѣхъ людей, но они не могутъ затемнить свѣтлый образъ генерала Кауфмана и его идейное служеніе въ Средней Азій интересамъ русской культуры и русской гражданственности, «мудрымъ вѣнцателемъ», которыхъ быть этотъ «рыцарь въ мирѣ и на войнѣ» ¹⁾.

А. Семеновъ.

¹⁾ Такъ обмолвился о покойномъ К. П.—тѣ генералъ Богдановичъ въ своей рѣчи на юбилейномъ хивинскомъ обѣдѣ, въ Петербургѣ, 29 мая 1898 года.

Сейидъ-Музаффаръ-Эддинъ-Багадуръ Ханъ,
Эмиръ Бухарскій.

Фотоакварель А. А. Семенова съ весьма рѣдкой раскрашенной фотографіи,
принадлежащей генералу отъ инфантеріи Н. И. Гродекову.

Событія передъ хивинскимъ походомъ 1873 года по разсказу хивинскаго историка.

Исторія средне-азиатскихъ ханствъ въ XVIII и XIX вв. принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ отраслей исторіи Востока, что объясняется не отсутствіемъ источниковъ, а равнодушіемъ изслѣдователей. До настоящаго времени еще не вполне опровергнутъ предразсудокъ, связанный съ преувеличенной оцѣнкой культурнаго уровня такъ называемаго «древняго Востока»: въ новой исторіи восточныхъ народовъ видятъ только картину непрерывнаго и безнадежнаго застоя и упадка. Не говоря уже о новѣйшей исторіи Средней Азіи, нерѣдко вся историческая жизнь современныхъ средне-азиатскихъ народовъ представлялась незаслуживающей вниманія. Еще въ послѣдніе годы мы были свидѣтелями характернаго факта: экспедиціей, специально снаряженной изъ Америки, производились раскопки на мѣстѣ историческаго города исключительно съ цѣлью найти слѣды до-историческаго быта страны, безъ всякаго вниманія къ ея историческому прошлому, даже безъ участія лицъ, знакомыхъ, хотя бы изъ вторыхъ рукъ, съ письменными извѣстіями объ этомъ прошломъ. равнодушіемъ къ сравнительно недавнему историческому прошлому края проникались и мѣстные дѣятели; когда въ 1895 г. былъ образованъ Туркестанскій кружокъ любителей археологін, ему была поставлена задача «собрать какъ можно больше матеріала для освѣщенія древняго періода средне-азиатской исторіи»¹⁾. Жизнь

¹⁾ Протоколы Турк. кружка люб. арх., годъ X, приложение, стр. 4.

выяснила невозможность такого ограниченія задачъ кружка, и послѣдній на страницахъ своихъ «Протоколовъ» удѣлялъ не мало мѣста событіямъ послѣднихъ вѣковъ: но исторія этихъ вѣковъ остается и до настоящаго времени гораздо менѣе изслѣдованной, чѣмъ было бы возможно по количеству и качеству находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ.

Между прочимъ остается невыполненной задача, важность которой, казалось бы, не могла подлежать сомнѣнію, особенно для мѣстныхъ дѣятелей: извлечь изъ памятниковъ туземной литературы, главнымъ образомъ исторической, рассказы о ходѣ завоеванія края русскими и объ отдѣльных моментахъ этой борьбы. На необходимость выполнения этой работы впервые обратилъ вниманіе проф. Н. И. Веселовскій, справедливо полагавшій, что при пользованіи одними русскими источниками мы «можемъ впасть въ односторонность и составить невѣрный взглядъ на мѣстное населеніе, на его взгляды и дѣятельность въ то время». Еще въ 1885 г. проф. Веселовскимъ въ Ташкентѣ наводились справки, «не существуютъ ли у грамотеевъ изъ мѣстныхъ мусульманъ какихъ-либо записокъ о русскихъ завоеваніяхъ въ западномъ Туркестанѣ». Таковыхъ, однако, не нашлось; тѣ рассказы, которые были получены проф. Веселовскимъ и изъ которыхъ одинъ былъ имъ впоследствии изданъ¹⁾, оказались составленными спеціально для него.

Вслѣдъ за проф. Веселовскимъ мною также были приняты мѣры для выясненія того же вопроса, но съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Опытъ показалъ, что на полученіе отъ туземцевъ записей, спеціально посвященныхъ войнѣ съ русскими, было мало надежды; оставалась надежда найти въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ, подносившихся тому или другому хану, среди рассказовъ о событіяхъ того или другаго царствованія, извѣстія о приѣмѣ русскихъ посольствъ и о столкнове-

¹⁾ Н. Веселовскій. Киргизскій рассказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Сб., 1894 г.

ніяхъ съ русскими войсками. Такія извѣстія и были извлечены мною въ 1898 году¹⁾ изъ «Тарихи Шахрохи» кокандца Мухаммедъ-Ніяза, — сочиненія, написаннаго вскорѣ послѣ 1871 года и напечатаннаго въ Казани въ 1885 г. Н. Н. Пантусовымъ. Разказы о тѣхъ же событіяхъ другихъ кокондскихъ историковъ Мухаммеда-Хакима²⁾ (въ 20-хъ годахъ XIX в. совершившаго путешествіе въ Мекку и Медину черезъ Россію), муллы Авазъ-Мухаммеда и андижанца Тюря-ходжи³⁾ до настоящаго времени остаются неиспользованными.

Еще менѣе посчастливилось исторіи Хивинскаго ханства. Въ 1873 г. во дворцѣ бѣжавшаго хана были найдены рукописи, заключающія въ себѣ полную исторію ханства съ основанія до 1872 г., на турецко-татарскомъ литературномъ (такъ называемомъ «джагатайскомъ») языкѣ. Основное сочиненіе, носившее заглавіе «Фирдаусу-л-икбаль» («райскій садъ счастья») принадлежало мирабу Ширъ-Мухаммеду, извѣстному подъ литературнымъ прозваніемъ Муниса, и было начато еще въ царствованіе Пльтезеръ-хана (до 1806 г.). Другой историкъ, мирабъ Мухаммедъ-Риза, по литературному прозванію Огехи, писавшій при Алла-Куль (1825—1842), окончилъ трудъ своего предшественника, доведя его до смерти хана Мухаммедъ-Рахима (1825 г.) Тотъ же Огехи впоследствии въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, поднесенныхъ нѣсколькимъ ханамъ, подъ различными заглавіями, довелъ исторію своей родины до событій, непосредственно предшествовавшихъ походу К. П. фонъ-Кауфмана. Рукописи трудовъ Муниса и Огехи были доставлены въ С.-Петербургъ и переданы въ Азіатскій музей Академіи наукъ, гдѣ находятся въ настоящее время; краткія свѣдѣнія объ этой находкѣ проникли въ русскую и западно-европей-

¹⁾ Статья «Туземець о русскомъ завоеваніи» (Турк. Вѣдом. за 1898 г.).

²⁾ Или Хакимъ-ханъ-тюри; см. о немъ Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères, VIII, St.-P., 1897, p. 150—155. также Протоколы Турк. кружка люб. арх., годъ III, стр. 159 и 169 и Зап. вост. отд. И. Р. арх. общ., т. XV, стр. 218.

³⁾ Зап. вост. отд., т. XV, стр. 272 и слѣд.

скую печать¹⁾; тѣмъ не менѣе русскіе и западно-европейскіе ученые продолжали писать объ исторіи Хивинскаго ханства такъ, какъ будто бы послѣ извѣстнаго труда хана Абу-л-Гази, доведеннаго его сыномъ и преемникомъ до 1663 г., не было почти никакихъ туземныхъ источниковъ.

Размѣры настоящей статьи, конечно, не позволяютъ передать всѣ извѣстія Муниса²⁾ и Огехи, имѣющія отношеніе къ русскимъ; ограничиваюсь поэтому извлеченіемъ такихъ извѣстій изъ послѣдняго труда Огехи, носящаго заглавіе «Шахиди Икбаль» («свидѣтель счастья») и посвященнаго событіямъ первыхъ девяти лѣтъ царствованія нынѣшняго хана³⁾.

Вопросъ о томъ, какъ представлялъ себѣ хивинскій авторъ событія того времени, вызвавшія походъ 1873 г., казался мнѣ не лишеннымъ интереса. Сопоставленіе его разсказовъ съ разсказами русскихъ источниковъ и критическая оцѣнка его показаній, въ особенности его взглядовъ, не входили въ мою задачу; то и другое можетъ быть лучше выполнено мѣстными дѣятелями, которымъ

¹⁾ Первое сообщеніе объ этихъ рукописяхъ было слѣдено, если не ошибаюсь, А. Л. Кунюмъ, въ засѣданіи Имп. Рус. геогр. общ. 5 дек. 1873 г. Докладъ Куна былъ напечатанъ на русскомъ языкѣ въ Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., т. X, отл. II, стр. 47—58 (о рукописяхъ стр. 57), на нѣмецкомъ языкѣ въ *Russische Revue*, Bd. IV, St.-P., 1874, S. 58—74 (о рукописяхъ S. 71—72); этими свѣдѣніями воспользовался Howorth (*History of the Mongols*, part. II, div. 2, p. 961). О рукописяхъ, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ, см. *Mélanges Asiatiques*, X, 278.

²⁾ Между прочимъ, въ сочиненіи Муниса есть свѣдѣнія о гибели князя Бекевича-Черкасскаго, хотя и очень краткія (рук. Аз. муз. 5900а, л. 74 б—75 а). Кромѣ „Девлетъ-Гирей“, т.-е. Бекевича, упоминается какой-то Андрей Губурнатъ (?). Начальниками хивинцевъ были аталыкъ Кутъ-Мухаммедъ изъ кунраговъ и пинакъ Авазы-бий изъ наймановъ; ихъ вѣроломство кажется автору вполне законной хитростью; по его мнѣнію, нѣтъ никакого основанія обнажать мечъ, когда хитрость можетъ рѣшить дѣло. Нѣтъ никакого отголоска тѣхъ обвиненій, которыя, по русскимъ источникамъ, были высказаны противъ Бекевича ханомъ Ширгази въ 1725 г. М. А. Терентьевъ (*Исторія завоеваній Средней Азій*, т. I, стр. 39) ошибочно смѣшиваетъ имя Девлетъ-Гирей съ эпитетомъ Девлетгиръ („покоритель царствъ“) и потому видитъ въ этомъ имени подтвержденіе честодобивыхъ плановъ Бекевича. Гирей—только названіе рода, изъ котораго, какъ извѣстно, происходили и крымскіе ханы.

³⁾ Рук. Аз. муз. 590 од. Къ этому сочиненію относятся приводимыя ниже, въ примѣчаніяхъ, ссылки на листы рукописи.

доступны архивные источники или которые сами принимали участие въ событіяхъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ.

Нѣкоторымъ читателямъ, можетъ быть, покажется спорнымъ самый вопросъ о томъ, своевременно ли печатать рассказы туземцевъ о русскихъ, относящіеся къ эпохѣ завоеванія края, особенно въ сборникѣ, предназначенномъ не для однихъ специалистовъ и, вѣроятно, не только для читателей русскаго происхожденія. Но еще въ 1898 г. тогдашняя редація «Туркестанскихъ Вѣдомостей», печатая мою статью «Туземецъ о русскомъ завоеваніи», замѣтила вполне основательно, что то отношеніе къ русскимъ, которое проявляется въ сочиненіяхъ эпохи завоеванія, можетъ представлять теперь только историческій интересъ. Такъ, конечно, смотрѣлъ на свою статью и самъ авторъ. Послѣ семидесятыхъ годовъ прошло го вѣка условія жизни въ краѣ успѣли настолько измѣниться, что сами участники событій того времени могутъ вспоминать о нихъ только какъ объ отдаленномъ прошломъ, не имѣющемъ никакого отношенія къ современной жизни.

Вступленіе на престолъ Сейидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-хана произошло въ четвергъ 10 сентября 1864 года¹⁾. Въ воскресенье 20 сентября въ Хиву прибылъ посольство изъ Коканда, съ извѣстіемъ о взятіи русскими города Туркестана²⁾; кокандскій правитель (хакимъ) Султанъ-Мурадъ-ханъ³⁾ послѣ совѣщанія съ военачальниками отправилъ это посольство съ цѣлью просить помощи противъ русскихъ у хивинскаго хана и у турецкаго султана. Посольство передалъ новому хану письмо, написанное на имя

¹⁾ М. Г. Сопоставленіе даты съ днями недѣли показываетъ, что даты хивинскаго календаря того времени отставали на одинъ день отъ датъ по таблицамъ Вюстенфельда.

²⁾ Туркестанъ былъ взятъ 12 іюня 1864 г.

³⁾ Султанъ-Мурадъ, братъ Худояръ-хана, насколько извѣстно, никогда не носилъ ханскаго титула. Въ 1864 г. кокандскимъ ханомъ былъ Сейидъ-Султанъ, сынъ Малия-хана.

его предшественника Сейидъ-Мухаммедъ-Бахадуръ, и былъ милостиво принятъ ¹⁾. Самъ ханъ еще прежде, 18 сентября, отправилъ посла въ Бухару къ эмиру Музаффару съ извѣстіемъ о смерти своего предшественника и о своемъ вступленіи на престолъ ²⁾. Посольство вернулось въ Хиву въ воскресенье 8 ноября того же года въ сопровожденіи бухарскаго посла ³⁾. Такимъ же порядкомъ (каждаго хивинскаго посла сопровождалъ на обратномъ пути въ Хиву посолъ изъ Бухары, и наоборотъ) продолжался обмѣнъ посольствами между Бухарой и Хивой въ слѣдующіе годы, даже послѣ подчиненія Бухары Россіи. Послѣдній бухарскій посолъ, о которомъ упоминаетъ Огехи, былъ отпущенъ изъ Хивы, въ сопровожденіи хивинскаго посла, во вторникъ 15 августа 1872 года ⁴⁾.

Окончаніе борьбы эмира Музаффара съ русскими и дальнѣйшія событія авторъ представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Разбитый русскими въ 1866 г. ⁵⁾, эмиръ долгое время оставался въ Кермине, собирая войско для продолженія борьбы; только въ 1868 г. онъ послалъ это войско къ Самарканду.

Русскіе за это время успѣли взять Ура-Тюбе ⁶⁾ и Джизакъ ⁷⁾ и расположились въ Яны-Курганѣ, приблизительно въ 6 фарсахъ отъ Самарканда. Между Самаркандомъ и Яны-Курганомъ произошли военныя дѣйствія, окончившіяся полнымъ пораженіемъ бухарцевъ; русскіе взяли Самаркандъ ⁸⁾ и Катта-Курганъ ⁹⁾. Эмиръ не видѣлъ для себя иного спасенія, какъ заключить миръ съ русскими, и тайно отправилъ посла къ русскому губернатору ¹⁰⁾;

1) Л. 18 а—19 а.

2) Л. 17 б—18 а.

3) Л. 26 а.

4) Л. 225 б.

5) Мѣстомъ этой битвы въ текстѣ названо мѣсто Сасыкъ-Куль. Очевидно, имѣется въ виду сраженіе при Ирджарѣ 8 мая 1866 г.

6) 2 октября 1866 г.

7) 18 октября.

8) 2 мая 1868 г.

9) 18 мая.

10) Авторъ вездѣ называетъ К. П. фонъ-Кауфмана просто „губернаторомъ“.

быть заключенъ договоръ¹⁾, по которому эмиръ обязался платить русскимъ по 12000 тиллей въ мѣсяць, а русскіе согласились не идти дальше и приходить въ Бухару только для торговыхъ цѣлей.

Старшій сынъ эмира, Абдуль-Меликъ-тюря, бывшій тогда хакимомъ въ Гузарѣ, зная только о взятіи русскими Самарканда и Катта-Кургана, но не о заключеніи договора, собралъ войска изъ Карши, Гузара и другихъ мѣстъ, двинулся на Шахрисябъ, соединился съ хакимами этого города и пошелъ на Самаркандъ, но тамъ не имѣлъ успѣха и долженъ былъ вернуться въ Гузаръ. Въ то же самое время происходило движеніе въ самой Бухарѣ; собрались улемы, шейхи и студенты, всего около 3000 человекъ; провѣдавъ тайну о заключеніи договора, они объявили его противорѣчнымъ шариату и выступили въ походъ въ качествѣ борцовъ за вѣру. Прибывъ въ Кермине, они обратились къ эмиру со слѣдующими «сильными словами»: «Выступи во главѣ насъ противъ кафировъ, чтобы мы погибли, сражаясь передъ тобой, и потомъ дѣлай все, чего захочетъ твое сердце; а не то, отдай намъ коней и вооруженіе своего войска; тогда мы сами пойдемъ сражаться съ кафирами, а ты оставайся здѣсь, отдыхай и веселись». Эти слова привели эмира въ такой гнѣвъ, что ему хотѣлось истребить всѣхъ муллъ; но онъ сдержалъ себя и отвѣтилъ мулламъ, что вполне одобряетъ ихъ намѣреніе, велѣлъ имъ, не разстраивая своихъ рядовъ, идти къ Самарканду, а самъ обѣщавъ выступить дня черезъ два или три, послѣ окончанія военныхъ приготовленій, чтобы съ помощью Божьей побѣдить кафировъ или добиться мученическаго вѣнца. Муллы послушались; эмиръ Музаффаръ, «прельстившись благами тѣннаго міра», тайно увѣдомилъ самаркандскаго «хакима» и начальника стоявшаго тамъ русскаго войска о предстоящемъ прибытіи отряда и посоветовалъ истребить его, не впуская въ городъ. Русскіе такъ и поступили; муллы

¹⁾ 23 іюня.

должны были остановиться внѣ городскихъ стѣнъ, гдѣ подверглись неожиданному нападению и были истреблены ударами сабель и ядрами пушекъ; остатки отряда разбѣжались въ разныя стороны.

Послѣ этого событія эмиръ Музаффаръ возвратился изъ Кермине въ Бухару, послалъ русскимъ обѣщанное золото и письмомъ увѣдомилъ сына о заключеніи договора съ русскими, съ приказаніемъ воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Получивъ письмо, Абдуть-Меликъ-тюря, не одобряя дѣйствій отца, созвалъ въ Гузарѣ знатныхъ людей области и сталъ жаловаться имъ на поступки эмира, обязавшагося платить дань кафирамъ и истребившаго людей науки. Присутствовавшіе единогласно признали, что за такіе поступки эмиръ долженъ быть низложенъ и что необходимо до послѣдней капли крови отстаивать шаріатъ. Было рѣшено сначала взять Бухару и возвести на престолъ Абдуть-Мелика, потомъ возобновить войну съ русскими.

Тюря собралъ войска всѣхъ областей отъ Гузара до Шахрисябза, взялъ Карши и перевелъ туда свое имущество и свой гаремъ; каршинскіе узбеки всѣ подчинились ему. Изъ Карши онъ двинулся на Бухару, откуда ему навстрѣчу вышелъ съ войсками эмиръ; бухарскіе узбеки большею частью приняли сторону тюря, который въ каждой стычкѣ одерживалъ верхъ надъ отцомъ. Эмиръ былъ вынужденъ просить помощи у русскихъ и получилъ отъ нихъ большое войско; противъ этой силы тюря не могъ устоять и бѣжалъ изъ Карши въ Шахрисябзъ¹⁾; его гаремъ былъ захваченъ эмиромъ и отправленъ въ Бухару. Русскіе вернулись въ Самаркандъ и оттуда прислали въ Шахрисябзъ требованіе выдать тюря или имъ, или эмиру, иначе городъ подвергнется нападению съ двухъ сторонъ и ни одинъ житель не будетъ оставленъ въ живыхъ. Шахрисябзы объявили тюря, что не могутъ оставить его у себя и что онъ долженъ идти

¹⁾ Карши былъ взятъ русскими 23 октября 1868 г.

или къ русскимъ, или къ отцу. Тюря рѣшилъ бѣжать въ Хиву, но объявилъ, что идетъ къ русскимъ, и выпустилъ свое войско, оставивъ при себѣ только отрядъ въ 400 всадниковъ съ небольшимъ. Съ этимъ отрядомъ онъ черезъ Хатырчи, гдѣ имъ былъ захваченъ хакимъ Рахматча, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ кафировъ, и Нуръ-Ата, откуда онъ взялъ хакима съ собой, достигъ предѣловъ Хивинскаго ханства и выслалъ впередъ пять или шесть человекъ изъ своего отряда.

Узнавъ отъ этихъ посланцевъ о прибытіи тюри, ханъ выслалъ ему навстрѣчу аталыка Мухаммедъ-Ризу и диванъ-беги Мухаммедъ-Ніяза; вмѣстѣ съ ними тюря въ воскресенье 20-го рамазана (22 декабря 1868 г.), вступилъ въ Хиву; ему отвели помѣщеніе во дворцѣ кушбеги Хасанъ-Мурада, въ мѣстѣ Ангарикъ. На слѣдующій день онъ былъ принятъ ханомъ, который оказалъ ему столько милости, что ни одинъ сынъ не видѣлъ отъ своего отца и тысячной доли этого. Тюрѣ было назначено содержаніе въ размѣрѣ 1500 тилей въ мѣсяцъ; одежда, пожалованная его спутникамъ, стоила по самой низкой оцѣнкѣ болѣе 500 тилей. Ханъ позволилъ тюрѣ во всякое время являться ко двору и старался исполнить всѣ его желанія; но легкомысленный царевичъ захотѣлъ поссорить хана съ эмиромъ и сталъ просить военной помощи. Этой просьбы ханъ не могъ исполнить и посоветовалъ своему гостю выжидать событій, принявъ одно изъ двухъ рѣшеній: или, съ мольбою о прощеніи, отправиться въ Бухару, для чего ханъ обѣщалъ дать ему средства, или остаться въ Хивинскомъ ханствѣ, получивъ отъ хана соотвѣствующій его званію удѣлъ. Царевичъ былъ настолько легкомысленъ, что отвергъ эти милости и настойчиво просилъ хана отпустить его къ племенамъ Теке и Эрсари; ханъ старался отговорить его отъ этого намѣренія, но безуспѣшно. Пробывъ въ ханствѣ три мѣсяца, тюря отправился въ сторону Мерва; его спутники большую частью остались на службѣ у хана.

Въ пятницу 10-го января 1869 г., черезъ 18 дней

послѣ прибытія бухарскаго царевича, въ Хиву прибылъ другой бѣглець, киргизъ¹⁾ Сыдыкъ-тюря. Его отецъ Кене-Сары-ханъ²⁾ послѣ взятія русскими Туркестана и Ташкента отказался послѣдовать примѣру другихъ киргизовъ и подчиниться русскимъ; онъ былъ убитъ въ Ташкентѣ во время возстанія противъ кафировъ (!). Сыдыкъ-тюря послѣ смерти отца ушелъ изъ Ташкента въ Бухару, поступилъ на службу къ эмиру Музаффару и во время войны съ русскими отличился многими подвигами. Послѣ заключенія мира между Россіей и Бухарой Сыдыкъ сдѣлалъ попытку продолжать войну самостоятельно и убилъ еще множество кафировъ, но малочисленность его отряда, наконецъ, вынудила его покинуть бухарскія владѣнія. Съ отрядомъ въ 60 всадниковъ онъ черезъ степь достигъ предѣловъ Хивинскаго ханства и былъ милостиво принятъ ханомъ; ему и его спутникамъ отвели землю на сѣверномъ берегу Аму-Дарьи, въ мѣстѣ Уйгуръ.

Еще черезъ девять дней, въ воскресенье 19-го января, въ Хиву прибылъ другой киргизскій предводитель Хатимъ-тюря³⁾. Онъ съ юныхъ лѣтъ находился на службѣ у русскихъ и оказалъ имъ много услугъ, но потомъ въ Ташкентѣ за что-то обидѣлся на нихъ и ушелъ въ Хиву. Ханъ и ему оказалъ милость, отвелъ ему хорошей участокъ земли и назначилъ ему щедрое содержаніе⁴⁾.

Около того же времени пришло извѣстіе, что русскіе, построившіе крѣпость Казалинскъ на сѣверномъ берегу Сыръ-Дарьи, замышляютъ подчинить себѣ киргизовъ, имѣвшихъ лѣтовки на южной сторонѣ рѣки и платившихъ хивинскому правительству закаты и харакджъ. Ханъ рѣшилъ отправить въ мѣстность Тау-Кара⁵⁾ отрядъ подъ

1) Въ подлинникѣ, конечно, киргизы вездѣ названы „казаками“.

2) „Кенесара“ или „Кениссара“—русскихъ источниковъ. Какъ извѣстно, онъ былъ убитъ еще въ 1847 г., задолго до взятія Ташкента.

3) Въ рукописи сначала было написано „Арсланъ-тюря“, потомъ имя „Арсланъ“ было вычеркнуто и замѣнено именемъ „Хатимъ“.

4) Обо всѣхъ этихъ событіяхъ л. 175 а—183 б.

5) На русскихъ картахъ Дау-Кара.

начальствомъ диванъ-беги Мухаммедъ-Мурада, махрама Мухаммедъ-Якуба и сарханга Абдуррахманъ-Суфи, одного изъ начальниковъ артиллеріи. Отрядъ долженъ былъ провѣрить слухи о нарушеніи русскими войсками установленной границы и, если бы эти слухи оказались справедливыми, дать врагамъ чувствительный урокъ; въ противномъ случаѣ предполагалось ограничиться мѣрами для обезпеченія благосостоянія пограничной области.

Въ субботу 1-го февраля 1869 г. отрядъ выступилъ изъ Хивы и черезъ Тау-Қара прибылъ въ Чикирдакли и Буричи, гдѣ провелъ нѣсколько дней. Хакимомъ въ Тау-Қара былъ Эръ-Ниязъ-бий, глава кипчаковъ; начальники отряда поручили ему увести съ южнаго берега Сыръ-Дарьи, изъ мѣстъ, близкихъ къ Қазалинску, всѣ киргизскіе улусы, платившіе дань Хивѣ. Выполненіе этой задачи потребовало пятнадцати дней; русскіе, стоявшіе въ Қазалинскѣ, не дѣлали никакихъ попытокъ помѣшать этому. Переселенцы были поселены въ Тау-Қара и другихъ мѣстностяхъ, смотря по своему желанію; имъ отвели участки земли, въ томъ числѣ и лѣтовки.

Устроивъ дѣла въ Тау-Қара, отрядъ прибылъ въ Чимбай, къ улусу каракалпаковъ. Тамъ, въ видѣ мѣры предосторожности, была выстроена высокая крѣпость въ мѣстѣ Акъ-Кала на берегу Аму-Дарьи, гдѣ рѣка впадаетъ въ море. Въ крѣпости былъ оставленъ сархангъ Абдуррахманъ-Суфи съ нѣсколькими орудіями; въ случаѣ движенія русскихъ на судахъ со стороны моря онъ долженъ былъ преградить имъ путь. Въ той же мѣстности была выстроена плотина на протокѣ Кокъ-Узякъ, для орошенія пашенъ въ Тау-Қара и Чимбаѣ; но сильнымъ разливомъ рѣки Аму-Дарьи плотина была уничтожена, и протокъ снова направился въ прежнее русло.

Диванъ-беги вернулся въ Хиву въ субботу 22 марта; махрамъ, согласно приказанію хана, оставался еще нѣкоторое время на сѣверѣ для другихъ оросительныхъ работъ. Между прочимъ имъ было вновь направлено къ Куня-Ургенчу теченіе Лаудана, отведенное передъ тѣмъ вслѣд-

ствіе возстанія іомудовъ¹⁾; жители въ то время были переселены въ Ходжейли²⁾; теперь ихъ снова водворили на прежнія мѣста, чѣмъ они были очень обрадованы. Послѣ выполненія своей задачи махрамъ вернулся въ Хиву, донесъ хану обо всемъ, что было имъ сдѣлано, и былъ удостоенъ царскихъ милостей³⁾. Лѣтомъ Абдуррахманъ-Суфи также былъ отозванъ ханомъ и въ среду 2-го іюля вернулся въ Хиву; вмѣсто него былъ посланъ въ Акъ-Кала сархангъ Худай-бергенъ, который то посылать съ развѣдочной цѣлью шпионовъ и лодочниковъ, то самъ выѣзжалъ на развѣдки верхомъ къ краю Усть-Урта⁴⁾.

Уже въ мартѣ того же года былъ предпринятъ походъ въ степь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Съ давнихъ временъ большая часть киргизовъ платили харакъъ хивинскимъ ханамъ и приходили къ предѣламъ ханства на зимовки, кочуя лѣтомъ по берегамъ Яика (Урала) и Птиля (Волги). Положеніе измѣнилось только со времени возстанія іомудовъ и другихъ туркменскихъ племенъ; набѣгамъ іомудскихъ мятежниковъ подвергались и киргизскія племена; бѣдствія, причиненныя этими набѣгами, заставляли ихъ держаться ближе къ владѣніямъ русскихъ и вступать съ ними въ соглашенія. Но каспирь своими поборами скоро вывели ихъ изъ терпѣнія, и они снова черезъ пословъ стали просить помощи у хивинскаго хана. До окончанія борьбы съ туркменами ханъ ничего не могъ для нихъ сдѣлать; теперь, когда эта борьба была окончена, онъ рѣшилъ отправить въ степь отрядъ, во главѣ котораго были поставлены аталыкъ Хакимъ-Ниязъ, глава кипчаковъ, инакъ Мухаммедъ-Рахимъ, глава наймановъ, и изъ ханскихъ вельможъ—есауль-баши Махмудъ-Ниязъ и махрамъ Худай-Назаръ. Отрядъ долженъ былъ оказать покровительство киргизамъ и, расположившись въ ихъ

¹⁾ О борьбѣ хана съ іомудами въ рукописи говорится очень подробно, въ разсказѣ о событіяхъ 1867 г. (л. 73 б—84 б, 87 а—127 а).

²⁾ Собств. Ходжа-Или («племя Ходжин»); такъ и въ рукописи.

³⁾ Л. 184 а—186 б.

⁴⁾ Л. 193 а.

странѣ, устроить дѣла въ степи въ полномъ согласіи съ представителями киргизской знати. Выступление отряда изъ Хивы произошло 11 марта 1869 г., въ самый день праздника «курбанъ».

Около того же времени прибыли въ Хиву съ выраженіемъ преданности и съ просьбою о помощи два знатныхъ киргиза -- Азизъ-бергенъ-бій и Джанибекъ-бій¹⁾. Имъ былъ оказанъ милостивый пріемъ; вмѣстѣ съ ними былъ посланъ въ степь другой отрядъ, подъ начальствомъ аталыка Мухаммедъ-Ризы, главы кунгратовъ. Мухаммедъ-Риза, Азизъ-бергенъ-бій и Джанибекъ-бій выступили въ четвергъ 27 марта и догнали первый отрядъ въ Кунградъ²⁾.

Изъ Кунграда соединенные отряды прошли къ западному берегу Аральскаго моря, затѣмъ совершили нѣсколько быстрыхъ переходовъ черезъ безводную степь и достигли первыхъ киргизскихъ кочевьевъ. Вѣсть о прибытіи хивинскаго отряда очень обрадовала киргизовъ, которые съ полною готовностью доставляли отряду все необходимое. Ихъ рѣшеніе вступить въ борьбу съ русскими было настолько искреннимъ, что они схватили трехъ или четырехъ русскихъ, находившихся въ степи для торговыхъ цѣлей, и представили ихъ начальникамъ отряда; послѣдніе распорядились отправить плѣнныхъ въ Хиву.

Послѣ этого начались переговоры между начальниками отряда и киргизскими біями о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Первымъ приписываются такія рѣчи: «Объясните намъ, въ какомъ положеніи ваши дѣла, и ведите насъ, въ какую сторону хотите; мы употребимъ всѣ усилія, чтобы исполнить ваше желаніе, въ чемъ бы оно ни заключалось». Біи съ низкимъ поклономъ (кулдукъ) отвѣтили: «Вашему войску нѣтъ надобности подвергать себя тягостямъ похода; достаточно одного вашего пре-

¹⁾ У Терентьева (Исторія завоеванія Средней Азіи, т. II, стр. 65) Азбергенъ и Канаал.

²⁾ Собств. Кунградъ (по названію рода); такъ и въ рукописи.

быванія среди нашего народа. Сражаться съ русскими и наносить имъ ущербъ вы не умѣете; у насъ (самихъ) столько коннаго войска, что его нельзя пересчитать; оно хорошо знаетъ способы сражаться и состязаться съ русскими. Итакъ, оставайтесь здѣсь и будьте зрителями дѣлъ нашей службы; пока въ насъ есть жизнь, мы ради вѣры ислама будемъ нести службу передъ вашими глазами. Если угодно Богу, то съ помощью и благословеніемъ Божиимъ, силою счастья государя мы отрѣжемъ войску кафировъ пути къ берегу Сыръ-Дарьи, заливъ эти пути волнами своихъ набѣговъ; можетъ быть, мы даже совершенно устранимъ изъ области людей ислама тѣмъ побѣды кафировъ».

Хивинское войско, однако, двинулось дальше и постѣ нѣсколькихъ переходовъ пришло къ мазару Коджъ-Ата, оттуда достигло мѣста Арышъ-Ата, расположеннаго между кочевьями киргизскихъ родовъ: Адай, Табынъ и Алпимъ. Расположившись тамъ, начальники отряда хотѣли совместно съ киргизскими тюрями и бѣями привести въ порядокъ дѣла населенія и войска и отправить отряды для набѣга на пути сообщенія кафировъ. Но въ то время уже начались лѣтніе жары; сталъ обнаруживаться недостатокъ въ провіантѣ для войска и въ кормѣ для лошадей; у киргизовъ можно было достать только мяса, все остальное было страшно дорого. Остаться на мѣстѣ сдѣлалось невозможнымъ; начальники отряда признали необходимымъ вернуться обратно и такъ объявили объ этомъ представителямъ киргизской знати: «Теперь очень жарко; запасы провіанта для войска и корма для лошадей истощились; если мы еще дольше пробудемъ здѣсь, то можно опасаться гибели войска. Мы вернемся теперь къ государю; когда спадетъ зной, мы, получивъ позволеніе отъ государя и приведя въ порядокъ запасы и вооруженіе войска, къ осени успѣемъ къ вамъ вернуться. До нашего возвращенія вы мечомъ храбрости закройте кафирамъ тѣ пути, откуда къ нимъ приходятъ запасы, и приведите въ разстройство ихъ дѣла». Бѣи согласились

съ этими доводами и отвѣтили: «Вы сами (лучше) знаете, слѣдуетъ ли вамъ отступить; пока въ насъ есть жизнь, мы будемъ защитниками сильной державы государя и будемъ стараться всѣми силами, какъ преданные слуги той державы. Повиноваться и служить кафирамъ мы признаемъ для себя позоромъ; мы останемся среди мусульманъ, служа государю, приобѣжищу ислама; своей жизнью мы жертвуемъ ради укрѣпленія религіи Мухаммеда и его шаріата. Есть полная надежда, что при такой искренней готовности мы приведемъ въ разстройство дѣла кафировъ и совершенно уничтожимъ ихъ».

Послѣ этого аталыки Мухаммедъ-Риза и Хакимъ-Ниязъ, инакъ Мухаммедъ-Рахимъ, есауль-баши Махмудъ-Ниязъ и махрамъ Худай-Назаръ съ хивинскимъ войскомъ быстрыми переходами вернулись въ Хиву, куда прибыли во вторникъ 10 іюня 1869 г. Весь походъ продолжался 95 дней. Ханъ встрѣтилъ отрядъ упреками за самовольное возвращеніе, но потомъ, когда ему объяснили причины, смѣнилъ гнѣвъ на милость¹⁾.

Послѣ отступленія хивинцевъ киргизы рода Адай, подчиняясь обстоятельствамъ, вступили въ соглашеніе съ русскими и откочевали къ ихъ предѣламъ. Большинство киргизскихъ родовъ не хотѣло послѣдовать ихъ примѣру и предпочитало откочевать къ Хивѣ, чтобы отдаться подъ покровительство хана, но опасалось, что на этомъ пути подвергнется нападенію со стороны русскаго войска. Эти киргизы отравили въ Хиву вѣсть такого содержания: «Нѣкоторые изъ нашего народа, считаясь съ обстоятельствами, вступили въ соглашеніе (съ русскими), ушли въ сторону русскихъ крѣпостей и согласились платить дань и хараджъ. Но мы скорѣе умремъ, чѣмъ согласимся подчиниться кафирамъ и съ покорностью носить на шеѣ бремя ихъ господства; тяжести такого позора намъ бы не вынести. вмѣстѣ съ тѣмъ зимній холодъ и снѣгъ никакъ не позволятъ намъ остаться въ этой странѣ; если

1) Л. 1866—192 а.

мы хотя бы не надолго задержимся здѣсь, мы лишимся всего нашего скота и имущества; даже наши жены и дѣти погибнуть отъ голода. Считаю для себя тѣнь великодушія и доброжелательства должностныхъ лицъ дворца, приближища міра, залогомъ безопасности и благосостоянія, мы хотимъ откочевать въ области, входящія въ составъ Хивинскаго владѣнія; но боимся сняться съ мѣста изъ страха передъ русскими. Въ такомъ страхѣ и въ такой бѣдѣ мы просимъ оказать намъ великодушіе и милость и послать намъ военный отрядъ, чтобы мы подъ его защитой выселились изъ этой страны, полной опасностей, поселились во владѣніяхъ государя и тамъ достигли безопасности и спокойствія; какой бы службы отъ насъ ни потребовали, мы бы постарались всей душой и всѣмъ сердцемъ».

Ханъ рѣшилъ исполнить эту просьбу и снова отправить въ степь отрядъ; главнымъ начальникомъ былъ назначенъ тотъ же есауль-башни Махмудъ-Ниязъ, которому дали войско изъ чодоровъ; съ нимъ были посланы еще махрамъ Худай-Назаръ съ войскомъ изъ гокленовъ, отставной¹⁾ диванъ-беги Худай-Назаръ съ нукерами изъ Бешъ-Арыка и юзбашни (сотникъ) Мухаммель-Керимъ съ войскомъ изъ мѣстности Ишикъ-Агасы-Ата. Имъ было поручено устроить переселеніе киргизовъ въ Хивинское ханство и, если бы русскіе захотѣли помѣшать этому, вступить съ ними въ борьбу.

Отрядъ выступилъ изъ Хивы въ воскресенье 27-го іюля, прошелъ мимо западнаго берега Аральскаго моря и достигъ киргизскихъ кочевьевъ. Переселеніе совершилось спокойно, безъ всякаго препятствія со стороны русскихъ; въ понедѣльникъ 20 октября бин и кетхуды переселенцевъ были приняты ханомъ; весь походъ продолжался 86 дней. Переселенцамъ были отведены зимовки, лѣтówki, пашни и жилища на пространствѣ отъ предѣловъ (куль-

¹⁾ По словамъ нашего автора (л. 19 а), онъ получилъ отставку въ самый годъ вступленія на престолъ хана, въ пятницу 23 октября 1864 г.

турной полосы) ханства до берега моря, сообразно количеству людей и скота¹⁾).

Въ понедѣльникъ 8 сентября, слѣдовательно еще до возвращенія отряда, въ Хиву прибылъ Бушай-тюря²⁾, посоль русскаго губернатора, жившаго въ Ташкентѣ³⁾; Бушай-тюря происходилъ изъ киргизскаго рода Чюмекей и находился на службѣ у губернатора уже много лѣтъ. Онъ передалъ хивинскимъ вельможамъ письмо губернатора такого содержанія: «Отъ начала до настоящаго времени между русскими и хивинцами происходили сношенія въ дружбѣ и согласіи; никакихъ признаковъ вражды и столкновеній между ними не было. Въ наши дни киргизы изъ хивинскихъ подданныхъ совершили набѣгъ на русскихъ, захватили нѣкоторыхъ русскихъ въ плѣнъ и увели ихъ къ государю. Это дѣло представляется несогласнымъ съ правилами дружественныхъ отношеній. Вполнѣ соотвѣтствовало бы обычаямъ дружбы и согласія, если бы государь, ради укрѣпленія основъ дружественныхъ отношеній, запретилъ киргизамъ производить набѣги на русскихъ людей и сражаться съ ними, освободилъ изъ оковъ плѣна русскихъ, приведенныхъ къ нему, обрадовалъ ихъ своею царскою милостію и позволилъ имъ вернуться въ сопровожденіи Бушай-тюри». Въ письмѣ были и другія подобныя рѣчи, гдѣ выраженія дружбы соединялись съ жалобами. По приказанію хана, посла продержали въ Хивѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, потомъ отпустили его въ Ташкентъ съ письмомъ, наполненнымъ «примирительными отвѣтами и удовлетворительными объясненіями», щедро снабдили его деньгами и всѣмъ необходимымъ для путешествія, но плѣнныхъ не возвратили⁴⁾).

Въ четвергъ 18-го сентября ханомъ былъ принятъ

¹⁾ Л. 193 б—196 а.

²⁾ По Терентьеву (Исторія завоеванія Средней Азии, т. II, стр. 64): «весьма толковый киргизъ, предназначавшійся въ волостные старшины, султанъ Девлетъ Бушавъ».

³⁾ Т.-е. К. П. фонъ-Кауфмана.

⁴⁾ Л. 196 а—197.

афганскій царевичъ Абдурахманъ-ханъ (будущій властитель Афганистана), считавшійся необыкновенно храбрымъ воиномъ. Помѣщеніе, отведенное ему въ Хивѣ, и назначенное ему содержаніе превысили всѣ ожиданія царевича; тѣмъ не менѣе онъ пробылъ въ Хивѣ только 20 дней и съ позволенія хана отправился въ Бухару, куда бѣжали изъ Афганистана большая часть его приверженцевъ. Передъ отъѣздомъ ханъ еще подарилъ ему коней съ золотыми удилами и осыпанной драгоценными камнями сбруей, муловъ, ростомъ съ гору, верблюдовъ, силою подобныхъ слонамъ, и много вышитой золотомъ и серебромъ одежды¹⁾.

Въ среду 21-го января 1870 г. въ Хиву прибылъ посолъ изъ Бухары съ извѣстіемъ о взятіи эмиромъ Музаффаромъ Хисара и Куляба. Война продолжалась шесть или семь мѣсяцевъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ погибло много мусульманъ²⁾.

Весной 1870 г. пришло извѣстіе объ успѣхѣ киргизовъ въ борьбѣ съ русскими. Годомъ раньше киргизы рода Адай, зимовавшіе около русскихъ крѣпостей, вступили въ соглашеніе съ русскими; теперь они же, по приказанію хана, собрали много войска для нападенія на русскій отрядъ, стоявшій недалеко отъ крѣпости Оренбургъ. Произошло нѣсколько стычекъ; сабельные удары и пули унесли много людей съ обѣихъ сторонъ; наконецъ, благодаря Богу и счастью хана, мусульмане одержали верхъ надъ кафирами³⁾. Русскіе потеряли множество людей убитыми, ранеными и плѣнными; киргизскіе бѣи выбрали изъ русскихъ плѣнниковъ пять или шесть человекъ и, какъ вещественное доказательство

¹⁾ Л. 199 а—201 а. Въ связи съ этимъ авторъ (л. 197 б—199 б) довольно подробно, но не вполне точно излагаетъ ходъ событій въ Афганистанѣ послѣ смерти Достъ-Мухаммеда, окончившихся бѣгствомъ Абдурахмана. Между прочимъ эмиръ Ширъ-Али ошибочно названъ младшимъ братомъ Достъ-Мухаммеда (какъ извѣстно, Достъ-Мухаммедъ былъ отцомъ Ширъ-Али).

²⁾ Л. 205 б—206 а.

³⁾ Очевидно, имѣется въ виду гибель отряда подполковника Рукина 25 марта 1870 г., хотя это событіе произошло не около Оренбурга, а на Мангышлакскомъ полуостровѣ (Терентьевъ, Исторія завоеванія Средней Азіи, т. II, стр. 69—70).

одержанной блестящей побѣды, привели ихъ въ Хиву, куда прибыли въ началѣ мѣсяца реби I (т.е. послѣ 19 мая): при этомъ они просили у хана военной помощи для дальнѣйшей борьбы съ русскими. Ханъ отправилъ вмѣстѣ съ киргизскими бѣями въ Араль того же есауль-башни Махмудъ-Ніяза, дважды ходившаго въ степь въ 1869 году. Согласно полученной имъ инструкціи, есауль-башни составилъ отрядъ изъ каракалпаковъ, поставилъ во главѣ его аталыка Эръ-Назара, принадлежавшаго къ тому же племени, и отправилъ этотъ отрядъ вмѣстѣ съ киргизскими бѣями въ степь для войны съ русскими, а самъ еще въ концѣ того же мѣсяца реби I (т.е. до 18 іюня) вернулся въ Хиву¹⁾.

Больше въ книгѣ Огехи нѣтъ никакихъ свѣдѣній о русскихъ. Значеніе надвигавшейся опасности, конечно, сознавали и въ Хивѣ, но объ этомъ авторъ не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній. Больше всего мѣста посвящено описанію построекъ, воздвигавшихся въ Хивѣ въ эти годы. Послѣдней изъ такихъ построекъ было зданіе медресе противъ воротъ арка; окончаніе этой постройки, начатой еще осенью 1871 г., было отпраздновано въ пятницу 15 сентября 1872 г. Ханъ лично посѣтилъ медресе, распредѣлилъ кельи между муллами и избавилъ ихъ отъ всякихъ заботъ о дневномъ пропитаніи. На разсказѣ объ этомъ событіи²⁾ прерывается трудъ Огехи, очевидно, оставшійся неоконченнымъ вслѣдствіе завоеванія Хивы русскими.

В. Бартольдъ.

¹⁾ Л. 208 а—209 а.

²⁾ Л. 226 а—227 б.

Исторія одного кіи́ца ¹⁾.

(ФАНТАЗІЯ.)

«На чемъ бы пришлось отдохнуть отъ
человѣческаго притворства, фальши и зло-
козненности, если бы не существовало
животныхъ, въ честную морду которыхъ
можно смотрѣть безъ недовѣрія».

(А. Шопенгауэръ—«Къ ученію о стра-
даніяхъ міра») ²⁾.

Я родился отъ «Смѣлаго» и «Бѣлоснѣжной», а Смѣлый, какъ всѣмъ намъ хорошо извѣстно, ведетъ свое происхожденіе отъ тѣхъ знаменитыхъ кіи́ковъ, которые первые перевалили снѣжныя вершины Гималаевъ и долгое время одни владѣли Памирами. Но я, какъ и отецъ мой, никогда не гордился своимъ происхожденіемъ и много разъ водилъ дружбу не только съ самыми простыми кіи́ками, но даже съ архарами. Впрочемъ, обо всемъ этомъ рѣчь впереди.

Тамъ, гдѣ Зорь-Сасыкъ сливается съ Мухуромъ, славная есть мѣстечки; въ одномъ изъ такихъ мѣсть на травянистой лужайкѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой скалами, я впервые увидѣлъ свѣтъ. Мать моя сказывала, что еще наканунѣ моего рожденія она отдѣлилась и не пошла со стадомъ, которое передъ закатомъ тянулось на луга къ истокамъ нашей рѣчки. Всѣ поняли, что это значитъ, и никто ее не беспокоилъ; только Смѣлый хотѣлъ было остаться, но и того она прогнала прочь.

¹⁾ «Кіи́ки»—горныя козы (сарга *aeagrus*), и «Архары», каменные бараны (*ovis argali*),—первые десятками, вторые сотнями—бродятъ по всѣмъ Памирамъ, нерѣдко уходя въ Гималаи и спускаясь въ Тянь-Шань. Мѣстными названія ихъ: козель-кызыль-кыи́къ, коза-пичке, баранъ-гульджа, овца-аркаръ.

²⁾ Нѣмецкій философъ-пессимистъ говоритъ лишь о собакахъ.

За то на другой день утромъ всѣ пришли навѣстить ее. и какова была общая радость, когда собравшіеся увидѣли возлѣ нея маленькаго кызыль-кїика. Смѣлый трижды поцѣловалъ мою мать и не отходилъ отъ нея втеченіе двухъ дней, пока я не окрѣпъ и не сталъ порядочно прыгать. Впрочемъ, нашъ общій «дѣдъ», которому никто не зналъ сколько лѣтъ отъ роду, сердито фыркнулъ, отошелъ прочь и, улегшись поодаль на травѣ, пролежалъ здѣсь цѣлый день; да извѣстный своей злобой «Хромой» хотѣлъ было ударить меня рогомъ, за что ему порядочно влетѣло отъ моей матери и ея закадычной подруги «Чернохвостки».

Таково было мое первое появленіе въ свѣтъ. Я же стать помнить себя только съ тѣхъ поръ, какъ уже порядочно держался на ногахъ и свободно переходилъ за матерью съ мѣста на мѣсто. Первое, что меня поразило, это что-то сильно блестящее, которое ударило мнѣ прямо въ глаза; мать объяснила мнѣ, что это снѣгъ, который падаетъ сверху, и что только тамъ, гдѣ онъ не сходитъ въ теплое время, можно считать себя до нѣкоторой степени въ безопасности. Я понялъ только начало; конецъ объясненія былъ для меня непонятенъ: только много лѣтъ спустя я горькимъ опытомъ пришелъ къ тому мудрому заключенію, которое въ дѣтствѣ не могъ принять на вѣру со словъ моей матери.

Дней семь мы выжили на одномъ мѣстѣ. Я все сосалъ и бѣгалъ за моей матерью, которая больше лежала и, пощипывая травку, не отходила далеко отъ родничка, возлѣ котораго я появился на свѣтъ. Наконецъ она встала и, ткнувъ меня легонько мордой, вывела изъ скалъ на большой и мягкій лужокъ. Тутъ только я понималъ, какъ великъ Божій міръ; отсюда только я увидалъ далекія горы, большую рѣчку, синее небо и ясное солнце. У, какъ страшно шумѣла вода и вылъ вѣтеръ. Но мать сказала мнѣ, что этого нечего бояться, что подъ эти чистые звуки такъ прїятно дремать, когда пригрѣваетъ солнышкомъ.

Съ этого времени началась моя сознательная жизнь. Скоро я встрѣтился съ такими же маленькими кінками, какъ и я: здѣсь же я познакомился съ своей первой дѣтскою любовью «Однорожкой». На день насъ собиралась масса молодежи; мы рѣзвились и прыгали по мягкимъ лужкамъ, а наши матери, пасясь, тихо вели между собой бесѣду или дремали на солнышкѣ. Вечеромъ совершенно усталые мы тихо брели за матерями, которыя вводили насъ въ болѣе закрытыя мѣста, и мы тотчасъ же засыпали тамъ среди камней на попеченіи своихъ родителей.

О, золотое дѣтство, счастливая пора,—ни одного облачка. Лишь изрѣдка мать, несмотря ни на какія просьбы, не водила меня въ мѣста нашихъ сборищъ; даже слезы не трогали ее: она увѣряла, что идти туда было опасно и что я все равно не встрѣчу тамъ никого изъ своихъ знакомыхъ. Въ эти дни я особенно скучалъ и дремалъ возлѣ матери, а она не теряла времени даромъ и рассказывала мнѣ много полезнаго. Я узналъ, что не одни мы живемъ на бѣломъ свѣтѣ; что есть очень много животныхъ и между ними человѣкъ, котораго надо бояться больше остальныхъ, такъ какъ онъ очень злой и хитрый; я узналъ, что съ архарами мы всегда живемъ въ дружбѣ, но что они немного mauvais genre; что для насъ весьма опасны еще волки, особенно когда ихъ собирается много, что надо бояться также медвѣдей, но ихъ мало и имъ не легко угоняться за нами и, наконецъ, что есть еще масса такихъ животныхъ, какъ сурки, зайцы, мыши, которыхъ вовсе нечего бояться и которые, неизвѣстно зачѣмъ, даже сами прячутся отъ насъ.

Разъ подъ вечеръ, когда насъ кінковъ пять бѣгало взапуски и боролось на травѣ, наши матери, поговоривши что-то съ дѣдомъ, который уже третій день пасся на одномъ мѣстѣ, сказали, что сегодня покажутъ намъ того самаго сквернаго человѣка, который особенно опасенъ тѣмъ, что забирается рѣшительно всюду, куда не проникнетъ ни одинъ другой звѣрь. Послѣ того мы перешли ручей и пошли въ гору все выше и выше. Мы

шли долго, такъ что поряточно устали и даже начали роптать, что насъ оторвали отъ игръ. Наконецъ, почти передъ закатомъ мы поднялись на самыя скалы. Отсюда прямо внизу подъ самыми ногами мы увидали большую рѣчку и тутъ же на травѣ возлѣ какихъ-то большихъ круглыхъ камней копошились тонкія фигуры. Мы стояли, какъ прикованные къ мѣсту и не шевелились; матери сказали намъ, что эти фигуры—люди, что камни—это ихъ жилище и, что изъ нихъ всегда идетъ дымъ, который застилаетъ землю и такъ неприятно щекочетъ въ ноздряхъ; по нему издалека можно узнать о присутствіи человѣка. Мы слышали, какъ противно кричали люди, и возлѣ нихъ увидали еще новыхъ животныхъ: намъ сказали, что это верблюды и лошади, они не опасны, но всегда ходятъ тамъ, гдѣ и человѣкъ, а что овцы—презрѣнныя твари, потому что онѣ жалкіе рабы, хотя были сначала также свободны, какъ мы, архары, и вѣтеръ.

Такъ прошло лѣто, прошла осень и наступила зима. Пошелъ снѣгъ; закрутили бураны. По ночамъ стало такъ холодно, что мы перестали даже спать, а всѣ вмѣстѣ забирались въ ущелья и тамъ лежали среди камней, пока не обогрѣетъ солнцемъ. Травы, правда, было достаточно, но она была какая-то вялая и ее приходилось откапывать изъ подъ снѣгу. Такъ мы маялись всю зиму,— намъ говорили, что теперь всѣмъ плохо и что теперь даже волки оставили насъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ покоѣ. За это холодное время я особенно сдружился со своимъ ровестникомъ, котораго всѣ прозвали «Быстрымъ». Бывало, лежимъ мы съ нимъ въ долгія ночи рядомъ и все строимъ планы, что мы предпримемъ, какъ только опять наступитъ тепло.

Въ одну сильно бурную ночь забѣжала къ намъ чужая самка и умоляла помочь ея мужу, котораго засыпало въ горахъ обваломъ, когда они пробирались вдвоемъ каменной балкой. Всѣ слушали ее и жалѣли, но никто не рѣшался пуститься въ такую непогоду. Одинъ Смѣлый, какъ ни умоляла его мать, вызвался идти на по-

мощь; мы съ Быстрымъ шептались и все хотѣли отправиться вмѣстѣ съ нимъ, но такъ и не посмѣли даже высказать своего желанія. Смѣлый пропадалъ всю ночь; на утро онъ вернулся и сказалъ, что они нашли кызылькинку уже задохшимся въ снѣгу; онъ еле-еле могъ таскать ноги отъ усталости. Чужая самка, которой некуда было больше дѣваться, вернулась съ нимъ же и жалобно просила принять ее въ нашу компанію. Услыхавъ это, мать моя съ негодованіемъ отвернулась: ей уже не нравилось и то, что Смѣлый всю ночь пропадалъ съ какой-то забѣглою потаскушкой. Но она изъ гордости ничего не сказала, а только посмотрѣла на мужа, который, какъ будто отдыхая и не обращая ровно ни на что вниманія, неподвижно лежалъ на землѣ. Такъ какъ никто не гналъ забѣглую, то она осталась,—и съ этихъ поръ я лишился своего отца; онъ понемножку сталъ удаляться отъ насъ, а когда наступила весна, то открыто началъ ухаживать за своей новой подругой. Мать не подавала виду, что обратила на это вниманіе; одному только мнѣ было извѣстно, какъ это было ей больно, и она даже высказала мнѣ однажды, что, навѣрное, все это рѣшено у нихъ было уже заранѣе еще въ ту бурную ночь, когда появилась такой смиренной овечкой наша ненавистная разлучница.

Съ этой грустной поры я еще больше полюбилъ свою мать, но долженъ признаться, что, несмотря на это, все же часто скучалъ въ ея обществѣ. Не знаю, разлука ли съ отцомъ на нее такъ подѣйствовала, наступающая ли весна или еще что-нибудь, только она сдѣлалась очень грустной, постоянно уединялась, уходя даже отъ своей закадычной пріятельницы Чернохвостки, и часто журила меня за самыя обыкновенныя дѣтскія проказы или недалекія отлучки, на которыя прежде не обращала ровно никакого вниманія.

Я говорилъ уже раньше, что еще зимой, лежа въ долгіе вечера рядомъ съ Быстрымъ, мы строили разные планы о томъ, что мы предпримемъ, когда, наконецъ,

наступить теплое время: намъ хотѣлось побольше увидѣть Божій міръ, насъ влекла къ себѣ опасность, которой мы еще не испытывали, и мы рѣшили, во что бы то ни стало, поближе познакомиться съ человѣкомъ, наводящимъ такой ужасъ на нашихъ стариковъ. Мы полагали, что съ годами старость всегда становится трусливой и не въ мѣру разсудительной.

И вотъ, съ наступленіемъ тепла, для исполненія задуманнаго намѣренія, мы выбрали одну непроглядную ночь. Еще съ вечера, возвращаясь вмѣстѣ со стадомъ въ скалы, мы немного поотстали: Быстрый притворился, что зашибъ себѣ ногу, и началъ хромать, а я сдѣлалъ видъ, что не хочу бросить его въ несчастіи. Мать нѣсколько разъ оглядывалась, но видя, что мы плетемся въ отдаленіи, успокоилась. Вскорѣ совершенно смерклось и мы вмѣсто того, чтобы подниматься вверхъ, начали быстро спускаться по давно уже намѣченной нами тропинкѣ.

Вотъ внизу потянуло сыростью и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдкій запахъ дыма сталъ неприятно щекотать намъ ноздри. Въ долинѣ засверкали какія-то точки,—издали мы приняли ихъ за звѣздочки, но только онѣ какъ-то странно мигали своимъ красноватымъ свѣтомъ и отъ нихъ-то именно шель этотъ противный запахъ человѣческаго дыма. Крадучись отъ камня до камня, подбирались мы все ближе и ближе. Наконецъ,—мать научила меня этому,—мы, несмотря на темноту, стали совершенно ясно разбирать всѣ предметы, когда наши враги не были въ состояніи разглядѣть даже и большихъ грубыхъ очертаній. Мы разглядѣли, что нѣкоторыя изъ свѣтлыхъ точекъ помѣщались внутри большихъ, круглыхъ камней и что возлѣ нихъ находились люди; свѣтъ этотъ выходилъ, какъ будто, изъ подъ земли и то увеличивался, то постепенно уменьшался. Кругомъ на большое пространство съ однообразнымъ противнымъ и глупымъ крикомъ укладывались въ кучу бараны; другіе люди ходили между ними и, наклоняясь, что-то дѣлали. Мы уже подобрались такъ близко, что отчетливо видѣли все это; вдругъ одинъ

изъ барановъ, вѣроятно почуявъ насъ, испуганно фыркнулъ и, поднявшись, сердито затопалъ ногами, — въ ту же минуту изъ среды ихъ выскочило что-то большое и лохматое и съ дикимъ ревомъ бросилось прямо на насъ... Потомъ Быстрый сказалъ мнѣ, что это должно быть волкъ, но только онъ ошибался: со временемъ я узналъ, что это былъ вовсе не настоящій волкъ, а такъ себѣ, нѣчто на него похожее, что не только ходитъ съ людьми, но еще даже и дерется въ угоду послѣднимъ со своими свободными сородичами.

Мы бросились прочь, сломя голову. Людской волкъ, кажется, преслѣдовалъ насъ не особенно далеко, но мы, мчавшись, не скоро замѣтили это; Быстрый, какъ будто въ наказаніе за свое притворство, дѣйствительно пре-больно зашибъ себѣ ногу, я же, поскользнувшись на льду, свалился подъ кручу и ободралъ себѣ весь бокъ. Такимъ образомъ пріятель мой теперь хромалъ уже на самомъ дѣлѣ, а я еле плелся отъ усталости, такъ что вернулись къ своимъ мы лишь только къ полуночи. Мать ужасно бранила насъ за опозданіе, но мы ни ей, ни кому другому не обмолвились ни однимъ словомъ о происшествіи съ нами, глубоко затаивъ въ себѣ злобу противъ барановъ и рѣшивъ отомстить имъ когда-нибудь, какъ слѣдуетъ.

Случай скоро представился. Однажды мы замѣтили, что два человѣка, три-четыре ихъ волка и сотни барановъ ежедневно стали подниматься съ разсвѣтомъ въ горы все по одной и той же дорогѣ, забираясь днемъ даже на тѣ мѣста, которыя всегда принадлежали только намъ и архарамъ.

И вотъ, подговоривши еще одного молодого архара, который съ нѣкотораго времени почему-то всегда держался около насъ, добродушно не обращая ровно никакого вниманія на разныя колкости кызыль-кинковъ, мы втроемъ залегли за камнями. Лишь только изъ-подъ горы показалась голова мирно пасущагося стада, мы неожиданно выскочили изъ-за закрытія, дружно зафыркали во всѣ

носовые завертки и сразу забарабанили передними ногами по камнямъ. Боже мой, что тутъ случилось! Передовые бараны, какъ полоумные, бросились въ сторону и внизъ: за ними послѣдовало все стадо. Какъ ни кричали сзади пастухи съ своими волками, какъ они ни бѣжали вслѣдъ за баранами, махая своими длинными палками, стадо, какъ уторѣлое, несло по оврагамъ, не разбирая дороги, и много тогда изъ этихъ неуклюжихъ мѣшковъ искалѣчилось и разбилося на смерть. Объ этомъ мы, тутъ же вернувшись въ табунъ, рассказали моей матери. Слушая насъ, всѣ очень смѣялись, улыбалась и моя добрая мать, но тѣмъ не менѣе запретила намъ дѣлать и это.

Такимъ образомъ, не только становилось невозможно скучно, но и такая строгая опека прямо-таки раздражала насъ. Тогда архаръ, котораго мы между собой прозвали «Славнымъ Малымъ», началъ рассказывать намъ, что у нихъ совсѣмъ не такіе ужъ строгіе порядки, какъ у насъ, что подобныя строгости не имѣютъ рѣшительно никакого разумнаго основанія и что, поэтому, они живутъ гораздо свободнѣе, совершенно не испытывая отъ того никакихъ вредныхъ послѣдствій. Подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ мы стали явно не слушаться старшихъ. Мать за это на меня дулась.

Несмотря на послѣднее, въ одинъ прекрасный день мы подъ руководствомъ «Славнаго Малаго» ушли съ самаго утра и до поздняго вечера пропадали вдали отъ нашего стада; въ эту прогулку новый товарищъ, дѣйствительно, показалъ намъ чудныя мѣста: въ лощинѣ, прорѣзанной свѣтлымъ ручейкомъ, между густыми кустами росла высокая, сочная трава и на ней-то паслось огромное стадо архаровъ; кто изъ нихъ дремалъ лежа, кто ходилъ, лѣниво пощипывая свѣжій кормъ, кто пилъ кристальную ключевую воду, а молодежь рѣзвилась возлѣ на полной свободѣ; меня поразило только то, что ни въ долинѣ, ни на гребнѣ не было видно ни одного сторожевого поста, безъ чего мы, кинки, никуда не спускаемся изъ неприступныхъ скалъ, но нашъ спутникъ объяснилъ,

что здѣсь этого не требуется, такъ какъ мѣста эти вообще глухія, извѣстны только однимъ архарамъ, а потому совершенно безопасны, утруждать же себя зря вообще никогда не слѣдуетъ. Лужайка, избранная архарами, была такъ привлекательна, а многочисленное, беззаботное общество до того весело, что я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ быстро наступилъ вечеръ; за дальностью разстоянія намъ пришлось остаться ночевать у архаровъ. Утромъ, когда архары потянулись въ скалы, мы съ Быстрымъ кинулись отыскивать своихъ. Признаться, сердце мое было неспокойно и мнѣ становилось очень стыдно передъ матерью за свое безпутство.

Когда мы наконецъ нашли своихъ сородичей, мать моя, которая страшно беспокоилась втеченіи цѣлой ночи, до того разсердилась, что ударила меня рогомъ въ бокъ и приказала мнѣ больше ни на шагъ не отлучаться отъ нея. Тогда я хотѣлъ было показать, что я уже взрослый и со мной нельзя обращаться такимъ образомъ, но оказавшійся тутъ же дѣдъ такъ саданулъ меня въ животъ, что у меня изъ глазъ полились слезы и я принужденъ былъ затанць обиду внутри.

Четыре дня я не отходилъ отъ матери вовсе, а она, какъ будто, и не замѣчала не только моего послушанія, но даже и самаго присутствія. На пятые сутки мы съ Быстрымъ, держась попрежнему вмѣстѣ, съ радостью замѣтили приближающагося издали «Славнаго Малаго». Тогда мы потихоньку отстали и черезъ пять минутъ опять уже были втроемъ; тотчасъ же рассказали мы нашему другу о наложенномъ запрещеніи и о боязни послушаться его; къ удивленію, онъ безопасно тряхнулъ головой и сказалъ, что его родители точно также сначала сердились и наказывали его, а потомъ махнули на него рукой, и съ тѣхъ онъ пользуется полнѣйшей свободой.

Обрадованные столь удобнымъ выходомъ изъ нашего затруднительнаго положенія, мы тотчасъ же пустились въ веселую долину, гдѣ, по словамъ спутника, въ этотъ день должны были сойтись два архарьихъ стада, а потому

предполагалось особое оживленье. Едва мы, весело стремясь впередъ, взбѣжали уже хорошо знакомой тропинкой на предпоследній уваль, какъ сбоку что-то неожиданно сверкнуло, треснуло и «Славный Малый», высоко подпрыгнувъ въ воздухъ, упалъ бокомъ на сторону... На секунду мы замерли на мѣстѣ, а потомъ, быстро повернувшись, инстинктивно бросились бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ; я, обезумѣвъ, мчался впереди, прыгая черезъ камни и рывины и въ то же время взбираясь, согласно наставленій матери, все выше и выше. Такой же звукъ повторился еще дважды: въ первый разъ что-то свистнуло возлѣ меня, а съ послѣднимъ хлопаніемъ Быстрый почувствовалъ, что что-то пронзило его и въ двухъ мѣстахъ изъ него вышла кровь. Изнемогая отъ потери ея, онъ съ каждымъ шагомъ замедлялъ свой бѣгъ, но, къ счастью, мы были уже въ снѣгахъ, и остановившись, чтобы перевести немного духъ, видѣли, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ случилось несчастье, надъ трупомъ нашего друга копошилось двое людей и возлѣ нихъ сидѣлъ ихъ проклятый волкъ.

Тутъ только я понялъ человѣческое коварство и для меня начали приобрѣтать смыслъ слова моей матери о необходимости осторожности. Я рѣшилъ никуда больше не отдѣляться отъ стада.

Быстрый послѣ того около недѣли не поднимался съ мѣста нашей ночевки, а дѣлѣ цѣлые сутки оставался возлѣ него и давалъ ему какіе-то совѣты. Мало-по-малу рана стала заживать, но самъ Быстрый ужасно перемѣнился: онъ сдѣлался сумрачнымъ, все уединялся и, наконецъ, неожиданно исчезъ изъ нашего стада; кто-то сказалъ намъ черезъ нѣкоторое время, что онъ отправился въ очень высокія горы, гдѣ нѣтъ вовсе людей. Услышавъ это, мать объяснила мнѣ, что горы эти дѣйствительно прекрасны, что называются онѣ Гинду-Кушемъ и что, хотя люди дѣйствительно рѣдко забираются туда, но за то тамъ нѣтъ спокойнаго житья отъ массы медвѣдей, хищныхъ орловъ, а мѣстами и тучъ слѣпней.

Эти свѣдѣнія окончательно удержали меня возлѣ родного стада, а не повлекли на поиски друга, на что и рѣшился было въ первую минуту; къ тому же я сердился на него за то, что онъ совершенно не предупредилъ меня въ столь важномъ дѣлѣ и ушелъ, не сказавъ ни слова мнѣ, его истинному другу.

Впрочемъ, долженъ сказать, что существовала и еще одна тайная причина, удержавшая меня дома.

Съ нѣкотораго времени я, самъ того не замѣчая, сталъ по долгу заглядываться на красавицу «Пеструшку». Матери наши давно были подругами. Раньше я никогда не обращалъ на нее вниманія и всегда считалъ ее маленькой, но однажды, когда она рѣзвилась на зеленой полянкѣ съ Быстрымъ, меня вдругъ поразило что-то въ самомъ сердце и на душѣ сразу сдѣлалось грустно: мнѣ было обидно, что она веселится такъ искренно съ другимъ, а не со мной. Послѣ этого незначительнаго случая я постепенно сталъ обращать на нее все больше вниманія и вскорѣ замѣтилъ,—чего не подозревалъ раньше,—что она дивно хороша собою: стройныя, точеныя ножки, пушистая, слегка крапчатая шубка, небольшіе изящные рожки и, главное, огромные, чудные глаза, задумчивые и игривые, въ которыхъ въ минуту веселья, казалось, дрожали искорки снѣга; вся она была до того легка и граціозна, что даже старый дѣдъ, лежа на боку съ вѣчной жвачкой во рту, вздыхалъ иногда и подолгу задумчиво слѣдилъ за ея прыжками и затѣями.

Скоро я сталъ испытывать наслажденіе, находясь вмѣстѣ съ нею, а она сама, замѣтивъ мое вниманіе къ ней, первая начинала дурачиться со мною. Однако, радости не бываютъ безъ горя. Всѣ молодые кызыль-кинки, какъ бы сговорясь, вдругъ начали сразу также замѣчать ея прелести. И мы всѣ вмѣстѣ бѣгали взапуски, прыгали черезъ камни и рытвины и, не переводя духъ, взлетали почти на отвѣсныя скалы: каждый изъ насъ непремѣнно хотѣлъ отличиться передъ другими больше всѣхъ остальныхъ. Разъ къ нашей компаніи присталъ даже какой-то

чужой пожилой кинкъ и, пользуясь своей силой, открыто сталъ позволять себѣ такія вольности по отношенію къ нашей подругѣ, о которыхъ мы еще даже и не мечтали: тогда, сговорившись, мы такъ побили его, что онъ надолго остался лежать на мѣстѣ, а мы насильно увели оттуда Пеструшку, которая видя, что онъ такъ сильно пострадалъ изъ-за нея, изъ жалости хотѣла ухаживать за нимъ единственно только по добротѣ своего чуднаго сердца.

Однажды, это было днемъ и мы паслись довольно низко, неожиданно примчался молодой кызыль-кинкъ, бывшій уже въ это время, не смотря на свою юность, подчаскомъ у сторожевого, и сказалъ, что въ большой долинѣ происходитъ что-то необыкновенное. Дѣйствительно, мы увидали, что Смѣлый стоялъ на самомъ высокомъ выступѣ скалы, неподвижный, какъ тотъ самый камень, который былъ подъ его ногами, и внимательно смотрѣлъ внизъ. Мы бросились къ нему со всѣхъ ногъ, и скоро всѣ, большіе и малые, забрались въ самыя скалы, откуда ясно видна была рѣчная долина.

Тамъ, волнуясь и издавая непонятные звуки, двигалось что-то темное и длинное, наподобіе огромнаго червяка; въ немъ самомъ что-то перемѣщалось, звенѣло какъ полетъ лебединой стаи, гудѣло какъ топотъ многосотеннаго архарьяго стада, проходящаго черезъ каменныя осыпи, и отъ всего вѣяло необъяснимою мощью. Мы всѣ стояли въ полномъ недоумѣніи. Вдругъ старый дѣлъ потрясъ бородой и сказалъ, что это ничто иное, какъ людишки, только собрались они въ такомъ числѣ, въ какомъ до сихъ поръ не показывались здѣсь, но что въ молодости, когда онъ ходилъ на Алай, онъ однажды видѣлъ тамъ то же самое, думая сначала, что это огромное стадо архаровъ.

Пока кинки продолжали съ любопытствомъ разсматривать человѣческое стадо, Пеструшка, стоявшая возлѣ меня, вдругъ потерялась своей чудной головкой о мою спину и тихонько шепнула мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за

ней. Незамѣтно мы отдѣлились отъ остальныхъ и скоро очутились въ такой уютной ложбинкѣ, гдѣ лишь снѣдо надъ нами небо да свободный вѣтеръ приносилъ прохладу съ сверкавшего вдали ледника. Въ то же время солнце пригрѣвало такъ приятно, что подруга моя сдѣлась вдругъ задумчивой и нѣжной, а я, послушный окружающей нѣгѣ, сталъ ластиться къ ней и незамѣтно для насъ обоихъ сдѣлался ея мужемъ... Когда остальные кызыль-кіики, замѣтивъ, наконецъ, наше отсутствіе, пришли къ намъ по слѣду и нашли насъ лежащими между камней, было уже поздно и Пеструшка не захотѣла даже смотрѣть ни на кого изъ нихъ.

Когда же черезъ нѣсколько дней мы вернулись къ нашему стаду, то тамъ всѣ были взволнованы необыкновеннымъ происшествіемъ. Дѣдъ сказалъ правду: дѣйствительно, замѣченный нами потокъ людей вскорѣ остановился и какъ-то весь рассыпался; люди кричали, дымили, бѣгали; откуда-то появилась масса лошадей и какихъ-то незнакомыхъ намъ предметовъ; вечеромъ все вдругъ успокоилось, всюду зажглись огни и отъ нихъ понеслись какіе-то звуки: тутъ былъ слышенъ и полетъ лебедя, и пѣніе вѣтра въ скалахъ, и крикъ журавлиного стада въ небѣ, и голосъ быстрого ручейка, но звуки эти были до того сильны и приятны, что всѣ мы долго слушали ихъ, какъ очарованные.

На утро кіики опять забрались въ скалы и опять смотрѣли на людей. Но здѣсь случилось нѣчто ужасное. Стадо архаровъ головъ въ семьсотъ, вѣроятно, также привлеченное необычайностью происшествія, спустилось на противоположный покатый склонъ долины и въ любопытствѣ остановилось, какъ вкопанное. Въ эту минуту изъ человѣческой массы, которая не переставала все время кричать и двигаться, вдругъ выскочило что-то до того страшное, что самыя людскія лошади, тащившія его, сразу бросились отъ него въ сторону со всѣхъ ногъ, а оно вдругъ крякнуло, ударило такъ, что задрожалъ весь воздухъ, какъ бы отъ обрушившагося горного об-

вала, вспыхнуло, бросило бѣлый дымъ въ сторону;—и всѣ окрестности отъ того заговорили и загрохотали... Архары не успѣли еще опомниться, какъ среди нихъ съ трескомъ сверкнулъ огонь и семь штукъ изъ нихъ пали на мѣстѣ, а многіе были ранены... Тогда всѣ, кто только могъ, спаслись бѣгствомъ.

Больше ждать было нечего: немедленно послѣ такого человѣческаго коварства мы бѣгомъ двинулись въ скалы, перевалили огромный ледникъ, перешли пять истоковъ и къ вечеру спустились въ другую долину, которую обыкновенно избѣгали не только мы, но и архары, такъ какъ въ ней всегда дулъ очень холодный вѣтеръ съ сѣвера; здѣсь мы держались около трехъ дней; къ вечеру послѣдняго я былъ неожиданно обрадованъ: отъ снѣжнаго перевала, на которомъ стоялъ одинъ изъ нашихъ сторожевыхъ, вдругъ спустился кінкъ, показавшійся намъ сначала чужимъ; но какова же была моя радость, когда вскорѣ я узналъ въ немъ своего потеряннаго друга Быстраго. Однако, свиданіе наше было не изъ веселыхъ,—должно быть, судьба начинала преслѣдовать всѣхъ кінковъ.

Оказалось вотъ что.

Едва только Быстрыйъ въ сопровожденіи своего случайнаго спутника пробрался къ долинѣ большого лазурнаго озера, какъ на берегахъ послѣдняго они также замѣтили много людей, которые бѣгали, трещали, кричали, дрались и такъ гремѣли чѣмъ-то по всей долинѣ, что горное эхо гудѣло даже подъ самыми ледниками. Быстрыйъ замѣтилъ, что почти у каждаго изъ нихъ были тѣ удивительныя палки, отъ чудодѣйственной силы которыхъ на собственныхъ бокахъ рассказчика долго не заживали двѣ противныя раны; скоро мутная рѣчка, бѣжавшая въ лазоревое озеро, стала постепенно краснѣть, а въ волнахъ ея появились тѣла мертвыхъ людей.

Увидавъ это, чужой кінкъ сказалъ, что теперь для того, чтобы попасть на Гинду-Кушъ, надо сдѣлать еще около трехсотъ верстъ крюку; но Быстрый, испытавшій уже на себѣ послѣдствіе непосредственнаго сосѣдства

съ людьми, не согласился на это, бросилъ его и одинъ вернулся старымъ слѣдомъ назадъ. Судя по разсказу, особеннаго горя съ нимъ за это время не случилось, но меня серьезно стало беспокоить то обстоятельство, что меланхоля его, повидимому, еще больше усилилась. Можетъ быть, онъ инстинктивно почувствовалъ то страшное бѣдствіе, которое вскорѣ должно было неожиданно-негаданно разразиться надъ нашими головами.

Спасаясь отъ кровожадныхъ выходовъ людей и двигаясь постепенно на юго-востокъ, откуда, по преданіямъ, когда-то пришли наши предки, мы очутились въ совершенно незнакомой для насъ котловинѣ. Она была такъ хороша и настолько обширна, что мы рѣшили продержаться въ ней какъ можно дольше.

Дѣдъ приказалъ уже обследовать мѣстность и выставить временно дозорныхъ, какъ вдругъ сзади раздался сильный топотъ, и мы замѣтили, что прямо на насъ мчится въ страшномъ ужасѣ цѣлое стадо незнакомыхъ архаровъ. Едва мы успѣли опомниться отъ неожиданности, какъ уже поровнявшіеся съ нами передніе архары сказали намъ, что на нихъ внезапно напала цѣлая стая волковъ и теперь преслѣдуетъ ихъ по пятамъ. Медлить было некогда. Однако, зная, что архары дѣйствуютъ всегда безъ ума, дѣдъ не приказалъ намъ слѣдовать за ними, а велѣлъ свернуть налево, такъ какъ направо отъ насъ вздымалась до того отвѣсная скала, что, не изучивъ ее раньше, нельзя было надѣяться благополучно добраться до ея вершины.

Но лишь только, повинуясь старшему, мы въ стремительномъ бѣгѣ сдѣлали нѣсколько сотъ шаговъ влево, какъ изъ за встрѣчныхъ камней на насъ бросилась новая стая волковъ, очевидно, давно уже сидѣвшая въ засадѣ. Я видѣлъ, какъ старый дѣдъ былъ моментально растерзанъ ими на клочки; тогда мы, не помни себя отъ страха, снова бросились вслѣдъ за архарами, бесплодно потерявъ драгоценное время, преслѣдуемые волками теперь уже съ двухъ сторонъ.

Но горе все еще было неполное, и настоящая развязка ожидала насъ впереди. Пока ноги несли насъ, волки еще не были для насъ особенно страшны, тѣмъ болѣе, что впереди уже виднѣлись спасительныя скалы.

Вдругъ передъ нашими глазами открылась неожиданная пропасть такой ширины, что перескочить ее не могъ бы ни одинъ кѣнокъ въ мѣрѣ. Впрочемъ, пропасти не страшатъ кѣнковъ, и я смѣлымъ прыжкомъ бросился въ нее, очертя голову, вслѣдъ за другими. Но... о, ужасъ, какъ только архары и кѣнки стали падать на дно ея, покрытое огромными камнями, изъ-за нихъ сразу выскочила третья, самая многочисленная, партія кровожадныхъ волковъ и тутъ-то началась потѣха.

Ихъ вой, злобное рычаніе, стукъ зубовъ, стоны умирающихъ, — все это до сихъ поръ леденитъ кровь въ моихъ жилахъ. На моихъ глазахъ погибла моя бѣдная мать... Пеструшку разорвали на части; архары гибли десятками...

Быстрый, упавши на землю рядомъ со мной, сейчасъ же бросился въ сторону вверхъ по лощинѣ, я невольно послѣдовалъ за другомъ; но черезъ мгновеніе я замѣтилъ, что почти не въ силахъ бѣжать отъ страшной боли въ лѣвой ногѣ: очевидно, при прыжкѣ на камень я сломалъ ее ниже колѣна. Быстрый уже скрывался изъ глазъ; я съ страшными усиліями едва плелся за нимъ.

И вотъ, я уже второй день лежу почти безъ движенія у ледниковаго ручья на мягкой муравкѣ среди камней. Пока я еще не слышу погони, но вѣдъ ко мнѣ ведетъ кровавый слѣдъ и я ежесекундно рискую погибнуть, если только безбожные варвары еще не насытились на своемъ кровавомъ пирѣ... А кто знаетъ, когда мнѣ еще удастся подняться на ноги, чтобы уйти, наконецъ, въ болѣе безопасное мѣсто?.. Такъ ужасно ноетъ и болитъ нога, такъ чудно свѣтитъ родное солнце, такъ мучительны воспоминанія прошлаго и такъ не хотѣлось бы умирать въ столь молодые годы...

В. Колосовскій.

Керки.

(КАРТИНКИ АМУ-ДАР'ЫНСКОЙ ЖИЗНИ.)

I.

Пароходъ Аму-Дар'ынской флотилии всѣми силами бьется противъ мощнаго теченія мутной громадной рѣки. Острова, отмели и низкіе берега, покрытые густымъ камышомъ и травой, однообразной лентой виднѣются справа и слѣва. Лопасти колесъ неистово хлопаютъ по шоколаднаго цвѣта водѣ, съ большимъ усиліемъ продвигая пароходъ впередъ.

Вдали желтѣютъ сквозь дымку двѣ скалы праваго и лѣваго берега. Яркое, но не жгучее, осеннее октябрьское солнце заливаетъ свѣтомъ палубу, пассажировъ, блистающіе пожелтѣвшіе камыши острова, зелень садовъ и мазанки туземцевъ. Около 4 часовъ дня; немногочисленная публика высыпала на мостки; на лицахъ всѣхъ изображена тоска отъ ничегонедѣланія и скуки.

— Капитанъ, когда мы приѣдемъ въ Керки?— робко спрашиваетъ небольшого роста дама, лѣтъ тридцати, низкорослаго капитана въ туфляхъ и черныхъ чулкахъ на комично короткихъ ногахъ.

— Завтра...

— Неужели,—пищитъ разочарованно дамскій голосъ.

— Да-съ...

— А въ которомъ часу?..

— Вечеромъ...

— Боже мой, какъ долго... еще цѣлыхъ два дня...

Молчаніе.

— Ну, а сколько же версть осталось?..

— Восемьдесятъ...

— Это ужасно,—упавшимъ голосомъ пищитъ дама.

— Да вы шутите, смѣтаетесь... неправда; неужели мы послѣ вчерашняго вечера прошли только 10 версть!..

Капитанъ дѣлаетъ строгое лицо.

— Приѣдете въ Керки завтра вечеромъ; вашъ супругъ напрасно будетъ сегодня беспокоиться и хлопотать.

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Николаевичъ говоритъ неправду, онъ вчера еще говорилъ мнѣ, что осталось только 30 версть, а сегодня вдругъ восемьдесятъ,—вмѣшивается 14-лѣтняя дѣвочка.

— Позвольте, какое вы имѣете право называть меня Петромъ Николаевичемъ... Вы знаете, что здѣсь законы морскіе: живо въ канатный ящикъ посажу...

— Да его у васъ и нѣтъ,—немного оробѣвъ, замѣчаетъ дѣвочка.

— Матросамъ отдамъ, найдутъ гдѣ посадить. Эй, Кравченко, взять барышню и посадить въ трюмъ...

— А я не боюсь!..

— Послушай, въ самомъ дѣлѣ мы только завтра доберемся до Керковъ?—спрашиваетъ полушопотомъ капитана офицеръ-стрѣлокъ.

— Да нѣтъ, черезъ часъ мы придемъ... вонъ видишь «кала» видна, а напротивъ ея—другая!..

Взоры всѣхъ устремляются на ослѣпительно яркія скалы съ обонхъ береговъ сходящія въ воду.

— Вѣдь, вотъ, я говорила, что вы шутите,—радостнымъ голосомъ твердитъ довольному капитану дама.

— Нѣтъ, не шучу,—напускаетъ комическую строгость тотъ,—мы еще на мели стоимъ часовъ пять.

— Ну, ужъ вы всегда такъ...

— Да вѣдь и вы, Софья Николаевна, тоже всегда такъ; вѣдь эти возгласы: «когда мы придемъ въ Керки» я слышу каждый рейсъ по стольку разъ, сколько вы меня спрашивали за эти пять дней. Пожалѣйте меня...

— Я вовсе не такъ много васъ спрашивала,—надуетъ губки барыня.

На пароходѣ оживленіе; пассажиры укладываютъ вещи, расплачиваются съ буфетомъ, даютъ на чай прислугѣ. Офицеры надѣваютъ оружіе, дамы—шляпки. На правомъ берегу зелень садовъ сбивается въ одну густую шапку. По берегу, у самой воды, видны бѣлыя линейки каменныхъ дамбъ, набросанныхъ отъ постоянныхъ подмывовъ; среди деревьевъ бѣлѣютъ крошечные домики офицеровъ, проглядываютъ камышовые заборы, какія-то глиняныя съ зубцами стѣны, долженствующія представлять собою подобіе старыхъ туземныхъ курганчей... Это—Керки, главнѣйшій пунктъ торговли нашей съ Афганистаномъ и Средней Бухарой; это—такъ называемый русскій городъ; туземный же будетъ нѣсколько далѣе, у подошвы «бековской калы», какъ называютъ всѣ здѣсь старую разваленную бухарскую крѣпость, гдѣ помѣщается теперь керкинскій бекъ, лицо, играющее роль, по меньшей мѣрѣ, намѣстника надъ 100 тысячами душъ населенія.

Пароходъ послѣ продолжительной серенады на своихъ хрипящихъ свисткахъ привалилъ къ берегу, на которомъ уже густо столпился народъ въ ожиданіи новостей. Тутъ и бухарцы въ пестрыхъ халатахъ съ наглыми красивыми лицами, и скромныя, спокойныя лица русскихъ стрѣлковъ, и черныя съ громадными волосами афганцы, въ своихъ рваныхъ бѣло-грязныхъ бурнуссахъ—плащахъ, и скромныя, привѣтливыя туркмены-эрсаринцы, и торгашин-армяне, сумѣвшіе уже заполнить керкинскій рынокъ, и бѣлыя свободныя офицерскіе кителя, и красныя чалмы индусовъ, и бухарскіе сврен, и персы—словомъ что-то невообразимо пестрое и разноязычное. Тутъ же и дамскія шляпки, и зонтики, и пиджаки «вольныхъ», и энергическія спокойныя лица уральцевъ-рыболововъ.

Вы протолкались къ мосткамъ и благополучно добрались до арбы (извозчиковъ не полагается совершенно), взвалили на нее вещи при помощи услужливыхъ стрѣлковъ и тронулись пѣшкомъ въ путь, сопутствуемые хлѣбосольнымъ хозяиномъ, у котораго вы рѣшили остановиться. Вѣдь гостинницъ или номеровъ въ Керкахъ тоже нѣтъ.

Скучившаяся разношерстная толпа тоже вмѣстѣ съ вами начинаетъ разбредаться по двумъ направлѣнiямъ: дамскiя шляпки, офицерскiя фуражки и бѣлыя рубахи съ армянскими пиджаками и тупыми плоскими затылками— потянулись направо; болѣе счастливые поѣхали на войсковыхъ и первобытныхъ, и модныхъ экипажахъ; другая же—чалмоносцы, туркмены въ своихъ шапкахъ и между ними тѣ же армянскiе затылки, понеслись налѣво къ «бековской калѣ» и въ сартовскiй городъ. Бѣлый чистенькiй пароходъ загасить въ 10 ч. вечера свои электрическiя лампочки и на недавно шумномъ и многолюдномъ берегу красавицы Аму-Дарьи наступятъ тишина и покой, какiе были до прихода судна.

Очень недавно было время, когда Керки былъ самымъ бѣднымъ городкомъ въ бѣдной и разоренной Бухарѣ. Въ болѣе же старыя времена онъ служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Но вотъ пришли русскiя войска, за ними потянулись армяне-маркитанты, мелкiе торговцы; открылись лавчонки; прибыли еще войска; построились казармы, почта, телеграфъ. Вмѣсто глинобитныхъ мазанокъ съ землянымъ поломъ многотерпѣливое туркестанское офицерство на свои крохи стало строить дома изъ сырцоваго кирпича съ деревянными полами. Завелись лавки, появился на поляхъ туземцевъ хлопокъ, выросли транспортныя конторы, хлопкоочистительныя заводы, церковь, школа и... армяне, армяне и армяне. Армяне торговцы вытѣснили торговцевъ татаръ, армяне портные выгнали портныхъ евреевъ, армяне—скупщики, перекупщики, факторы, содержатели пивныхъ, словомъ—

образовался особый армянскій кварталъ, очень ловко расположившійся между русскимъ и сартовскимъ городомъ, какъ бы показавъ этимъ цѣль своего существованія.

Подъ охраной русскихъ штыковъ новое русское поселеніе выросло и окрѣпло. Появилась первоклассная таможня, совершающая, говорятъ, хорошіе обороты; Аму-Дарынская флотилія увеличила число своихъ пароходовъ; транспортная контора построила склады. Вслѣдъ за Керками возникло другое военное поселеніе—Термезъ, считающее уже 9 лѣтъ жизни и грозящее превзойти своего старшаго брата.

Русскія деньги волной полились по жилищамъ матеріально худосочнаго туземнаго населенія и пробудили край къ новой бойкой жизни. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ Керки прибылъ первый русскій баталіонъ и расположился въ палаткахъ на мокрой отмели Аму-Дары подъ громадной высокой каменной «калой», оборванные, голодные и худые эрсаринцы и сарты за «пули»¹⁾ отдавали клеверъ и джугару; за гроши масло и куръ. Пулями же они считали и свое благосостояніе такъ же, какъ мы считаемъ свое на рубли, а англичане—на фунты. Мало-по-малу счетъ съ «пулей» перешелъ на «теңги»²⁾ и въ настоящее время переходитъ на «манать»³⁾. Благосостояніе туземцевъ возросло. вмѣсто клевера на поляхъ стали появляться хлопкъ; вмѣсто самодѣльныхъ грубыхъ армянчинъ жители стали покупать московскіе ситцы. Керосинъ и жестяныя двадцатикопѣчныя лампочки замѣнили, или, вѣрнѣе, съ успѣхомъ борются съ самодѣльными салными свѣчами и чирагами⁴⁾. Русскій сахаръ, мыло, нитки, желѣзо во всѣхъ видахъ полились широкой рѣкой въ массу туземнаго полуголоднаго населенія не только города, но и кишлаковъ; и далѣе за границу, въ Афганистанъ.

1) Пуль—самая мелкая мѣдная монета: 4 пули составляютъ 1 копѣйку.

2) Теңга—15 копѣекъ.

3) Манать—рубль.

4) Чирагъ—свѣтильникъ.

Флотилія уже не въ состояніи выполнить и половины поставки, потребной для береговъ средняго и верхняго теченія Аму-Дарьи; вслѣдствіе чего хивинскіе громадныя каюки, извѣстные подъ именемъ «кэми», образовали вторую флотилію, крейсирующую на лямкахъ и шестахъ до Керковъ и Термеза.

Ковры и паласы, гордость керкинскаго района, составили предметъ вывоза. Теперь даже Марсель имѣетъ своихъ агентовъ, конечно, изъ армянъ, въ Керкахъ; хлопокъ и кожи также не миновали рукъ этихъ ловкихъ посредниковъ.

Теперь Керки представляютъ собою пунктъ, черезъ который наша торговля наконецъ-таки проникла въ Афганскій Туркестанъ, то-есть въ такъ называемый Чааръ-Вилайетъ и Меймене. Никакія суровыя мѣры покойнаго эмира Абдуррахмана не могли противустоять естественному экономическому тяготѣнію населенія сѣвернаго Афганистана къ пункту, гдѣ можно сравнительно недорого достать ситцы, керосинъ, желѣзо, сахаръ, посуду и сбыть свои барашковыя шкурки, кожи, кошмы и по временамъ ячмень и скоть.

Теперь можно видѣть въ Керкахъ громадныя верблюжьи караваны афганцевъ, останавливающіеся въ городѣ на ибляя недѣли для торговыхъ сдѣлокъ съ предпримчивыми сартами, бухарскими евреями и опять-таки съ армянами. На такъ называемомъ русскомъ базарѣ, въ сущности—въ сартовско-армянскомъ кварталѣ, почти половина лавокъ держитъ исключительно ситцы и вообще бумажныя ткани для оптовой торговли. Сдѣлки совершаются преимущественно въ базарные дни съ болѣе предпримчивыми кишлячными торговцами-эрсаринцами и съ афганцами.

Но выгодное положеніе Керковъ, въ 60 верстахъ отъ сухопутной афганской границы, на соединеніи старыхъ дорогъ, когда-то благоустроенныхъ, съ караванъ-сараями и цистернами, изъ Мейменинскаго района и изъ Мазаръ-и-Шерифа, и даже Баміана, Кабула и Пешавера, несмотря

на возникновение Термеза, сдѣлало то, что въ Керкахъ можно встрѣтить и индусовъ, и бадахшанцевъ, и берберовъ. Для всѣхъ этотъ, въ сущности ничтожный, городишко нуженъ, всѣ о чемъ-то хлопчутъ и въ него стремятся.

Поэтому побродить по туземному базару и въ торговый, и въ неторговый день весьма любопытно.

Самый городъ Керки расположился, какъ было уже сказано у подошвы «бековской калы», на лѣвомъ берегу Аму-Дарыи, имѣющей здѣсь ширину болѣе 650 саж.

Если выйти на балконъ «посольскаго дома», какъ называютъ чиновники бека ничтожную лачугу, приспособленную для помѣщенія временно прибывающихъ русскихъ, то положеніе города, его окрестности и вокругъ лежащая мѣстность предстанутъ необычайно рельефно. Этотъ посольскій домъ умѣло прилѣпленъ надъ самымъ обрывомъ, надъ летящей быстрою рѣки, саженьяхъ на 25 высоты.

Напротивъ, на правомъ берегу, высится такая же желтая скалистая отвѣсная «кала», съ ничтожными остатками бывшаго еще во время путешествія Вамберн укрѣпленія. Эта «кала» есть конецъ небольшого известково-песчаного хребта, послѣдняго воспоминанія мощнаго Гиссарскаго кряжа, заполнившаго собою добрую половину территории всего Бухарскаго ханства и столько же теперешней Самаркандской области. На Керкинскомъ же берегу остатки этого хребта выразились въ видѣ трехъ рельефныхъ отдѣльныхъ вершинъ—«бековской калы», не меньшей ея—русской крѣпости и холмистой вершины, извѣстной у военного населенія подъ именемъ высоты Б. Всѣ эти три вершины расположились правильною цѣпью и представляютъ собою великолѣпную заниту для города, какъ со стороны рѣки, такъ и со стороны большой дороги на Босагу, большое торговое селеніе на границѣ съ Афганистаномъ.

Съ высоты «бековской калы» можно видѣть на дале-

кое разстояніе густую ленту непрерывныхъ садовъ, полей и кишлаковъ туркменъ-эрсаринцевъ, тянущуюся непосредственно вдоль рѣки какъ вверхъ вплоть до Босаги, такъ и внизъ до самаго Чарджуя за небольшими перерывами. Это—культурная полоса, достигающая не болѣе 3 версты ширины, какъ, на примѣръ, у Керковъ; за ней же разстилаются голые подвижные пески, отдѣляющіе такимъ образомъ 25-тиверстной полосой насъ отъ Чааръ-Вилайета. Они представляютъ источникъ бѣдствій и мученій для жителей. Подчиненные въ своемъ передвиженіи господствующимъ здѣсь сѣверо-западному и юго-восточному вѣтрамъ, они по временамъ начинаютъ яростную атаку на узкую культурную полосу, отдѣленную отъ этой пустыни только однимъ широкимъ арыкомъ, и, несмотря на нечеловѣческую стойкость несчастныхъ эрсаринцевъ въ оборонѣ своихъ полей, заставляютъ мѣстами бросать драгоценные здѣсь участки хорошей земли; сколько полей, заборовъ и сакель можно видѣть наполовину засыпанныхъ пескомъ и оставленныхъ жителями.

Только лицамъ, промышляющимъ темнымъ ремесломъ подъ негласнымъ, а иногда и гласнымъ покровительствомъ бековъ, эти пески служатъ хорошую службу. И теперь есть богатые почетные туркмены, не стѣсняющіеся хвастать между своими, что они живутъ грабежомъ.

Какъ пески съ одной стороны жмутъ культурную полосу къ берегу, стремясь ее опрокинуть въ воду, такъ съ другой—рѣка ведетъ бѣшенную работу по обрыву и обвалу береговъ. Разрушительная работа Аму-Дарьи бываетъ такъ неожиданна и такъ ужасна, что жители не успѣваютъ иногда снимать настилки кровли своихъ сакель и бѣгутъ, оставляя ихъ на разрушеніе; «Дарья», какъ всѣ русскіе зовутъ эту громадную рѣку, не разбираетъ ничего. Въ одинъ день она способна забросать протокъ пескомъ и въ одинъ же день можетъ снять крупную отмель гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Острова

пышно покрытые камышомъ, «кугой»¹⁾ и даже деревьями, измѣняютъ свои контуры почти ежедневно. Берега такъ же неустойчивы, и старымъ керкинцамъ памятно еще дни 9 лѣтъ тому назадъ, когда Дарья среди лѣта въ нѣсколько дней поглотила цѣлый кварталъ офицерскихъ домовъ и угодій, на мѣстѣ которыхъ только теперь начинаютъ образовываться островки и мелн.

То же дѣлается по всему теченію этой рѣки и по обоимъ ея берегамъ.

На бековской калѣ громоздятся неладныя, но живописныя постройки бека и его челяди, старая на половину глиняная, наполовину изъ великолѣпнаго жженого кирпича крѣпостная стѣна, отъ которой остались цѣлыми лишь ворота и двѣ защищающія ихъ башни. Подъ калой густо прилѣпились обывательскія постройки, мечети и базаръ; за ними русскій городъ съ чистыми домиками, чистыми улицами, съ охранительными дамбами на берегу. Домики всѣ одноэтажные, частью—въслѣдствіе боязни случающихся здѣсь землетрясеній, а больше—по скромности офицерскаго бюджета и безъ того удивляющаго всѣхъ своею изворотливостью.

Длинная, узкая и низкая по сравненію съ уровнемъ воды въ рѣкѣ площадь, занятая подъ городъ, ровна, какъ нарочно выровненный плацъ. Она образовалась такъ же, какъ и всѣ дарынскія отмели, и потому такъ же, какъ и онѣ, сыра и подвержена участи быть сорваною, если бы не та же «кала», отбивающая теченіе къ противоположному берегу. Поэтому въ поселеніи и городѣ постоянныя заболѣванія лихорадкой. А на противоположномъ же берегу кромѣ того свирѣствуетъ извѣстная всему Туркестану и Закаспію «пендинка»¹⁾.

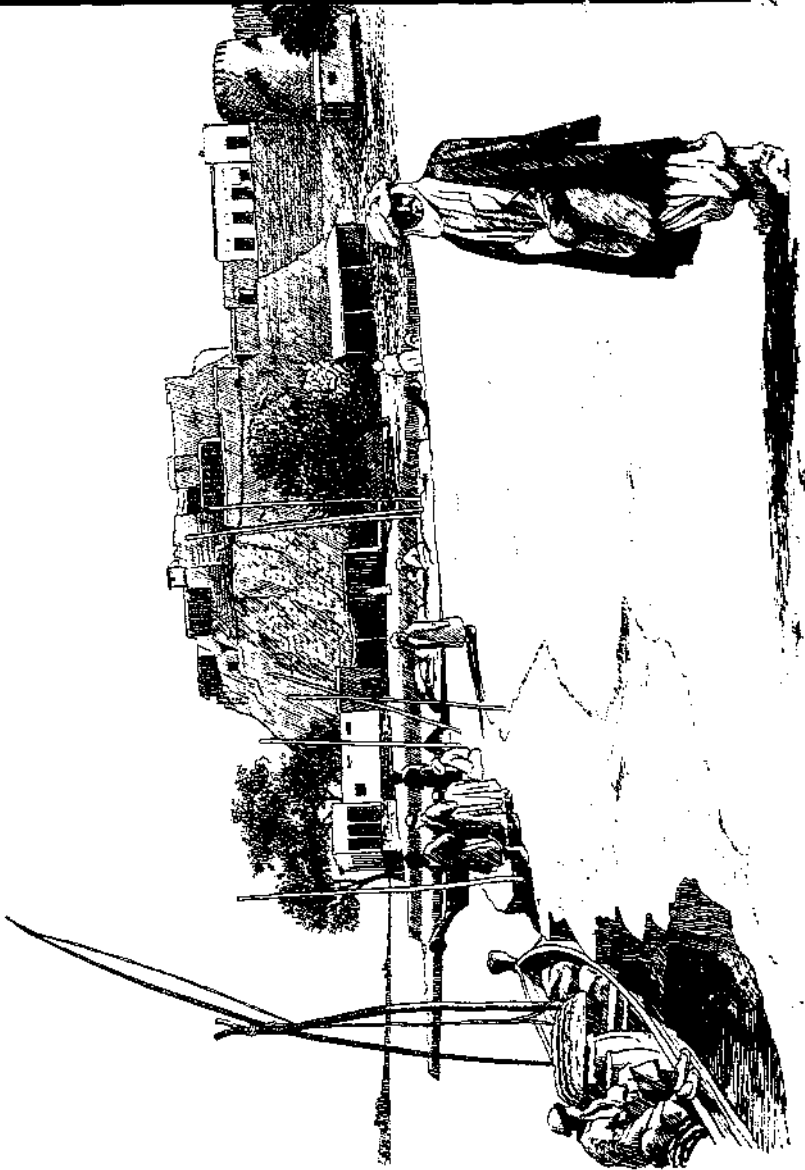
Кажущаяся на первый взглядъ пышность керкинскихъ садовъ при внимательномъ разсмотрѣніи является совершенно призрачною. Громадное количество сомоха въ

1) «Куга»—особый видъ травы, достигающей 3 арш. высоты.

1) Болѣзнь кожи, продолжающаяся иногда годъ и оставляющая послѣ себя шрамы и рубцы. До сихъ поръ она не поддается никакому лѣченію.

الملك الملك الملك

Д. Мамаршашвили
Керку.

почвъ не позволяетъ деревьямъ развиваться и они всѣ являются карликами, особенно въ сравненіи съ ихъ родичами—гигантами благословенной Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей. Чтобы вырастить дерево, мало говорящее о почти тропическомъ влажномъ климатѣ мѣстности, надо приложить массу труда, терпѣнія и знанія.

Сначала растеніе принимается быстро и хорошо, но въ одинъ прекрасный день оно сохнетъ; почему и какъ—никто не знаетъ. За то, гдѣ нѣтъ этой ужасной соли, а именно: въ полосѣ ближайшей къ пескамъ,—тамъ рай земной. И виноградъ, и смоквы, и дыни, слава Керкинскаго бекства, и гранаты, словомъ все, что только ни посадить въ сущности невѣжественный туркъменъ, все растетъ и даетъ плоды и кормитъ своего хозяина.

Чѣмъ были Керки раньше, въ отдаленныя времена, мало кому извѣстно. Но самое положеніе ихъ на важной переправѣ черезъ Аму-Дарьк на пути изъ Самарканда, Каршей и Шаршауза въ Чааръ-Вилайетъ и Меймене, показываетъ, что этотъ пунктъ всегда имѣлъ и торговое, и военное значеніе. Эти «калы» обонхъ береговъ, эта цѣпь холмовъ праваго берега еще болѣе усиливаютъ или, по крайней мѣрѣ, усиливали значеніе этого пункта.

Что тутъ было въ блестящія эпохи до мусульманства и во времена его, исторія мало говоритъ. Но нѣкоторые памятники былого невольно напоминаютъ о себѣ.

Груды жженого кирпича на вершинѣ праваго, противуположнаго берега, таинственный подземный ходъ, ведущій куда-то, по словамъ жителей—даже подъ рѣку для сообщенія съ лѣвымъ берегомъ, постоянныя находки старинныхъ вещей, открытіе рѣдкихъ золотыхъ монетъ на мѣстѣ нынѣшней русской крѣпости,—все это должно сильно интересовать знатоковъ Востока и археологовъ вообще. Наконецъ, наличность двухъ полуразрушенныхъ мавзолеевъ весьма гармоничныхъ формъ съ орнаментомъ,

изобличающимъ эпоху расцвѣта 14 вѣка, и присутствіе въ 11 верстахъ отъ города цѣлой мечети-усыпальницы, въ Астана-Баба, съ остатками великолѣпныхъ кафельныхъ украшеній и надписей—все это говоритъ, что Керки когда-то жили иной жизнью, чѣмъ та, которую застали въ нихъ русскія войска, когда вступали въ этотъ пунктъ на квартиры.

Надо добавить, что, вѣроятно, и географія района, окружающаго Керки, была нѣсколько иная. Къ Аму-Дарьѣ, огибающей городъ съ сѣвера и сѣверо-востока, присоединилась еще Балхъ-Дарья, русло которой и сейчасъ ясно видно въ пескахъ въ 30 верстахъ отъ города въ направленіи отъ Афганской границы къ Мерву. По берегамъ этой, теперь сухой, рѣки во многихъ мѣстахъ видны груды кирпичей той же эпохи, что и Керкинскіе памятники древности. Что Балхъ-Дарья шла по этому руслу, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и это доказывается такъ же тѣмъ, что она уже на глазахъ теперешнихъ русскихъ жителей города не разъ дѣлала мошныя попытки итти по старому току. Такъ было весной 1898 года и весной же 1903, 1904, 1905 и 1906 годовъ, когда вода неожиданно появлялась въ руслѣ и доходила до колодцевъ Али-Кадамъ и даже дальше, чѣмъ доставила необычайную радость расположеннымъ въ пескахъ на постахъ нижнимъ чинамъ пограничной стражи.

Теперешніе Керки представляютъ собою бойкій бухарскій городокъ съ населеніемъ около 5 тыс. душъ, съ кирпичными лавками, караванъ-сараями и пр. и русское поселеніе, съ населеніемъ нѣсколько меньшимъ этой цифры.

II.

Раннее ясное, тихое октябрьское утро. Широкая, чистая, обсаженная приземистыми низенькими, но густыми акаціями и тутами, главная улица русскаго поселенія кажется затянутой сѣро-синеватой дымкой утреннихъ испареній. Дорога и нѣчто въ родѣ тротуаровъ кажутся обильно

политыми; но ихъ никто не поливалъ: это выступила за ночь подпочвенная влага.

Начинающіе уже желтѣть листья румянятся на верхушкахъ деревь. Чистенькіе, въ три, четыре, много пять оконъ, офицерскіе домики прячутся за зелень. Оконца заставлены снаружи кошомными ставнями и приперты шестами и палками.

Посрединѣ улицы мѣрно выступаютъ два верблюда, тяжело нагруженные дынями, сквозящими черезъ плетеные изъ травы грубые, съ широкими отверстиями, саки. Впереди быстро перебираетъ ножками ишакъ; на немъ сидитъ съ изможденнымъ худымъ лицомъ туркмень-эрсаринецъ. Онъ надѣлъ лучшей свой халатъ и шапку и желаетъ этимъ щегольнуть на базарѣ. На пальцахъ его ногъ едва держатся башмаки; пятки ногъ голы и свободно свѣтятся на солнцѣ; такъ и кажется со стороны, что башмаки спадутъ съ ногъ. Впереди, въ затянутой сѣрой дымкой улицѣ, въ томъ же направленіи, на сартовскій базаръ, двигаются бумажные яркіе полосатые халаты, шапки и чалмы. Все стягивается на базаръ съ утра.

По тротуарамъ идутъ деньщики въ желтыхъ, верблюжьяго цвѣта, суконныхъ рубахахъ съ малиновыми погонами. На лѣвой рукѣ корзинки; правая свободно и сильно машутъ.

Сбоку щелкаетъ калитка; появляется еще одна солдатская фигура съ корзинкой.

— Такъ смотри же!—слышенъ за калиткой женскій голосъ, дыни—возьми у Тамырки, тѣ, что я брала у него въ субботу; яйца—у Ивана-длиннаго, а Ивану-красивому скажи, что если онъ будетъ давать такое плохое мясо, то у него брать не буду и барину скажу...

— Да, барыня, яйцами не Иванъ-длинный торгуетъ, а Тамырка...

Но барыня уже вѣроятно ушла обратно съ утренняго холодка въ теплую комнату и оставила деньщика одного разбирать, который сортъ именуется Тамыркой и который Иваномъ-длиннымъ. Ни барынямъ, ни день-

щикамъ нѣтъ никакого дѣла, что никакихъ Ивановъ-красивыхъ и длинныхъ нѣтъ среди торговцевъ-сартовъ. Досужій стрѣлокъ случайно назвалъ своего знакомаго поставщика Тамыркой, — такъ и пошелъ тотъ съ тѣхъ поръ тамырка да тамырка ¹⁾). Но удивительно то, что на зовъ «Иванъ-длинный», и «тамыръ» или «ашна» каждый туземецъ, получившій соответственное прозвище, идетъ такъ же смѣло, какъ если бы его назвали дѣйствительнымъ его именемъ.

На «русскомъ базарѣ», т.-е. на площади между русскимъ и сартовскимъ городомъ, куда выходятъ всѣ многочисленныя лавки армянъ, уже большое движеніе; по преимуществу денщики. На террасахъ передъ лавками во многихъ мѣстахъ разложены ковры, по которымъ безжалостно ходятъ и туземцы, и стрѣлки. Хитроумные армяне передѣлываютъ такимъ простымъ и естественнымъ способомъ новые ковры на старые, на которые теперь особенно великъ спросъ во Франціи, да и пошлина меньше. Если же нужно свѣжій коверъ почему-либо превратить въ «антикъ», то въ такомъ случаѣ приходится на коверъ накидать сырого песку и выставить на солнце на бойкое мѣсто. Краски повыцвѣтутъ, человѣческія и верблюжьи ноги оботрутъ пескомъ лишній длинный ворсъ и «антикъ» готовъ.

Площадь «русскаго базара» кончается, начинается улица сартовскаго города. Здѣсь полное смѣшеніе всего. Улица построена двухъэтажными лавками по распоряженію мѣстнаго бека. Въ лавкахъ сидятъ бухарцы. Весь потолокъ лавокъ увѣшанъ дивными по вкусу дынями на «зимнюю» продажу. Для этого каждая дыня ловко обвязывается камышомъ и привѣшивается за него такъ, чтобы не касаться сосѣдней. Въ такомъ висячемъ положеніи она можетъ просуществовать до апрѣля слѣдующаго года.

Сарты и туркмены — большіе знатоки дынь: они однимъ переключиваніемъ ихъ съ руки на руку знаютъ, какая

¹⁾ Тамыръ — другъ.

сладкая, какая ароматная и какого сорта. А сортовъ дынь въ Керкахъ масса и трудно сказать, который изъ нихъ лучше. Особенно славятся зимніе сорта, дѣлающіеся отъ подвѣшиванія слаше и ароматнѣе. Лѣтнія дыни также хороши, но онѣ не выдерживаютъ и двухъ дней въ зрѣломъ видѣ и потому не такъ цѣнятся. Зимніе же сорта представляютъ собою значительный предметъ вывоза. Тутъ и «даньярі», и «гулябіи», и «кукъ-ташь», и «арабакешъ», и «пѣони», и многія другія; и у каждой свой запахъ, свой вкусъ и своя, присущая только каждому въ отдѣльности сорту, волокнистость.

Лавки бухарцевъ заполнены всякой мелочью: тутъ и фрукты, и орѣхи, и капуста, и старья пальто, и лампы, и будуарные фонарики, купленные на аукціонѣ. Въ лавкахъ сидятъ «тамырки», «Иваны-длинные», «Иваны-красивые», «ашны», «акіи» и т. п. По буднямъ они ходятъ по офицерскимъ домамъ съ коврами, яйцами, фруктами, а въ базарные дни сидятъ въ своихъ лавчонкахъ. Это, такъ сказать, посредники.

Далѣе тянутся лавки индусовъ, торгующихъ краснымъ товаромъ, т.-е. ситями, и мѣняющихъ краны на рубли. Тутъ есть и жители Бомбея, Лагора, Пешавера, и Калькутты; всѣ они чрезвычайно красивы, выдержаны и умны.

Есть среди нихъ и такіе, которые, ходя въ своихъ бѣлыхъ штанахъ и крючкватыхъ туфляхъ на босу ногу, душатся прекрасными англійскими духами, играютъ на рояли и охотно бесѣдуютъ съ офицерами. Они держатся очень осторожно, ибо, кромѣ прямой своей профессіи—торговли и ростовщичества, они еще въ большинствѣ и шпіоны.

Тутъ же выглядываютъ разодѣтые въ шелковые халаты бухарскіе евреи, прилѣпившіеся къ индусамъ; здѣсь же конторы транспортныхъ компаній, хлопковые заводы и пр.

Въ былое время, до прихода русскихъ и въ первые годы ихъ пребыванія, сартовскій городъ не имѣлъ ни одной порядочно построенной лавчонки; теперь же вездѣ понемногу, но упорно воздвигаются дома и лавки изъ

жженого кирпича; появляются красиво раскрашенные ворота и двери, изящныя рѣзныя деревянныя рѣшетки и колонки.

Двѣнадцать часовъ дня. На главной базарной площади стоитъ стонъ. Всюду дыни, арбузы, верблюды и ишаки. У грудь дынь сидятъ неподвижные туркмены-хозяева, обалдѣвшіе отъ собственнаго шума и гама. Верблюды кричатъ, ишаки захлебываются на всѣ лады; всюду снуютъ бѣлые бурнусы афганцевъ, красныя чалмы индусовъ, халаты бухарцевъ, бараны шапки туркменъ. Видны фуражки стрѣлковъ, офицерскія кокарды и даже дамскіе зонтики. Въ силу необходимости выработался особый типъ носильщиковъ—«тащишекъ», т. е. мальчиковъ-сартятъ, занимающихся доставкой на домъ купленныхъ продуктовъ. Все это толкается, снуетъ, спѣшить глазѣть, дѣлится новостями. Пыль, поднятая людьми и животными, яркимъ золотистымъ ореоломъ стоитъ въ воздухѣ.

— Вѣдь вы смольнянка,—слышится русскій говоръ возлѣ сарта, сидящаго на землѣ и продающаго красный, стручковый перецъ.

— Нѣтъ, я петербургскаго Екатерининскаго...—отвѣчаетъ румяная головка, очутившаяся въ критическомъ положеніи, такъ какъ сзади на нее напираетъ слѣпой на одинъ глазъ ишакъ, съ звѣрски стертой спиной, а впереди—толпа торговцевъ.

— Послушай... перецъ «ничъ пуль»¹⁾, — слышится далѣе голосокъ екатерининской институтки...

Сартъ не понимаетъ и апатично смотритъ въ сторону. Головка конфузится; стоящій поодаль стрѣлокъ, сопровождающій ее, ухмыляется.

— Ничъ пуль... теньга...—повторяетъ головка.

Сартъ поворачиваетъ голову и, разглядывая головку, что-то бормочетъ сквозь зубы, боясь, какъ бы зеленый табакъ, положенный подъ языкъ, не выпалъ изо рта.

¹⁾ Ничъ пуль—сколько пулей (монета).

— Сколько?

Сартъ бормочетъ и выплевываетъ табакъ.

— Пять копѣекъ?.. Хочешь четыре... «бирь кадакъ»...

— А, яхши, яхши,—вдругъ просвѣтлѣваетъ сартъ. Присутствующія чалмы улыбаются.

— Барыня, да онъ вамъ предлагалъ на три копейки два фунта, а вы ему четыре за фунтъ даете,—вмѣшивается наконецъ стрѣлокъ-проводжатый.

Головка вспыхиваетъ, сердито вскидываетъ глаза на улыбающагося торговца и спѣшитъ исчезнуть, чтобы такимъ же образомъ купить въ другомъ мѣстѣ фисташки, сушеный урюкъ и т. п.

— Ахъ, какія дивныя лепешки, горячія! ахъ, какой восторгъ!—восхищается черезъ полчаса головка у выхода съ базара въ русскій городъ.—Ну, можетъ ли быть что-нибудь подобное въ Москвѣ или Петербургѣ! Нѣтъ, я съ удовольствіемъ осталась бы еще лѣтъ пять въ Керкахъ; только, конечно, надо ѣздить въ отпускъ провѣтриваться. Правда, вѣдь мы поѣдемъ?—обращается она къ мужу-офицеру.

— Ну, разумѣется, поѣдемъ... только надо денегъ поднакопить,—въ раздумьи отвѣчаетъ мужъ.

— Ахъ, какая прелесть!..

Базаръ все разгорается. Въ москательныхъ лавчонкахъ набилась толпа афганцевъ; въѣхалъ на лошади въ узкій проходъ сартенокъ и образовалась толкучка.

— Это что... «инь чистъ»?—спрашиваетъ офицеръ-стрѣлокъ продавца, показывая на какія-то лепешки.

— Кучилля, кучилля... это, если балакай ашать будетъ, яхши будетъ, балной не будетъ... Только много ашай нельзя... джуклай будетъ¹⁾),—объясняетъ офицеру откуда-то взявшійся самозванный переводчикъ.

— А это балидуръ, а это халиля, а это каразыря...

— Вотъ куда надо бы заходить нашимъ докторамъ, вѣдь навѣрное много интереснаго найдутъ,—говорить

¹⁾ Кучилля если ребенокъ поѣсть, то выдоровѣетъ; много ѣсть нельзя—попрешь.

офицеръ-стрѣлокъ своему товарищу, забирая накупленные для коллекціи разные «балидур'ы, кучилля» и пр.

— Да вамъ-то къ чему все это?

— Нельзя, любопытно знать, что это за штуки; какъ же можно, живемъ въ краѣ, а не знаемъ, какъ живутъ туземцы.

Въ крытомъ «бековскомъ» базарѣ все заперто, хозяева ушли на базарную площадь. Въ ковровомъ караванъ-сараѣ спокойнѣе. Ковры чакырскіе, кизиль-аякскіе, чааршанбинскіе, афганскіе, аккуратно сложенные, лежатъ вдоль стѣнъ; возлѣ нихъ сидятъ хозяева, преимущественно туркмены; между ними похаживаетъ красивый бековскій чиновникъ, сборщикъ подати. Безъ подати беку ни одинъ коверъ не можетъ быть купленъ, а подать эта достигаетъ одной пятой стоимости.

Тутъ же снуютъ ловкіе армяне, уже съ утра вымѣрившіе палками съ нарѣзанными на нихъ мѣрками величину каждаго ковра. Они, какъ пауки, держатся въ сторонѣ, зная, что все равно лакомый кусочекъ не уйдетъ изъ ихъ рукъ. Все равно туркменъ, если не продастъ въ этотъ или слѣдующій базаръ, не заплатитъ подати. Его нажмутъ чиновники и придется потомъ продать еще за болѣе низкую цѣну.

Коверъ переходитъ такимъ образомъ въ армянскую лавку, а оттуда въ Петербургъ или Марсель, при случаѣ.

На площадкѣ передъ «бековской калой», какъ разъ противъ крѣпостныхъ воротъ, выстроился бухарскій оркестръ; его обязанность заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы играть марши во время ученія квартирующей бухарской ротѣ, исполнять вечернюю и утреннюю зорю и улаживать слухъ съѣхавшихся на базаръ жителей, т.е. по средамъ и субботамъ.

4 часа вечера. Аму-Дарья кажется чистой, какъ зеркало; скалы противоположнаго берега ярко желтѣютъ на солнцѣ. За ними тонкой лентой тянутся камыши,

кишлаки и деревья. На горизонтѣ величественно синѣетъ хребетъ Кути-Тангъ съ посыпанной въ это время снѣгомъ вершиной.

Въ воротахъ бековской крѣпости лѣниво двигаются, ходятъ и сидятъ бухарскіе солдаты, изображающіе караулъ. Возлѣ сидятъ челядинцы въ красивыхъ халатахъ, кейфуютъ и пьютъ чай. У единственной, подаренной русскими же, старой пушки, возлѣ которой стоитъ коляска бека, стоитъ бухарскій артиллеристъ съ обнаженной шашкой. Онъ апатично смотритъ кругомъ тупымъ взоромъ, изобличающимъ «теріакеша»¹⁾.

Музыка собралась. Два большихъ высокихъ барабана, для красоты обшитыхъ краснымъ съ цвѣтами ситцемъ, одинъ маленькій, двѣ самодѣльныхъ камышевыхъ дудочки, одна флейта, купленный у русскихъ за негодностью старый сигнальный рожокъ—вотъ и весь оркестръ.

Послушать такую музыку собралась толпа полуоборванныхъ афганцевъ, нѣсколько мальчишекъ, да разсѣлись подъ навѣсами лавчонокъ бековскіе чиновники.

Въ окнахъ главнаго помѣщенія появились двѣ-три бѣлоснѣжныхъ чалмы; на террасѣ, устроенной специально для парадныхъ встрѣчъ и церемоній, надъ самымъ берегомъ рѣки появились фигуры въ халатахъ.

Оркестръ неистово гремитъ, барабаны бьютъ, самодѣльные флейты выдѣлываютъ удивительныя мелодіи на самыхъ высокихъ нотахъ и являются дѣйствительно пріятнымъ исключеніемъ во всей этой музыкѣ. Апатичныя лица музыкантовъ достойны всякой жалости; ихъ мундиры, шапки и сапоги съ удивительной высоты каблуками дѣлаютъ изъ солдатъ несравненно худшее, чѣмъ карикатуру.

Ясные, смѣлые взоры грязныхъ волосатыхъ афганцевъ, ихъ ловкія, внушающія уваженіе фигуры еще рѣзче подчеркиваютъ эту явную пародію на солдатъ.

Наконецъ темнѣетъ, музыканты кончаютъ свою игру; по одной изъ боковыхъ улицъ вытягивается стадо афган-

¹⁾ Теріакъ—низкопробный опій, теріакешъ—курильщикъ опія.

скихъ верблюдовъ и безшумно, и спокойно направляются на волопой къ рѣкѣ.

Въ чай-ханѣ зажглись лампы-молнии и уже слышится оттуда говоръ сартовъ-завсегдаевъ. Это туземные клубы; здѣсь передаются всевозможные слухи и новости, преимущественно политическаго характера; здѣсь же идетъ отчаянная игра въ рулетку, имѣющую нѣчто общее съ этой же игрой у европейцевъ; курители териака и опія находятъ тутъ все необходимое къ ихъ услугамъ, до темной конуры включительно, въ которую ловкій хозяинъ прячетъ неудобныхъ для глазъ посторонняго зрителя посѣтителей.

Возлѣ громадныхъ «кэми» запылали костры, у которыхъ сгруппировались могучія фигуры прїѣхавшихъ на нихъ хивинцевъ; тутъ же на отмели, среди своихъ верблюдовъ, расположились станомъ и афганцы; всюду набросаны кошмы, верблюжьи сѣдла, вьюки; слышится запахъ горящаго кизяка; на стоящихъ поодаль телѣгахъ—баржахъ Аму-Дарьинской флотилии—засвѣтились фонари. Вслѣдъ за послѣдними свѣтлыми пятнами потухающей вечерней зари замолкъ дневной шумъ и говоръ. Только гдѣ-то внутри двора слышатся удары въ нагрѣтый на огнѣ бубень, подъ который пляшутъ бачи, да монотонный стукъ въ деревянную доску бодрствующей стражи; издали, изъ русскаго города, доносятся звуки военной музыки. Сегодня тамъ въ собраніи танцевальный вечеръ.

III.

Конецъ ноября; стоитъ холодноватая погода; сѣрая облака высоко ползутъ по небу; мутныя волны Дарьи кажутся свинцовыми; на водѣ рябь, какъ въ холодный день.

У сторожки охотничьей команды одного изъ стрѣлковыхъ батальоновъ необычайное оживленіе. Стоять двѣ арбы; нѣсколько стрѣлковъ въ верблюжьихъ рубахахъ сидятъ и о чемъ-то горячо бесѣдуютъ. Внизу у каменной дамбы тихо покачиваются бѣлые войсковые каюки и бударки. Въ сторожкѣ кипитъ самоварчикъ; возлѣ у

дверей складной столъ, на немъ—краюха чернаго хлѣба и нѣсколько эмальированныхъ кружекъ и чашекъ.

— Ну что жъ, не бойсь и теперъ трусишься?—спрашиваетъ усатый стрѣлокъ съ зеленой нашивкой на обшлагахъ рукавовъ.

— Нѣ-ѣтъ, онъ не страшнѣй,—веселымъ голосомъ отвѣчаетъ другой, молодой и безусый.—Ежели бы я зналъ, что онъ на меня прыгнетъ, я бы не такъ...

Солдаты засмѣялись.

— А что тебя онъ ждать будетъ. На то, братъ, и тигра, чтобъ солдатъ не дремалъ...

— Здорово руку то попортилъ?

— Никакъ нѣтъ. Третьяго дня меня отправили съ острова назадъ, сдѣлали перевязку, а сегодня я здѣсь. Такъ, поцарапалъ малость...

— Онъ ему винтовку погрызъ болѣ, чѣмъ его самого; кабы не она, такъ задралъ бы на смерть,—поясняетъ другой спрашивавшему.

— Я эт-та стою передъ камышомъ и впередъ не смотрю, а онъ на меня изъ камыша. Только я крикнулъ да «на руку» взялъ, а тигръ уже насѣлъ на меня и грызетъ винтовку, а лапой меня за плечо гнетъ. Тутъ офицеры бросились къ мнѣ да Дмитрій Василичъ—хотѣли на штыки взять; онъ тутъ меня бросилъ и убѣгъ къ водѣ, а я упалъ...

— Что жъ, убили тигра-то?

— Въ тотъ разъ не убили, все горячились стрѣлять; а вотъ сегодня взяли...

— Такъ это того же самаго, значить?

— Такъ точно, его.

— А ты почему знаешь, али знакомые стали; узналъ значить?

Всѣ разсмѣялись.

— Узнаю, теперъ его узнаю...

Вдали, на самомъ горизонтѣ, за камышами острова, чуть заблѣлъ красивый войсковой каюкъ. То возвращаются побѣдители-охотники. Ихъ человекъ двадцать. Четверо имѣютъ на головахъ офицерскія фуражки, двое

чиновники, — «вольные», какъ называютъ солдаты штатскихъ. Остальные все стрѣлки; часть ихъ ловко, мѣрно работаетъ веслами; остальные или сидятъ сложа руки, или возятся на носу возгѣ снятой шкуры тигра, отъ которой пахнетъ свѣжинкой. Къ спущенной реѣ привязано за ноги нѣсколько штукъ фазановъ. Лица охотниковъ покраснѣли отъ холода; руки у нихъ позако-рузли; видимо всѣ утомлены и попродрогли.

— Нѣтъ, это что за охота, — говоритъ осанистый охотникъ. — А вотъ помните, Петръ Петровичъ, мы съ вами въ позапрошломъ году тигра ухлопали? То была охота, то былъ тигръ; а это что? Маленькій, худенькій...

Петръ Петровичъ недовольнымъ тономъ пробурчалъ что-то себѣ подъ носъ — не помню, молъ, мало ли что бывало.

Разсказчикъ повернулся къ другимъ сосѣдямъ въ чиновничьихъ фуражкахъ.

— Это, знаете, тогда дичи здѣсь было чортъ знаетъ сколько! За фазанами не надо было бѣдѣть чуть не за десять верстъ, какъ теперь; а взять бударочку да двухъ молодцовъ-охотниковъ и на первый островъ марить. Бей сколько хочешь... Ну я, конечно, билъ не сотнями; я такъ не люблю... А убьешь, бывало, такъ штукъ пять, шесть и довольно...

— Говорятъ, сарты въ позапрошлую зиму во время морозовъ всѣхъ палками перебили, оттого и мало стало, — вставляетъ скромно штатскій.

— Что? А?.. Да, повыбили, подлени, палками. Да... тогда всего какъ-то много было. Кабановъ охотники меньше пяти, шести не привозили. Съ Вахша громадныхъ оленей доставляли... Дѣйствительно приволье было. Во время перелета утокъ и гусей были сколько хочешь. На «той» сторонѣ, гдѣ, помнишь, лагерь стояли, куропа-токъ этихъ, какъ, бишь, ихъ... саджей... летали прямо стада. И мы все это были тутъ же у себя подъ носомъ. Тугай были покрыты густымъ камышомъ, кугой и крас-ной, знаете, фазаньей травкой.

— Ну, гуси-то не очень подпускали,—угрюмо вставил скромный офицеръ-охотникъ.

— Какъ! Что?.. Да, положимъ, они не подпускали, но мы... скрады устраивали. Петръ Петровичъ, да развѣ не помните, а на Рождество-то!

— Что-то не помню. Что гусей пролетали стада, это помню; такъ они и сейчасъ летятъ такъ же; а вотъ чтобы мы съ вами ихъ били много... воля ваша, не помню. Они вѣдь очень осторожные...

На лицахъ охотниковъ засвѣтились улыбки. Петръ Петровичъ угрюмо отвернулся. Онъ былъ изъ числа озлобленныхъ типовъ и подъ сердитую руку готовъ былъ отказаться даже и отъ истины прошедшихъ дней, ежели только эта истина была свѣтлымъ и веселымъ событіемъ, а не наоборотъ. Осанистый же охотникъ, хотя и вправду былъ мастеромъ этого дѣла, но какъ-то къ его рассказу, даже самымъ наивѣрнѣйшимъ, публичка, знавшая его, относилась съ учтивымъ недовѣріемъ.

— А это что? Не гуси?—указывать на край острова охотникъ въ чиновничьей фуражкѣ.

— Нѣтъ, это бѣлыя цапли; какъ ихъ, королевскія, что ли; а можетъ быть птицы-бабы,—отвѣчалъ угрюмый Петръ Петровичъ.

— Да, такъ вотъ мы и отравились какъ разъ передъ Рождествомъ на эту на самую тигру... Я, Петръ Петровичъ, Иванъ Николаевичъ, потомъ Васильевъ, потомъ, какъ его, сибирякъ?.. Тихоновъ! Да, Тихоновъ. Генераль, кажется, былъ. Ну, конечно, охотничья команда. И вотъ батенька мой, отыскали мы этого тигра на островѣ за Кизиль-Аякомъ и давай его брать гаемъ. Потомъ запалили камыши... А камыши такіе здоровые. Я шель съ однимъ охотникомъ, какъ сейчасъ помню, молодчина такой, Сидоровъ. Тропинка, проклятая, узкая; камышъ хлещетъ въ лицо: холодно. Вдругъ слышу вправо выстрѣлы; страшный крикъ. Мой Сидоровъ попалъ ногой въ яму и свалился. Я черезъ него впередъ, на крикъ: бросаюсь въ чащу камыша, раздвигаю его руками—об-

рѣзался о проклятый—и вдругъ картина. Тутъ же на полянѣ громадная полосатая туша рычитъ, сидитъ на комъ-то и грызеть... А съ другой стороны бѣгутъ охотники. Я схватилъ винтовку, а стрѣлять не могу, боюсь: попаду въ охотника. Наконецъ улучилъ минутку. Трахъ—перебилъ ему, окаянному, нижнюю челюсть. Онъ, знаете, на меня, да охотники подоспѣли; онъ тогда и ушелъ; только на самомъ берегу его тогда прикончили... А солдата прямо узнать нельзя: весь въ крови; этакая громадная ранина черезъ весь черепъ. Вскорѣ онъ и умеръ...

— Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, вретъ-то,—угрожающе зашепталъ другой охотникъ-офицеръ, сидѣвшій на кормѣ.—Чушь несетъ, точно никто этого случая не знаетъ. Онъ даже забылъ, что я тоже былъ на этой охотѣ. А онъ вотъ дѣйствительно, кажется, потому только прѣхалъ, чтобы когти только отрѣзать отъ шкуры...

— Брось,—успокаиваетъ, язвительно улыбаясь, Петръ Петровичъ.—Что ты не знаешь его что ли? Пусть вретъ на здоровье свѣжимъ людямъ. Ты погоди, онъ скоро будетъ намъ съ тобой рассказывать и про сегодняшнюю охоту...

— Ну, его!.. Только обидно, что за дураковъ насъ считаетъ... А еще каждый годъ сентъ-петербургскія ружья по двѣсти рублей выписываетъ...

Петръ Петровичъ и его пріятель охотникъ-офицеръ только могли мечтать о такихъ ружьяхъ, а потому этого было вполне достаточно, чтобы невзлюбить и владѣльца ихъ и признать вообще всю эту фабрику «ни къ чорту негодной»,

— А потомъ, знаете, лѣтъ пять тому назадъ нашъ батальонъ тигра ухлопалъ,—продолжалъ осанистый охотникъ.

Но въ это время съ берега послышался крикъ:

— Ваше благородь... сюда держите!.. Середникинъ, держи лѣвѣе...

Каюкъ привалилъ къ берегу. Началась возня возлѣ арба, около шкуры тигра и его головы.

— Здоровый,—вполголоса болтаютъ солдаты.

— Серединкинъ, сейчасъ же подь твоей личной отвѣтственностью отвезешь шкуру въ батальонъ. И у меня чтобы ни одинъ усъ и ни одинъ коготь не были отрѣзаны,—приказываетъ Петръ Петровичъ.—А то въ послѣдній разъ,—добавляетъ онъ съ улыбкой чиновнику,—подлецы всѣ когти пообрѣзали и усы повывергали.. Видите ли, повѣрье есть, что ежели имѣть тигровый коготь, такъ тебя никакой звѣрь не тронетъ, а ежели и усъ—такъ неотразимъ для женщинъ...

Ни осанистый охотникъ, ни Петръ Петровичъ и ни угрюмый охотникъ-офицеръ при этихъ словахъ и виду не подали, что, грѣшнымъ дѣломъ, и у каждаго изъ нихъ по тигровому когтю и усу имѣется. Только у осанистаго охотника коготь вдѣланъ въ золотой брелокъ, а усъ аккуратно хранится въ бумажникѣ. А у Петра Петровича и его пріятеля эти талисманы защиты на груди въ сомнительнаго цвѣта, но несомнѣнно когда-то бывшія чистыми, тряпочки.

И, странное дѣло, всѣ они частенько прохаживались по адресу охотничьихъ талантовъ и «вранья» осанистаго охотника. Тотъ платилъ тѣмъ же. А на охоту все же ѣздили вмѣстѣ и ежели кого-нибудь изъ нихъ не было, то какъ будто чего-то не хватало и охота не была такъ удачна.

Нестерпимый зной царитъ надъ песками. Жгучее солнце стоитъ надъ головой. Тѣни нѣтъ нигдѣ, да и откуда ей взяться: кругомъ голые сыпучіе песчаные барханы, съ сѣвера пологіе, съ юга почти отвѣсныя. Отдѣльные песчинки свѣтятся на солнцѣ, какъ самоцвѣтные камни; на яркой свѣтящейся поверхности песковъ, на кустахъ саксаула—ни травинки; кое-гдѣ въ лозахъ между грядами песковъ зеленѣютъ площадки колючки; но это только близъ арыка, отдѣляющаго узкую культурную полосу отъ начала песковъ. А глубже, ближе къ границѣ Афганистана, и этого нѣтъ на цѣлыя 25 верстъ ширины. Изъ живности—только песчаный ящеръ-хамелеонъ.

какъ безумный носящійся по поверхности бархановъ и моментально зарывающійся въ нихъ при преслѣдованіи.

Около двухъ часовъ дня. Къ большому, далеко отскочившему къ арыку, бархану тянутся отдѣльныя роты и взводы усталыхъ, съ воспаленными лицами, стрѣлковъ.

Маневръ кончился. Отбой сыгранъ. Скромный и въ то же время воинственный баталіонный значекъ едва колышется на штыкѣ у линейнаго на высокомъ барханѣ. «Бѣлыя рубахи», преемники славы боевыхъ туркестанскихъ батальоновъ, ползутъ по раскаленному песку на становище. За ними, словно послѣ настоящаго боя, сидятъ, лежатъ, стоятъ отдѣльныя фигуры въ красныхъ чембарахъ, бѣлыхъ рубахахъ и фуражкахъ. Это отсталые и заболѣвшіе — «слабые», какъ говорятъ солдаты, по преимуществу изъ грузинъ, евреевъ и отчасти поляковъ.

Возлѣ каждаго лежачаго или сидячаго копошится фигура съ двумя скатанными шинелями и двумя винтовками. Это «земляки» помогаютъ слабымъ, откачиваютъ водой; они уже успѣли снять со слабыхъ и «скатку» и взять винтовку. Да, не всякій, даже русскій солдатъ, можетъ вынести маневръ въ пескахъ лѣтомъ, когда температура воздуха доходитъ до 60° по R., а куриное яйцо, положенное на песокъ, испекается въ пять минутъ. А тутъ не угодно ли еще, таща на себѣ шинель, палатку, вещевой мѣшокъ и сапоги, наступать перебѣжками, стрѣлять, показывать солдатскую удалъ и въ довершеніе атаковать въ штыки, на «ура». Гдѣ же тутъ слабогрудымъ грузинамъ и худосочнымъ евреямъ!

Даже и русскаго богатыря-солдата приходится приучать къ пескамъ постепенно, водить туда еще весной, по холодку, когда еще солдатъ считается «молодымъ».

Но вотъ батальоны стинулись къ своимъ линейнымъ. Закипѣла бивачная работа; быстро выросли палатки, конюязи, линія арбъ и войсковыхъ повозокъ; всюду стали дневальные, караулы; но раньше всѣхъ на составленныхъ въ козла ружьяхъ на правомъ флангѣ части зачернѣло въ кожаномъ чехлѣ знамя.

Много офицеровъ и нижнихъ чиновъ прослужило подъ этимъ знаменемъ; много людей и событій прошло мимо него; только оно, одно оно, неизмѣнное и величественное въ своей, скромности не измѣнилось: развѣ что повышѣли краски, да опало нѣсколько драгоценныхъ лоскутковъ матеріи. А многое можетъ рассказать это знамя.

Въ минуты покоя, передъ вечерней зарей, когда знойные пески охлаждаются съ такою же поразительной быстротой, съ какою они за день накалились до состоянія горячей сковороды, это знамя можетъ рассказать понимающему его языкъ много такого, чего никогда и нигдѣ не узнаешь иначе, какъ сидя возлѣ знаменныхъ ружейныхъ козелъ.

Оно можетъ рассказать, какъ болѣе двухъ столѣтій назадъ шли на Уралъ и жили тамъ сосланные державною волею Великаго Петра бывшие стрѣлцкіе полки: какъ они заселяли край и заслуживали свои вины передъ родиной. За ними ландмилицкіе полки, потомки расформированныхъ стрѣлцкихъ, несли тяжелую службу на дикой окраинѣ, на охранѣ государственной границы съ юго-востока.

А тамъ великое пугачевское нестроеніе. Сколько славныхъ, гордыхъ своей славой частей соблазна или страха ради передавались грозному самозванцу. Но эти темныя страницы былой неурядицы не коснулись чести этого знамени. Нѣтъ, его носители съ честью вышли изъ этого испытанія. Люди умирали въ бою, шли на висѣлицу, но присягъ своей не измѣнили. Потомъ ужасный 1839 годъ, годъ несчастнаго хивинскаго похода Перовскаго. Люди мерзли въ снѣгахъ, мучались въ повальной цынгѣ; но шли, сознательно отмѣряя каждый шагъ тысячеверстной степи. Даже изувѣрство извѣстнаго своей жестокостью Цюлковскаго, начальника колонны, не могло поколебать дисциплины и вѣрности этихъ людей. А позорное возвращеніе домой, безславная смерть лежащихъ по лазаретамъ товарищей; тяжелая форпостная служба противъ

хивинскихъ и киргизскихъ батырей, гарнизонная служба въ одномъ изъ глухихъ гарнизоновъ. А холерная эпидемія въ связи съ тифозной горячкой и безпорядочное переселеніе въ Оренбургъ и обратно.

Но выглянуло и солнышко: въ июль 1867 года походъ въ Туркестанъ, къ Кауфману. Полгода шелъ батальонъ безъ малаго двѣ тысячи верстъ, отдѣляющія Оренбургъ отъ Ташкента. Наконецъ, въ декабрѣ пришли. Несмотря на дождь и слякоть со снѣгомъ ихъ встрѣтилъ небольшого роста генераль съ сѣдыми усами и добрыми энергичными глазами.

На этомъ смотру рѣшалась судьба батальона, его стараго знамени... оставаться въ гарнизонѣ гдѣ-нибудь или идти на линію впередъ. Пытливо смотрѣли полторы тысячи серьезныхъ солдатскихъ глазъ изъ-подъ козырьковъ несурзныхъ солдатскихъ кэпи. Волновались офицеры. Мудрено представиться щеголями послѣ двухтысячеверстнаго похода. А старое безпорочное знамя ядеть надъ головами своихъ пленцовъ, неужели его, вѣковѣчнаго приграничнаго стража, отнесутъ въ ничего незначащій пунктъ, въ тылъ настоящей боевой жизни.

— Отлично представились, молодцы, — раздался ясный негромкій голосъ новаго начальника. — Отдохните здѣсь немного, а тамъ и на линію, въ Яны-Курганъ. Спасибо вамъ, молодцы. Господа офицеры, благодарю васъ за то, что привели въ такомъ видѣ людей...

— Рады стараться! — заревѣла тысяча облегченныхъ отъ сомнѣнія и неизвѣстности грудей.

Черезъ два мѣсяца въ такую же слякоть и проливной дождь выступалъ батальонъ съ своимъ знаменемъ въ Яны-Курганъ. Въ еще болѣе ливень и мокроту вступалъ онъ вскорѣ въ эту крѣпость.

А 1-го мая въ нестерпимую жару тѣ же ребята съ воспаленными глазами и надувшимися на шеѣ и лбу жилами, высоко держа надъ головами это знамя, лѣзли по Чаланъ-Атинскимъ кручамъ на неприятельскую 20-орудійную баттарю.

Быстрина глубокихъ рукавовъ Зерафшана, мука долгого наступленія по затопленнымъ рисовымъ полямъ, въ жидкой грязи, стоны раненыхъ товарищей, нестерпимая жажда—все это миновало, какъ сонъ. На холмахъ, гдѣ когда-то высились дворны и обсерваторія ученаго Мирзы-Улугъ-бека, стояли ряды истомленныхъ, но полныхъ побѣднаго угара людей въ бѣлыхъ рубахахъ и красныхъ кожаныхъ чембарахъ. Старое знамя высоко рѣяло надъ ихъ головами, довольное своими дѣтками.

Черезъ ряды проѣзжалъ отчаянный рубака и сорви-голова, командиръ Назаровъ. Онъ одобрительно всматривался въ лица бойцовъ и бросалъ шутки направо и налево. Немного прошло времени, какъ онъ принялъ батальонъ, а люди уже жадными взорами ловили каждое его движеніе, прислушивались къ каждому его слову.

— Ёдетъ, ёдетъ,—раздалось гдѣ-то сзади и понеслось впередъ.

Изъ-за увала по дорогѣ показалась группа всадниковъ со значкомъ. Впереди ѣхалъ небольшого роста сѣдоусый генералъ съ привѣтливымъ взглядомъ. Онъ былъ тихо-радостенъ. Это былъ Кауфманъ, покоритель Самарканда. Заходящее солнце бросало въ лицо ему и войскамъ послѣдніе свои лучи. Внизу подъ ногами синѣли сады великаго города и высились мечети и медресе Рипистана. «Ура» несло среди группъ побѣдителей, расположенныхъ ближе къ большой дорогѣ, и относилось дальше вправо, туда, гдѣ виднѣлись разбросанныя тамъ и тутъ кучки бѣлыхъ рубахъ.

На другой день вступленіе въ добровольно покорившійся городъ. Возлѣ древнихъ куполовъ, остатковъ большого величія города, небольшого роста сѣдоусый генералъ принималъ депутацію отъ Самарканда. Старое знамя спокойно колыхалось возлѣ, надъ головами тѣхъ, кто принесъ его съ собою изъ далекихъ уральскихъ предгорій.

Черезъ двѣ недѣли это знамя побѣдно колыхалось среди грудью столкнувшихся враговъ въ Ургутскихъ са-

дахъ. Бой шелъ въ рукопашную. Знамя было отмѣнно довольно поведеніемъ своихъ сыновъ. На другой день Кауфманъ привѣтливо встрѣчалъ въ Самаркандѣ возвращавшихся ургутскихъ побѣдителей. А тамъ—Кара-Тюбе, Зерабулакъ, тяжелые дни Самарканда.

Страдная пора кара-тюбинскихъ боевъ была однимъ, изъ звеньевъ длинной цѣпи боевого испытанія для носителей этого знамени. Выручка зарвавшихся казаковъ отъ 30-тысячной массы лихихъ шахрисабцевъ, отбитіе яростныхъ атакъ ихъ,—все видѣло это знамя.

Подъ Зерабулакомъ батальонъ отбивалъ огнемъ атаки непріятельской кавалеріи отъ обоза. Выдержанными залпами встрѣчали бѣлые рубахи натискъ лихихъ кавалеристовъ. Залпы гремѣли, то разгораясь, то утихая. Бой кончался; огонь стихъ; врагъ повсюду отбитъ. Но вонь за бугромъ снова показались значки конницы противника, показались группы конныхъ батарей, крупной рысью идущихъ на обозъ. Снова загремѣли залпы; да жаль,—далеко, не угадаешь сразу пришѣла.

— Стой, не стрѣлять!—раздается тревожная команда изъ глубины.—Это, кажется, наши...

Конная группа со значками тою же полной рысью разлилась по степи и держитъ линію на прикрытіе.

Настала мертвая тишина.

— Никакъ и впрямь наши,—шепчутъ испуганно что-то губы.

Впереди группы ѣдетъ той же ровной рысью небольшого роста сѣдоусый генералъ.

— Хорошо, ребята, стрѣляете,—раздается его ясный не громкій голосъ;—третій залпъ былъ бы какъ разъ въ середину...—Кауфманъ улыбнулся.—Только не стоитъ открывать огонь на такую далекую дистанцію, а то не видать, свои или чужіе... За стрѣльбу спасибо, поздравляю съ побѣдой...—И онъ шагомъ, бодрый и веселый, ѣдетъ вдоль вагенбурга.

— Эхъ, вторая рота,—шепчутъ ошалѣвшіе солдаты,—вотъ подвела бы, эхъ, вторая рота... Ложки бы тебѣ

всыпать ¹⁾)... — Оказалось, что потомъ своимъ судомъ и всыпали.

А тѣмъ временемъ въ Самаркандѣ 167 человекъ со своимъ командиромъ Назаровымъ и 4 офицерами отбивались въ ручную отъ тѣхъ же шахрисябсцевъ. Да что объ этомъ говорить! Имя Николая Николаевича Назарова, со своими большими «ребятами» отстоявшаго уже гибнущую крѣпость, извѣстно и безъ напоминаній.

Когда старое знамя со всѣмъ батальономъ наконецъ вошло въ Самаркандъ, оно отмѣнно было довольно службой своихъ питомцевъ.

А сѣдоусый генераль, любовно объѣзжая ряды измученныхъ бойцовъ, забылъ вражду къ отчаянному рубакѣ Николаю Николаевичу Назарову и въ воротахъ, удержанныхъ только безпримѣрной отвагой этого человека, нашелъ въ себѣ мужество забыть все, что было между ними.

Соединеніе главнаго отряда съ доблестными защитниками Самарканда могло бы совершиться еще наканунѣ вечеромъ. Но высокогуманный начальникъ отряда, К. П. Кауфманъ, зналъ, что наказаніе вѣроломному городу должно быть неизбѣжно; онъ зналъ, что гнѣвъ вѣренныхъ ему войскъ, особенно того батальона, часть котораго подъ командой Назарова дѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы удержать крѣпость, былъ великъ. А между тѣмъ сколько женщинъ и дѣтей, стариковъ и, быть можетъ, непричастныхъ къ измѣнѣ лицъ обрекалось на гибель въ томъ случаѣ, если побѣдоносныя войска немедленно вступятъ въ измѣнившій городъ. И сѣдоусый генераль во имя гуманности, вопреки порыва всѣхъ своихъ войскъ, остановилъ отрядъ на ночь внѣ города, чѣмъ далъ возможность большинству жителей скрыться и такимъ образомъ избѣжать вполне заслуженной мести. А наутро, по вступленіи въ полуразваленную

¹⁾ «Ложки» — своеобразное товарищеское наказаніе въ старыхъ туркестанскихъ частяхъ. Сѣкутъ товарищи провинившагося, ударяя деревянной ложкой по туго натянутымъ чембрамъ. Теперь это наказаніе вывелось.

крѣпость, былъ отданъ приказъ о наказаніи вѣроломнаго города.

Затѣмъ поздною осенью того же страднаго 1868 года старое знамя шло со своимъ батальономъ въ Карши. Этотъ городъ и сосѣдняя съ нимъ Шахрисябская долина стали личными врагами этого знамени. Ургуть, Кара-Тюбе, Зерабулакъ, Самаркандъ, Карши и, наконецъ, экспедиція 1870 года подъ Китабъ,—вотъ лента столкновеній лучшаго, воинственнѣйшаго и богатѣйшаго въ краѣ народа съ этимъ знаменемъ. Послѣдній смертельный бой подъ Китабомъ былъ и наиболѣе тяжелымъ для питомцевъ этого знамени. И они, несмотря на гибель почти цѣлой трети своихъ товарищей съ командиромъ и лучшими офицерами во главѣ, растерзанные въ дневномъ неудачномъ бою, неподдержанные своими сосѣдями, нашли силу въ груди въ ту же ночь въ меньшемъ числѣ, безъ всякой свѣжей помощи штурмовать безъ лѣстницъ ту же четырехсаженную стѣну, защищаемую уже праздновавшимъ побѣду врагомъ, и взять ее; а взявши, въ угарѣ мести за своихъ обезглавленныхъ товарищей, не проливали даромъ крови побѣжденнаго.

Видѣло это знамя и безславное, тяжелое сидѣніе подъ Джамомъ и смерть многихъ своихъ сыновъ отъ болѣзней безъ надежды двинуться впередъ и увидѣть врага.

Не разъ и не случайно ходило оно въ бой вмѣстѣ съ сѣдоусымъ генераломъ, съ устроителемъ огромнаго живого края, избородило во всѣхъ направленіяхъ Туркестанъ и Бухару, внося покой и умиротвореніе. Изъ сѣдины годовъ видѣло оно у своей скобы и Ступишина, и Перовскаго, и недоброй памяти Цюлковскаго, и Виткевича, и Шевченку, и Верещагина, и Назарова.

Теперь оно скромно покоится на ружейныхъ козлахъ, на песчаномъ барханѣ, сторожа юго-восточную границу государства точно такъ же, какъ сторожило ее почти полтора ста лѣтъ назадъ въ предгорьяхъ дикаго сказочно-богатаго Урала. И по мѣрѣ того, какъ государственная граница отодвигалась къ юго-востоку, шло съ ней въ

этомъ же направленіи и знамя, ведя своихъ пленцовъ. Да и не могло быть иначе, ибо самое расширеніе этой границы есть слѣдствіе доблестной работы людей, объединенныхъ подъ складками этого знамени. И вотъ оно въ Керкахъ. Надолго ли? Кто знаетъ; десятилѣтія въ жизни народовъ—промежутокъ времени слишкомъ незначительный. Поживемъ—увидимъ. Носителямъ этого знамени кажется, что давно уже пора впередъ. Но сзади-то устроено ли? А съ другой стороны, вѣдь врядъ ли настанетъ когда-нибудь время, когда сзади будетъ «все» устроено. Внутри государства всегда будетъ что дѣлать. Не даромъ арабы говорятъ: «тотъ не герой, кто задумывается надъ послѣдствіями».

Черезъ часъ, полтора среди группъ стрѣлковъ слышится уже пѣніе, смѣхъ и шутки. Отдѣльные люди уже гоняются за убѣгающими по песку хамелеонами.

Вечерняя заря потухла быстро и черное небо глядитъ на палатки милліонами звѣздъ. Кругомъ полная тишина. Только возлѣ коновязей слышится хрустъ дождаемаго лошадыми фуража, а вдали за барханами гулко болтаются самодѣльные колокольцы проходящаго верблюжьяго каравана. Чѣмъ-то глубокомысленнымъ и покойнымъ вѣтъ отъ этихъ звуковъ.

— Эти караваны верблюдовъ, ишаки съ проводниками и группы старыхъ джидловыхъ деревьевъ напоминаютъ мнѣ Палестину;—слышится разговоръ у одной изъ офицерскихъ палатокъ:

— А вы развѣ были тамъ?

— Нѣтъ, не былъ, а думаю, что тамъ такъ же. Собственно, мнѣ очень хочется туда съѣздить.

— Вотъ фантазія. Офицеръ—и вдругъ въ святыя мѣста!..

— А почему нѣтъ? Мнѣ всегда казалась наша солдатская жизнь въ тѣсной связи съ сидѣніемъ на землѣ, а потомъ и съ путешествіемъ по святымъ мѣстамъ. Одно

другому не мѣшаетъ и все въ свое время. Попробуйте связать ее съ чѣмъ нибудь другимъ, ну, хоть съ торговлей, что ли! Не выйдетъ.

Сквозь полотно сосѣдней большой палатки-столовой просвѣчиваетъ огонь.

— Александръ Карловичъ, да сколько же вы лѣтъ ротой командуете, коли въ кокандскомъ походѣ были уже офицеромъ?—слышится голосъ.

— Двадцать второй годъ пошелъ,—слышится отвѣтъ изъ могучей груди рассказчика.

— Двадцать второй годъ,—повторяютъ голоса.

— Но сколько же вы боевыхъ наградъ получили?

— За хивинскій походъ одну и за оба кокандскіе три... Такъ вотъ я вамъ началъ про Кауфмана говорить,—продолжаетъ могучій голосъ Александра Карловича.— Ну, гдѣ въ походѣ всего взять! А приходимъ въ Халь-Ата-Пасха. Я былъ нижнимъ чиномъ, но, какъ вольно-опредѣляющійся, всегда находился среди офицеровъ. Такъ вотъ видите, для всѣхъ, для всего отряда Кауфманъ сюрпризъ устроилъ. Въ 12 часовъ ночи отслужили заутреню; онъ похристосовался съ начальствующими лицами, поздравилъ войска и приказалъ разговляться. И какъ вы думаете? Каждому офицеру было положено по порціи: по 4 или по 5 яицъ и по кусочку кулича, а нижнимъ чиномъ по 2 или по 3 яйца и по куску бѣлаго хлѣба, освященнаго. Такъ вѣрите ли, солдаты плакали, видя такую заботу о себѣ... Ну, гдѣ достать на громадный отрядъ въ пескахъ яицъ? Вѣдь нужно ихъ десятки тысячъ! А онъ приказалъ достать, и достали. Только наутро мы вспомнили, что за день передъ этимъ видѣли какихъ-то сартовъ и туркменъ, обгонявшихъ колонну съ какими-то курджумами... Да, онъ зналъ солдата и умѣлъ его и обласкать, и наказать.

— Ахъ ты, кошма проклятая,—слышится за палаткой сердитый голосъ стрѣлка.—Вѣдь ушелъ! Вотъ хлюсть!

— Чево ты орешь, что случилось?—сдержанно спрашиваетъ другой.

— Да, вишь, кормлю лошадь рогнаго и дивлюся, что жреть много,—какъ ни подойдешь, все клеверъ съѣденъ; почитай, за полчаса сноповъ двѣнадцать скормилъ! А на дѣлѣ-то не то. Казакъ съ почтой тутъ былъ. Оказалось, онъ своей лошади, какъ я отвернусь, а онъ р-разъ... у его лошади клеверъ, а моя весь поѣла. Ну, накрытъ, да ускакать, окаанный!..

На бивакѣ воцаряется тишина. Только въ дальней солдатской «взводной» палаткѣ идетъ разговоръ.

— Нѣтъ, а кто знаетъ, какъ старый командиръ нашъ ругался?

— Это кто? «Дѣдъ»-то?

— Да, «дѣдъ».

Вездѣ молчаніе.

— А вотъ, ежели скажетъ: «стрѣлкачъ—ты», это ничего, а ежели «ухъ ты, ба-аба, ты эдакая», ну, значить, подь арестъ угодишь.

— Угодишь, да выпустить скоро; такъ подержить съ сутоки, а остальное простить,—вставляетъ голосъ.

— Нѣтъ, ребята,—перебиваетъ кто-то изъ другого угла,—а кто знаетъ, какъ поручикъ Вундеръ ругается. Вотъ; кто знаетъ?

Молчаніе.

— А онъ ругается: «ахъ ты, каналья, ты эдакая.—торжествующе продолжаетъ тотъ же голосъ.

— Да, да, во, во,—слышится голоса.

Снова наступаетъ молчаніе.

— А что такое это значить каналья?—уже мечтательно продолжаетъ голосъ.

— Эхъ ты дурень, братъ,—повелительно слышится голосъ капрала.—Нѣмецъ, по-нѣмецки и ругается..

— Тише вы тамъ,—слышится крикъ изъ сосѣдней взводной палатки,—чего орете, спать мѣшаете!

— Тише,—повторяетъ пониженнымъ тономъ самъ больше всѣхъ шумѣвшій рассказчикъ.

Воцаряется тишина.

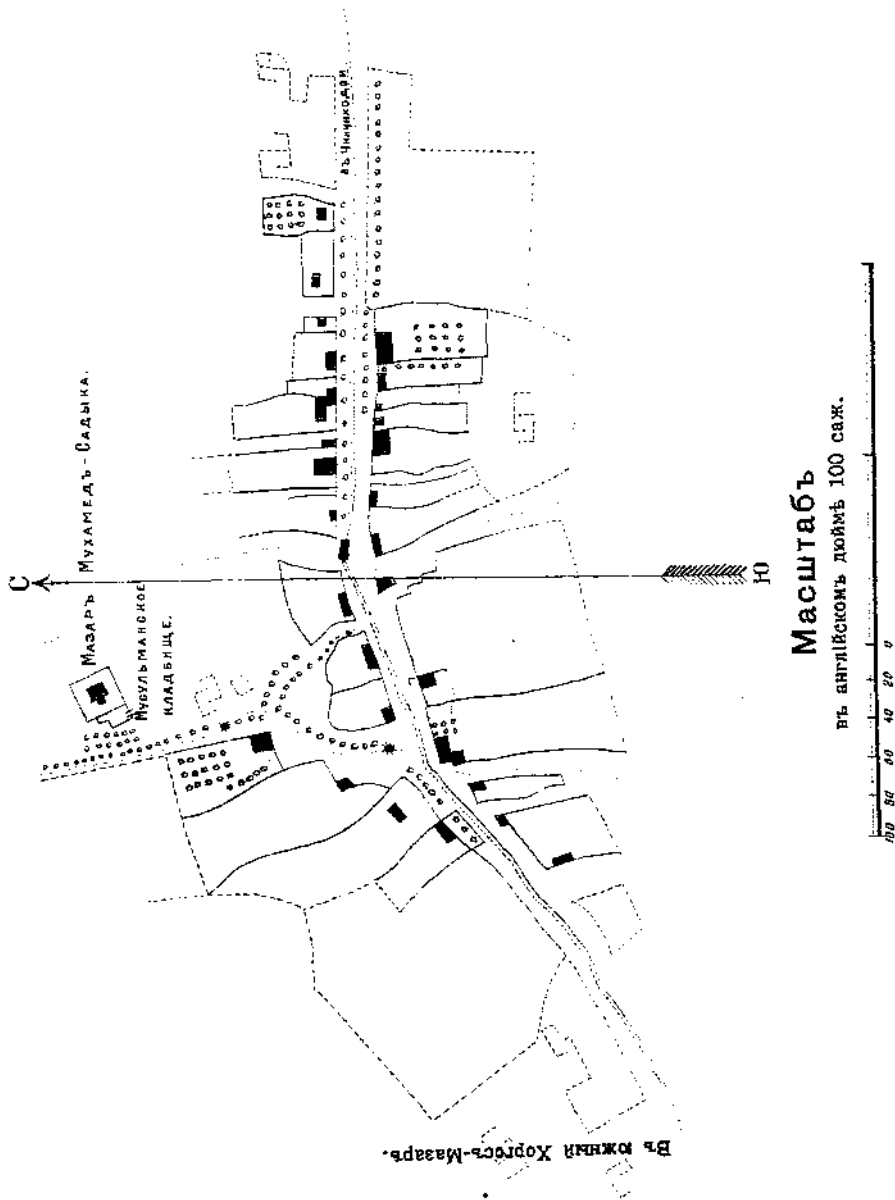
Таковы Керки и ихъ обитатели.

Какъ всё туркестанскіе города и городки, созданъ онъ вмигъ, выросъ и окрѣпъ подъ охраной старыхъ туркестанскихъ батальоновъ. Настанетъ время, войска уйдутъ на новыя квартиры, въ новые нетронутые уголки; но разъ построенный городокъ не исчезнетъ. Торговля и гражданская жизнь закрѣпляютъ ихъ существованіе на благо разоренныхъ невозможнымъ режимомъ народностей современной Бухары.

Б. Литвиновъ.

Сѣверный Хоргосъ-Мазаръ.

■ Жилое помещеніе.

□ Развалины.

--- Разваливающаяся глинобитная стѣнка.

▨ Арыкъ.

••••• Сады.

□ Пустопорожня мѣста.

□ Огороды и клеверники.

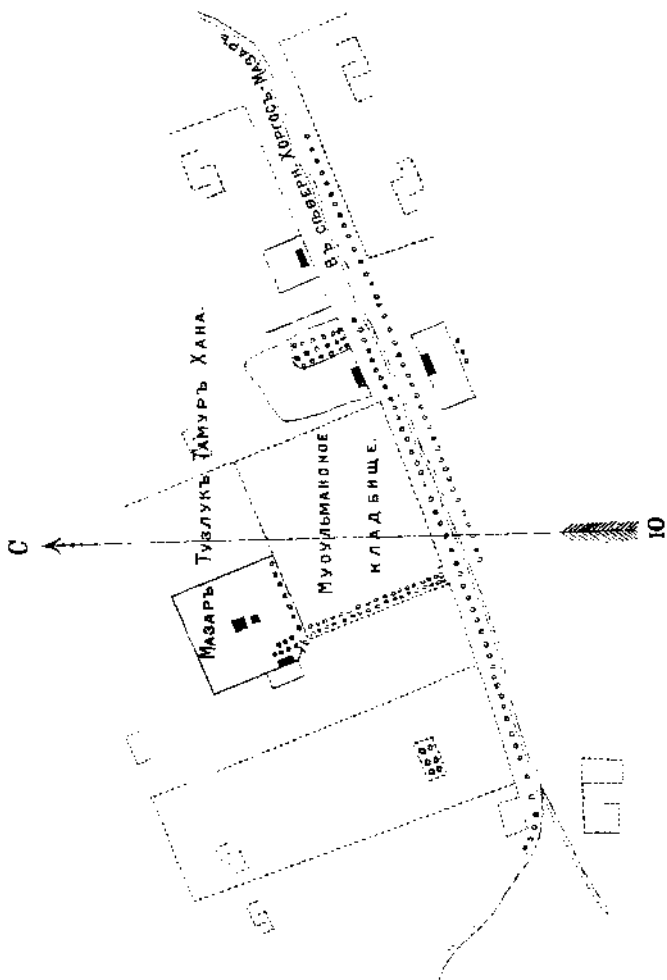
Масштабъ
въ англійскомъ дюймѣ 100 саж.

Южный Хоргосъ-Мазаръ.

На постъ № 2 Хоргосъ.

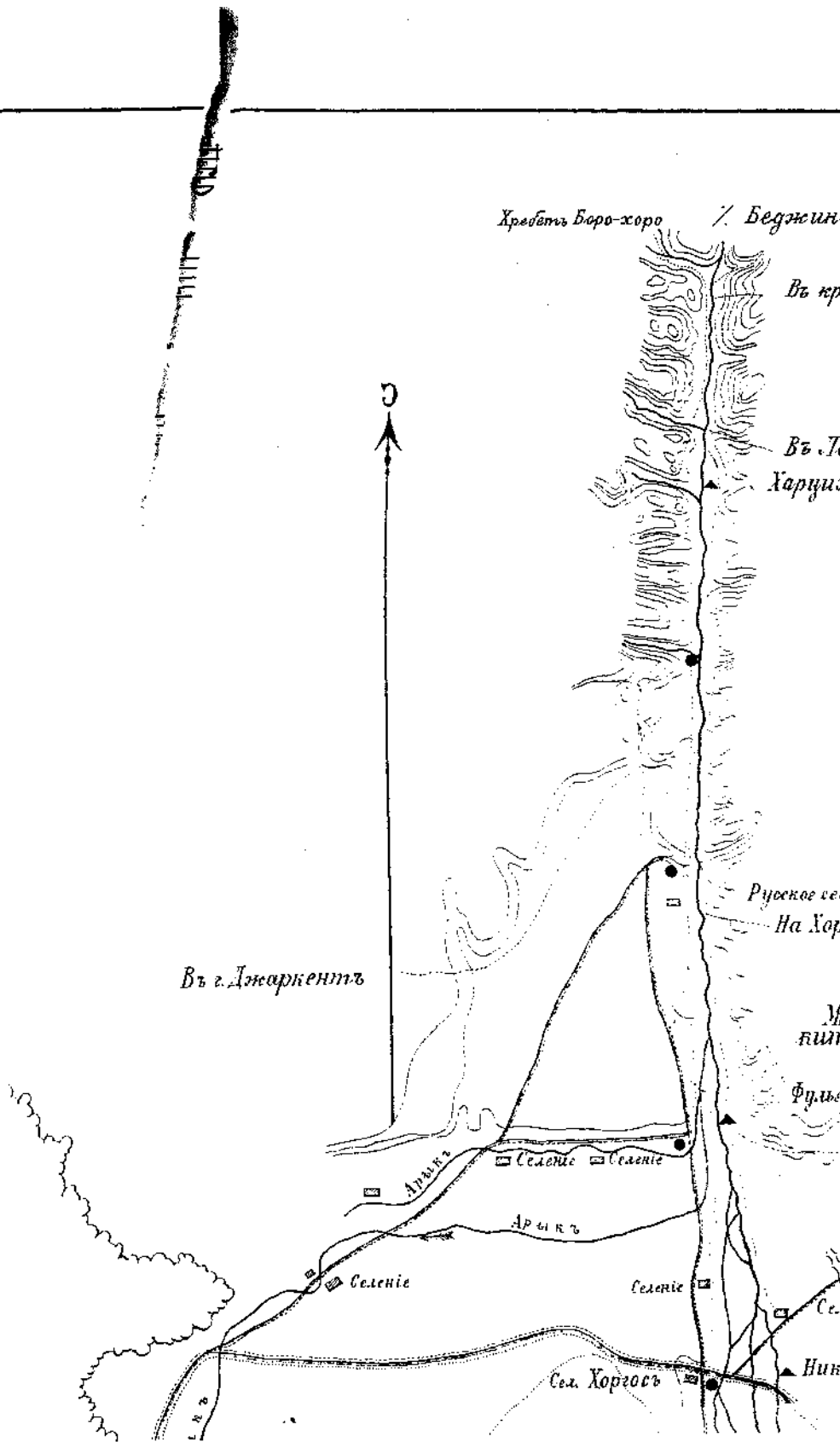
- Жилые помещеніе.
- Развалины.
- Разваливающаяся глинобитная стѣнка.
- ▲ Арыкъ.
- Сады.
- Пустопорожня мѣста.
- Огороды и клеверники.

Масштабъ

въ англійскомъ дюймѣ 100 саж.

№ 1.

Two staves of musical notation. The first staff is a treble clef with a key signature of one flat and a 2/4 time signature. It contains a melodic line with several triplets and slurs. The second staff is a bass clef with a key signature of one flat and a 2/4 time signature. It contains a bass line with slurs and rests.

№ 2.

A single staff of musical notation in treble clef, one flat key signature, and 2/4 time signature. The melody features a triplet and various rhythmic patterns.

№ 3.

Three staves of musical notation. The first two staves are in treble clef, one flat key signature, and 2/4 time signature. They show a complex melodic line with many slurs and ties. The third staff is mostly empty with a few notes at the beginning.

№ 4.

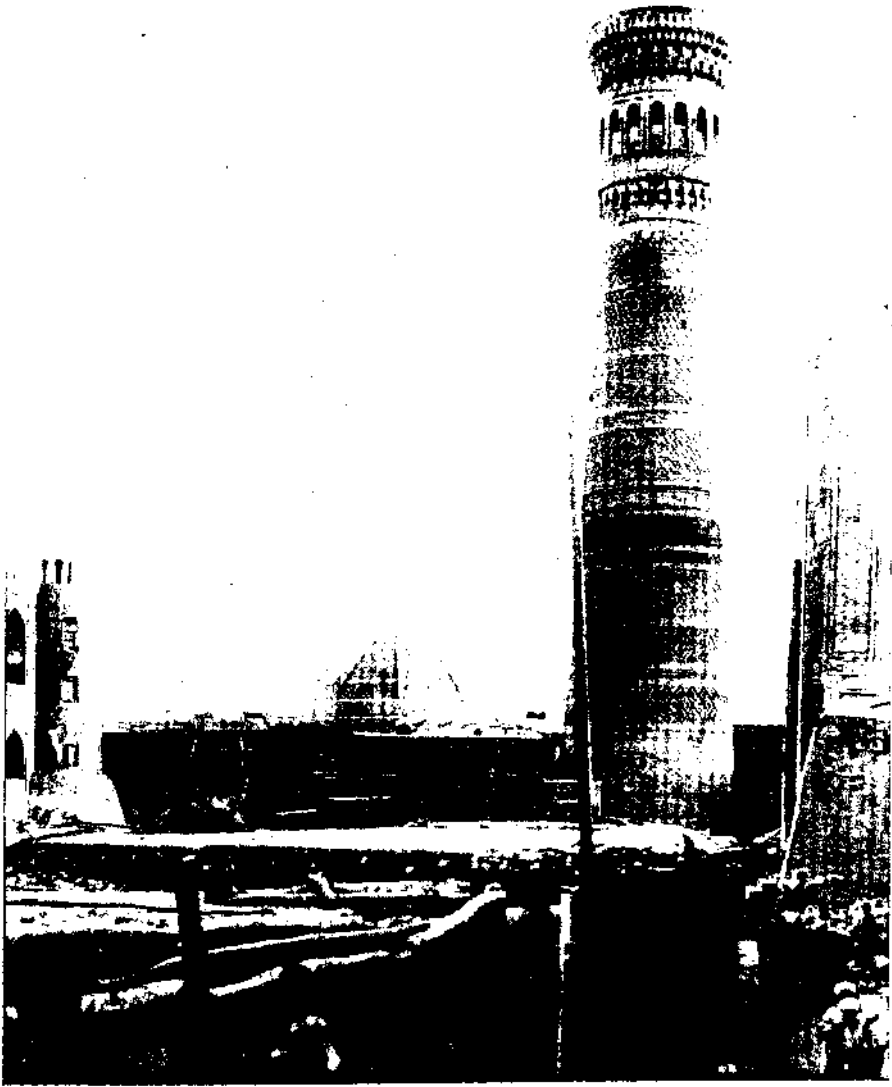
Four staves of musical notation. The first three staves are in treble clef, one flat key signature, and 2/4 time signature. They contain a complex melodic line with many slurs and ties. The fourth staff is mostly empty with a few notes at the beginning.

Nº 5.

Handwritten musical score for piece Nº 5, consisting of three staves of music. The notation includes various rhythmic values, slurs, and dynamic markings.

Nº 6.

Handwritten musical score for piece Nº 6, consisting of four staves of music. The notation includes various rhythmic values, slurs, and dynamic markings. The piece concludes with a signature that reads "W. Buep".

Минареть мечети Масджиди-Калёнъ въ г. Бухарѣ, откуда прежде сбрасывали преступниковъ (съ фотографіи изъ Туркестанскаго Музея).

На Башнѣ Смерти ¹⁾.

Мы поднимались черезъ Дарвазскія горы въ восточной части бухарскихъ владѣній.

Съ правой стороны, какъ будто уходя въ небо, тянулась гранитная стѣна скаль, около которой по узкому карнизу извивалась конная тропа, немного больше аршина шириною. Безконечно глубокая пропасть мрачно чернѣла съ лѣваго бока, обдавая холодной сыростью могилы. Горы, одна выше другой, поднимались передъ нашими глазами и, вырисовываясь огромнымъ свѣтовымъ хребтомъ, закрывали весь горизонтъ, сливаясь съ свѣрыми тонами тучъ.

Высоко на небѣ клетотали орлы. Воздухъ былъ свѣжъ и прохладенъ и налетавшій порою горный вѣтеръ заставлялъ насъ, отвыкшихъ отъ холода, невольно ежиться, кутаясь въ бурки.

На краю горизонта съ высокаго перевала была видна широкая равнина, по которой, будто по топографической картѣ, извивался быстрый Пянджъ, разлившійся нѣсколькими рукавами, образуя цѣлую систему острововъ. Къ востоку долина суживалась и далѣе рѣка несла свои холодныя воды по ущелью съ почти отвѣсными крутыми берегами.

Одинъ за другимъ, постоянно рискуя, поскользнувшись, свалиться въ пропасть, двигались мы по карнизу. Вышина была страшная и духъ захватывало при взглядѣ внизъ. Порою изъ-подъ ногъ лошади вырывался камень

¹⁾ Башней Смерти называлась башня, съ которой сбрасывали прежде преступниковъ въ Бухарѣ.

и, увлекаемая десятки другихъ, съ шумомъ скатывалась внизъ и исчезала въ безднѣ. Встревоженная грохотомъ падающихъ камней на мгновение показывалась стайка горныхъ барановъ и, перепрыгивая черезъ расщелины, моментально скрывалась за скалами.

Солнечные лучи красиво освѣщали снѣговыя шапки горъ, блестящихъ и искрившихся на солнцѣ всевозможными цвѣтами радуги. Иногда тропа дѣлала крутой поворотъ, за которымъ, казалось, начинается хорошая дорога. Но ожиданія не сбывались и вмѣсто нея открывался оврагъ (висячій мостъ) съ зыбкой, колыхавшейся настилкою. Бревна, вбитыя въ расщелины скалы, подозрительно поскрипывали, какъ живыя, заставляя даже привычныхъ лошадей нервно вздрагивать передъ дырами въ настилкѣ, сквозь которую виднѣлась страшной глубины пропасть. Глухой гулъ потока откуда-то далеко доносился снизу.

Скрѣпя сердце и покорившись судьбѣ, мы вѣзжали на эти висячіе мосты, ежеминутно ожидая катастрофы.

Впередѣ, спокойно сидя на небольшой горной лошаdkѣ фхаль мѣстный шахъ,¹⁾ сѣдобородый, библейскаго вида, таджикъ, служившій проводникомъ. Сдѣлавъ съ ранняго утра не больше двадцати верстъ, мы къ вечеру уже едва держались на сѣдлахъ отъ усталости, совершенно изнемогая, когда шахъ, выѣхавъ немного впередъ, сказалъ:

— Ну, тюря, сейчасъ отдыхать будемъ. Немного осталось до Мазара-Хаджи-Имама... Теперь пойдетъ самая трудная часть пути, но зато дальше дорога отличная. Завтра можно съ новыми силами проѣхать до Кала-и-Вамара...

Какъ-то невольно всѣ, узнавъ о близости ночлега, подбодрились и стали подтягиваться. Лошади, почувавъ воду, увеличили шагъ. Но карнизъ становился все уже и уже; съ замираніемъ дыханія, слыша ясно удары соб-

¹⁾ Шахомъ въ горной Бухарѣ называется чиновникъ, вродѣ волостного старшины.

ственного сердца, подвигались мы по его изгибамъ, стараясь не смотрѣть въ эту страшную бездну, надъ которой проходила лошадь, держась ея края. Холодный вѣтеръ тянулъ по ущелью, куда мы, наконецъ, спустившись, остановились на небольшой площадкѣ у берега ручья.

Старинный, сложенный изъ нетесанныхъ камней мазаръ былъ окруженъ нѣсколькими огромными развѣсистыми чинарами. Громко журча и перекатываясь черезъ скалы, извивался ручей со свѣтлой водой, каскадами падая внизъ въ слѣдующую расщелину.

— Здѣсь, тюря, стоять будемъ, — сказали шахъ и сейчасъ же, передавъ лошадь нукеру, снялъ съ себя сапоги, присѣвъ у воды совершать омовеніе, послѣ котораго, разостлавъ на землѣ свой халатъ, долго стоялъ на коленяхъ, тихо шепча слова моленій.

Только что успѣли мы перекусить, какъ скрылось солнце и разомъ въ ущельи настала ночь. Звѣзды, скрытыя до того какъ будто покрываломъ, теперь ярко заблестѣли на небѣ. Огонь костра освѣщаль лишь небольшое пространство площадки, а дальше все топуло во мракѣ. Усталые люди же спали крѣпкимъ сномъ, но я не могъ заснуть.

Карнизы, пропасти, ужасные мосты мерещились мнѣ, отгоняя дремоту.

Старый шахъ, присѣвъ невдалекѣ отъ меня, разбиралъ что-то въ своихъ хуржумахъ, бормоча себѣ подъ носъ. Привыкшему къ такимъ дорогамъ старику не спалось.

— Что, тюря, не спишь? — наконецъ обратился онъ ко мнѣ, видя, что я закурилъ папиросу. Духъ не спокоень, оттого и не приходитъ къ тебѣ ангель сна. Здѣсь всемогущій Аллахъ поставилъ эти огромныя горы и слабъ человекъ, слабѣ травъ на нихъ растущихъ передъ Его силою. Аллахъ же даетъ крѣпость душѣ человека. Но все же нужно привыкнуть къ этимъ горамъ и ѣхать съ молитвою, а сначала горы эти всегда

страшны,—задумчиво заговорилъ онъ, мѣшая палкою въ огнѣ костра.

— Но, тюря, что эти горы; вышина ихъ заставляетъ биться сердце непривычнаго человѣка, а все-таки онъ знаетъ, что лишь одна рѣдкая случайность можетъ сбросить его внизъ съ этой высоты въ пропасть. Гораздо хуже и страшнѣе, когда знаешь, что черезъ нѣсколько минутъ тебя сбросятъ съ такой же страшной вышины другіе люди, и тѣло твое, упавъ на камни, разобьется внизу, оросивъ ихъ поверхность своею кровью. Тогда духъ замираетъ и душа, разставаясь съ жизнью, страшно тоскуетъ, мѣшая даже молиться...

— Ты въ своей долгой жизни испыталъ, вѣроятно, что-нибудь тяжелое? Мнѣ не хочется спать, расскажи пожалуйста,—обратился я къ старику.

Мой собесѣдникъ долго молчалъ, собираясь съ мыслями; наконецъ, сѣвъ передо мною и, глядя въ темноту ночи своими задумчивыми глазами и какъ будто видя передъ собою далекія картины забытаго прошлаго, онъ заговорилъ:

— Много прошло времени, тюря, почти сорокъ лѣтъ, а я все такъ же хорошо помню, какъ будто это было вчера...

Служилъ я нукеромъ у тюря-джана Абду-Маликъ-хана; ¹⁾ еще мальчикомъ взяли меня къ нему во дворецъ и постепенно, годъ за годомъ, я выросъ и сдѣлался смѣлымъ и храбрымъ джигитомъ. Вынашивалъ я соколовъ Катта-Тюри, держалъ его коня, ѣздилъ у его стрелени и спалъ какъ вѣрная собака у порога его комнаты, оберегая его покой. И любилъ меня Катта-Тюря, ²⁾ награждая за службу. Прислушивался я къ разговорамъ старыхъ людей и самъ приходилъ въ разумъ. И такъ хорошо и весело шла моя жизнь. Но видно не судьба была мнѣ прожить ее тихо, Аллаху угодно было погрузить меня въ пучину житейскихъ бурь, давъ испить до дна всю огромную горькую чашу несчастій...

¹⁾ Абду-Маликъ-ханъ, сынъ эмира Музафаръ-хана.

²⁾ Катта-Тюря—наслѣдникъ престола.

Давно уже у насъ вездѣ по базарамъ ходили слухи, что урусы двигаются къ Самарканду — священному городу правовѣрныхъ. Говорили также, что сарбазы эмира не могутъ осилить урусовъ, которые знаютъ такое слово, что побѣда всегда остается за ними и, кромѣ того, имъ помогаетъ самъ шайтанъ. Мало вѣрили этому наши люди, пока не пріѣхалъ однажды гонецъ и не сообщилъ, что урусы взяли Самаркандъ, Катта-Курганъ и идутъ на Бухару, а эмиръ больной и старый покорился имъ и заключилъ миръ...

Много было всякаго народа около Катта-Тюри, много совѣтниковъ, много вѣрныхъ слугъ, но больше всѣхъ слушалъ онъ стараго муллу Азада изъ Каршей.

Строгий былъ мулла—все время Аллаху молился о побѣдѣ и зубами скрипѣлъ, когда слышалъ про неудачи и поражение нашихъ сарбазовъ. Сталъ онъ приходитъ часто къ Катта-Тюрь для молитвъ и много тайныхъ разговоровъ съ нимъ велъ, запершись, съ глазу на глазъ въ помѣщеніи. Потомъ какіе-то люди пріѣзжали къ намъ по ночамъ въ курганъ. Но только я еще ничего не понималъ, пока одинъ разъ ночью не разбудили меня и всѣ мы узнали, что Катта-Тюря идетъ войною на урусовъ. Эту ночь я никогда не забуду. Весь городъ какъ будто сбѣсился. Муллы читали молитвы. Народъ разложилъ костры по улицамъ и на площадяхъ; воздухъ оглашался возгласами, призывавшими имена святыхъ и просившихъ побѣду. Дервиши бичевали себя такъ сильно, что лилась кровь ручьями, орошая землю, и всѣ призывали на помощь Пророка и его четырехъ друзей. Я думаю, что ихъ крики навѣрное должны были слышать и Аллахъ, и Мухаммедъ, и Али-Левъ Аллаха—трескъ барабановъ, звуки трубъ и пѣніе стиховъ Корана наполняли окрестности.

На утро къ большому знамени Катта-Тюри стали собираться люди. Тутъ были всѣ наши старые, вѣрные сарбазы и нукеры. На быстрыхъ своихъ коняхъ пришли съ великой Аму-Дарьи туркмены, кара-киргизы изъ да-

лекой Ферганы, афганцы изъ подъ Герата и даже воинственные текинцы изъ подъ Мерва.

Много, очень много было войска и веселая началась у насъ жизнь...

При звукахъ музыки и выстрѣловъ изъ пушекъ, одѣтые въ лучшее платье, вышли мы въ походъ. Но видно не угодны были Аллаху молитвы нашихъ мullahъ и, встрѣтаясь съ войсками урусовъ, не смотря на храбрость всѣхъ людей, мы потерпѣли поражение около Каршей и принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ, ввѣривъ судьбу свою быстроногимъ конямъ. Этотъ день, тюря, былъ тяжелымъ днемъ. Я первый разъ былъ въ бою, возя большое знамя Катта-Тюри. Грудью своей мнѣ пришлось не разъ закрыть Катта-Тюрю отъ ударовъ сабли уруса.

Въ глухую ночь затѣмъ долго скакали мы по степямъ съ небольшимъ числомъ нукеровъ. И лишь тогда я узналъ, что Абду-Маликъ-ханъ преступилъ волю отца своего и пошелъ войною и противъ урусовъ, и противъ эмира. Но все же на утро, когда укрывшись въ недоступномъ ущельи, мы перевязывали свои раны и считали потери, меня позвалъ къ себѣ господинъ мой и сказалъ:

— Мухаммедъ-ша! — Я, тюря, ша по рожденію, такъ какъ принадлежу къ благородному роду.

— Ты—мой вѣрный нукеръ, возьми лучшаго коня и скачи какъ вѣтеръ въ Бухару, гдѣ отдай это письмо близкимъ людямъ великаго эмира—отца моего, пусть они представятъ мое писаніе къ свѣтлымъ очамъ повелителя народовъ...

Никогда я прежде не видалъ эмира Бухары Музаффаръ-хана; слышалъ лишь, что на всей землѣ нѣтъ государя сильнѣе и могущественнѣе его и все земное трепещетъ и склоняется передъ нимъ. За крѣпкими высокими стѣнами священной Бухары стоитъ его дворець, гдѣ сидитъ онъ на золотой тахтѣ, осыпанной алмазами и драгоценными камнями и окруженный святыми мullahами.

лами читаетъ Коранъ и рѣшаетъ дѣла всего міра по Шаріату.

Быстроногій мой конь въ два дня донесъ меня до Бухары, миновавъ благополучно всѣ отряды урусовъ, разсыпавшихся по всему краю, и пули урусовъ не разъ свистѣли мимо моихъ ушей. Со слезами и молитвой цѣловаль я прахъ на улицахъ священнаго города и какъ червякъ лежалъ на землѣ въ то время, когда меня привели передъ лицо великаго эмира Бухары Музаффаръ-хана.

Прочиталь эмиръ письмо Катта-Тюры, долго молчалъ и затѣмъ горько заплакалъ и сказалъ:

— Ты-любимый нукеръ моего сына, которымъ меня на склонѣ лѣтъ наказаль Аллахъ за мои грѣхи. Ты видишь мое горе и мои слезы, но сердце мое твердо и нѣтъ въ немъ прошенія виновному, безумному сыну, а ты, какъ участникъ его преступленія, долженъ умереть!!

Безмолвно лежалъ я на коврѣ и страдала душа моя отъ этихъ страшныхъ словъ. А тѣнь Пророка на землѣ, повелитель правовѣрныхъ, замолчавъ, долго сидѣлъ задумавшись, совершенно забывъ обо мнѣ, ничтожествѣ, пресмыкавшемся у его ногъ. Затѣмъ онъ взглянувъ на меня, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Я же остался въ страхѣ и смертельномъ ужасѣ, ожидая казни, и въ это время гдѣ то недалеко—съ ближайшей мечети возгласили «Аллахъ, Акбаръ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ Іего Пророкъ». И невольно мой страхъ на время какъ будто рукой сняло, ибо я понялъ, что иду на казнь во славу Аллаха, погибая за участіе въ войнѣ съ невяѣрными, и, видно, въ то же время смягчилъ Аллахъ сердце эмира, потому что онъ вновь пришелъ и, видя меня лежащимъ, сказалъ:

— Встань рабъ! не насталь еще часъ твоего конца. Судьба не сказала своего послѣдняго слова о твоей жизни ..

Я всталъ на колѣни и поцѣловаль полу халата повелителя и тутъ, тюря, я замѣтилъ, что не только стра-

ждеть душа эмира, но такъ же болѣетъ его старое немощное тѣло.

И самъ съ собою сталь говорить эмиръ:

— Хотѣлъ я окончить свою жизнь въ тишинѣ, но вмѣсто этого послалъ мнѣ на склонѣ дней моихъ Аллахъ великое испытаніе. И я его выпью до дна,—а затѣмъ пойду въ Мекку. Поклонюсь Каабѣ, черному камню, который Аллахъ ниспослалъ людямъ съ неба на землю. Поцѣлую этотъ черный камень и сниметъ Аллахъ камень съ души моей. Выпью святой воды изъ золотого сосуда, висящаго въ воздухѣ надъ могилой Пророка, омоюсь ею и буду здоровъ.

Женщину слушать—вѣтеръ слушать!!

Я виноватъ, что послушалъ свою жену, мать моего первенца Абду-Малика, и не призвать его къ себѣ въ время; по ея же совѣту я началъ войну съ урусамъ и теперь поэтому всѣ несчастья обрушились на мою бѣдную старую голову...

Живи пока, рабъ, и ожидай своей участи! Сурово опять обратился ко мнѣ эмиръ и слѣлать знакъ рукою, чтобы я удалился.

Много дней потомъ прошло, а я все жилъ во дворцѣ съ людьми эмира, сторонившимися отъ меня, какъ отъ прокаженнаго, не зная, когда судьба прерветъ нить моей недолгой жизни. Но наконецъ меня позвали къ эмиру и я рѣшилъ, что настала мой часъ. Съ трепетомъ взошелъ я въ то же помѣщеніе и дерзнулъ бросить взглядъ на намѣстника Пророка. Сжалось мое сердце отъ жалости, когда я увидѣлъ лицо стараго эмира, на которомъ тяжелый недугъ положилъ свою печать.

— Я хочу тебя послать къ сыну моему Абду-Малику—господину твоему,—тихо сказать эмиръ, задыхаясь.

— Быстрѣе вѣтра скачи въ далекую Хиву, не отлыхая ни днемъ ни ночью. И милость моя будетъ надъ тобою, если ты исполнишь мое порученіе, чтобы о немъ не знала ни одна душа кромѣ меня и первенца моего

Абду-Малика, имя котораго произносить для меня такъ тяжело...

— Все исполню, что прикажешь хазретъ,—отвѣтилъ я... Но повелитель мой... Для тебя я ничтожество, на котораго да упадетъ благосклонно твой ясный взоръ Великаго Льва, съ алмазнымъ сердцемъ. Для меня же немилость, блистающая въ твоихъ очахъ, страшная невыносимая мука. Я прахъ ногъ твоихъ, я жалкая тѣнь твоя... Жизнь моя принадлежитъ тебѣ и я все сдѣлаю, что ты прикажешь и что только въ силахъ сдѣлать человѣкъ съ твердымъ сердцемъ и смѣлой душою...

Поднялъ тогда Музаффаръ-ханъ на меня взоръ свой и только что хотѣлъ что то сказать, какъ громко вскрикнулъ и упалъ навзничь на коверъ. Кинулся я поддерживать хазрета, но не успѣлъ, а когда нагнулся надъ нимъ, уже тѣни смерти пробѣгали по его блѣдному лицу и я потомъ своей рукою закрылъ ему глаза.

Долго я сидѣлъ у тѣла эмира, подавленный происшедшимъ и не было у меня силы встать и уйти позвать. А люди и стража ходили въ это время около помѣщенія, не смѣя безъ зова войти внутрь его...

Успокоившись немного, я вышелъ и, закрывъ за собою двери, пошелъ по двору глубоко задумавшись и никому ничего не говоря о происшедшемъ. Не понимаю до сихъ поръ почему, но мнѣ казалось, что кто то положилъ печать молчанія на мои уста. Тихо такъ было все въ садахъ и луна своимъ мягкимъ свѣтомъ освѣщала густыя деревья, оставляя лишь въ тѣни пространство подъ ихъ листвою. Я думалъ объ эмирѣ Бухары, ушедшемъ въ иной мѣръ, я думалъ о немъ все время.

И ты, тюря, навѣрное поймешь мой ужасъ, когда изъ-за листвы растений вдругъ на дорогу вышелъ и сталъ передо мною самъ умершій только что эмиръ»...

«О, тюря я закричалъ дикимъ голосомъ и упалъ на землю, лишившись чувствъ. Не помню какимъ образомъ затѣмъ я очутился въ какомъ то помѣщеніи и когда

очнулся, то опять увидѣлъ эмира, сидящаго невдалекѣ и державшаго въ рукахъ письмо...

— Должно быть случилось что-нибудь особенное, если ты осмѣлился нарушить въ ночное время своимъ крикомъ покой нашего повелителя эмира,—сказалъ этотъ второй эмиръ, обращаясь ко мнѣ?..

— Отвѣчай сейчасъ же всю правду, иначе клянусь бороною Пророка и своимъ словомъ Астанакула-Парвоначи¹⁾, я вырву твой языкъ и заставлю тебя говорить...

Тутъ, тюря, мой страхъ сталъ проходить. Живя далеко отъ двора, я никогда не видалъ, но слышалъ, что у эмира Музаффаръ-хана есть братъ Астанакуль-Парвоначи, похожій на него какъ двѣ капли воды. Астанакуль этотъ самый былъ передо мною.

Несвязно рассказалъ я ему про смерть эмира и, упавъ въ ноги, просилъ прошенія, считая, что послѣднія слова его ко мнѣ были причиною его смерти.

Задумался Астанакуль-Парвоначи.

А потомъ спросилъ: и никто кромѣ тебя не знаетъ, что эмиръ умеръ?

Я подтвердилъ...

— Иди за мною—сказалъ онъ, вставая и направляясь къ эмирскому помѣщенію.

— Какъ знающій все что произошло, ты будешь находиться около тѣла эмира и охранять его, читая молитвы.

Будто сквозь сонъ помню, прошли мы мимо стражи и снова вошли къ эмиру. И никто не остановилъ насъ такъ какъ всѣ знали любимца эмира, его брата Астанакула-Парвоначи, имѣвшаго право входить къ эмиру во всякое время дня и ночи. Вдвоемъ завернули мы тѣло эмира въ чалму, а потомъ въ коверъ и положили на ложъ, накрывъ одѣяломъ. Затѣмъ Астанакуль, позвавъ начальника стражи, сказалъ, что хазретъ боленъ и не велѣлъ никого къ нему пускать.

¹⁾ Астанакуль родной братъ эмира Музаффаръ—хана, умершій въ 1906 г., былъ кушъ-беги въ Гисарѣ.

Пять долгихъ дней и ночей я провелъ въ одномъ помѣщеніи съ покойнымъ эмиромъ, будто помогая Астанакулу-Парвоначи ухаживать за больнымъ. Ужасны были дни, но еще страшнѣе были ночи. Трупъ издавалъ нестерпимое зловоніе, а я лежалъ почти рядомъ съ нимъ.

Знаешь-ли, тюря, что смерть лучше такого мученія. Я ничего не понималъ, для чего все это было нужно...

Самъ же Астанакулъ выходилъ, говорилъ съ людьми и много писалъ. Лишь потомъ долго спустя я узналъ, что онъ, боясь народнаго мятежа, а такъ же и прибытія въ Бухару моего господина Абду-Маликъ-хана, котораго онъ не любилъ, рѣшилъ скрыть смерть эмира и возвести на престолъ Бухары младшаго сына эмира Музаффаръ-хана, Сейидъ-Абдуль-Ахада, находившагося въ то время въ Кермине и ничего не знавшаго о происшедшемъ.

Почти пять дней всѣ люди думали, что эмиръ тяжело боленъ и Астанакулъ, оберегая драгоценный покой его, собственноручно носилъ ему пищу, отдавая ее мнѣ и унося потомъ пустое блюдо.

Тутъ я увидѣлъ, что прахъ эмира и прахъ раба равноцѣненъ передъ разрушительной работою беспощадной смерти.

И ничего не говорилъ со мною Астанакулъ, но глядя на него мнѣ все время казалось, что я смотрю на живого эмира, смерть котораго была страшный сонъ, приснившійся лишь мнѣ.

Утромъ на шестой день, когда я изнемогая отъ зловонія уже не зналъ что дѣлать, онъ, взоидя, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Конецъ! Черезъ часъ придетъ новый эмиръ Сейидъ Абдуль-Ахадъ Багадуръ—ханъ...

Эмиръ Музаффаръ-ханъ, да успокоитъ Аллахъ его душу, скончался! Ты же былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ жизни Эмира; ты слишкомъ много знаешь. Ты любимый нукеръ Абду-Мелика—да разверзется земля подъ его ногами.—Но, чтобы ты не болталъ лишняго, ты умрешь. Слѣдуй за мною...

Будто какая-то чужая воля подняла меня и я пошел за страшнымъ Астанакулумъ, вышедшимъ изъ помѣщенія и приказавшимъ тотчасъ же стражѣ схватить меня. Я не успѣлъ даже опомниться и дать себѣ отчетъ, какъ меня уже спутали веревками и, заткнувши ротъ, потащили на арканѣ. Я мысленно читалъ молитвы Аллаху, въ началѣ еще на что-то надѣясь въ глубинѣ души своей, пока не увидѣлъ широкую площадь Регистана ¹⁾ и возвышающуюся надъ нею высокую круглую Башню Смерти. Тутъ сердце упало во мнѣ и я понялъ, что пришелъ мой конецъ и минуты жизни сочтены.

Тысячи людей толпились на площади и такъ какъ день былъ базарный, то ожидали томашу. Едва передвигая ноги, я шелъ между нукерами среди толпы, смотрѣвшей на меня съ любопытствомъ, какъ на звѣря. Ни одного взора участія не встрѣтилъ я среди этихъ людей, мнѣ чуждыхъ и далекихъ. Всю свою жизнь я вспомнилъ, поднимаясь по крутымъ ступенямъ Башни Смерти, куда меня уже почти несли на рукахъ. Солнце свѣтило такъ ярко и голубое небо было такъ красиво, что и сказать нельзя, но я сквозь бойницы башни лишь вездѣ видѣлъ бѣлый туманъ и ничего не различали глаза мои. Мнѣ лишь казалось, что башня вся качается подъ нашею тяжестью, когда поднялись на верхнюю площадку и поставили около невысокихъ зубцовъ, отдѣлявшихъ меня отъ бездны, въ которую черезъ минуту должны были сбросить мое бѣдное тѣло.

Голова у меня кружилась и мысли какъ будто улетѣли далеко прочь. Во рту было сухо и я не могъ сказать ни одного слова, лишь стопами подавая слабые признаки жизни.

Еще одна минута и я полечу по воздуху и разобьюсь о каменные бѣлыя плиты площади.

Знаешь, тюря! Эти минуты были длиннѣе дней, а толпа внизу на площади ревѣла и хохотала, ожидая ин-

¹⁾ Главная площадь въ г. Бухарѣ.

тереснаго зрѣлища, которымъ являлась для нея моя казнь. Старикъ мулла разостлалъ свой халатъ на землю и меня поставили на колѣни, чтобы я послѣдній разъ, какъ истый правовѣрный, вознесъ молитву Милосердному Аллаху о прощеніи моей грѣшной души. И эта послѣдняя молитва была безконечною, занимая время равное одному году, хотя прошло вѣроятно не болѣе минуты.

Два сильныхъ нукера-киргиза схватили меня и разомъ подняли надъ зубцами. Я уже висѣлъ надъ бездною... Еще мгновение и жизнь была бы кончена. Ангель смерти Азраилъ уже осѣнилъ меня своими крыльями...

Но, тюря, жизнь человѣка въ рукахъ Аллаха и онъ лишь одинъ знаетъ, когда ее перерѣзаютъ...

Крикъ чей-то «тохта!» какъ громъ прогремѣлъ въ моихъ ушахъ. Державшіе меня надъ бездною опустили руки и, перенеся меня черезъ зубцы, поставили снова на площадку башни.

Я былъ живъ!!

— Эмиръ Музаффаръ-ханъ скончался, а Сейидъ-Абдуль-Ахадъ-Багадуръ-ханъ, да прославится имя его во вѣки, вступилъ на престолъ Бухары,—громко кричали глашатаи...

— Да не начнется его царствованіе казнью... Прощеніе приговоренному къ смерти, во славу Аллаха,—громкимъ голосомъ сказалъ самъ кушъ-беги, сидя верхомъ на конѣ среди площади и, махнувъ рукою по направленію къ Башнѣ Смерти, двинулся дальше по улицамъ, окруженный своей блестящею свитою...

Я долго не вѣрилъ, тюря, что я живъ. Мнѣ пришлось ощупывать себя, чтобы въ этомъ убѣдиться...

Но посмотри, тюря, когда я входилъ на Башню Смерти, мои волосы были черны, какъ крыло ворона, а когда я сошелъ внизъ, то голова моя была покрыта, какъ снѣгомъ и волоса сдѣлались бѣлыми, какъ у старика.

Да, тюря, почти сорокъ долгихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я все помню, какъ будто это было вчера...

Астанакуль-Парвоначи взялъ потомъ меня къ себѣ. Съ нимъ же я былъ и въ Гисарѣ, служа, какъ вѣрный рабъ, пресвѣтлому Астанакулу-кушъ-беги, миру гисарскому, лишь вспоминая порою своего прежняго господина Катта-Тюря Абду-Маликъ-хана.

И всѣ уже умерли! И Музаффаръ-ханъ, и Астанакуль-кушъ-беги. И я теперь, доживая свои долгіе годы, также ожидаю смерти. Но я, тюря, послѣ этого не боюсь никакой высоты.

Здѣсь, среди своего народа, проводя послѣдніе дни, я порою, остановившись надъ бездонною пропастью, вспоминаю страшныя минуты, которыя пережилъ на Башнѣ Смерти».

Ярко свѣтили звѣзды на темномъ небѣ и тишина ночи лишь нарушалась глухимъ шумомъ воды, перекачывавшейся черезъ камни.

На востокъ уже показалась полоска свѣта.

Д. Н. Логофетъ.

13 августа 1907 г.

„Бѣгство“ Абдуръ-Рахманъ-хана изъ Ташкента въ Афганистанъ.

(Эпизодъ изъ исторіи нашей вѣшной политики въ Средней Азіи).

Эмиръ Ширъ-Али скончался (въ 1878 году) въ Мазари-Шерифъ; въ смутахъ и неурядицахъ прошло кратковременное царствованіе его сына Якубъ-хана, престолъ котораго оспаривался у него его дядею, Эйюбъ-ханомъ, сыномъ Достъ-Мухаммеда, утвердившимся въ Гератѣ. Среди этихъ неурядиць, какъ и въ 1841 году¹⁾, вспыхнуло возстаніе афганцевъ противъ англичанъ и англійскіе гарнизоны были почти повсемѣстно истреблены. Потомъ походъ англичанъ въ отплату за это, сдача Якубъ-хана и отвозъ его плѣнникомъ въ Индію. Замѣнившій его Эйюбъ-ханъ продолжалъ сражаться съ англичанами и даже нанесъ имъ тяжелое пораженіе. Но подошли свѣжія англійскія войска, разбили Эйюба, и англичане оккупировали Афганистанъ²⁾.

Среди всѣхъ такихъ смуть, окутавшихъ афганскую землю, мысль сердаря Абдуръ-Рахманъ-хана, проживавшаго въ Самаркандѣ на содержаніи отъ русскаго правительства, неотступно витала надъ его дикою и гористою родиною. Въ умѣ сердаря, надо полагать, тогда уже зрѣли широкіе планы, которые онъ съ необыкновенною послѣ-

¹⁾ См. объ этомъ подробности въ книгѣ „Афганистанъ и англичане въ 1841 и 1842 гг.“, сочиненіе Карла-Фридриха Неймана, переведено по порученію П. В. Голубкова“. Москва, 1848 г.

²⁾ См. „Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ С. Н. Южакова“. С.-Петербургъ, 1885 г.

ловательностью и исключительнымъ успѣхомъ и провелъ потомъ на своемъ долгомъ жизненномъ пути.

Курсъ нашей внѣшней политики былъ тогда направленъ къ упроченію «худого мира» съ Англіей и въ расчеты князя-канцлера вовсе не входило содѣйствіе Абдуръ-Рахману въ его замыслахъ. И когда за поѣздку сердаря въ Афганистанъ въ исходѣ 1875 года сталъ хлопотать предъ вр. и. об. туркестанскаго генераль-губернатора, генераломъ Колпаковскомъ, бухарскій эмиръ, — наше правительство, въ виду извѣстныхъ объясненій, происходившихъ между нимъ и лондонскимъ кабинетомъ по вопросу объ Афганистанѣ и его границахъ, просьбу эмира отклонило и по докладѣ объ этомъ князя-канцлера императору Александру II выразило желаніе, чтобы Абдуръ-Рахманъ-хану не только не было дозволено вмѣшиваться въ дѣла между Бухарою и Афганистаномъ, но чтобы были приняты мѣры къ удаленію его отъ границъ Афганистана, т.-е. изъ Самарканда, напримѣръ, въ Ташкентъ или другой пунктъ, по усмотрѣнію туркестанскаго генераль-губернатора³⁾.

Такого рода высочайшія указанія и послужили для туркестанскаго генераль-губернатора директивою въ отношеніи Абдуръ-Рахманъ-хана. Объ этомъ было извѣстно и начальнику Зарафшанскаго округа.

Въ мартѣ 1879 года до генераль-адъютанта К. П. Кауфмана дошли слухи, что проживающій въ Самаркандѣ сердарь собирается тайно покинуть русскія владѣнія и бѣжать въ Афганистанъ; объ этомъ Кауфмана увѣдомлялъ шифрованной депешей тогдашній начальникъ Зарафшанскаго округа, генераль-майоръ Ивановъ⁴⁾. «Поэтому я послать къ Абдуръ-Рахманъ-хану полковника

³⁾ Секретное письмо военного министра, Д. А. Милютина, генералу Кауфману отъ 10 февраля 1876 года № 3 въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 34/1879 года. Всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о пребываніи Абдуръ-Рахманъ-хана въ Ташкентѣ взяты изъ этого дѣла.

⁴⁾ Впоследствии, въ чинѣ генераль-лейтенанта, туркестанскій генераль-губернаторъ (нынѣ покойный). Его шифрованная телеграмма генералу Кауфману отъ 1 марта 1879 года.

Королькова⁵⁾ съ извѣщеніемъ, что ваше превосходительство экстренно вызываете его въ Ташкентъ для переговоровъ о дѣлахъ въ Афганистанѣ. Удастся ли уговорить ѣхать, донесу особо. Но если не удастся, разрѣшите прибѣгнуть къ аресту», писалось въ депешѣ. Но прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ не пришлось; напротивъ, Абдуръ - Рахманъ - ханъ немедленно откликнулся на зовъ «ярым - падшаха» и второго марта въ 8 часовъ утра выѣхалъ изъ Самарканда въ Ташкентъ, куда и прибылъ четвертаго марта. Въ тотъ же день представился Кауфману. Сердаръ пріѣхалъ налегкѣ, только съ двумя слугами; его семья и многочисленная челядь остались въ Самаркандѣ, ибо Абдуръ-Рахманъ-ханъ, вѣроятно, рассчитывалъ изъ Ташкента скоро вернуться обратно. Но въ Ташкентѣ сердарю было объявлено, что гораздо лучше будетъ, если онъ поселится здѣсь; и дня черезъ два послѣ его пріѣзда ему уже былъ отведенъ въ пользованіе большой казенный садъ (бывшій генерала Головачева). При этомъ Абдуръ-Рахманъ-хану разрѣшалось устроиться въ этомъ саду по своему усмотрѣнію, производя постройки за свой счетъ и по своему вкусу, и дано было обѣщаніе, если сердарю почему-либо придется оставить этотъ садъ, что казна возвратитъ ему деньги, потраченные на возведеніе въ саду построекъ. А такъ какъ вдругъ нельзя было построить домъ и привести садъ въ настоящій видъ, то Абдуръ-Рахманъ просилъ прислать для него въ туземномъ городѣ «принадлежащее казнѣ» помѣщеніе, чтобы ему временно, до наступленія весны (а слѣдовательно и строительнаго сезона), поселиться тамъ⁶⁾. При этомъ сердаръ выражалъ желаніе какъ можно скорѣе перевезти въ Ташкентъ покинутую имъ въ Самаркандѣ семью; послѣдняя, повидимому, сильно беспокоилась участіемъ своего главы, такъ что сердаръ

⁵⁾ Впослѣдствіи генераль-лейтенантъ и военный губернаторъ Сирь-Дарьинской области (нынѣ также покойный).

⁶⁾ Справка п. д. дипломатическаго чиновника, коллежскаго совѣтника Ибрагимова, на имя генераль-адъютанта Кауфмана, отъ 6 марта 1879 года въ дѣлѣ № 34/1879 года канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора.

счелъ необходимымъ въ день представленія своего генераль-губернатору послать въ Самаркандъ семьѣ успокоительную телеграмму.

Просьба Абдуръ-Рахмана была уважена, и для него въ Кашгарскомъ кварталѣ стараго города былъ нанятъ за 25 рублей въ мѣсяцъ домъ, въ которомъ до того проживалъ сынъ знаменитаго Якубъ-бека кашгарскаго, Бекъ-Кулибековъ⁷⁾. Позволеніе же отправиться въ Самаркандъ было дано не сразу, — вліяли, вѣроятно, причины посторонняго характера, изъ коихъ едва ли не главная была та, что Петербургъ, на основаніи донесенія нашего посланника въ Персіи, просилъ усилить за сердаремъ надзоръ. Основаніемъ къ тому были слухи среди жившихъ въ Тегеранѣ афганцевъ, что англичане желаютъ вызвать Абдуръ-Рахмана изъ Ташкента въ Афганистанъ⁸⁾.

Кромѣ того и начальникъ Зарафшанскаго округа, генераль-майоръ Ивановъ, разсчитывая пріѣхать въ Ташкентъ по дѣламъ службы, просилъ генераль-губернатора задержать отъѣздъ сердаря до своего пріѣзда въ Ташкентъ.

Нечего и говорить, что внезапный вызовъ Абдуръ-Рахмана въ Ташкентъ и задержаніе его тамъ произвели на сердаря удручающее впечатлѣніе. Къ тому же на первыхъ порахъ онъ не получалъ писемъ отъ семьи и выражалъ подозрѣніе, что они задерживаются по чьему-нибудь распоряженію⁹⁾.

Конечно, джентльменъ по природѣ, какимъ былъ К. П. Кауфманъ, тогда почти всемогущій представитель русскаго государя въ Средней Азій, сумѣлъ скрасить подневольное пребываніе сердаря въ Ташкентѣ исполненіемъ всѣхъ его просьбъ матеріальнаго характера и тою предупредительностью, которую отличался первый устраи-

⁷⁾ Справка и. л. дипломатическаго чиновника, коллежскаго совѣтника Ибрагимова, отъ 13 марта 1879 года въ дѣлѣ № 34/1876 года.

⁸⁾ Шифрованная телеграмма статсъ-секретаря Гирса генераль-адъютанту Кауфману отъ 8 марта 1879 года № 3008 въ томъ же дѣлѣ.

⁹⁾ Справка коллежскаго совѣтника Ибрагимова генераль-адъютанту Кауфману отъ 13 марта 1879 года въ томъ же дѣлѣ.

тель Туркестанскаго края, но Абдуръ-Рахманъ все же крайне тяготился своимъ положеніемъ.

Наконенъ, 20 марта сердарь выѣхалъ за семьею въ Самаркандъ. Тамъ ожидалъ его усиленный налзоръ, но 28 марта генераль-майору Иванову, бесѣдовавшему съ сердаремъ, вѣроятно, «на-чистоту», Абдуръ-Рахманъ далъ честное слово, что онъ никуда не уѣдетъ, кромѣ Ташкента¹⁰⁾. 8-го апрѣля сердарь вернулся въ Ташкентъ со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ на сорока пяти арбахъ; при немъ было 20 человекъ прислуги. Два его двоюродныхъ брата, сердарь Мухаммедъ-Серверъ-ханъ и Мухсинъ-ханъ, остались въ Самаркандѣ¹¹⁾.

Въ отведенномъ для сердаря казенномъ саду былъ спѣшно отремонтированъ для него находившійся тамъ домъ, бывшій генерала Головачева, со всѣми службами; въ этомъ помѣщеніи Абдуръ-Рахманъ и поселился.

Вскорѣ по приѣздѣ сердаря въ Ташкентъ Кауфманъ получилъ отъ начальника Зарафшанскаго округа, генерала Иванова, подлинныя письма эмира бухарскаго и его кушъ-беги. Сообщенія, заключавшіяся въ этихъ письмахъ, подтверждали намѣреніе Абдуръ-Рахмана ѣхать въ Афганистанъ. При чемъ бухарцы арестовали одного изъ эмисаровъ сердаря, нѣкоего Абдулла-Джана. Послѣдній прибылъ къ эмиру съ письмомъ отъ Абдуръ-Рахмана, при этомъ на словахъ посланецъ передалъ эмиру, что «по распоряженію генераль-губернатора Абдуръ-Рахманъ-ханъ отправится въ свои владѣнія и сдѣлается тамъ полнымъ властелиномъ и что если ихъ пропустятъ въ Балхъ и будетъ оказана матеріальная поддержка, то они поѣдутъ въ Афганистанъ»¹²⁾. Прослышалъ ли сердарь о томъ, что эмиръ

¹⁰⁾ Депеша генераль-майора Иванова къ Самарканду Кауфману отъ 28 марта за № 225 въ томъ же дѣлѣ.

¹¹⁾ По просьбѣ Абдуръ-Рахмана его двоюроднымъ братьямъ была назначена пенсія: старшему, Мухаммедъ-Серверъ-хану — 4 тысячи рублей, среднему, Мухаммедъ-Азизъ-хану — 3 тысячи рублей и младшему, Мухаммедъ-Мухсинъ-хану — 2 тысячи рублей.

¹²⁾ См. письмо кушъ-беги эмира, Мулла-Мухаммедъ бѣя, Инаки-и-Калена, къ генераль-майору Иванову, отъ 23 Раби-ус-Сани 1296 года въ дѣлѣ № 34/1879 года, канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора.

бухарскій относится несочувственно къ его планамъ и хочетъ сообщить русскимъ властямъ объ его интригахъ или же дѣйствительно бухарцы не поцеремонились съ его посланцемъ, но только Абдуръ-Рахманъ обратился къ русской администраціи Туркестана съ просьбою выручить изъ Бухары его человѣка, котораго бухарцы будто бы ни за что ни про что арестовали.

...«Мы скрывали его прїѣздъ, предполагая, что слова его (т.-е. Абдулла-Джана) могутъ быть справедливы и что онъ присланъ секретно. Человѣку, который самъ посылать людей съ своими письмами за своей печатью, странно говорить, что его посланнаго арестовали», резонно отвѣчали бухарцы¹³⁾ и выпроводили Абдулла-Джана въ Самаркандъ.

Генералъ Кауфманъ оставилъ этотъ компрометирующій случай безъ вниманія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года изъ довольно большой челяди, окружавшей сердаря, 53 человѣка выразили желаніе отправиться на родину въ Афганистанъ и потому просили Абдуръ-Рахманъ-хана такъ или иначе устроить ихъ отъѣздъ, выдавъ имъ что нибудь на дорогу. Но сердаръ заявилъ, что онъ положительно не можетъ имъ помочь, потому что поѣздка изъ Самарканда въ Ташкентъ ему стоила довольно крупныхъ суммъ и, кромѣ того, въ Ташкентѣ ему пришлось устраиваться заново, бросивъ на произволъ судьбы свое благоустроенное помѣщеніе въ Самаркандѣ¹⁴⁾.

«Выдать людямъ сердаря Абдуръ-Рахманъ-хана за два мѣсяца содержаніе и раздать по прилагаемому списку, составленному сердаремъ; деньги 544 рубля ассигновать изъ посольской суммы и присмотрѣть, чтобы люди эти выѣхали изъ Самарканда», — гласила примиряющая резолюція генераль-адъютанта Кауфмана въ отношеніи этого затрудненія. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что

¹³⁾ Въ томъ же письмѣ.

¹⁴⁾ См. отзывъ афганскаго сердаря Абдуръ-Рахманъ-хана отъ 13 апрѣля 1879 года въ томъ же дѣлѣ.

всѣ эти 53 человекъ слугъ Абдуръ-Рахманъ-хана отправились въ Афганистанъ въ качествѣ «предтечь» своего господина, путемъ извѣстной пропаганды подготовить ему безпрепятственное вступленіе на афганскую территорію.

Едва-ли также не въ этихъ нбляхъ черезъ недѣлю или двѣ Абдуръ-Рахманъ испросилъ позволеніе у Кауфмана послать двухъ своихъ людей въ Мешедъ узнать о положеніи матери, жены и сына, такъ какъ, по его словамъ, онъ въ послѣдній разъ имѣлъ о нихъ свѣдѣнія изъ Кандагара 14 лѣтъ тому назадъ¹⁵⁾. Посылаемые сердаремъ афганцы должны были ѣхать на Бухару, Мервъ, Серахсъ и Мешедъ, тамъ разузнать о мѣстожительствѣ семьи сердаря и проѣхать къ ней для передачи письма Абдуръ-Рахманъ-хана. Почему послѣдній посылалъ своихъ слугъ такимъ длиннымъ кружнымъ путемъ въ Афганистанъ, — на то у него, очевидно, были свои виды.

Во второй половинѣ 1879 года Абдуръ-Рахманъ предпринялъ болѣе активныя дѣйствія по отношенію къ Афганистану. На этотъ разъ его замысламъ, повидимому, содѣйствовалъ не только генераль-губернаторъ, но и высшія сферы, перемѣнившія свой взглядъ на «афганскія дѣла». Причемъ характерно, что подлежащія оглашенію официальныя документы того времени совершенно расходятся съ секретными документами, выражающими истинный смыслъ и настроеніе нашей тогдашней политики въ афганскомъ вопросѣ.

«Абдуръ-Рахманъ-ханъ проситъ пособить ему двадцатью пятью тысячами рублей, говорить, что больше не

¹⁵⁾ Судя изъ писемъ матери Исхакъ-хана къ Абдуръ-Рахманъ-хану и къ Исхакъ-хану (копіи съ переводовъ въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 34, 1879 года, полученныхъ въ октябрѣ 1879 года въ Самаркандѣ) мать и сынъ Абдуръ-Рахмана дѣйствительно проживали въ Кандагарѣ и, повидимому, наряду съ членами семейства Исхакъ-хана обѣдствовали... «Получаемъ содержаніе неаккуратно, одинъ мѣсяць удовлетворяютъ, а другой нѣтъ». И семья сердаря Исхакъ-хана слезно молила въ письмахъ къ послѣднему, дать имъ хоть что нибудь на пропитаніе. «Вотъ уже 12 лѣтъ, какъ вы покинули родину и не выдались съ нами. Въ теченіе этого времени вы ни разу не увѣдомили насъ письмами»... Повидимому чувства обоихъ сердарей къ своимъ семьямъ, покинутымъ въ Афганистанѣ, были не изъ нѣжныхъ.

будеть просить. Испрашиваю высочайшее соизволеніе удовлетворить его просьбу отпускомъ денегъ сверхъ его содержанія сверхсѣтнымъ кредитомъ. Эти деньги нужны немедленно», телеграфировалъ Кауфманъ военному министру 11 ноября въ Ливадію шифрованной депешей¹⁸⁾. А черезъ пять дней испрашивалось еще двѣнадцать тысячъ рублей для двухъ родственниковъ сердаря.

Послѣдній почти немедленно по полученіи денегъ въ концѣ ноября (30-го), покинулъ Ташкентъ¹⁷⁾. Въ Самаркандѣ Абдуръ-Рахмана ждали сердари: Псхакъ-ханъ и Серверъ-ханъ, весьма откровенно дѣлавшіе свои приготовленія въ дальній путь: заказывали шорникамъ вещи на срокъ, торопились шить теплое платье и т. п.¹⁸⁾. Администрація на все закрывала глаза.

Бухарскому эмиру Кауфманомъ было написано, что «афганскій сердаръ Абдуръ-Рахманъ-ханъ скрылся, а также и родственники его, проживавшіе въ Самаркандѣ».

«Прошу ваше высокостепенство, прибавляя генераль-губернаторъ, не задерживать Абдуръ-Рахманъ-хана и его родственниковъ въ вашихъ владѣніяхъ, предоставивъ его волѣ Божіей. Если они разъ ушли, то Богъ съ ними, пусть идутъ куда хотятъ, вреда отъ этого ни вамъ, ни намъ никакого не будетъ. Дѣло до насъ съ вами не касается. Не оставьте сдѣлать распоряженіе, чтобы и беки¹⁹⁾ ваши пропустили, не дѣлая имъ никакихъ препятствій».

Въ первыхъ числахъ декабря Абдуръ-Рахманъ-ханъ уже былъ въ Самаркандѣ, куда прибыли два новыхъ сердаря изъ Афганистана Абдуль-Куддусъ-ханъ и Абдул-Гіясъ-ханъ. По просьбѣ Кауфмана и начальника Зерафшанскаго округа, генераль-майора Иванова, Абдуръ-Рахманъ-ханъ, совершенно не знавшій этихъ сердарей,

¹⁸⁾ См. дѣло канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 109, 1879 года. «О бѣгствѣ изъ Ташкента афганскаго сердаря Абдуръ-Рахманъ-хана».

¹⁷⁾ Г.-л. Терентьевъ въ своей «Исторіи завоеванія Средней Азии (2 т. 1906 г. стр. 543) совершенно ошибочно говоритъ, что сердаръ покинулъ Ташкентъ въ ночь на 15 декабря 1879 года.

¹⁸⁾ См. въ вышеназванномъ дѣлѣ частное письмо генераль-майора Иванова къ А. Я. Фриде, отъ 28 ноября 1879 года.

¹⁹⁾ Т.-е. правители отдѣльныхъ округовъ, губернаторы.

рѣшился принять ихъ въ число своихъ спутниковъ. На расходы этимъ новымъ сердарямъ было выдано двѣ тысячи рублей.

Думалъ-ли Абдуръ-Рахманъ, что одинъ изъ этихъ сердарей причинитъ ему впоследствии столько горькихъ и тяжелыхъ минутъ? Это тотъ самый Куддусъ-ханъ, который въ 1892 году, будучи посланъ эмиромъ Абдуръ-Рахманомъ съ 3-имъ гератскимъ полкомъ на усмиреніе возставшихъ хезарейцевъ, перешелъ на сторону мятежниковъ, увлекши съ собою и полкъ²⁰⁾.

11 декабря Абдуръ-Рахманъ покинулъ Самаркандъ, направляясь въ Ура-Тюбе, а 12-го и остальные афганцы выѣхали изъ Самарканда. Официальныя депеши того времени, посылавшіяся между Самаркандомъ и Ташкентомъ по поводу пребыванія сердарей въ Самаркандъ и ихъ выступленія оттуда, старательно избѣгали названія лицъ и послѣднія обозначались какими-либо эпитетами, напримѣръ, Абдуръ-Рахманъ назывался то «ура-тюбинцемъ», то «главою», Куддусъ-ханъ и Гіясъ-ханъ «гостями» и проч.

Черезъ три дня послѣ выѣзда афганскихъ принцевъ изъ Самарканда, именно съ 14 декабря, началась небезынтересная посылка депеша между Ташкентомъ, Петербургомъ и Самаркандомъ. Говоримъ «небезынтересная» потому, что велась она, что называется, для отвода глазъ», лишь бы очиститься предъ мнѣніемъ «просвѣщенныхъ мореплавателей», которыхъ такъ страшилась въ то время наша дипломатія.

«Афранскій сердарь Абдуръ-Рахманъ-ханъ, отправляясь для свиданія съ родственниками въ Ферганскую область, бѣжалъ по всей вѣроятности за Аму. Сдѣлано распоряженіе о поимкѣ. Можно предположить, что успеетъ перейти на лѣвый берегъ Аму», сообщалъ генераль Кауфманъ депешей, отъ 19 декабря, военному министру²¹⁾.

²⁰⁾ См. объ этомъ мою статью «Страница изъ исторіи нашей политики въ Средней Азій» въ июньской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1908 г. (стр. 696).

²¹⁾ См. въ томъ же дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 109/1879 года дипломатической части.

Сердарь Абдуръ-Рахманъ-ханъ, оставивъ здѣсь семейство, скрылся. Примите мѣры къ розыску не пошеть-ли къ Аму-Дарьѣ. Донесите»,—запрашивалъ Кауфманъ телеграммой начальника Зарафшанскаго округа, генераль-майора Иванова.

Въ отвѣтъ на это послѣдній депешами (отъ 21 и 24 декабря 1879 года) извѣщалъ генераль-губернатора, что и изъ Самарканда также бѣжали афганскіе сердары, Серверъ-ханъ и Исхакъ-ханъ, которые, повидимому, условились-де объ этомъ заранѣе съ Абдур-Рахманъ-ханомъ; что хотя на розыски сердарей и посылалась казачья сотня, но она не нашла на слѣдъ бѣглецовъ и вернулась ни съ чѣмъ.

О всемъ этомъ Кауфманъ донесъ депешей военному министру, прибавивъ, что розыски скрывшихся сердарей обращены, главнымъ образомъ, къ Аму-Дарьѣ.

Между тѣмъ, пока шла посылка замаскированныхъ депешъ такого рода, Абдуръ-Рахманъ-ханъ и прочіе сердары со свитою изъ афганцевъ въ 1000 человекъ благополучно направились къ родному Афганистану черезъ Зарафшанскіе горные тюмени. При чемъ, въ Маганъ глава остановился на нѣкоторое время, пославъ бухарскому эмиру письмо, можетъ ли онъ рассчитывать на безпрепятственный пропускъ по бухарскимъ владѣніямъ. На депешѣ объ этомъ генерала Иванова отъ 24 декабря Кауфманъ положилъ резолюцію: «кажется, у главы нѣтъ головы».

Эта ремарка устроителя Туркестана имѣла серьезныя основанія. Абдуръ-Рахманъ-ханъ не только въ Ташкентѣ, но и въ пути на родину, въ Ходжентѣ, говорилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что онъ пойдетъ изъ Ура-Тюбе безостановочно и дней черезъ 10—15 будетъ уже за Аму. Въ виду этого мѣстные власти, увѣдомляя военного министра «о принятыхъ» ими мѣрахъ къ розыску сердаря, въ концѣ-концовъ легко могли попасть въ весьма не-пріятное положеніе, если бы въ Лондонѣ узнали, что «бѣглецы» преспокойно проживаютъ въ предѣлахъ Тур-

кестана, а администрація послѣдняго усилленно розыскиваетъ ихъ и не можетъ найти. Кромѣ того, сюда присоединилось еще и опасеніе, какъ-бы Гулямъ-Хайларъ-ханъ, тогдашній *ло-э-наибъ*²²⁾ Чаръ - Вилайета, провѣдавъ о замыслахъ Абдуръ-Рахмана, не предпринялъ своевременно мѣръ къ недопущенію его за Аму-Дарью, или какъ бы даже не изловилъ претендента на афганскій престолъ, и тогда авантюру сердаря, поддерживаемаго Россіей, невольно пришлось бы считать оконченной²³⁾.

Поэтому сердаря просили во что бы то ни стало ускорить движеніе къ Пянджу и что эмира ему опасаться не слѣдуетъ, «такъ какъ генераль-губернаторомъ приняты мѣры для свободнаго прохода Абдуръ-Рахмана черезъ владѣнія эмира».

Абдуръ - Рахманъ между тѣмъ благопріятнаго отвѣта отъ эмира не получилъ и эмиръ Музаффаръ категорически заявилъ, что видѣться съ сердаремъ онъ не желаетъ, а равно и никого не назначитъ сопровождать его при проѣздѣ черезъ бухарскія владѣнія²⁴⁾. Такой сухой, если не сказать болѣе, отвѣтъ понудилъ сердаря безъ замедленія продолжать путь и большими переходами сократить время своего пребыванія въ бухарскихъ владѣніяхъ.

Афганцы изъ Зарафшанскихъ горъ перевалили черезъ Гисарскій хребетъ въ Бухару и направились на Дэнау. Бухарское населеніе, повидимому, получило особія инструкціи, какъ держать себя при слѣдованіи Абдуръ-Рахмана и его спутниковъ. По крайней мѣрѣ, когда сердаръ слѣмалъ первую остановку въ кишлакѣ Димаузъ, то послѣдній производилъ впечатлѣніе совершенно вымершаго населенія: не только не было видно кого-либо изъ жителей, но и всѣ дома были наглухо

²²⁾ *Ло-э-наибъ*—великій намѣстникъ, вице-король. *Ло-э*—по афгански великій, большой, *наибъ*—слово арабское—намѣстникъ, замѣститель.

²³⁾ См. письмо къ генералу Н. А. Иванову генерала Фриде отъ 29 декабря 1879 года въ дѣлѣ № 109/1879 г. канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора.

²⁴⁾ См. депешу генераль-маіора Иванова Кауфману отъ 30 декабря 1879 года въ томъ же дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора.

заперты и на всѣ постукиванія въ двери и стѣны хижины не было никакого отвѣта. Такъ продолжалось до сумерокъ. Но такъ какъ нужно же было достать необходимый фуражъ и съѣстные припасы, то Абдуръ-Рахманъ поставилъ жителямъ ультиматумъ, громогласно объявленный по вымершимъ улицамъ: если черезъ короткій промежутокъ времени никто на его зовъ не откликнется, то онъ вынужденъ будетъ занять необходимое число хижины и добыть припасы силой. Это ли объявленіе сердаря или наступившая затѣмъ темнота, дававшая возможность смѣлѣе нарушить распоряженіе мѣстныхъ властей, запретить принимать сердаря, были причиной того, что въ концѣ-концовъ нашлись свободныя «михмонъ-хоны» ²⁵⁾ и припасы.

Правда, послѣдніе продавались по цѣнѣ, вчетверо превышающей ихъ дѣйствительную стоимость (сотня сноповъ клевера по 15 рублей, баранъ по 10 рублей и т. п.), но тѣмъ не менѣе это послужило въ пользу извѣстнаго сближенія между жителями и свитою Абдуръ-Рахмана.

Разумѣется, всѣ такого рода непріятности и столкновенія въ пути заставили сердаря желать какъ можно скорѣе добраться до тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ разсчитывать быть полновластнымъ господиномъ.

Но измученныя крайне дурною дорогою верховыя и вьючныя лошади замедляли до крайности быстрое движеніе афганцевъ впередъ ²⁶⁾.

Удаляясь все далѣе отъ предѣловъ русской территоріи, Абдуръ-Рахманъ все менѣе и менѣе стѣснялся высказывать свои истинныя намѣренія, и туркестанскихъ властей всего болѣе, повидимому, шокировало то обстоятельство, что сердарь въ Бухарѣ громогласно заявлялъ

²⁵⁾ Гостиницы, постоялые дворы,—неизбѣжная принадлежность каждаго бухарскаго селенія. За неизмѣнимъ специальныхъ аданій пріютомъ путниковъ часто служатъ сельскія мечети.

²⁶⁾ См. въ томъ же дѣлѣ копію съ письма штабсъ-капитана Томича, начальника надъ Зарафшанскими горными тюменями, къ начальнику Зарафшанскаго округа 29 декабря 1879 года.

о своих сношеніяхъ съ русскими, надписывалъ на конвертахъ писемъ «генералу Иванову» и поручалъ доставку ихъ чуть не первымъ встрѣчнымъ людямъ. И это опасеніе было понятно, когда съ одной стороны *urbi et orbis* заявлялось о внезапномъ бѣгствѣ Абдуръ-Рахмана и прочихъ сердарей изъ Туркестана, при чемъ розыски ихъ ни къ чему не привели, по увѣренію мѣстныхъ властей, а съ другой стороны, покровительствуемый этими властями сердарь съ головой выдавалъ ихъ своими необдуманными поступками.

Кромѣ того, слѣдуя по бухарскимъ владѣніямъ, Абдуръ-Рахманъ завелъ сношенія съ афганцами, служившими въ войскахъ бухарскаго эмира Музаффаръ-Эддина. Афганцы просили сердаря взять ихъ съ собою на родину и выражали желаніе, въ случаѣ, — если бы бухарское правительство ихъ добровольно не пропустило, — бросить службу эмира и бѣжать за сердаремъ. Послѣдній, справедливо полагая, что такой поступокъ его соплеменниковъ можетъ произвести не только смуты въ Бухарскомъ ханствѣ, но и послужить ему самому во вредъ, просилъ письмомъ генераль-маіора Иванова походатайствовать предъ генераломъ-адъютантомъ Кауфманомъ, чтобы тотъ убѣдилъ бухарскаго эмира добровольно отпустить служившихъ у него въ войскахъ афганцевъ въ Афганистанъ ²⁷⁾. Но Кауфманъ, какъ и слѣдовало ожидать, эту просьбу Абдуръ-Рахмана отклонилъ ²⁸⁾.

Абдуръ-Рахманъ-ханъ между тѣмъ неуклонно стремился къ своей цѣли, двигаясь по Бухарѣ къ Аму-Дарьѣ въ теченіе всего декабря чрезъ Дербентъ, Байсунъ, Миръ-Шади, Джарчи, Рахкеръ, Асаръ, Дехне, Карганъ-

²⁷⁾ См. переводъ письма Абдуръ-Рахманъ-хана „достопочтенному старшему брату нашему, начальнику Самаркандскаго округа, господину генералу Иванову“ въ томъ же дѣлѣ.

²⁸⁾ См. письмо п. д. чиновника по дипломатической части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ отъ 12 января 1880 года (безъ номера) генераль-маіору Иванову въ этомъ же дѣлѣ.

Тепе, Ходжа-Кулькунъ, Ташъ-Рабатъ, Сайодъ, Абдуръ-Назаръ-беги и Якка-Тутъ ²⁹⁾.

Какихъ-либо инцидентовъ съ населеніемъ или бухарскими властями у сердаря въ этомъ путешествіи не произошло и официальные акты того времени свидѣтельствуютъ о большой корректности и выдержкѣ Абдуръ-Рахмана въ этомъ отношеніи. Какъ иллюстрацію къ этому позволительно здѣсь привести слѣдующій случай.

Въ одномъ изъ кишлаковъ нукеръ сердаря прельстился борзымъ щенкомъ, котораго и забралъ себѣ вопреки желанія владѣльца собаки. Абдуръ-Рахманъ, узнавъ объ этомъ, созвалъ всѣхъ своихъ людей и, приказавъ тотчасъ же возвратитъ щенка по принадлежности, объявилъ: «всякій, замѣченный въ присвоеніи чужой собственности, будетъ немедленно разстрѣлянъ, какъ чловѣкъ, недостойный быть участникомъ предпринятаго мною дѣла. Этой же участи будутъ подвергаться и тѣ люди, которые вздумаютъ пренебречь моими распоряженіями или приказаніями. Чтобы не оставить виновнаго безъ наказанія, на первый разъ приказываю наказать его нагайкою».

Это распоряженіе и было тутъ же приведено въ исполненіе ³⁰⁾.

Продолжая свой путь дальше, Абдуръ-Рахманъ наконецъ благополучно прибылъ въ первыхъ числахъ января къ Пянджу, къ переправѣ у Бурдалыка. При страшно ненастной погодѣ, сильномъ вѣтрѣ и снѣгѣ, афганцы переправлялись на тотъ берегъ въ теченіе трехъ дней, ежеминутно рискуя погибнуть въ грозно шумящихъ волнахъ бѣшеной рѣки ³¹⁾.

²⁹⁾ См. письмо (въ переводѣ, безъ даты) Абдуръ-Рахманъ-хана съ пути оставшихся въ Ташкентѣ его сыновьямъ Хабибулла-хану, Насрулла-хану и Мамедъ-Афзаль-Джану, а равно и другимъ лицамъ, въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора № 109/1879 года.

³⁰⁾ См. въ томъ же дѣлѣ (стр. 53) вышеупомянутую копию съ письма штабсъ-капитана Томича начальнику Зарафшанскаго округа отъ 29 декабря 1897 года.

³¹⁾ Все нижеизложенное основано на свидѣніяхъ, заключающихся въ переводѣ писемъ Мухаммедъ-Серверъ-хана къ Мухаммедъ-Мухсинъ-хану (листы 67—68 дѣла № 109/1879 канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора) и Абдуръ-Рахманъ-

Самый ненадежный элемент населенія Афганскаго Туркестана, свободолюбивые кара-туркмены, встрѣтили сердарей весьма сочувственно и съ туркменскими старшинами былъ заключенъ прочный договоръ. Кара-туркмены на первыхъ порахъ и оказали существенную помощь Абдуръ-Рахману. Пробывъ у туркменъ трое сутокъ, послѣдній послалъ Куддусъ-хана съ пятьюстами всадниковъ по направленію къ Ахчи, а Абдуль-Гіясъ-хана съ тремястами конныхъ по направленію къ переправѣ у Келлифа.

Счастье благоприятствовало планамъ сердаря: Куддусъ-ханъ легко опрокинулъ передовые караулы и четыре ахчинскихъ племени выразили полную готовность помогать ему въ его дальнѣйшемъ движеніи. Гіясъ-ханъ безъ малѣйшаго затрудненія также овладѣлъ всѣми переправами на Пянджъ и на каждую изъ лодокъ назначилъ своихъ людей. Окрестные жители спѣшили выразить пришельцамъ полную покорность и даже удовольствіе по поводу прибытія ихъ въ край. Ежедневно партіи по 10—20 человекъ мужчинъ являлись къ сердарямъ, усиливая ихъ отряды; мелкіе владѣтели Балахшана примыкали къ Абдуръ-Рахману, простой народъ въ массѣ также, повидимому, сочувствовалъ авантюръ сердаря. А первая благоприятная стычка съ войсками Гулямъ-Хайдаръ-хана и взятіе крѣпости Ахчи имѣли, несомнѣнно, огромное значеніе для всѣхъ приверженцевъ Абдуръ-Рахманъ-хана и послужили залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ послѣдняго.

На чемъ же, спрашивается, зиждилась такая удача Абдуръ-Рахмана? Для объясненія этому необходимо представить тогдашнее политическое состояніе Афганистана.

Правитель Чаръ-Вилаята, Гулимъ-Хайдаръ-анъ, желая помочь своему суверену, Якубъ-хану, находившемуся въ плѣну у англичанъ, нуждался и въ войскѣ, и въ день-

хана къ своимъ дѣтямъ, оставшимся въ Ташкентѣ (листы 77—79 того же дѣла) и въ письмѣ генераль-маіора Иванова къ дипломатическому чиновнику при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, статскому совѣтнику Ибрагимову, отъ 8 января 1880 года (листы 61—66 того же дѣла).

гахъ. Подати съ населенія поэтому взимались въ усиленномъ размѣрѣ, мѣстные феодалы (каковыми являлись все мелкіе владѣтельные ханы) приглашались соединиться для борьбы съ англичанами. Но, разумѣется, далеко не все проникались сознаниемъ необходимости такихъ жертвъ и Чаръ-Вилайетскому правителю часто случалось слышать или категорическіе отказы, или отклоненіе просьбы подъ разными предлогами. Напримѣръ, почти одновременно съ бѣгствомъ Абдуръ-Рахманъ-хана изъ Туркестана Гулямъ-Хайдаръ-ханъ послалъ человека къ правителю Кундуза, Султанъ-Мурадъ-хану, прося послѣдняго въ самомъ скорѣйшемъ времени представить хераджныя поступленія³²⁾, ибо онъ, Гулямъ-Хайдаръ-ханъ, намѣренъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ отправиться въ Кабуль для борьбы съ англичанами. Но Мурадъ-ханъ объявилъ посланному, что пока въ Афганистанѣ былъ эмиръ, Кундузъ подчинялся Гулямъ-Хайдаръ-хану и высылать ему получаемые доходы, но теперь, когда Якубъ-ханъ въ плѣну, онъ, Мурадъ-Ханъ, такой же начальникъ въ Кундузѣ, какъ и Гулямъ въ Чаръ-Вилайетѣ. И денегъ ему онъ высылать не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что можетъ быть онъ и самъ вздумаетъ отправиться къ Кабулу по примѣру Гуляма. Однако, чтобы сгладить оскорбленіе отказа, Султанъ-Мурадъ-ханъ отправилъ съ посланцемъ лое-нанбу въ подарокъ коня и связку халатовъ.

Получивъ такого рода отвѣтъ, Гулямъ-Хайдаръ-ханъ рѣшилъ владѣтеля Кундуза заставить силою оружія слушать его приказанія. Съ этою цѣлью Гулямъ сосредоточилъ три баталіона пѣхоты, восемь орудій и нѣсколько рисалъ³³⁾ кавалеріи на мѣстности Алачананъ, верстахъ въ пяти отъ Мазари-Шерифа, по направленію къ Кундузу. Султанъ-Мурадъ, желая отразить силу силою, также со-

³²⁾ Отъ арабскаго хераджъ—оброкъ, подать; въ собственномъ смыслѣ означаетъ въ мусульманскихъ странахъ Азии поземельную подать. Терминъ „хераджный сборъ“ существовалъ въ Средней Азии въ первые годы нашего владычества въ ней, и въ административномъ языкѣ.

³³⁾ Собственно арабское слово, означающее: посланіе, письмо, трактатъ, но въ обиходномъ афганскомъ языкѣ оно означаетъ—отрядъ кавалеріи.

бралъ свои войска у Хазрети-Имама. Однако до столкновения дѣло не дошло, ибо какъ разъ въ это время Гулямъ получилъ отъ Сейидъ-Джафара, афганскаго посла въ Бухарѣ, извѣстіе о бѣгствѣ Абдуръ-Рахманъ-хана и его братьевъ. Эти новые враги показались лое-наибу болѣе серьезными, чѣмъ Кундузъ.

Удостоверившись въ справедливости извѣстій относительно приближенія сердарей и объ ихъ видахъ на Чаръ-Вилайетъ, Гулямъ-Хайдаръ-ханъ собралъ въ Мазари-Шерифѣ войска и народъ. Съ открытою головою, безъ чалмы, съ Кораномъ въ рукахъ, онъ вышелъ къ сборищу и сталъ горячо говорить, что эмиръ Якубъ-ханъ живъ и что войска и народъ должны помнить данную ими присягу своему государю и быть ему вѣрными, что прибывающій въ Афганистанъ Абдуръ-Рахманъ и его братья-враги народа и что населеніе и войско должны помочь ему, Гулямъ-Хайдаръ-хану, дать отпоръ сердарямъ. И чтобы болѣе расположить къ себѣ войска, лое-наибъ распорядился выдать солдатамъ двухмѣсячный окладъ жалованья.

Молча выслушалъ народъ патріотическій призывъ Гуляма.—войска же отвѣтили, что они во всемъ будутъ поступать такъ, какъ укажетъ имъ лое-наибъ, если онъ признаетъ Абдуръ-Рахмана своимъ владыкою, то и они будутъ подчиняться ему, а если лое-наибъ будетъ сопротивляться, войска поддержатъ его. Но находившійся въ то время въ Мазари-Шерифѣ нашъ шпионъ подслушалъ мнѣнія нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльных частей; изъ ихъ разговоровъ онъ вывелъ справедливое заключеніе, что данныя войсками обѣщанія едва-ли можно считать вполне надежными. Что касается простого народа, то, какъ и всюду на Востокѣ, онъ былъ въ высокой степени равнодушенъ къ тому, кто будетъ его повелителемъ: Якубъ-ли ханъ или Абдуръ-Рахманъ-ханъ.

Послѣдовавшія затѣмъ событія какъ бы подтверждали все это. Послѣ небольшого сопротивленія Абдуръ-Рахманъ взялъ крѣпость Ахчу, потомъ торжественно вступилъ въ Рустакъ, довольно важный стратегическій пунктъ.

который былъ преданъ ему нѣкимъ Баба-ханомъ; и хотя кундузскій Султанъ - Мурадъ - ханъ рѣшительно отклонилъ на первыхъ порахъ всякія сношенія съ Абдуръ-Рахманомъ, а Гулямъ-Хайдаръ-ханъ брясать оружіемъ въ Мазари-Шерифѣ, однако Бадахшанъ и Афганскій Туркестанъ постепенно подчинились родившемуся подъ счастливой звѣздой авантюристу, несомнѣнно весьма умному и талантливому, во время умѣвшему и разсыпаться, гдѣ нужно, золото, задобрить народъ обѣщаніями и выказывать, при случаѣ, чисто-азіатское вѣроломство. Какъ бы то ни было, но успѣхъ и удача привели Абдуръ-Рахманъ-хана къ тому, что сначала джирга³⁴⁾ хановъ и другихъ владѣтелей Афганистана признала его эмиромъ всей страны, а затѣмъ вынуждены были это сдѣлать и англичане.

Заканчивая этимъ настоящую статью, мы должны замѣтить, что хотя все изложенное въ ней въ существенныхъ чертахъ и расходится съ тѣмъ, что писалъ о томъ же Абдуръ-Рахманъ-Ханъ въ своей автобіографіи, — если дѣйствительно онъ писалъ ее³⁵⁾, — но покойный эмиръ, едва ли ведшій дневникъ своей бурной и богатой опытомъ жизни, многое могъ позабыть, многое могъ не досказать, ибо закулисная сторона нѣкоторыхъ поступковъ тогдашняго русскаго правительства ему была неизвѣстна, наконецъ, въ мірѣ нашихъ представленій весьма многія вещи и дѣйствія кажутся не тѣми, каковы они есть въ дѣйствительности; отсюда и точка зрѣнія на предметы и событія у однихъ людей одна, у другихъ — другая³⁶⁾.

А. А. Семеновъ.

³⁴⁾ Собственно слово, означающее въ афганскомъ языкѣ собраніе съ цѣлью развлечения и для совѣщанія о различныхъ дѣлахъ.

³⁵⁾ Судя по письменнымъ документамъ покойнаго эмира Афганистана, написаннымъ имъ въ битность его въ Самаркандѣ и Ташкентѣ и хранящимся въ мѣстныхъ архивахъ, Абдуръ-Рахманъ писалъ по-персидски очень безграмотно и непонятно въ смыслѣ изложенія мыслей. А вѣдь бывший его секретарь, Мухаммедъ-ханъ, въ предисловіи къ жизни Абдуръ-Рахманъ-Хана, заявляетъ, что первая часть этой книги написана эмиромъ на персидскомъ языкѣ собственноручно!.. Конечно, возможно предположеніе, что эмиръ впоследствии усовершенствовался въ этомъ языкѣ.

³⁶⁾ Статья эта предназначалась было для «Туркестанскихъ Вѣдомостей», но по независимымъ отъ автора и редакціи причинамъ въ этой газетѣ появилось лишь начало статьи (въ первой половинѣ 1907 года). Здѣсь она приводится полностью.

Три туркменскихъ сказки.

(въ русскомъ переводѣ).

Интересующимся жизнью различныхъ племенъ, населяющихъ Русскій Туркестанъ, прекрасно извѣстно, какъ мало до сихъ поръ изучена народная словесность туркменовъ Закаспійской области и сопредѣльныхъ странъ.

По части туркменскихъ сказокъ мнѣ встрѣтилась только одна печатная работа, скромно подписанная двумя буквами А. К., это — «Сказки мангышлакскихъ туркменъ. (Записаны въ 1871 г. со словъ Ходжа-Мамбета-Бекъ-кулова)», въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ» (Выпускъ VII, Тифлисъ, 1875 г., приложение). А. К. сообщаетъ въ русскомъ переводѣ восемь сказокъ: I—Прожора (стр. 1—13); II—Золотой сазанъ (14—18); III—Локманъ (19—26); IV—Злая жена (26—28); V—Сѣрый братъ и сѣрая сестра (28—33); VI—Золотое яблоко (33—40); VII—Змѣя, кошка и собака (41—49); VIII—Столяръ и его жена (49—54).

Ниже я публикую извлеченіе изъ своего собранія туркменскихъ сказокъ, но прежде позволю себѣ подѣлиться личнымъ впечатлѣніемъ о современномъ состояніи народной словесности у крупнѣйшаго изъ туркменскихъ племенъ, текинцевъ Ахала и Мерва, среди которыхъ мнѣ всего больше пришлось жить за мое двукратное посѣщеніе Закаспійской области въ 1902 и 1906 годахъ. (Въ общей сложности я прожилъ среди разныхъ туркменскихъ племенъ пять мѣсяцевъ.) Впечатлѣніе мое—я не имѣю пока права особенно на немъ

настанвать¹⁾— таково, что народная словесность находится у текинцевъ въ большемъ упадкѣ: того богатства и разнообразія чисто народныхъ произведеній, какими славятся, на примѣръ, близкіе къ туркменамъ по быту казакъ-киргизы, я у текинцевъ не нашель; легенды и преданія—рѣдки, отрывочны и непоэтичны; сказки—и то больше иранскаго происхожденія—какія-то вылинявшія и уже переведенныя съ красочнаго сказочнаго языка на обыденный, прозаическій; пѣсни—и по формѣ, и (за рѣдкими исключеніями) по содержанію являются сколками съ персидско-джагатайскихъ образцовъ и создаются не въ нѣдрахъ народа, а въ головахъ такихъ поэтовъ-грамотѣевъ, какъ Махтумъ-Кули (гокланъ), Мескинъ-Клычъ (ата), Молла-Нефесъ (мервскій теке), и ихъ многочисленныхъ неграмотныхъ подражателей-импровизаторовъ. Единственно что не обнаруживаетъ на себѣ видныхъ слѣдовъ упадка, это—пословицы, загадки, прибаутки.

Недовольный своими народно-литературными розысканіями въ Мервскомъ оазисѣ, я какъ-то въ шутку сказалъ текинцамъ: «кажется, хлопокъ выгнать у васъ изъ головы всѣ ваши сказки и пѣсни!» и мнѣ отвѣтили: «вѣрно, баярь!»

Серьезно объяснять подмѣченную мною бѣдность текинской народной словесности я воздерживаюсь, такъ какъ считаю свои познанія въ области вообще туркменской народной словесности для этого недостаточными. Къ тому же въ данномъ вопросѣ не обойтись безъ привлеченія, въ качествѣ сравнительнаго матеріала, народныхъ литературъ туркменскихъ сосѣдей съ сѣвера и юга, особенно хивинскихъ сартовъ и узбековъ и персидскихъ турковъ, а тѣ и другіе извѣстны фольклористу не болѣе туркменовъ.

¹⁾ Однако см. Vambéry, Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, 408. Ср. мою статью: Матеріалы по среднеазиатско-турецкой литературѣ. I (Записки Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XIX, стр. 62) и статью ак. Э. Е. Корша: Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племенъ (тамъ же, стр. 151).

I. Сорокъ сыновей богача и сорокъ стрѣль.

(Записано въ текинскомъ аулѣ Агыръ-Башъ подъ Мервомъ, осенью 1906 г.)¹⁾

У одного богача было сорокъ сыновей. Богачъ (бай) сказалъ:

— Я скоро умру, но, прежде чѣмъ мнѣ умереть, вотъ я выпустилъ для васъ сорока — сорокъ стрѣль, на каждого по стрѣль. Каждый изъ васъ пусть найдетъ и принесетъ мнѣ выпущенную для него стрѣлу!

Всѣ сыновья собрали свои стрѣлы и принесли ихъ баю. Бай переломилъ эти стрѣлы одну за другой. Затѣмъ, снова раздавъ каждому сыну по стрѣль, бай сказалъ:

— Снова стрѣляйте!

Тогда сыновья богача каждый свою стрѣлу выпустилъ. (Я сохранилъ въ переводѣ очевидную для читателя непоследовательность, которую допустилъ въ сказкѣ передатчикъ и которая смысла не нарушаетъ. А. С.)

Сыновья каждый свою стрѣлу выпустилъ.

— Снова стрѣлы соберите! сказалъ бай.

Когда всѣ сыновья снова собрали свои стрѣлы, бай сложилъ ихъ въ одинъ пукъ, сталъ пытаться ихъ сломать, но не смогъ. Тогда бай сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Если послѣ моей смерти «уста у васъ будутъ всегда заодно»²⁾, никто, будь то даже царь, не сможетъ повредить вамъ! Не видѣли-ли вы сейчасъ, что всѣ стрѣлы заразъ сломать я не смогъ!

Тутъ бай умеръ. Ва-с-саламъ!

¹⁾ Я не пробовалъ сравнивать записанныя мною туркменскія сказки со сказками другихъ турецкихъ племенъ, но случайно замѣтилъ, что начало моей сказки „Три царевича“ сходно съ началомъ сартовской сказки „Красавица Дунья-Кызъ, Баба-Яга и царевичъ“, а сказка „Змѣя, кошка и собака“, записанная А. К. подъ номеромъ VII, сходна съ сартовской сказкой „Бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся паремъ“. (См. изданіе Н. П. Остроумова: Сарты. Народныя сказки. Ташкентъ, 1906 г., стр. 118 и 25.)

²⁾ Т.-е. если вы будете жить согласно. Ср. разсказъ Рамазанъ-хана въ моей статьѣ: Изъ туркменской старины. II. Мервскія воспоминанія (Живая старина, 1909 г., вып. IV, стр. 84—85).

II. Какъ царь женился на пери.

(Записано въ г. Мервѣ, 13 июля 1902 г. со словъ текинца Анна-Берди Шахъ-Берди огулы)

Когда Султанъ-падишахъ задумалъ жениться на пери, пери сказала:

— Кто заставитъ меня заговорить, за того я выйду!

Султанъ-падишахъ сказалъ:

— У меня есть трое тяжёбшиковъ. Въ одной странѣ у нѣкоего царя занемогла дочь. Пришло къ ней трое мужей съ цѣлью жениться на ней. У одного изъ нихъ была книга, у другого—чаша, у третьяго—коверь. Кто на коверъ сядетъ, того коверъ уноситъ въ любую сторону. Кто развернетъ книгу, что у одного изъ приходшихъ,—тотъ все узнаетъ, что бы ни случилось въ мѣрѣ. Если владѣлецъ чаши дастъ изъ нея воды больному, больной станетъ здоровымъ. Мужи съ чашей, съ книгой, съ ковромъ—всѣ трое пришли къ той больной царевнѣ. Обладатель чаши далъ больной изъ чаши воды, и больная исцѣлилась. И вотъ теперь всѣ трое пришли ко мнѣ и попросили меня разсудить между ними. Что мнѣ дѣлать—мнѣ невдомекъ!

Тутъ пери и проговорила:

— Владѣлецъ ковра пусть вѣдаетъ пути! Обладатель книги да предсказываетъ! Дѣвушку—пусть хозяинъ чаши возьметъ!

Тогда Султанъ сказалъ:

— Я заставилъ тебя заговорить, и ты—моя!

Султанъ женился на пери.

III. Три царевича.

(Записано въ аулѣ Багырь, Асхабадскаго уѣзда, 26 июня 1902 года, со словъ неграмотнаго Курбанъ-бахши, текинца 30 лѣтъ).

Жилъ царь. У того царя было три сына. Въ одинъ прекрасный день царь оказался при смерти. Своимъ тремъ сыновьямъ онъ завѣщалъ:

— Воротъ моихъ, что на сторонѣ солнечнаго заката, не открывайте. Если откроете, за ними очень плохія дѣла творятся! Сами вы не играйте въ азартныя игры. Отлично живите. Въ своемъ царствѣ пребывайте. Народа вашего сильно не притѣсняйте!

Сыновья сказали:

— Такъ.

Отецъ ихъ умеръ.

Юноши жили въ своихъ владѣнiяхъ. Однажды вышли они въ степь, въ чистое поле, ничего не увидали, домой вернулись. Всѣ трое вмѣстѣ сѣли, устроили совѣтъ. «Откроемъ-ка мы тѣ ворота!» сказали они и на слѣдующій день открыли.

Старшій братъ отправился на охоту. Ему навстрѣчу выскочилъ горный козель (кэикъ). Царевичъ погнался за нимъ. Козель ускакалъ въ одинъ садъ, а царевичъ — за нимъ.

Въ томъ саду царевичъ увидалъ дива, привѣтствовалъ его. Дивъ сказалъ:

— Подъ сюда! Что скажешь?

Царевичъ въ отвѣтъ:

— Я спугнулъ козла и онъ проникъ въ вашъ садъ. Дай мнѣ того козла!

Дивъ сказалъ:

— Не дамъ! Поборись со мною!

Юноша отвѣтилъ:

— Ладно!

Оба устроили борьбу. Дивъ поборолъ. Поборолъ, да и сѣлъ.

Оставшіеся дома молодцы глядь, — братъ ихъ не пришелъ.

Настало утро. Отправился средній братъ. И ему повстрѣчался козель. И онъ погнался за козломъ. Козель ускакалъ, а юноша за нимъ. Въ саду царевичъ увидалъ дива, поздоровался съ нимъ. Дивъ спросилъ у него:

— Что скажешь?

Онъ отвѣтилъ:

— Я козла спугнулъ. Тотъ козель въ твой садъ забѣгъ. Дай мнѣ козла!

Дивъ сказалъ:

— Не дамъ! Поборись со мной! Если ты повалишь меня, дамъ, а если самъ повалишься, съѣмъ!

Вступили въ борьбу и юноша былъ побитъ. Дивъ съѣлъ его.

Солнце сѣло, а братъ не вернулся. Потомъ и заря занялась, а его нѣтъ. Тогда отправился младшій братъ. И ему повстрѣчался козель, онъ также за козломъ погнался. Козель—въ садъ, младшій братъ—за нимъ. Въ саду младшій братъ увидѣлъ дива, поздоровался съ нимъ. Дивъ отвѣтилъ на привѣтъ и прибавилъ:

— Есть у тебя какое дѣло?

Юноша отвѣтилъ:

— Спугнулъ я козла. Козель забѣжалъ въ твой садъ. Выдай мнѣ козла!

Дивъ сказалъ:

— Подъ, поборемся!

Поборолись. Юноша дива сразилъ!

— Бэрэк-Элля!!! Bravo!

(Послѣдній возгласъ принадлежитъ слушателямъ, присутствовавшимъ при моемъ записываніи сказки. Толпа текинцевъ разнаго возраста окружала Курбанъ-бахши на дворѣ багырскаго старшины Куль-Мергена и съ дѣтски наивнымъ увлеченіемъ слѣдила за ходомъ событій въ сказкѣ. Побѣда юноши надъ злымъ духомъ вызвала среди слушателей неописуемый восторгъ, выразившійся въ аплодисментахъ и крикахъ: «бэрэк-Элля!»; а одинъ добродушный «аксакаль» провелъ рукавомъ по глазамъ, чтобы скрыть слезу умиленія!)

— Найди моихъ братьевъ!—сказалъ юноша.

— Не видалъ я твоихъ братьевъ!—отвѣтилъ дивъ.

— Нѣтъ, мои братья приходили сюда!

— Нѣтъ, не видалъ я ихъ!

Юноша посмотрѣлъ,—одежда его братьевъ валяется, ружья валяются. Тутъ онъ бросилъ дива въ воду, по-

ложилъ ему на уста большой камень, собралъ пожитки своихъ братьевъ и вернулся въ городъ.

Захвативъ свою мать, юноша переселился въ домъ дива. Ежедневно юноша ходилъ на охоту. Когда онъ однажды отправился на охоту, мать его вышла въ поле. Изъ рѣки послышался голосъ. Мать юноши подошла къ рѣкѣ и спросила:

— Кто ты?

— Это я!—отвѣтилъ дивъ.

— Да кто ты?

— Я твой братъ!

— Не надо!

— Я твой отецъ!

Мать опять отвѣчаетъ:

— Не надо!

— Я твой супругъ!

Тогда женщина сказала:

— Очень хорошо!

Женщина вытащила дива изъ рѣки, и стали они супругами. Родился у нихъ сынъ. Не могли они утаить его при себѣ, такъ взяли и положили на пути, по которому обыкновенно возвращался юноша-охотникъ.

Охотникъ подобралъ мальчика, принесъ домой и сказалъ матери:

— Мальчика я нашелъ.

Мать отвѣчала:

— Не надо мнѣ!

Охотникъ приказалъ:

— Мать! хорошенько ухаживай за нимъ; онъ будетъ мнѣ братомъ.

И мать хорошо ухаживала за нимъ. Мальчикъ сталъ красивымъ юношей.

Однажды охотникъ (мэргэнъ) замѣтилъ, что мать его привела къ себѣ дива и съ нимъ наслаждалась. Охотникъ увидѣлъ это и выгналъ дива. Дивъ убѣжалъ и забрался въ одну саклю. Охотникъ настигъ дива, ударилъ его пашкой (клычъ),— умеръ дивъ!

Младшій (пріемный) братъ говорить старшему:
— Охотникъ! ты убилъ моего отца, такъ убей ужь и мать свою!

Этого и мать свою убилъ.

Много времени прошло. Охотникъ сказалъ однажды:

— Надо обзавестись женой!

И отправился въ путь. Пришелъ охотникъ въ городъ нѣкоего царя, а въ этомъ городѣ вовсе не слышно было человѣческаго голоса. Охотникъ спросилъ:

— Что съ вами приключилось?

Никакого отвѣта. Еще разъ спросилъ, — отвѣта не было. И еще разъ спросилъ, тогда сказали:

— Драконъ (аждэрха)¹⁾ завладѣлъ водою нашего города. Каждый день онъ пожираетъ по дѣвушкѣ и отпускаетъ только столько воды, сколько можно выпить заразъ. Сегодня очередь за царской дочерью. Сегодня онъ и ее съѣстъ!

Нашъ юноша сдѣлалъ здѣсь остановку, зашелъ въ домъ къ одной старухѣ и сказалъ:

— Покажи мнѣ дорогу къ царской дочери! Я пойду къ ней.

Старуха показала дорогу, и юноша пришелъ къ дѣвушкѣ. Царская дочь была привязана къ чинару. Юноша приблизился и спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Дѣвушка сквозь слезы проговорила:

— Иди обратно! Драконъ появится и обонхъ насъ съѣстъ! Воротись! Оставь, пусть онъ меня съѣстъ!

Юноша не согласился, остался, развязать дѣвушкѣ руки и сказалъ:

— Я прилягу, а когда драконъ появится, ты меня разбуди!

Юноша прилежъ. Появился драконъ, дѣвушка разбудила юношу и онъ всталъ.

Вотъ появился драконъ. У юноши была стальная

¹⁾ Разказчикъ при этомъ пояснилъ: „айманъ“ (змѣя).

шашка, ею онъ и убилъ дракона до смерти и освободилъ дѣвушку.

Дѣвушка вернулась къ своему отцу. Отецъ испугался.

— О, моя дочь! ты убѣжала и вернулась домой,— драконъ появится и сильно за это покараетъ мой городъ!

Дѣвушка возразила:

— О, отецъ! Дракона убили!

Тогда палишахъ сказалъ:

— Пусть придетъ сюда тотъ юноша!

Привели юношу и царь спросилъ у него:

— Юноша! Какъ ты убилъ дракона?

Юноша отвѣтилъ:

— Шашкой убилъ!

Тогда палишахъ сказалъ:

— Я отдамъ за тебя мою дочь.

И отдалъ. На нѣсколько дней юноша остался у царя.

Спать онъ однажды ночью, проснулся, вышелъ на волю, глядь—луна раздвоилась! Вернулся домой и дома спросилъ:

— Что значитъ, что луна раздвоилась?

Молодая жена его отвѣтила:

— Одна, это луна, а другая—дочь дива!

Тогда юноша сказалъ:

— Жена! зажги свѣтильникъ!

Жена зажгла «чирагъ», юноша всталъ, осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ дочери дива.

Дивова дочь увидѣла: верховой подъѣзжаетъ, и сказала объ этомъ своему отцу. Отецъ спросилъ:

— Куда онъ поѣхалъ?

— Въ садъ поѣхалъ.

— Въ саду что онъ дѣлаетъ?

— Воду пьетъ.

— Воду какъ онъ пьетъ?

— Онъ воду пьетъ тамъ, гдѣ она отстоялась.

Юноша приблизился и привѣтствовалъ дива. Дивъ сказалъ:

— Подойди и повѣдай свое дѣло!

— Мнѣ нужна твоя дочь.

— Давай, поборемся!

Оба завязали борьбу. Дивъ этого юношу поборолъ, и, поборовъ, бросилъ въ рѣку. Юноша тамъ и остался.

Младшій (названный) братъ юноши пришелъ въ домъ своего только что упомянутаго старшаго брата, заночевать тутъ одну ночь, ночью также вышелъ на волю, глядь—двѣ луны взошло! Спросилъ онъ у братниной жены:

— Что это за луны?

Жена сказала:

— Одна, это луна, а та другая—это дивова дочь.

Юноша осѣдлалъ своего коня и отправился къ дочери дива. Дивова дочь увидѣла, что подъѣзжаетъ конный, и сказала объ этомъ отцу.

Тотъ спросилъ:

— Куда онъ направляется?

— Къ водѣ подъѣхалъ.

— Воду какъ онъ пьетъ?

— Воду онъ, замутивъ, пьетъ.

Дивъ тогда воскликнулъ:

— О, моя дочь! Бѣда приближается!.. Куда онъ теперь направился?

— Къ винограду подъѣхалъ.

— Какъ онъ виноградъ ѣстъ?

— Виноградъ онъ вмѣстѣ съ черенкомъ ѣстъ.

Юноша приблизился и поздоровался. Дивъ отвѣтилъ на его привѣтствіе и въ страхѣ осѣдомился о цѣли его прибытія.

— Мнѣ дочь твою нужно!—сказалъ юноша,—а послѣ дѣвушки мнѣ моего брата надо!

Дивъ предложилъ:

— Поборемся!

Поборолись. Юноша дива свалилъ.

— Найди моего брата!—сказалъ юноша.

— Твой братъ въ рѣкѣ!—отвѣтилъ дивъ.

Юноша связалъ дива, подошелъ къ рѣкѣ и крикнулъ своему брату:

— Выходи!

Братъ отвѣтилъ:

— Хорошо!

Юноша спустился въ рѣку, выбросилъ оттуда брата, а самъ остался.

Старшій братъ спустилъ въ рѣку веревку, младшій братъ совсѣмъ было уже по ней вылезъ, но только что онъ достигъ поверхности рѣки, какъ старшій братъ перерѣзалъ веревку и юноша упалъ на дно.

Старшій братъ съ дивовой дочерью вернулся къ себѣ домой. Жена его спросила:

— Что ты сдѣлалъ со своимъ младшимъ братомъ?

— Я бросилъ своего брата въ рѣку.

— По какой причинѣ ты его бросилъ?

— Онъ спалъ въ моемъ домѣ; тебя, мое сердце, онъ осквернилъ! За то я и бросилъ его въ рѣку.

Жена сказала:

— Ну-ка, пойдѣмъ!

Пошли вдвоемъ, пришли къ истоку рѣки, вытащили юношу и вернулись домой.

Дочь дива старшій братъ отдалъ младшему, а царскую дочь самъ взялъ.

Сорокъ дней пировали!

«Сѓз тамам, вэ-с-салам!»

Слову конецъ, да спасетъ васъ Творецъ!

А. Самойловичъ.

Слб. 1 февраля 1908 г.

Эпизодъ изъ исторіи Туркестанской публичной библіотеки, основанной К. П. Кауфманомъ.

Генераль Кауфманъ, по назначеніи на должность туркестанскаго генераль-губернатора, еще до выѣзда изъ Петербурга къ мѣсту новаго своего служенія, положилъ основаніе Туркестанской публичной библіотеки путемъ приглашенія къ книжнымъ пожертвованіямъ разныхъ ученыхъ учрежденій въ Россіи (Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Департамента по дѣламъ ученыхъ учрежденій при министерствѣ народнаго просвѣщенія и всѣхъ русскихъ университетовъ). Въ письмахъ къ представителямъ этихъ учрежденій генераль Кауфманъ, указывая на несомнѣнную будущность главнаго города Туркестанскаго края, Ташкента, какъ центра административной, торгово-промышленной и просвѣтительной дѣятельности, гдѣ для удовлетворенія умственныхъ потребностей пришло и служило классовъ необходимо учредить общественную библіотеку, — просилъ упомянутыя учрежденія оказать возможное въ этомъ его начинаніи содѣйствіе путемъ пожертвованія дублетовъ тѣхъ книгъ, которые безпрепятственно могутъ быть удѣлены изъ ихъ книгохранилищъ. Просьба Константина Петровича была уважена: въ концѣ 1867 года начали стекаться въ Ташкентъ изъ столичныхъ и университетскихъ городовъ цѣнныя въ научномъ отношеніи книги на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ, давшія возможность составить ядро будущей обширной Ташкентской публичной библіотеки,

которая вскорѣ по приведеніи въ извѣстность всего полученнаго и по составленіи книжныхъ каталоговъ была открыта для пользованія публики. Къ сожалѣнію, весьма значительное количество присланныхъ книгъ, не смотря на прекрасную задѣлку книжныхъ тюковъ, пришло въ совершенно испорченномъ видѣ, благодаря осеннимъ проливнымъ дождямъ въ степи и ничѣмъ не покрытымъ почтовымъ тельгамъ, везшимъ эту бумажную кладь по тогдашнему Оренбургъ-Ташкентскому почтовому тракту. Многое поэтому пришлось выкинуть за совершенною порчею. Желая помочь скорѣйшему осуществленію задушевной мысли Константина Петровича, нѣкоторые частныя лица также оказали содѣйствіе увеличенію мѣстнаго книгохранилища. Въ числѣ этихъ жертвователей стоялъ на первомъ планѣ покойный ташкентскій судья П. П. Пукаловъ, принесшій библіотекѣ въ даръ смирдинское изданіе сочиненій русскихъ авторовъ и много другихъ книгъ. Спустя нѣкоторое время, къ числу учреждений, содѣйствовавшихъ расцвѣту библіотеки, присоединились, по просьбѣ генерала Кауфмана, Главный Штабъ военнаго министерства, пожертвовавшій изъ своихъ дублетовъ до 1500 томовъ весьма рѣдкихъ и цѣнныхъ сочиненій по военнымъ наукамъ и исторіи (настолько рѣдкихъ, что между ними нашлось даже одно изъ изданій эльзевировъ), и Главное Военно-медицинское управленіе, подарившее библіотекѣ множество специальныхъ своихъ изданій. Сверхъ этого библіотека пополнялась книжными приношеніями многихъ частныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ основатель библіотеки, отдававшій ей всѣ книги, которыя онъ получалъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ и частныхъ издателей въ силу своего высокаго положенія.

Въ исторіи нашей библіотеки благодарную и долную память о себѣ генераль Кауфманъ оставилъ «Туркестанскимъ Сборникомъ». Въ интересахъ какъ мѣстнаго интеллигентнаго общества, такъ и въ особенности группы людей, предавшихся съ похвальнымъ рвеніемъ изученію

новаго края и быта населяющихъ его народностей, признавъ необходимымъ собрать для библіотеки по возможности полную коллекцію литературныхъ трудовъ по Средней Азіи и затѣмъ коллекціонировать, также по возможности, всю текущую литературу по Туркестану.—журнальную и газетную,—генераль Кауфманъ пригласилъ къ выполнению этого труда извѣстнаго тогда библіографа В. П. Межова, щедро снабдивъ его необходимыми для сего средствами. Въ результатъ этого мѣропріятія, начавшагося въ 1868 году и продолжавшагося и послѣ смерти Константина Петровича, уже при преемникахъ его, получилось 416 томовъ названнаго выше изданія, въ которое вошло до 4600 №№ изданныхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей о Средней Азіи вообще и о Туркестанскомъ краѣ въ особенности, на языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и латинскомъ. Эти печатныя произведенія обнимали отдѣлы: политическую и военную исторію (съ вспомогательными науками), физическую, политическую и математическую географію, этнографію, науки юридическія, политико-экономическія, естественно-историческія, врачебныя, математическія, статистику, сельское хозяйство, технологию, лингвистику, словесность, искусства и библіографію. Къ этому дорогому сборнику, считающемуся unica, по порученію Константина Петровича, были составлены и изданы въ трехъ томахъ (въ сложности болѣе 500 стр.) систематическій и азбучный указатели на соответственныхъ содержанію «Сборника» языкахъ.

О значеніи «Туркестанскаго Сборника» для науки и посѣщающихъ край съ научными цѣлями русскихъ и иностранныхъ изслѣдователей,—вообще для людей, интересующихъ въ какомъ-либо отношеніи Среднею Азією и Русскимъ Туркестаномъ, — свидѣтельствуетъ, между прочимъ, изслѣдователь Ферганы академикъ Милдендорфъ. «Трудно писать о Ферганѣ, живя въ недоступнѣйшемъ болотномъ уголкѣ Лифляндіи, пишетъ онъ въ предисло-

він къ «Очеркамъ Ферганской долины», вышедшимъ въ переводѣ на русскій языкъ въ 1882 году. «Съ тѣхъ поръ какъ генералъ Кауфманъ устроилъ для Средней Азій образцовую, единственную въ своемъ родѣ («Туркестанскій Сборникъ» Межова) бібліотеку въ Ташкентѣ, только тамъ, на мѣстѣ и можно было бы пользоваться всѣми необходимыми литературными матеріалами».

Къ заботливости генерала Кауфмана о Туркестанскомъ краѣ въ просвѣтительномъ отношеніи необходимо отнести также и составленіе по его порученію и на дарованныя имъ средства Туркестанскаго фотографическаго альбома, одинъ экземпляръ котораго находится въ ташкентскомъ книгохранилищѣ. Составленіе этого альбома относится къ 1870—72 годамъ. Цѣль изданія—представить наглядно Туркестанъ и его жизнь въ отношеніяхъ: археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ и индустриальномъ. Въ альбомѣ, изданный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (не болѣе семи), вошло болѣе 1200 снимковъ. Подробное перечисленіе ихъ интересующійся найдетъ въ каталогѣ Ташкентской публичной бібліотеки и, съ нѣкоторыми свѣдѣніями объ изданіи, въ статьѣ Н. В. Дмитровскаго «Туркестанскій Альбомъ К. П. Кауфмана», помѣщенной въ № 36 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1899 годъ.

Не могу пройти молчаніемъ одного печальнаго и старыми туркестанцами-кауфманцами незабываемаго эпизода изъ жизни нашей бібліотеки. Это обширное и дорогое книгохранилище, составляющее не только государственное, но и общественное достояніе, по смерти своего создателя и радѣтеля чуть-чуть не постигла катастрофа.

Назначенный послѣ смерти К. П. Кауфмана туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Н. Г. Черняевъ, посвятивъ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Ташкентѣ реорганизациі различныхъ учрежденій, возникшихъ при покойномъ Константинѣ Петровичѣ, обратилъ наконецъ вниманіе и на общественную бібліотеку. Ближайшее ознакомленіе съ нею и установившимися въ

ней порядками, а равно отношеніями къ ней со стороны мѣстнаго общества, Черняевъ возложилъ на своего чиновника особыхъ порученій, извѣстнаго автора «Петербургскихъ трущобъ», В. В. Крестовскаго. Исполнивъ это порученіе, Крестовскій доложилъ Черняеву слѣдующее.

Число абонентовъ библіотеки и посѣтителей ея крайне ничтожно; отпускаемая на пополненіе библіотеки сумма, въ размѣрѣ 400 руб. въ годъ, расходуется не на приобрѣтеніе полезныхъ изданій, а на выписку различныхъ газетъ и журналовъ, до юмористическихкихъ листковъ включительно ¹⁾; подписчики и посѣтители библіотеки читаютъ преимущественно романы и притомъ такіе, какъ «Всадникъ безъ головы», «Черная собака», потомъ сказки Боккачіо и, наконецъ, произведенія Белло, Ксавьеде-Монтепена, Грегора Самарова и т. п.; но еще большую долю вниманія читатели посвящаютъ повременнымъ изданіямъ, между которыми первое по количеству спроса мѣсто занимаютъ журналы: «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы» и проч., и что изъ русскихъ авторовъ наиболѣе требуются сочиненія Салтыкова, Добролюбова, Писарева, Некрасова и Шеллера (А. Михайлова); значительно меньшимъ спросомъ пользуются Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ и Григоровичъ, еще меньшимъ — гр. Левъ Толстой и Островскій и самымъ ничтожнымъ — Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ. Большинство классическихкихъ русскихъ писателей прежнихъ періодовъ литературы, а также и большинство трудовъ русскихъ ученыхъ, совершенно никѣмъ не читаются. Впро-

¹⁾ Только авторъ „Петербургскихъ Трущобъ“ и могъ относить къ категоріи безполезныхъ изданій, журналы и газеты, безъ которыхъ ни одна въ Европѣ общественная библіотека обходиться не можетъ. Что же касается юмористическихкихъ листковъ, то литературы этого рода въ нашей библіотекѣ никогда не выписывалось, да въ то время, къ которому относится докладъ Крестовскаго, вся юмористическая русская литература ограничивалась одною лишь «Стрекозой», но и ея въ библіотекѣ не было. Всѣ отпускавшіяся на библіотеку суммы расходовались большею частью на приобрѣтеніе научныхъ изданій, благодаря чему библіотеческій отдѣлъ ея всегда былъ крайне бѣденъ и часто вызывалъ жалобы въ публикѣ. Только это послѣднее обстоятельство и послужило причиною возникновенія въ Ташкентѣ никуда негодной частной библіотеки Половцевой.

чемъ, для одной, ничтожной группы лицъ, пользовавшихся книгами Ташкентской публичной библіотеки, Крестовскій сдѣлалъ исключеніе, пояснивъ, что выборъ чтенія ихъ рѣзко отличается отъ общаго, охарактеризованнаго выше, уровня, оставаясь въ сферѣ научныхъ и специальныхъ военныхъ вопросовъ. Въ заключеніе своего доклада Крестовскій высказалъ, что хотя библіотека и обладаетъ довольно значительнымъ выборомъ книгъ для чтенія серьезнаго, въ особенности по отдѣламъ азіатскому и туркестанскому, но большинство ея читателей сочиненіями этого рода вовсе не интересуется, а то, что составляетъ предметъ интереса этого большинства (судя по количеству и качеству спроса), къ сожалѣнію, низвело это прекрасное по своей мысли учрежденіе¹⁾ на степень обыкновенной публичной читальни, съ довольно низменнымъ, а отчасти и тенденціознымъ характеромъ²⁾.

Усмотрѣвъ изъ рапорта Крестовскаго, что усвоенное публичною библіотекою направленіе не соответствуетъ серьезнымъ и полезнымъ цѣлямъ, какія высшею администраціею края имѣлись въ виду при ея устройствѣ, генералъ Черняевъ призналъ за болѣе полезное: 1) дальнѣйшее существованіе этого учрежденія въ качествѣ самостоятельнаго прекратить съ 1 января 1883 года; 2) отдѣлы

1) Не допуская, чтобы такой образованный человекъ и литераторъ, какъ покойный Крестовскій, совершенно не былъ знакомъ съ библіотечною статистикой, я не могу понять, зачѣмъ ему понадобилось останавливать вниманіе генераль-губернатора на томъ, что большинство читателей нашей библіотеки научными трудами не интересуется, пробавляясь только общелитературными журналами и беллетристикой. Это явленіе весьма естественно: корень его лежитъ въ культурномъ состояніи современнаго русскаго общества и имѣетъ мѣсто во всѣхъ библіотекахъ міра, и Ташкентская библіотека не составляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія. Основываясь на многихъ данныхъ статистики и на нѣкоторомъ знакомствѣ съ годовыми отчетами разныхъ библіотекъ Россіи, думаю, что ташкентское общество,—если даже судить о немъ по матеріаламъ, заключающимся въ книгѣ подписчиковъ мѣстной библіотеки и въ перечнѣ интересующихъ ихъ и читаемыхъ ими книгъ,—всегда стояло и стоитъ много выше такихъ же обществъ въ другихъ губернскихъ городахъ.

2) Читатель, конечно, понимаетъ, что указаніемъ Крестовскаго на тенденціозный характеръ чтенія библіотека обязана большому, чѣмъ на другія книги, спросу на сочиненія М. Е. Салтыкова, Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова и другихъ современныхъ имъ писателей прогрессивнаго направленія, отъ котораго Крестовскій былъ далекъ даже въ молодости.

библиотеки: среднеазиатскій и туркестанскій, съ сочиненіями, имѣющими специальное значеніе въ отношеніи знаній, выдѣлить изъ состава ея и передать въ Ташкентскій музей, съ тѣмъ, чтобы при немъ составилось специальное по азиатскимъ вопросамъ книгохранилище, гдѣ могли бы заниматься люди серьезно интересующіеся изученіемъ Азии; 3) расходуемую на библиотеку сумму обратить на содержаніе музея и пополненіе книгохранилища приобрѣтеніемъ вновь выходящихъ изданій и сочиненій, имѣющихъ специальный интересъ по азиатскимъ вопросамъ вообще и по Туркестанскому краю въ особенности; 4) книги военно-научнаго и военно-историческаго содержанія передать въ библиотеку штаба войскъ туркестанскаго военного округа, съ тѣмъ, чтобы изъ нея безпрепятственно, но съ извѣстными гарантіями за сохранность книгъ, могли пользоваться этими изданіями офицеры, готовящіеся къ поступленію въ высшія военно-учебныя заведенія; 5) сочиненія русскихъ и иностранныхъ классическихъ писателей и изданія обще-учебнаго характера передать въ распоряженіе главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края, на пополненіе библиотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ окажется надобность; и 6) всѣ же остальные изданія и книги смѣшаннаго и празднаго характера, — въ виду того, что потребности любителей легкаго чтенія съ избыткомъ могутъ удовлетворяться изъ двухъ имѣющихся въ Ташкентѣ общественныхъ читалень, содержимыхъ частными предпринимателями¹⁾, — продать съ публичнаго торга, кромѣ пожертвованныхъ, извѣстивъ предварительно, на основаніи закона, особыми публикаціями, о днѣ и мѣстѣ продажи; вырученную отъ этой операціи сумму обратить на пополненіе средствъ Таш-

¹⁾ Въ годъ закрытія публичной библиотеки въ Ташкентѣ существовали: частная библиотека Подольцевой, состоявшая главнымъ образомъ изъ старыхъ періодическихъ изданій энциклопедическаго характера и беллетристическихъ произведеній, преимущественно переводныхъ, и жалкая лавочка еврея Шварца (на Воскресенскомъ базарѣ), торговавшая старыми учебниками, промышляющая всякимъ негоднымъ старьемъ, ничего общаго съ литературою неимѣющимъ. Первая изъ этихъ частныхъ библиотекъ была продана впоследствии за ничтожную сумму 500 руб.

кентскаго публичнаго музея. Отдавъ соотвѣтственный этимъ рѣшеніямъ приказъ по краю (отъ 31 декабря 1882, № 312), генераль Черняевъ въ то же время назначилъ изъ нѣсколькихъ лицъ комиссію для разсортированія библиотечныхъ книгъ по указанному въ приказѣ назначенію. Спустя нѣкоторое время послѣ этого распоряженія, генераль Черняевъ, вслѣдствіе ходатайства сыръ-дарьинскаго областного врача, словесно отмѣнилъ свое рѣшеніе о продажѣ съ публичнаго торга книгъ «смѣшаннаго и празднаго характера» и приказалъ передать ихъ въ мѣстныя лѣчебныя учрежденія для выдачи больнымъ.

Распоряженіе о закрытіи публичной библиотeki, существовавшей до того времени въ теченіе болѣе 12 лѣтъ, произвело на ташкентское общество удручающее впечатлѣніе. Съ большимъ трудомъ организованная и такъ долго и заботливо лелѣянная основателемъ ея мѣстная публичная библиотeka была въ этомъ городѣ единственною, и прекращеніе дальнѣйшаго ея существованія лишало общество возможности удовлетворять свои умственныя потребности; людей же, занимавшихся въ край научными изслѣдованіями, ставило въ крайне затруднительное положеніе въ отношеніи пользованія при своихъ работахъ необходимыми литературными матеріалами. Подъ давленіемъ этого впечатлѣнія нѣкоторые изъ гласныхъ городской думы, встревоженные расформированіемъ библиотeki, приказаніемъ распродать значительную часть ея съ публичнаго торга и неопредѣленностью условій сосредоточенія при музеѣ наиболѣе цѣнныхъ отдѣловъ—среднеазиатскаго и туркестанскаго, внесли въ думу предложеніе: не признаетъ ли она возможнымъ войти къ главному начальнику края съ ходатайствомъ о передачѣ упраздняемой библиотeki на попеченіе городского обще-

1) Одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей, сообщая Имп. Русск. Географическому Обществу, въ общемъ собраніи его 11 апрѣля 1884 года, о научныхъ результатахъ своего путешествія на Памиръ, заявилъ, между прочимъ, что нужные памирской экспедиціи литературные матеріалы, находившіеся въ Туркестанской публичной библиотекѣ, оказались недоступны для путешественника, такъ какъ библиотeka была закрыта и лежала въ запечатанныхъ ящикахъ.

ства. Исходя изъ соображеній: что, на основаніи 4 пункта 2 статьи город. положенія 16 іюня 1870 года, къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія принадлежить устройство на счетъ города театровъ, музеевъ и библіотекъ; что городъ, лишившійся возможности пользоваться упраздняемою публичною библіотекою, не въ состояніи завести свою собственную; что публичная библіотека, какъ достояніе не только государственное, но и общественное, не имѣетъ права поглощать на свое содержаніе средства исключительно государственныя, такъ какъ обязанность создавать и поддерживать подобныя учрежденія всецѣло лежитъ на обществѣ, и что, наконецъ, существующая въ Ташкентѣ частная библіотека, преслѣдующая однѣ лишь спекулятивныя цѣли состоитъ большею частію изъ переводныхъ беллетристическихъ произведеній и не можетъ удовлетворять даже лицъ, любящихъ одно только легкое чтеніе, — авторы предложенія рекомендовали думѣ принять публичную библіотеку на свое иждивеніе и тѣмъ спасти это дорогое учрежденіе отъ расформированія. Указывали, что въ случаѣ перехода библіотеки къ городскому обществу содержаніе ея не ляжетъ тяжелымъ бременемъ на городъ и общественной кассы не обременитъ. Разсмотрѣвъ это предложеніе въ засѣданіи 22 декабря 1882 г., городская дума выразила полное согласіе на принятіе библіотеки на свое иждивеніе и для принесенія главному начальнику края ходатайства по этому предмету избрала депутацію изъ шести гласныхъ.

Генераль Черняевъ, до котораго на другой или на третій день послѣ думскаго засѣданія дошли свѣдѣнія о предположенномъ ходатайствѣ, на попытку думы къ удержанію библіотеки въ существовавшемъ до 1883 г. положеніи посмотрѣлъ такъ сурово, что дума была вынуждена дальнѣйшаго хода этому дѣлу не давать...

Работы по разсортированію библіотеки, состоявшей къ 1 января 1883 года изъ 13.040 томовъ, продолжались девять мѣсяцевъ и закончились передачею книгъ по военнымъ наукамъ и военной исторіи (2496 томовъ)—въ

библіотеку штаба туркестанскаго военнаго округа, сочиненій русскихъ и иностранныхъ классиковъ и изданій обще-педагогическаго содержанія (846 томовъ)—главному инспектору училищъ Туркестанскаго края, а книгъ по беллетристикѣ (514 томовъ)—въ ташкентскій военный госпиталь. Книги научнаго содержанія, сочиненія, имѣющія специальное значеніе по отношенію къ Азіи вообще, періодическія изданія энциклопедическаго характера, заключающія въ себѣ или научныя статьи вообще, или же имѣющія интересъ для изученія Азіи, всего 9184 тома, комиссія уложила въ ящики и впредь до окончанія ремонта зданія, предназначеннаго для помѣщенія музея и книгохранилища, передала въ генераль-губернаторскую канцелярію на храненіе.

Прибавлю къ этому, для болѣе полнаго освѣщенія картины, что комиссія по разсортированію библіотеки, во главѣ которой стоялъ старій туркестанецъ временъ К. П. Кауфмана, повела это дѣло такъ, что всѣ общелитературныя періодическія изданія за нѣсколько лѣтъ, относящіяся, по смыслу черняевскаго приказа, къ категоріи книгъ смѣшаннаго и празднаго характера, подлежащихъ продажѣ съ публичнаго торга, уцѣлѣли въ библіотекѣ въ качествѣ изданій, заключающихъ въ себѣ, вмѣстѣ съ беллетристикой, и научныя статьи.

Назначенный затѣмъ вмѣсто генерала Черняева новый генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ, по ознакомленіи съ дѣломъ о библіотекѣ не только возстановилъ эту хранительницу сокровищъ человѣческаго генія, но своимъ внимательнымъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ ней съ лихвою возмѣстилъ ущербъ, нанесенный ея закрытіемъ ¹⁾.

Л. К. Ю.

¹⁾ Позволю эту статью дополнить свѣдѣніемъ, что въ 1885 г. въ газетѣ «Новости» и въ «Journal de St.-Petersbourg» были помѣщены статьи объ уничтоженіи генераломъ Черняевымъ Туркестанской публичной библіотеки. Генераль Черняевъ,—тогда уже не генераль-губернаторъ,—помѣстилъ по поводу этого любопытное письмо отъ 11 ноября 1885 г. въ «Новомъ Времени» за тотъ же годъ, № 3490, гдѣ оправдываясь, въ заключеніе говорилъ, что онъ расчистилъ (въ Туркестанѣ) «отъ сорныхъ травъ ниву. Но каково же было расчищать». Л. Семенова.

Колебанія во взглядахъ на образование туземцевъ въ Туркестанскомъ краѣ.

(Хронологическая справка.)

Въ широкой планъ перваго туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана по устройенію Туркестанскаго края входили и заботы его о русскомъ образованіи туземцевъ. Къ этому трудному и сложному вопросу покойный генераль отнесся съ полнымъ вниманіемъ и осторожностью. Не будучи надлежащимъ образомъ освѣдомленъ о современномъ ему положеніи туземныхъ школъ (мактабы и мадрасы) и о дѣйствительномъ вліяніи ихъ на туземное населеніе, покойный устроитель края, отчасти по указанному недоразумѣнію, а отчасти и по недостатку лицъ, хорошо освѣдомленныхъ съ этимъ специальнымъ вопросомъ,¹⁾ рѣшилъ на первыхъ порахъ игнорировать упомянутыя туземныя школы, въ предположеніи, что эти школы, какъ остатокъ давней мусульманской старины, не жизнеспособны и потому *сами собою замрутъ*, не имѣя въ себѣ необходимыхъ элементовъ для дальнѣйшаго развитія. Во внутреннюю силу мусульманства покойный генераль-губернаторъ не вѣрилъ, отчасти подъ вліяніемъ господствовавшего тогда представленія о Турціи, какъ о

¹⁾ См. объ этихъ школахъ наши статьи въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1906 годъ (№ 2, 10, отд. 3) и за 1907 годъ (№ 1, отд. 3). Въ этихъ статьяхъ указаны статьи и др. авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ.

большомъ организмѣ, и считалъ вообще мусульманскую культуру отжившею свой вѣкъ и неспособною къ пробужденію и дальнѣйшему прогрессу. Придавая значеніе только европейскому образованію, онъ вѣрилъ только въ это образованіе и, какъ убѣжденный русскій администраторъ, имѣвшій уже административный опытъ по своей службѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, въ которомъ онъ отстаивалъ русскія образовательныя и школьныя идеи отъ польской пропаганды, онъ и въ Туркестанскомъ краѣ былъ намѣренъ держаться обрусительной политики при посредствѣ русской школы. Въ этихъ соображеніяхъ покойный генераль-губернаторъ, представляя косность мусульманскаго образованія, не надѣялся на проведеніе своего русско-государственнаго взгляда въ среду туземцевъ черезъ туземныя мусульманскія школы. Въ то же время онъ зналъ, что въ Туркестанскомъ краѣ существуетъ многочисленное киргизское населеніе, составляющее самостоятельную этнографическую группу, которая, хотя и близка сартамъ и татарамъ по происхожденію и языку, но еще не забита одностороннею, исключительно религіозною мусульманскою школьною мудростью и потому жизнеспособна и воспримчива въ отношеніи образованія. Поэтому онъ рѣшилъ сосредоточить все свое просвѣщенное вниманіе на устройствѣ въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ школъ именно для дѣтей киргизовъ и рассчитывалъ, что дѣти киргизовъ въ русскихъ школахъ *обрусѣютъ* и примкнутъ къ русской гражданственности, послѣ чего узкое одностороннее мусульманство не будетъ уже въ состояніи оказывать на нихъ своего вліянія, не соответствующаго идеямъ и принципамъ европейской цивилизаціи¹⁾.

При такомъ взглядѣ на мусульманство и на киргизовъ, покойный генераль-губернаторъ находился подъ вліяніемъ авторитетнаго профессора исторіи Востока В. В.

¹⁾ См. „Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. Личныя воспоминанія Н. Остроумова“. Ташкентъ, 1899.

Григорьева¹⁾ и практическаго дѣятеля среди казанскихъ инородцевъ Н. П. Ильминскаго. Къ сожалѣнію, съ Ильминскимъ К. П. не могъ войти въ болѣе подробныя объясненія по столь серьезному и сложному вопросу, а о взглядахъ проф. Григорьева только слышалъ отъ его бывшаго слушателя по восточному факультету А. Л. Куна, прибывшаго на службу въ Туркестанскій край, который самъ отчетливо и основательно не представлялъ порученнаго ему учебнаго дѣла въ новомъ краѣ. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія къ тому времени (1876 г.) также не было опредѣленныхъ и устойчивыхъ взглядовъ на образованіе инородцевъ Россіи. Въ Казани въ это время только начали пробовать систему (В. В. Радловъ) подготовленія учителей для татарскихъ (мусульманскихъ) школъ, но и къ этой пробѣ относились неувѣренно, а скоро и совсѣмъ разочаровались въ ней. Что же касается христіанской системы школьнаго образованія среди крещенныхъ инородцевъ, руководителемъ которой былъ Н. П. Ильминскій, то она къ Туркестанскому краю прямо не подходила, а на мѣстѣ (въ Казани) вызвала горячую полемику среди мѣстныхъ дѣятелей²⁾.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ первому туркестанскому генералъ-губернатору, озабоченному многочисленными и разнообразными вопросами по устроению новозавоеваннаго и еще не замиреннаго края, некогда было самостоятельно изучить въ деталяхъ вопросъ объ инородческомъ образованіи въ Россіи и о примѣненіи внутренне-россійской школьной практики къ туркестанской окраинѣ. Это долженъ былъ сдѣлать тогдашній главный инспекторъ училищъ, г. Кунъ, но онъ ограничился

¹⁾ Вас. Вас. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ (1876—1881 г.), состав. Н. И. Веселовскій (С. Петербургъ, 1887).

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ (С.-Петербургъ, 1869 г.); Воспоминанія объ Н. А. Алтынсаринѣ, Н. Ильминскаго (Казань, 1891); Письма Николая Ивановича Ильминскаго. Изд. П. Знаменскій (Казань, 1895); Участіе Н. П. Ильминскаго въ дѣлѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Состав. П. Знаменскій (Казань, 1899); С. Граменицкій. Очеркъ развитія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ (Ташкентъ, 1896).

только усвоением случайного решения генералъ-губернатора относительно организации русскихъ школъ для дѣтей киргизовъ: въ 1879 году была учреждена въ Ташкентѣ учительская семинарія, въ которой вмѣстѣ съ русскими должны были обучаться дѣти мѣстныхъ киргизъ¹⁾. Въ согласіи съ этимъ взглядомъ на инородческое образованіе въ курсъ вновь открытой семинаріи было введено обученіе воспитанниковъ ея киргизскому языку, при посредствѣ русской транскрипціи, оправданіемъ которой служить киргизская хрестоматія, сост. преподавателемъ киргизскаго языка Я. Лютшемъ²⁾ (Ташкентъ, 1883 г.)

При неустойчивости мѣстныхъ административныхъ взглядовъ на образованіе туземцевъ Туркестанскаго края, предпринятый опытъ съ обрусеніемъ киргизъ скоро измѣнился: въ 1883 было введено въ курсъ семинаріи преподаваніе сначала сартовскаго языка, а съ 1885 г. и персидскаго. Преподаваніе арабскаго языка — о чемъ тоже хлопотали — не было разрѣшено, а преподаваніе сартовскаго и персидскаго при посредствѣ арабскаго алфавита окончательно установилось взамѣнъ киргизскаго языка съ русской транскрипціей. Но въ семинарію продолжали поступать почти исключительно киргизы, которыхъ такимъ образомъ, вопреки прежнему проекту, обучали мусульманской письменности на сартовскомъ и персидскомъ языкахъ...

19 декабря 1884 года, подѣ влияніемъ новаго взгляда на русское образованіе туземцевъ, въ Ташкентѣ была открыта первая русско-туземная школа для дѣтей туземцевъ³⁾. Этой новой школѣ была указана задача — дать туземному населенію гор. Ташкента (сартамъ) возможность обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ и русскому языку, въ чемъ сарты, какъ торговцы, чувствовали большую по-

¹⁾ См. Отчетъ туркестанской учительской семинаріи за 25 лѣтъ ея существованія. Состав. Н. Остроумовъ. (Ташкентъ, 1904.)

²⁾ Нынѣ російскій императорскій политическій агентъ въ Бухарѣ.

³⁾ Главнымъ инспекторомъ училищъ былъ тогда А. И. Забѣлинъ, врачъ по образованію, не имѣвшій яснаго представленія ни объ одномъ изъ туземныхъ языковъ.

требность. При этомъ дѣтямъ туземцевъ, записаннымъ въ эту школу, была предоставлена возможность изучать арабско-персидскій алфавитъ и мусульманское вѣроученіе.

Открытію этой школы придавалось столь большое значеніе, что генераль Н. П. Гродековъ ¹⁾, въ присутствіи котораго происходило открытіе этой школы, сказалъ тогда почетнымъ туземцамъ: «Счастливъ для васъ этотъ день вашей жизни! Да будетъ же благословенъ и тотъ часъ, когда послѣдовало у васъ открытіе этого училища!» ²⁾ Тогдашній директоръ семинаріи Ю. Ф. Крачковскій въ своей рѣчи, сказанной на томъ же торжествѣ, сказалъ, что вновь открытое училище, какъ прототипъ всѣхъ другихъ подобныхъ училищъ, является маленькимъ зерномъ, роскошные и желанные всходы котораго должны все болѣе и болѣе покрывать дикія духовныя пустыни и дебри и повести къ сліянію Азіи съ Европой, къ удаленію нравственнаго и духовнаго застоя и къ вступленію (сартовъ) на путь истинной культуры, истиннаго прогресса...

Несмотря на это, уже въ 1886 году генераль—адъютантъ Н. О. Розенбахъ нашелъ нужнымъ подтвердить начальникамъ областей Туркестанскаго края, что открытіемъ русско-туземныхъ школъ онъ желалъ способствовать зарожденію и укрѣпленію русскаго духа въ туземномъ населеніи и развитію его въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, чтобы поставить туземцевъ въ наиболѣе выгодныя условія для развитія ихъ естественныхъ способностей, сгладить имъ путь, предоставивъ средства и всѣ необходимыя и полезныя орудія прогресса для нравственнаго матеріальнаго роста. Эти школы должны были ближайшимъ и самымъ вѣрнымъ путемъ объединять бытовые и экономическіе интересы всѣхъ народностей Туркестанскаго края съ общегосударственными и содѣйствовать прочному и окончательному сліянію всѣхъ этихъ народностей съ великой семьей кореннаго русскаго народа въ нашей могущественной метрополіи. Генераль Розен-

¹⁾ Въ то время военный губернаторъ Сыр-Дарьинской области.

²⁾ См. Туркест. Вѣдом., 1885 г. № 1.

бахъ вѣрилъ, что въ туземцахъ сказалось сознание того, что русская государственная власть — родная для нихъ власть, что русскій языкъ долженъ сдѣлаться роднымъ ихъ языкомъ. Въ то же время онъ надѣялся, что пріютившійся въ мусульманскихъ школахъ сепаратизмъ будетъ лишенъ почвы и что русско-туземная школа поведетъ къ слиянію съ ними старыхъ мусульманскихъ школъ. Онъ думалъ также, что при помощи новыхъ правительственныхъ школъ можно будетъ установить дѣйствительный и постоянный контроль за направлениемъ мусульманскихъ школъ вообще, дѣлать имъ необходимыя указанія, помогать въ ихъ нуждахъ, а въ случаѣ и противодѣйствовать злонамѣреннымъ проповѣдникамъ,¹ которые среди кочевого населенія проводятъ обманныя идеи и неправильно истолковываютъ распоряженія правительственной власти¹).

Вкорѣ затѣмъ была учреждена должность инспектора мусульманскихъ школъ, но была скоро снова закрыта... Вѣра въ русско-туземныя школы росла, хотя ростъ самыхъ школъ подвигался впередъ медленно, почему новый туркестанскій генераль-губернаторъ²), въ концѣ 1891 года, нашелъ нужнымъ предписать губернаторамъ областей края, что настоящимъ положениемъ русско-туземныхъ школъ довольствоваться нельзя и оставлять ихъ въ такомъ положеніи не слѣдуетъ. Число учащихся въ каждой школѣ незначительно, даже въ городахъ и кишлакахъ съ населениемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Ученики посѣщаютъ русскую школу крайне неаккуратно, и многіе, не утвердившись въ знаніяхъ, перестаютъ учиться, когда хотятъ. Результаты отъ такого ученія, за немногими исключениями, ничтожны и не соотвѣтствуютъ затратѣ значительныхъ суммъ (свыше 23.000 руб. въ годъ), которыя расходуются на содержаніе туземныхъ школъ изъ государственнаго казначейства и изъ сбора съ мѣстнаго населенія.

Еще большая разница во взглядахъ двухъ генераль-

¹) См. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Общій очеркъ—Н. Остроумова, (Ташкентъ, 1908), стр. 177 и слѣд.

²) Баронъ А. Б. Вревскій.

губернаторовъ на однѣ и тѣ же школы усматривается изъ дальнѣйшихъ разсужденій барона Вревскаго ¹⁾, выказавшаго въ своемъ циркулярѣ: «Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе средне-азиатской окраины съ русскою народностью и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводитъ къ желанной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему понужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русскаго языка и русскаго правительства. Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской, и только въ русской, школѣ туземцы видѣли носительницу и насадительницу знаній, необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости къ настоящему государственному и обществу строю ихъ быта тѣхъ знаній, которыя выносятся изъ мадрасы и мактаба. Быть этотъ самъ собою, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнія, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороною книжнаго ученія, его приложимостью къ практическимъ цѣлямъ»... Въ этихъ соображеніяхъ ген. губернаторъ просилъ военныхъ губернаторовъ принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на разныя административныя должности и службы, предпочтительно предъ незнающими русскаго языка... ²⁾

¹⁾ Главнымъ инспекторомъ училищъ въ то время былъ Ѳ. М. Керенскій.

²⁾ См. патир. кн. Сарты, стр. 181—184.

Изложенныя выше надежды и чаянія двухъ преемниковъ К. П. фонъ-Кауфмана (генерала Розенбаха и барона Вревскаго) на обрусѣніе туземцевъ (Туркестанскаго края, на сліяніе туркестанской окраины съ метрополіей не оправдались: въ 1892 году произошелъ крупный скандалъ среди туземцевъ гор. Ташкента¹⁾, а въ 1898 году вся Ферганская область была охвачена возстаніемъ, угрожавшимъ спокойствію всего края... Тогда-то въ первый разъ и вспомнили, между прочимъ, о коренныхъ туземныхъ школахъ, оказавшихся не только *не вымиравшими*, какъ надѣялись русскіе администраторы новозавоеваннаго мусульманскаго края, не признававшіе мусульманскую культуру жизнеспособною. Была образована специальная коміссія въ Ташкентѣ для выясненія вопроса о томъ, какъ на будущее время относиться къ мусульманскимъ школамъ въ краѣ. Были запрошены три военные губернатора коренныхъ областей (Сырѣ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской), и всѣ разсужденія были сведены въ главномъ къ тому, чтобы продолжать политику невмѣшательства во внутреннюю жизнь мусульманскихъ школъ и придерживаться устарѣлыхъ статей и положеній закона. А выработку новыхъ нормъ и правилъ по надзору и управленію этими (нужно замѣтить—многочисленными)²⁾ школами считали излишнею.

Новый инспекторъ (потомъ директоръ) народныхъ училищъ Сырѣ-Дарьинской области С. М. Граменницкій, улучшившій методу преподаванія русскаго языка въ русско-туземныхъ школахъ и составившій для нихъ учебники, естественно не только отстаивалъ status quo, но и возражалъ противъ возстановленія прекращеннаго надзора за мусульманскими школами, ссылаясь на краткій опытъ такой специальной инспекціи въ Казани и Туркестанѣ. Какъ математикъ по образованію и русскій по убѣжденіямъ, онъ правильно думаетъ, что обученіе дѣтей ту-

¹⁾ Разумѣется холерный бунтъ, причемъ былъ избитъ начальникъ города, полковникъ Путинцевъ.

²⁾ См. въ концѣ статьи.

землеву русскому языку въ русско-туземныхъ школахъ имѣеть для нихъ культивирующее значеніе, но онъ продолжаетъ ошибаться, не сознавая необходимости въ установленіи надзора за мадрасами и мактабами, въ 30-ть разъ превышающими своею численностью русско-туземныя школы.

Управленіе Туркестанскимъ краемъ генерала С. М. Духовскаго, которому выпало на долю усмирять «анджакское возстаніе», не измѣнило существенно прежняго взгляда на отношеніе русской администраціи края къ мусульманскимъ школамъ, хотя въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, составленномъ въ 1899 году, онъ отчетливо изобразилъ значеніе ислама въ Туркестанѣ. Онъ правильно также разсуждалъ, что русскіе чиновники, состоящіе въ штатѣ управленія краемъ, обязаны имѣть общее представленіе о вѣрованіяхъ, нравахъ и обычаяхъ туземцевъ-мусульманъ, и съ этою цѣлью предпринялъ изданіе «Сборника матеріаловъ по мусульманству»¹⁾. На мусульманскія же школы онъ предполагалъ распространить законъ 1 марта 1893 года о еврейскихъ хедерахъ, въ этомъ пунктѣ сказалось непосредственное вліяніе его помощника, а затѣмъ преемника — генерала Н. А. Иванова, какъ лично извѣстно автору настоящихъ строкъ. Грустную улыбку вызываетъ такая мѣра послѣ только что пережитаго возстанія, и она совсѣмъ не вяжется съ другими серьезными мѣропріятіями, изложенными въ томъ же докладѣ.

При генералѣ Н. Н. Тевяшевѣ также не обращалось вниманія на мусульманскія школы, а была возбуждена переписка о распространеніи среди киргизъ аульныхъ школъ по образцу таковыхъ школъ въ Ханской ставкѣ Астраханской губерніи²⁾. Одновременно съ этимъ въ

¹⁾ Было издано два небольшихъ тома: томъ первый — въ 1899 году и томъ второй — въ 1900 году.

²⁾ Этотъ вопросъ въ исторіи туркестанскаго образованія является случайнымъ. Генералъ Н. Н. Тевяшевъ служилъ въ 1892 году въ Астрахани одновременно съ Вя. М. Лазаревскимъ, переведеннымъ затѣмъ въ Турк. край. Здѣсь прежніе сослуживцы по Астрахани вспомнили астраханскія цинродческія школы, и генераль-

1905 году была собрана особая комиссія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра А. С. Будиловича, которая выработала общія правила для начальнаго образованія дѣтей инородцевъ разныхъ племенъ и религій¹⁾; но правила этой комиссіи не были введены въ дѣйствіе, по искусственному протесту инородцевъ-мусульманъ, и подверглись пересмотру въ другой комиссіи, созванной также при министерствѣ въ 1907 году. Къ инородческимъ школамъ Туркестанскаго края правила означенной комиссіи не примѣнялись, и вопросъ какъ объ образованіи дѣтей туземцевъ въ русско-туземныхъ школахъ, такъ и о надзорѣ за мусульманскими школами оставался въ прежнемъ положеніи. Но жизнь туземцевъ не стояла, а развивалась и поддавалась вліяніямъ не только естественнымъ, но и искусственнымъ. Подъ послѣднимъ я разумѣю начавшееся давно, съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но не замѣченное русскими администраторами пробужденіе передовой части російскихъ татаръ, которые рѣшили *завладѣть* туземной школой (мактабы и мадрасы) и дать ей *свое* направленіе. Подъ вліяніемъ и прикрытіемъ политическихъ «свободъ», передовые татары стали издавать газеты, учебники, брошюры, организовали разныя просвѣтительныя и благотворительныя общества²⁾ и, наконецъ, открыли въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ Туркестанскомъ краѣ такъ называемые «новометодныя» мактабы, которые открывались безъ разрѣшенія подлежащихъ властей и существовали внѣ всякаго надзора со стороны учебнаго начальства, какъ во внутренней Россіи, такъ и у насъ, въ Туркестанскомъ краѣ. Между тѣмъ движеніе, по

губернаторъ хотѣлъ пересадить школы астраханскаго типа на туркестанскую почву. Но пока шла переписка по этому вопросу, генералъ Тевляневъ заболѣлъ и скончался.

¹⁾ См. Труды особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ. С.-Петербургъ, 1905 г. и ст. М. А. Мироніева «Русско-инородческія школы системы Н. И. Ильминскаго» (Журн. М. Н. Пр., февраль 1908).

²⁾ См. ст. А. Е. Алекторова «Новыя теченія въ жизни магометанскихъ школъ» (Журн. М. Н. Пр., апрѣль 1909).

внѣшнему виду только образовательное, стало принимать формы политическаго, панисламскаго характера. Тогда только было обращено вниманіе на это движеніе въ Ташкентѣ, въ связи съ несомнѣннымъ характеромъ пропаганды политической, и при окружномъ штабѣ туркестанскаго военнаго округа, въ концѣ 1908 года, была образована особая комиссія, на засѣданіяхъ которой былъ затронуть и вопросъ о старыхъ мусульманскихъ школахъ края, при чемъ представители учебнаго вѣдомства раздѣлились въ своихъ взглядахъ на этотъ безспорный вопросъ¹⁾. Затѣмъ, по предложенію генераль-губернатора, въ управленіи мѣстными учебными заведеніями были выработаны новыя правила по надзору за мактабами и мадрасами и отправлены въ министерство, которыя до сихъ поръ не санкціонированы.

Въ 1909 году прибылъ въ край новый генераль-губернаторъ, генераль А. В. Самсоновъ, который обратилъ серьезное вниманіе на постановку образованія туземцевъ края и подвергъ этотъ вопросъ сначала личному обсужденію, и въ приказѣ по учебному вѣдомству отъ 8 августа того же года, по поводу нѣкоторыхъ дефектовъ въ дѣятельности русско-туземныхъ школъ Ферганской области, писалъ: «Русскія и русско-туземныя училища, являясь разсадниками русскаго просвѣщенія и проводниками русской культуры въ новозавоеванномъ Туркестанскомъ краѣ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ служить первымъ и вѣрнымъ средствомъ къ сближенію туземцевъ съ русскимъ народомъ и русскимъ государствомъ. Поэтому учителя, руководящіе этими школами, должны проникнуться сознаніемъ важности возложеннаго на нихъ правительствомъ учебно-воспитательнаго дѣла и употребить всѣ усилія къ поддержанію учебнаго дѣла во ввѣренныхъ имъ школахъ на высотѣ, соотвѣтствующей важности государственной задачи, осуществляемой этими

¹⁾ Авторъ настоящей статьи стоялъ за фактическій надзоръ надъ мусульманскими школами, а главный инспекторъ училищъ и директоръ народныхъ училищъ не находили въ этомъ надобности.

школами. Они должны убѣжденно относиться къ своему учительскому назначенію, усердно выполнять лежащія на нихъ преподавательскія обязанности, заботясь въ то же время о привлеченіи во ввѣренныя имъ училища возможно большаго числа дѣтей, какъ русскихъ, такъ особенно туземцевъ. При фактическомъ выполненіи школьной программы народные учителя должны заботиться о развитіи въ учащихся не только умственныхъ способностей, но и нравственныхъ качествъ, о воспитаніи дѣтей вообще, въ широкомъ смыслѣ слова. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи народные учителя въ школахъ обязаны подавать примѣръ личнымъ своимъ поведеніемъ не только дѣтямъ, но и всему населенію данной мѣстности. Являясь почти единственными представителями русской образованности, учителя русскихъ и русско-туземныхъ школъ на своихъ урокахъ обязаны стремиться къ закрѣпленію въ умахъ и сердцахъ дѣтей туземцевъ мысли о величинѣ и могуществѣ Россіи, принявшей подъ свое покровительство малокультурный, но многообщающій Туркестанскій край, который пользуется внѣшнимъ спокойствіемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ»...¹⁾ Въ виду важности вопроса о народномъ образованіи въ Туркестанскомъ краѣ, новый главный начальникъ края просилъ инспекторовъ народныхъ училищъ усилить наблюденіе за низшими школами края, указывать и исправлять недостатки, замѣченные въ школьномъ дѣлѣ, и побуждать учителей относиться къ своимъ обязанностямъ не формально, но по сознанію лежащаго на нихъ нравственнаго и служебнаго долга.

Въ созванной затѣмъ комиссіи²⁾ вопросъ о туземномъ образованіи обсуждался въ болѣе широкой программѣ, при чемъ директоръ народныхъ училищъ отстаивалъ свою точку зрѣнія на русско-туземныя школы, въ курсѣ которыхъ было предложено расширить программу туземнаго класса, что и было выполнено въ началѣ 1910 года под-

¹⁾ См. «Туркест. Вѣдом.» отъ 21 августа 1909 г. № 177.

²⁾ Въ августѣ 1909.

комиссіей съ участіемъ туземныхъ представителей. О напорѣ за мактабами и мадрасами подкомиссія не разсуждала, и будетъ жаль, если этотъ центральный вопросъ останется неразрѣшеннымъ, ибо жизнь мусульманъ не стоитъ въ одномъ положеніи, а движется впередъ. Для русскаго правительства не должно быть безразлично, въ какомъ направленіи продолжается это движеніе. Я съ своей стороны могу только указать, что мусульманскія школы, предоставленныя самимъ себѣ, продолжали жить и расширяться, а одушевляющій ихъ исламъ крѣпнеть и предъявляетъ христіанскому міру свою силу въ формѣ открытаго перехода христіанъ въ исламъ. Въ газетѣ «Каспій» недавно была напечатана выдержка изъ нѣмецкаго журнала съ добавленіями мусульманина Везирбея въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Если исламъ достигъ расцвѣта во времена халифовъ внѣшнимъ путемъ завоеваній, то успѣхи его распространенія въ настоящее время являются результатомъ интеллектуальной работы и духовной эволюціи. Насколько сильно повсемѣстное распространеніе ислама, видно изъ статьи въ № 47 нѣмецкаго журнала «Ueber Land und Meer», которую мы приводимъ съ дополненіями г. Везирбея въ газ. «Каспій».

«Въ Германіи исламъ имѣетъ передового борца въ лицѣ германскаго уроженца Мухаммедъ-Адилъ-Шмица-де-Мулэнъ, который послѣ долгаго пребыванія на Востока, въ качествѣ инженера, женился на мусульманкѣ и принялъ исламъ. Онъ написалъ въ защиту ислама труды: «Исламъ», «Въ гаремѣ» и «Стамбуль», т.-е. городъ вѣры, въ которыхъ онъ указываетъ, что исламъ ближе стоитъ къ идеямъ христіанства, чѣмъ т. н. «христіанскій міръ», со своей погоней за наживой и наслажденіями, съ нищетой, бѣдствіями и пороками.

«Вслѣдъ за Мухаммедомъ-де-Мулэнъ весьма видными распространителями ислама являются Елена Фолау и ея мужъ Омаръ-Рашидъ-Бей въ Мюнхенѣ.

«Во Франціи недавно образовалось общество подѣ

названіемъ: «Мусульманское братство», въ которомъ принимаетъ горячее участіе г-жа Азизъ-де-Рошельрунь, недавно принявшая исламъ.

«Подъ ея же редакціей на французскомъ языкѣ издается журналъ «Обозрѣніе Востока», цѣль котораго—ознакомленіе французовъ съ исламомъ и содѣйствіе культурному развитію мусульманъ.

«Болѣе значительные успѣхи исламъ дѣлаетъ въ англосаксонскомъ мірѣ, гдѣ возникла въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ масса мусульманскихъ обществъ въ средѣ жителей британскихъ острововъ и англійскихъ колоній. Ими выстроены великолѣпныя мечети въ Лондонѣ, Ливерпулѣ и многихъ другихъ городахъ, основаны мусульманскія духовныя учрежденія, дѣтскіе воспитательные дома; издаются періодическія изданія, газеты, журналы; открываются школы, организуются общества и союзы, такъ, напримѣръ: Дѣтскій пріютъ «Медина», «Братство Ислама», «Братство полумѣсяца» и «Панисламское общество». Послѣднее является центральнымъ союзомъ англійскихъ мусульманъ; цѣль его—содѣйствіе религіознымъ и социальнымъ интересамъ мусульманъ и развитіе въ мусульманскомъ мірѣ борьбы противъ заблужденія и непониманія ислама.

«Самымъ виднымъ представителемъ новаго мусульманскаго движенія въ Англіи является прис. пов. Мухаммедъ-Абдулла-аль-Мамунъ-Сахраварди, индеецъ по происхожденію. Онъ написалъ на англійскомъ языкѣ «Изреченія Магомета», «Начала мусульманской юриспруденціи», «Начала мусульманской теологии», «Шекспиръ и восточная литература», «Терпимость въ исламѣ».

«Изъ англичанъ высшаго общества, принявшихъ исламъ, назовемъ наиболѣе видныхъ: лорда Стэнли офъ-Альдерлея, депутата верхней палаты Паркинсона, адвоката Ле-Мезорье, А. Браунинга, Калита Шендрекка, М. Теона.

«Видными послѣдовательницами ислама являются англичанки: композиторша Дельбастъ, художница А.

Шлорнетъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ г-жа Кваллеамъ, принявшая исламъ со взрослыми дочерьми и сыновьями, изъ коихъ одинъ—Ахмедъ Кваллеамъ-бей—турецкій консулъ въ Ливерпулѣ, другой Сейки Кваллеамъ-бей—шейхъ-уль-исламъ всѣхъ англійскихъ мусульманъ. По его стараніямъ издаются журналы: «The Crescend», «The Islam World». Онъ же написалъ массу книгъ: «Этюды Ислама», «Вѣра Ислама», «Фанатики и фанатизмъ» и т. д.

«Не менѣе значительны успѣхи ислама въ Америкѣ. Глава американскихъ мусульманъ, шейхъ-уль-исламъ Мухаммедъ Александръ Руффель-Веббъ, посвятилъ свою жизнь, силу и капиталы на пропаганду ислама въ Америкѣ. Онъ читаетъ лекціи, издаетъ книги, въ которыхъ знакомитъ американцевъ съ мусульманствомъ; съ этою же цѣлью онъ издаетъ весьма распространенную газету «The Moslim World».

«Число послѣдователей ислама быстро возрастаетъ и въ силу этого въ Нью-Йоркѣ строится мечеть.

«За послѣднее время Австралія также обнаруживаетъ большой интересъ къ мусульманству.

«Таковы результаты духовнаго вліянія ислама въ христіанскихъ странахъ».

Къ этому нужно прибавить, что и въ нашемъ православномъ отечествѣ въ послѣднее пятилѣтіе исламъ проявилъ если не силу, то во всякомъ случаѣ необыкновенную энергію къ обнаруженію своей внутренней силы: десятки тысячъ прежде крещеныхъ инородцевъ обратно перешли въ исламъ; много инородцевъ-язычниковъ вновь завербованы исламомъ и,—что особенно печально,—нѣкоторые коренные русскіе люди принимаютъ исламъ, чему были примѣры и въ Туркестанскомъ краѣ... Я боюсь быть плохимъ предсказателемъ, но думаю, что модные примѣры перехода христіанъ и христіанокъ въ мусульманство въ Западной Европѣ и Америкѣ могутъ соблазнить, пожалуй, и какихъ-нибудь русскихъ кавалеровъ и дамъ, когда въ Петербургѣ будетъ окончена постройкой

обширная и красивая татарская мечеть... Преосвященный ректоръ Казанской духовной академіи, епископъ Алексій, недавно участвовавшій въ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ гофмейстера А. Н. Харузина, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для выясненія положенія инородческаго населенія въ поволжскомъ краѣ въ культурномъ отношеніи, въ своемъ докладѣ, представленномъ въ комиссію, отстанвалъ то положеніе, что было бы большой ошибкой полагать, *будто исламъ дремлетъ, и что близокъ часъ ея предсмертной агоніи*. Вліяніе Магомета на его послѣдователей, какъ было, такъ и остается могучимъ, выдвигая время отъ времени изъ среды ихъ цѣлыя толпы вдохновенныхъ проповѣдниковъ ислама, сильныхъ сознаниемъ своего религіознаго единства, которые съ дикой энергіей стараются противодѣйствовать распространенію христіанства и началъ его культуры въ Африкѣ, въ Азій и у насъ въ Россіи. Такое именно пробужденіе мусульманства наблюдается въ послѣднія 25—30 лѣтъ. Можно не соглашаться относительно размѣровъ этого явленія, и принциповъ, на которыхъ оно развивается и проч., но самаго факта отрицать нельзя. «Мусульманскій міръ, говоритъ одинъ изъ современныхъ мусульманскихъ публицистовъ, Ахмедъ-бекъ-Агаевъ,—идетъ по пути преобразования. Кто не признаетъ этой истины, кто не соглашается съ ней,—тотъ слѣпъ. Всюду и идеи, и политическія партіи смѣняются новыми идеями, новыми партіями. Почему же одинъ исламъ могъ бы избѣжать этого закона? Почему онъ долженъ оставаться безъ измѣненія? Отъ Китая до Марокко, отъ Каира до Уфы исламъ находится въ движеніи. Періодъ невѣжества смѣняется эпохой просвѣщенія, угнетеніе и произволъ уступаютъ свое мѣсто свободѣ и справедливости. Мусульмане всего міра должны воспользоваться этимъ моментомъ: отъ этого зависитъ судьба ихъ религіи: или—возрожденіе, или полное разрушеніе». Другой мусульманскій публицистъ, извѣстный поборникъ идей панисламизма, Измаиль Гаспринскій, въ своемъ органѣ (Возрожденіе) обращается ко всему мусуль-

манскому міру съ такимъ патетическимъ вопросомъ. «Мусульманскій міръ! существуешь ли ты? Конечно, ты существуешь. Желаетъ ли ты пробудиться и прогрессировать? Безъ сомнѣнія, ты желаешь этого. Стремись ли ты къ цивилизаціи, жизни, долгоденствію? Да, ты стремишься ко всему этому, потому что отъ тебя требуютъ этого челоѣчество и исламъ. Религіозный и социальный долгъ мусульманъ всего свѣта требуетъ отъ нихъ помощи всѣми зависящими отъ нихъ средствами созыву конгресса (Всемирный мусульманскій конгрессъ въ Каирѣ). Откликнитесь на призывъ, апостолы блага и реформы!». Въ Россіи это движеніе охватило все 30-милліонное мусульманское населеніе: оно замѣчается въ сильной степени на Кавказѣ, въ Крыму, въ Волжско-Камскомъ районѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Одессѣ¹⁾. Заграничными газетами въ свое время было замѣчено, что въ связи съ движеніемъ въ средѣ русскихъ мусульманъ находилось и то обстоятельство, что Турція въ 1907 г. сосредоточила свои войска на кавказской границѣ. Но чтобы дать надлежащую оцѣнку изучаемому движенію, вполне его понять и опредѣлить его историческое значеніе, необходимо знать тѣ принципы, около которыхъ оно сосредоточивается, тѣ идеи, которыми вдохновляются главные дѣятели и которыя они усиливаютъ привить сознанію народной массы мусульманъ, даѣе — самихъ этихъ дѣятелей, чтобы знать, въ какія руки попало такое огромной важности дѣло, и, наконецъ, съ какими практическими послѣдствіями для общественно-политической жизни Россіи соединяется изучаемое явленіе... Главный принципъ, около котораго оно сосредоточивается, составляетъ душу его, — это объединеніе всего мусульманскаго міра подъ эгидой Турціи, т. е. панисламизмъ... Выдающіеся турецкіе и русскіе мусульманскіе публицисты въ послѣднее время усиленно занимаются «открытіемъ» племени, принадлежащихъ къ одной съ ними расѣ, что-

¹⁾ Въ Туркестанскій край это движеніе также проникло, но пока рѣзко не обозначилось.

бы присоединить ихъ къ обще-мусульманской федераціи. Какъ на средство къ достиженію объединенія всѣхъ мусульманъ, указывается на образованіе, которое должно быть религіознымъ и свѣтскимъ ¹⁾. Гаспринскій совѣтуетъ учредить особое общество для объединенія всѣхъ мусульманъ и сближенія съ Турціей, именно въ Каирѣ и Константинополѣ. Ахмедъ-бекъ Агаевъ (въ Баку) въ 1908 г. писалъ, что исламъ нѣкогда исчезъ изъ этого міра; теперь онъ снова возвращается сюда. Государственная жизнь мусульманъ должна быть проникнута духомъ пророка. Мусульманамъ, если они желаютъ создать изъ себя всемірное мусульманское царство, нужны двѣ вещи — армія и деньги. Соединенные единствомъ вѣры и узами братской любви, мусульмане составляютъ армію, а деньги для содержанія арміи могутъ быть собраны въ видѣ священной подати. Для этого необходимо возвратиться къ прошлымъ временамъ и вдохновиться истинными принципами ислама, столь долгое время находившимися въ забвеніи ²⁾.

Такъ взываетъ мусульманскій публицистъ, ратующій за вѣянія свободы и за эмансипацію мусульманскихъ женщинъ и неприлично отзывающійся о покойныхъ и живыхъ русскихъ дѣятеляхъ, коль скоро ихъ взгляды не совпадаютъ съ его взглядами ³⁾. Не нужно напоминать здѣсь, что значить для мусульманина возвратиться къ прошлымъ временамъ мусульманскаго могущества, когда война съ врагами ислама была «священною войною», когда весь человѣческій родъ дѣлился на два враждебныхъ лагеря и когда права христіанъ учитывались по особому регламенту, не допускавшему равноправія между мусульманами и кяфирами не только въ судѣ, но и на улицѣ, на базарѣ и даже въ банѣ ⁴⁾.

¹⁾ О школѣ въ Турціи см. ст. Н. Каринцева въ «Рус. Школѣ» за февраль 1909 г.

²⁾ Желающіе познакомиться съ содержаніемъ доклада преосв. Алексѣя могутъ прочитать его полностью въ «Правосл. Собесѣдникѣ» за текущей годъ, а выдержки изъ него въ «Колоколѣ» за 1910 годъ №№ 1150—1157.

³⁾ Имѣется въ виду грубая статья Агаева, напечатанная въ газетѣ «Каспій» за 1908 годъ.

⁴⁾ См. Права христіанъ на Востокѣ по мусульманскимъ законамъ, сост. Вл. Гиргасъ. С.-Петербургъ, 1865.

Чтобы затемнить русским читателямъ глаза, мусульманскіе публицисты очень усердно печатаютъ и распространяютъ свои излюбленные идеи не только въ Россіи, но и въ Константинополь и даже въ Парижъ. Въ обоихъ названныхъ городахъ русскими мусульманами издаются особые еженедельные журналы, въ которыхъ они желаютъ познакомить съ своими прогрессивными задачами російскихъ же читателей, при чемъ не скрываютъ и своихъ надеждъ на Японію. Въ парижскомъ «Мусульманинѣ» (№ 1, 1910 года) это высказано безъ всякихъ оговорокъ, — съ увѣренностью, что японцы примутъ исламъ и примкнутъ къ всемірному союзу мусульманъ¹⁾. Тогда еще больше получить значенія «Послѣднее слово ислама Европѣ», изъ котораго нѣкоторыя мысли были опубликованы въ Ташкентѣ, но не были достаточно оцѣнены. Издѣсь не мѣсто повторять это²⁾. Намъ отнюдь не слѣдуетъ забывать въ настоящее время, что Турція ввела у себя конституцію; ея примѣру послѣдовала Персія; въ со-

1) Чтобы уяснить значеніе этого изданія и то чувство, съ какимъ относятся къ нему російскіе мусульмане, приводимъ одно изъ писемъ въ редакцію этого журнала, напечатанное въ № 3-мъ отъ 2-го марта 1910 года:

«Дорогіе единовѣрцы! Не нахожу словъ выразить то чувство глубокаго удовлетворенія, которое охватило меня при чтеніи вашего письма. Въ Парижѣ, въ міровомъ центрѣ человеческой культуры и цивилизаціи, издается мусульманскій журналъ.

Какое великое, свѣтлое дѣло!

Мусульманство, могучимъ потокомъ разлившись по всѣмъ частямъ свѣта, имѣло и продолжало имѣть противниковъ, всѣми силами стремящихся затемнить самыя свѣтлыя стороны мусульманства. Благодаря отсутствію защиты, нападкамъ противниковъ крѣпнуть и, надо сознаться, имѣютъ силы. Необходимо дать отпоръ этимъ нападкамъ, нужно имъ отвѣтить: нѣтъ, вы ошибаетесь, званіе торжеству побѣду; мусульманство не кончило своей міровой роли, мусульманство не умретъ, а напротивъ, возродится на новыхъ основахъ и вернетъ свое былое величіе. Въ нашемъ зѣлкѣ расцвѣта науки и интеллигентной мысли такой отпоръ, конечно, можетъ дать только печатное слово, — слово, сказанное не на одномъ лишь нашемъ родномъ языкѣ, но и на языкахъ, завоевавшихъ себѣ міровое распространеніе. Однимъ изъ такихъ языковъ въ послѣднее время является также русскій. Вы, дорогіе единовѣрцы, являетесь пионерами въ этомъ великомъ дѣлѣ въ одной изъ самыхъ культурнѣйшихъ странъ — во Франціи. За это вамъ спасибо и душевное машалла... Тысячу тысячъ пожеланій успѣха! Работайте на объединеніе интеллигенціи, работайте въ пользу нашихъ единовѣрцевъ, нашего миллета — Миллете хизметъ бошкитмезъ!».

2) См. «Коранъ и прогрессъ», изд. въ Ташкентѣ въ 1901 году. Больше всего хлопотъ отъ этого движенія мусульманъ приходится на долю Россіи, самой исторіей и географическимъ положеніемъ поставленной въ тѣсное соприкосновеніе съ міромъ ислама.

сѣднихъ Бухарѣ и Авганистанѣ были, по слухамъ, распространяемы прокламаціи, а въ Индіи внутреннее движеніе серьезно беспокоитъ англійское правительство. И въ Туркестанѣ мы не можемъ считать себя застрахованными отъ подобнаго движенія, въ смыслѣ панисламскихъ возжелѣній, если не въ скоромъ времени, то не въ отдаленномъ будущемъ. Это—мое личное убѣжденіе, не претендующее на всеобщее признаніе.

Какими же средствами располагаемъ мы для борьбы или пока для противодѣйствія надвигающейся грозѣ, именно грозѣ? Школы, и прежде всего школы, могутъ помочь намъ, какъ правителямъ обширной, разноплеменной и иновѣрной окраины, соприкасающейся съ Турціей, Персіей, Бухарой, Хивой, Авганистаномъ, Кульджаей, Кашгаромъ и, пожалуй, Индіей¹⁾. Новый начальникъ края, по примѣру своихъ предшественниковъ, придаетъ особенно важное значеніе начальному школьному образованію, считаетъ его важнымъ русско-государственнымъ дѣломъ, отъ надлежащей постановки котораго зависитъ дальнѣйшее культурное развитіе Туркестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мощь Россіи, принесшей столько жертвъ на обладаніе и устроеніе края. Но можно ли довольствоваться въ этомъ случаѣ только русско-туземными школами, игнорируя гораздо болѣе многочисленные и, несомнѣнно, болѣе вліятельные среди населенія мактабы и мадрасы.

Другого отвѣта, какъ отрицательнаго, въ этомъ случаѣ быть не можетъ и не должно. Къ 1 января 1909 г. во всѣхъ областяхъ Туркестанскаго края русско-туземныхъ школъ не насчитывалось и одной лишь сотни съ самымъ большимъ числомъ учащихся въ нихъ дѣтей туземцевъ до трехъ тысячъ²⁾, а мактабовъ считается 5543 съ круг-

1) Авторъ ст. «Фабричное производство и кустарное издѣліе» (№ 3 журн. «Мусульманинъ») говоритъ: «нужно позаботиться о молодомъ поколѣніи и подготовить его къ борьбѣ соціальной. Самое вѣрное средство, это—школы, школы и еще разъ школы. Кроме научныхъ предметовъ, въ нихъ должны изучаться ремесла, способныя дать окончившему курсъ средства къ жизни»...

2) точной статистики нѣтъ, потому что во многихъ школахъ число учащихся дѣтей въ теченіе года очень замѣтно колеблется, а въ нѣкоторыхъ многіе ученики только числятся, какъ приходилось слышать.

лымъ числомъ учащихся въ нихъ до 70 тысячъ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду 31 мадрасъ съ 9 тыс. взрослыхъ, иногда пожилыхъ, учащихся. Я думаю, что всѣхъ старо-мусульманскихъ школъ (мактабы и мадрасы) въ краѣ можно предполагать шесть тысячъ съ 80 тысячами учащихся, а можетъ быть и болѣе, особенно если принять въ расчетъ незарегистрированные такъ называемые «ново-методные мактабы» и школы для дѣвочекъ, обыкновенно учету не поддающіяся. При этомъ соображеніи во всемъ Туркестанскомъ краѣ можно считать до ста тысячъ дѣтей и взрослыхъ обоего пола, учащихся въ старыхъ мусульманскихъ школахъ, на самое большое 3 тысячи мальчиковъ, обучающихся въ русско-туземныхъ школахъ. Прибавьте къ этому несравнимое вліяніе учителей тѣхъ и другихъ школъ на туземное населеніе: въ одномъ случаѣ—люди взрослые, иногда весьма ученые и авторитетные, а въ другомъ—молодые юноши, рѣдко взрослые и почти всѣ русскіе, не могущіе оказывать вліянія на мусульманское населеніе, да и не стремящіеся къ этому, какъ почти всѣ русскіе чиновники въ краѣ.

Да простятъ мнѣ соотечественники мое искренно-скорбное заключительное слово: огромное большинство насъ—плохіе культуртрегеры, не только не подготовленные къ своей службѣ въ иноплеменномъ и иновѣрномъ краѣ, но и не стремящіеся выходить изъ узкой рамки чиновниковъ, смотрящихъ на службу въ Туркестанѣ, какъ на этапъ въ своей служебной карьерѣ. Особенно это замѣчается въ послѣднее десятилѣтіе, когда даже генералъ-губернаторы смѣняли одинъ другого очень часто. Покойный устроитель края, К. П. фонъ-Кауфманъ, помимо своихъ выдающихся личныхъ заслугъ, дорогъ краю и своею долгою службой въ немъ. смертью и своею могилой: онъ находилъ для себя почетнымъ быть похороненнымъ въ Ташкентѣ, такъ какъ и тутъ—«русская земля» и въ ней «не стыдно лежать русскому человѣку»...

Итакъ, возвращаясь къ началу, скажу, что нельзя оставлять безъ вниманія и безъ надзора многочисленные

мусульманскіе мактабы и мадрасы. Пора сознаться въ своей ошибкѣ относительно ихъ предполагавшейся нежизнеспособности и взять ихъ въ свои руки; подъ вліяніемъ ошибочнаго взгляда на туземныя школы, мы не охранили киргизъ отъ вліянія сартовъ и татаръ, а въ будущемъ можемъ не удержать подъ своимъ вліяніемъ и сартовъ; если же мы, русскіе, откажемся отъ мусульманскихъ школъ, то онѣ подпадутъ подъ вліяніе татаръ и притомъ не тѣхъ старыхъ татаръ, которыхъ зналъ покойный К. П. фонъ-Кауфманъ, а новыхъ татаръ, младо-татаръ, стремящихся къ прогрессу и единенію съ мусульманами всего міра ⁴⁾. Первый генералъ-губернаторъ могъ объ этомъ и не думать, а намъ, современникамъ «турецкаго единенія и прогресса» нельзя закрывать глаза на дѣйствительный и грозный фактъ и не принимать соответствующихъ мѣръ; иначе мы останемся при однихъ словахъ, а татары сдѣлаютъ за насъ дѣло, котораго поправить будетъ уже нельзя.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ. 23 февраля 1910 года.

⁴⁾ Полезно при этомъ имѣть въ виду ст. Багина о дѣятельности татаръ въ послѣднія пять лѣтъ (напечатана въ «Прав. Собесѣдникъ», 1909 г. июль — сентябрь).

Городъ Алмалыкъ и Мазаръ Туглукъ-Тимуръ-хана.

Въ сторону (налѣво) отъ дороги, ведущей изъ Джаркента въ г. Кульджу, на лѣвомъ берегу р. Хоргоса, впадающей въ р. Или съ правой стороны, находится въ разстояніи (по прямому направленію отъ нашего Хоргосскаго (№ 2) поста или выселка Николаевскаго) десяти верстъ сел. Мазаръ¹⁾ съ могилой Туглукъ-Тимуръ-хана.

Въ сел. Мазаръ можно попасть или верхомъ, или въ экипажѣ изъ сел. Николаевскаго. Верхомъ можно переѣхать прямо изъ выселка Николаевскаго или села Хоргосскаго (Чай-Пузуль) на сѣверо-востокъ; въ экипажѣ же путь лежитъ черезъ китайское сел. Чимпандзи, ибо проѣхать прямо на Мазаръ препятствуютъ арыки. Отъ Чимпандзи Мазаръ находится верстахъ въ двѣнадцати, отъ нашего же поста № 2 Чимпандзи отстоитъ верстахъ въ шести, поэтому черезъ Чимпандзи путь на Мазаръ будетъ составлять около 18 верстъ.

Между р. Хоргосомъ и сел. Мазаромъ съ могилой Туглукъ-Тимуръ-хана находится масса развалинъ древнѣйшаго и знаменитѣйшаго города Алмалыка.

Алмалыкъ впервые упоминается незадолго до монгольскаго владычества въ качествѣ столицы кочевого владѣтеля Озара, который сначала былъ разбойникомъ и ко-

¹⁾ Въ Илискомъ краѣ два сел. Мазара. Описываемый — западный или Хоргосскій Мазаръ, и за Кульджею—восточный или Боробогусукскій Мазаръ съ могилой Увейсъ-хана.

нокрадомъ, потомъ овладѣлъ со своей шайкой нѣсколькими городами; послѣ усиленія монголовъ онъ добровольно подчинился Чингизъ-хану; его династія, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ поколѣній, продолжала владѣть кульджинскимъ краемъ. Мѣстоположеніе Алмалыка точнѣе всего опредѣлено въ маршрутѣ Чань-Чуня, который помѣщаетъ городъ на разстояніи одного дня пути къ западу отъ выхода изъ перевала Талки, или вѣрнѣе изъ Талкинскаго ущелья, которое соединяетъ долину Или съ долиной Бороталы. Талки имѣетъ внутри нѣсколько китайскихъ пикетовъ; лежитъ на Императорской дорогѣ. При монгольскомъ владычествѣ черезъ Илійскую долину проходилъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ путей изъ Западной Азіи въ Восточную, что должно было способствовать возвышенію главнаго города края, Алмалыка. Отъ Отрара до Алмалыка считалось 45 дней пути, отъ Алмалыка до Бишбалыка (столицы Уйгуріи)—двѣ недѣли. Въ качествѣ главнаго города джагатайскихъ владѣній, въ которомъ часто жили ханы, Алмалыкъ былъ однимъ изъ центровъ дѣятельности сперва несторианскихъ, затѣмъ средневѣковыхъ европейскихъ миссіонеровъ, распространявшихъ католичество въ монгольскихъ владѣніяхъ; въ въ 30 годахъ XIV в., при ханѣ Дженкши, католики имѣли въ Алмалыкѣ епископа и прекрасную церковь. Дѣятельности католиковъ положило конецъ кровавое гоненіе противъ христіанъ, возбужденное въ 1339 или 1340 г. Али-Султаномъ.

Смуты, начавшіяся въ XIV в. и продолжавшіяся до XV, привели къ разоренію Илійской долины, какъ и всего остальнаго Мугулистана. Уже при Бабурѣ Алмалыкъ, какъ и Таразъ, болѣе не существовалъ. Слѣды его однако въ XVI в. были еще видны, судя по описанію Мухаммедъ-Хайдара. «Другой большой, извѣстный городъ -- Алмалыкъ; мѣстоположеніе его и теперь можно опредѣлить; тамъ находится гробница Туглукъ-Тимуръ-хана и слѣды крайне удивительнаго города. Куполь гробницы отличается большой высотой и велико-

дѣлѣмъ; на немъ изъ мозаики сдѣлана надпись: въ моей памяти уцѣлѣло (только) одно полустипише: «этотъ дворець—работа мастера Шарбафа». Изъ этого видно, что строитель былъ родомъ изъ Ирака, гдѣ ткачей называютъ шарбафами. Насколько я помню, на куполѣ обозначенъ годъ 760-й съ чѣмъ-то».

Туглукъ-Тимуръ, умершій въ 764 г. Гиджры (1362—63 гг. по Р. Хр.), первый изъ владѣтелей восточной части Джагатайскаго улуса, сдѣлался мусульманиномъ (въ Мавераннагрѣ ханы принимали исламъ и раньше).

Насколько гробница Туглукъ-Тимура была известна еще въ прошломъ столѣтїи, видно изъ отчета капитана Унковскаго, ѣздившаго въ 1722 г. посломъ къ хуньтайчжи Цэванъ-рабтану. Унковскій помѣщаетъ гробницу въ 2-хъ верстахъ отъ мѣста своего ночлега на берегу рѣчки Алимту; преданіе о принятїи Туглукъ-Тимуромъ ислама приводится у него, очевидно, со словъ мѣстныхъ жителей въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ оно рассказано въ Тарихи-Рашиди и у Абулгази ¹⁾.

Къ сѣверо-западу отъ мазара Туглукъ-Тимуръ-хана расположилось селеніе Мазаръ, жители котораго, таранчи, занимаются хлѣбопашествомъ. Сюда съѣзжаются много земледѣльцевъ и изъ нашихъ предѣловъ, преимущественно изъ Джаркентскаго уѣзда, ибо окрестныя мѣстности удобны для хлѣбопашества и отлично орошены; воды здѣсь очень много.

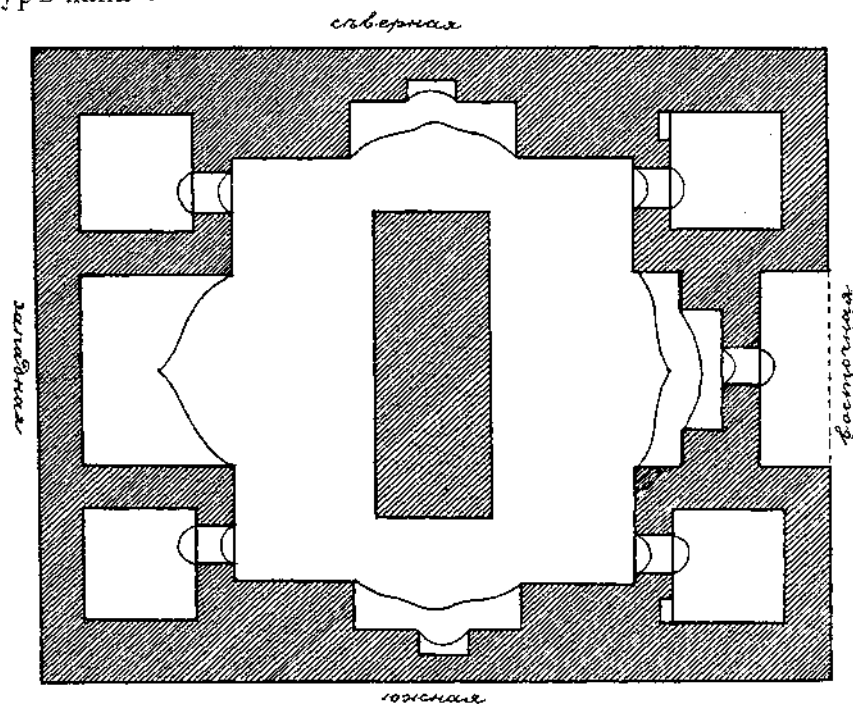
Мазаръ расположенъ фасадомъ на востокъ, къ сторонѣ селенія, и отъ послѣдняго отдѣляетъ его только большое кладбище, на полверсты ²⁾. По фасаду ширины

¹⁾ В. Бартольдъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью въ 1893 и 1894 гг., стр. 63, 64, 65.

²⁾ В. В. Бартольдъ говоритъ, что «онъ (мазаръ) находится въ 1 верстѣ отъ таранчинскаго селенія Хоринъ-Мазаръ». Что такое Хоринъ мы, проведши около мазара почти мѣсяцъ въ сообществѣ тысячи людей, не могли добиться значенія этого слова. Такого названія (Хоринъ-Мазаръ) мѣстные жители не знаютъ, а просто именуютъ Туглукъ-Тимуръ—ханъ-мазаръ и Шейхъ-Мухаммедъ—Садыкъ—мазаръ. Хоринъ по-монгольски значитъ двадцать; по-мавѣджурски—садокъ, клетка для птицъ.

5½ сажень (или 16½ арш.), длиной здание около 7 сажень (или 20 арш. 12 верш.), высота его 7½ саж.

Здание выстроено не изъ китайскаго кирпича, а изъ жженога краснаго кирпича сартовскаго приготовления. Это—единственное здание въ Илійскомъ краѣ, построенное не изъ китайскаго кирпича. Кирпичи, по показанію мѣстныхъ шейховъ, «дѣлались сартами при эмирѣ Кюргенъ (Гюреганъ), жена котораго была дочь Туглукъ-Тимуръ-хана».

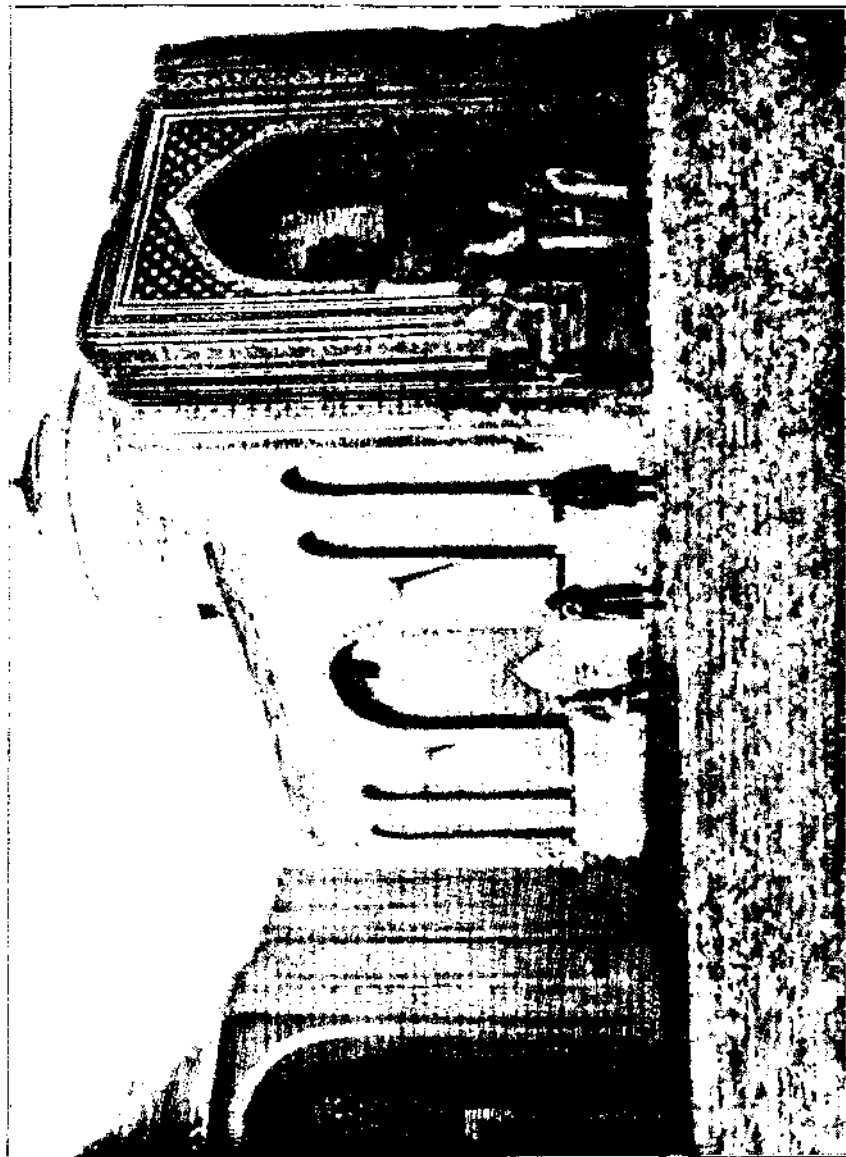
Масштабъ въ одномъ дюймѣ 5 аршинъ

Планъ мазара Туглукъ-Тимуръ-хана.

Фасадная часть съ входною дверью вся украшена изразцами; остальные же стѣны и куполъ представляютъ собою простую кирпичную кладку. Стѣны даже не были оштукатурены.

Надписи на фасадѣ идутъ въ двѣ линіи. Верхняя часть съ надписями разрушилась и прочитатъ теперь ее нельзя.

Анара. Тугуяк-Тугуяк-сана.

То фотограф. Н. Н. Бартоломей.

Срединная надпись надъ входомъ:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 قُلْ اللَّهُمَّ مُلْكُكَ لِلْمَلِكِ تَوَاتَى الْمَلِكِ مِنْ تَشَاءُ وَتَنْزِعُ الْمَلِكِ مِنْ تَشَاءُ
 وَتَعَزُّ مِنْ تَشَاءُ وَتَنْزِلُ مِنْ تَشَاءُ بِدِكْ أَيْدِيكَ أَنْتَ عَلِيُّ كُلِّ شَيْءٍ قَدِيرٌ
 تَوَجُّ إِلَيْنِ فِي النَّهَارِ وَتَوَجُّ النَّهَارُ فِي إِلَيْنِ وَتَخْرِجُ الْمَيِّتَ مِنْ الْمَيِّتِ وَتُدْخِلُ
 الْمَيِّتَ مِنَ الْحَيِّ وَتَرْزُقُ مَنْ تَشَاءُ بِغَيْرِ حِسَابٍ جَلَّ جَلَالُهُ

(Глава 3. Семейство Имрана, стихи 25—26.)

«Скажи: Боже, Царь Царства! Ты даешь царство, кому хочешь, и отъемишь царство, у кого хочешь. Ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь. Благо въ Твоей рукѣ, потому что Ты Всемогущъ. Ты скрываешь ночь во днѣ и день скрываешь въ ночи; изводишь живое изъ мертваго и мертвое изводишь изъ живого; и кого хочешь—надѣляешь потребнымъ для жизни безъ счета. Да возвеличится Его слава!»

По фасаду снизу вверхъ съ лѣвой стороны входа:

السُّلْطَانُ الْمَعْظُمُ مُحَمَّدٌ فِي الْفَضْلِ وَالنِّعَمِ جَامِي جَوَارِ الْإِسْلَامِ
 مَرَاتِعِي زُفْرَةَ الْكِرَامِ الْمَنْصُورِينَ بِمَا الْمَنْظُفِرَ عَلَى الْأَعْدَاءِ مُنْظَهَرِ

كَلِمَتُهُ أَسَدُ الْعَالِيَا مُنْفَرِ الْإِسْلَامِيْنَ فَهْرُهُ كَانَ

«Великій Султанъ, любящій добрыхъ и достойныхъ людей, сохраняющій крѣпость ислама, уважающій толпы добрыхъ людей, съ неба дающій побѣдоносную помощь, побѣждающій непріятеля, обнаруживающій великія слова Божіи, славнѣйшій изъ султановъ по побѣдамъ».

По фасаду сверху внизъ съ правой стороны входа:

سیدالناس الغفران سیمایم زوجتہ الملک الدہر بتعین العصر
فح الجواتن زبده النباء فی العالمین بی شریقاخان
دامت غصتها وطال عمرها وتعل فی المشرق والمغرب

«Самая благородная изъ людей, прощающая, жена падишаха настоящаго времени. Красивая, какъ Балькисъ, уважаемая женщинами, избранная среди женщинъ всего свѣта, госпожа Биби-Фарика. Дай Богъ быть ей всегда красивою; жизнь ея да будетъ длинною; она извѣстна и на востокѣ, и на западѣ».

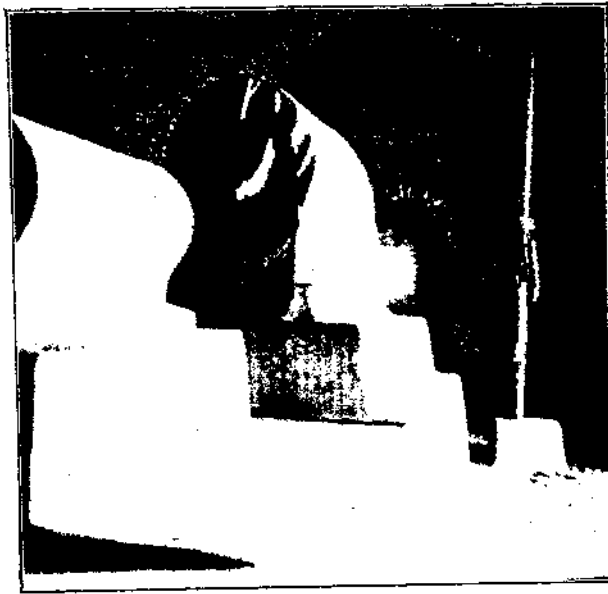
Изразцы, которыми облицованъ фасадъ, цвѣтовъ: зеленого, бѣлаго, голубаго и коричневаго.

Надъ входною дверью находится крупная пробоина. Таранчи толкуютъ, что здѣсь существовала надпись съ датой о времени смерти похороненаго здѣсь лица, сдѣланная золотыми буквами; но солоны, во время осады спасшихся въ зданіи таранчей, сбили эту надпись.

Внутри зданіе имѣетъ 4 сажени длины и 4 сажени ширины.

Стѣны украшены въ нижнемъ этажѣ двойными нишами съ южной и сѣверной сторонъ, съ западной же стороны одинарная глубокая ниша; всего въ нижнемъ этажѣ зданія три большихъ ниши и одна входная у двери. По угламъ въ стѣнахъ сдѣланы четыре маленькія художры съ дверями. Изъ двухъ находящихся направо и налѣво отъ входа

идутъ вверхъ лѣстницы, по которымъ взбираются на крытую галерею, окружающую все зданіе. Я самъ лазилъ наверхъ и ходилъ кругомъ зданія по этой галереѣ. Съ галереи этой также существуетъ ходъ на крышу и на куполь.

Внутренность мазара Туглукъ-Тимуръ-хана.

Въ верхнемъ ярусѣ тоже ниши, а затѣмъ высится куполь.

Посрединѣ зданія тянется сажени на двѣ продолговатое надгробіе изъ кирпичей, обмазанныхъ глиной. Никакихъ камней съ надписями или чего-либо подобнаго нѣтъ ¹⁾. Надгробіе слѣдано аляповато.

Похоронены въ этомъ зданіи самъ Туглукъ-Тимуръ-ханъ, жена его Биби-Каріе и пятеро дѣтей—всего семь человекъ. Такъ толкуютъ мѣстные шейхи, призванные преемственно охранять эти могилы.

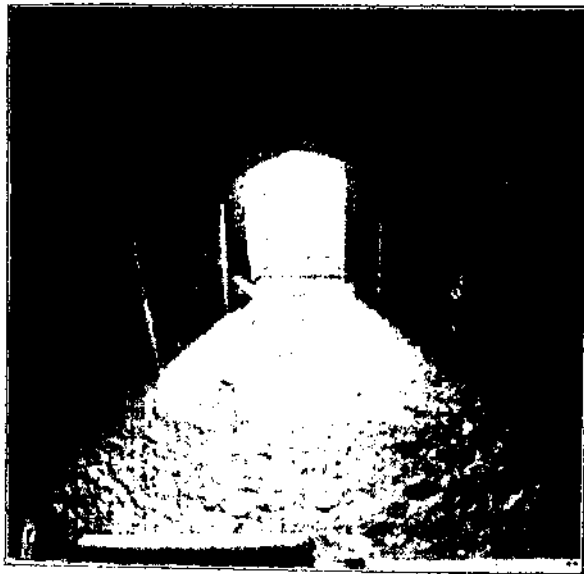
Подземелья, какъ въ самаркандскомъ Гуръ-Эмирѣ, здѣсь нѣтъ и никакого хода въ подполье не существуетъ.

¹⁾ Въ послѣднее время получено свѣдѣніе, что слѣданы кирпичныя надгробія. Снимки съ нихъ прилагаются.

Могилы этихъ семи лицъ заключаются въ склепѣ изъ дерева. Склепъ и могилы видѣли таранчи, когда зданіе

Современныя кирпичныя надгробія въ мазарѣ Тугдукъ-Тимуръ-хана.

Внутренность мазара Тугдукъ-Тимуръ-хана со стороны, противоположной входу. мазара было сожжено солонями. Несмотря на существованіе этого зданія свыше 550 лѣтъ, изразцы и вся кладка

сохранились прекрасно. Отъ зданія старой постройки сохранилась до настоящаго времени только нижняя половина; верхняя часть зданія, по словамъ мѣстныхъ шейховъ-таранчей, была разрушена солонами во время возстанія таранчей въ Илійскомъ краѣ. Мазаръ былъ ими подожженъ и куполь палъ.

Съ водвореніемъ въ краѣ таранчинскаго правительства мазаръ былъ возстановленъ: пришлось сдѣлать новой постройки съ куполомъ до 5 аршинъ. Средства на это были пожертвованы частью таранчинскимъ султаномъ, частью населеніемъ.

Подожженъ былъ мазаръ солонами послѣ того, какъ въ него, спасаясь отъ борьбы съ окрестнымъ населеніемъ, вошли таранчи. Изъ 80 скрывшихся въ мазарѣ таранчей четверо сторѣло¹⁾, остальные спаслись отъ огня.

Ограду вокругъ мазара сдѣлать, по словамъ таранчей, отецъ здравствующаго въ Джаркентѣ богача Вали-Ахуна Юлдашева. Въ общемъ мазаръ съ тѣхъ поръ не ремонтировался. Новая кладка кирпичей не отличается отъ старой и вообще реставрація произведена въ задней части зданія весьма умѣло. Фасадъ-же сохранился въ цѣлости и не былъ поврежденъ; арабскія надписи всѣ существуютъ въ цѣлости и ихъ можно прочесть прекрасно; только въ верхней части надписи сокрушились и отпали, отчего чтеніе не можетъ быть произведено²⁾). Никакой персидской надписи, о которой говоритъ Мухаммедъ-Хайдаръ, теперь незамѣтно.

По разсказу таранчей, въ Самаркандѣ есть мечеть Ханымъ. Самая ханымъ есть дочь Туглукъ-Тимуръ-хана, и этотъ надгробный памятникъ Туглукъ-Тимуръ-хану сдѣлала дочь его Ханымъ.

У мѣстныхъ шейховъ нѣтъ шежере или біографіи о

¹⁾ Въ числѣ ихъ погибли Абды-Вали-шейхъ и Муфта-Вали-шейхъ, братья нынѣшняго шейха у мазара Туглука-Тимуръ-хана по имени Багра. Багра-шейхъ имѣетъ теперь 46 лѣтъ (въ 1902 году); тогда было ему 6 лѣтъ.

²⁾ Совсѣмъ не то говорится у В. В. Бартольда, стр. 65. Онъ говоритъ, что «новая кладка кирпичей замѣтно отличается отъ старой», «надписи (арабская) есть только въ верхней, новой части зданія».

Туглукъ-Тимуръ-ханъ. Они говорятъ, что шеджере погибло во время возстанія таранчей въ началѣ 60 годовъ. Смутно они указывали, что шеджере должно быть у таранчей, живущихъ близъ Чилика (сел. Запцевскаго), или въ Талгаръ (сел. Алексѣевское) у казія Таира-хаджи, или же въ сел. Карамъ.

Шеджере или тезкере сгорѣла во время сожженія и разграбленія солонами сел. Мазара. Она хранилась у шейха Аибъ-хаджи, который ушелъ въ 1901 году вторично въ Мекку. Остался здѣсь сынъ его Мустафа-хаджи. Шейхи довольствуются теперь маленькой книжкой о Туглукъ-Тимуръ-ханъ, составленной Темюръ-Ахуномъ, восьмымъ предкомъ нынѣшняго шейха.

Байнаманъ.

По рассказамъ мазарскихъ шейховъ Туглукъ-Тимуръ-ханъ жилъ на мѣстности Байнаманъ, которая находится на западъ отъ Кера или Кегеня, мѣста, на которомъ бываетъ постоянно международный съѣздъ съ китайцами; жилъ онъ тамъ съ семьей.

Я поѣхалъ съ китайцами и осмотрѣлъ эту мѣстность. Она находится отъ р. Кегени верстахъ въ $3\frac{1}{2}$ —4 къ западу отъ мѣста съѣзда. На площадкахъ пригорковъ мы нашли ясные слѣды жилья—три четырехугольника (торткуль—по-киргизски или дорбульджин—по-калмыцки), обнесенные стѣнами или валомъ; каждый четырехугольникъ въ полверсты длиной и шириной; прекрасно замѣтны мѣста входа внутрь четырехугольника—ворота. Стѣны, конечно, давно изгладились, и мы проѣхали по ихъ возвышенностямъ; у стѣнъ снаружи ровъ. У стѣнъ одного изъ торткулей мы замѣтили кусты карагача и слѣды правильной посадки карагачей снаружи за стѣною или валомъ.

Одинъ торткуль (дорбульджин) отъ другого находятся на разстояніи версты. Между ними ключи, водою которыхъ пользовались жители этихъ мѣстъ. Слѣдовъ строеній внутри

четыреугольниковъ мы не замѣтили: вѣроятно, за стѣною стояли юрты.

Видъ съ этихъ мѣстъ на долину прекраснѣйшій: далеко видны всѣ пункты Илійской долины...

Алматыкъ.

На юго-западъ отъ обонихъ мазаровъ (Туглукъ-Тимуръ-хана и Шейхъ-Мухаммедъ-Садыка) протекаетъ р. Кегень, которая впадаетъ въ р. Или. Поселенія, существовавшія здѣсь прежде, отъ которыхъ остались обширные слѣды и развалины, питались водою изъ рѣкъ: Кегени и Хоргоса. Та мѣстность, которая лежитъ къ сѣверу и западу отъ селеній - мазаровъ, называется Керъ. На Керѣ на р. Кегени бываетъ всегда международный сѣздъ нашихъ и китайско-подданныхъ для рѣшенія взаимныхъ дѣлъ и претензій. На востокъ отъ Кера находится мѣстность Алматыкъ. На Алматыкѣ находится, между прочимъ, горка Азанъ-дунъ или Азанъ-тюбе (тепе), гдѣ святой Аршединъ выкрикивалъ азанъ, привлекая правовѣрныхъ на молитву.

На западъ отъ Кера расположена мѣстность Байнаманъ, гдѣ проживалъ Туглукъ-Тимуръ-ханъ. Названіе Алматы или Алматыкъ носятъ здѣсь многія мѣстности. Кромѣ названія города Алматыка существуетъ названіе рѣки Алматы или Алимату, Алимту. Мѣстность, гдѣ была раньше русская почтовая станція по дорогѣ въ Кульджу, называлась и называется Алимту (или Алматы).

Селеніе Мазаръ-Шейха Мухаммедъ Садыка находится на мѣстности «Алматы-аузы».

На правой сторонѣ р. Хоргоса, у выхода его изъ горы, также есть мѣстность Алматы (или, какъ пишутъ на картахъ, Алмоллы); у Кульджи тоже есть урочище Алматы. Словомъ, вся эта мѣстность по лѣвую сторону р. Хоргоса носила названіе Алматы или Алматыкъ, т.-е. яблочное мѣсто.

Христіанскіе надгробные памятники въ Алмалыкъ.

Съ 1 мая сего года, въ теченіе мѣсяца, я находился въ китайскихъ предѣлахъ, на уроч. Кегень, недалеко отъ нашего пограничнаго Хоргосскаго пропускнаго поста, и состоялъ тамъ представителемъ съ русской стороны на чрезвычайномъ международномъ съѣздѣ русско-подданныхъ народностей съ китайско-подданными, собранномъ для разбора судомъ бievъ взаимныхъ претензій и исковъ. Пребываніе въ этой мѣстности дало мнѣ возможность обследовать мѣстоположеніе древняго Алмалыка и его окрестностей, а также снять нѣсколько фотографій съ мазаровъ Туглукъ-Тимуръ-хана, и Мухаммедъ-Садыка.

Со стороны китайцевъ представителемъ былъ Чжи-дарынъ, начальникъ солоновъ Илійскаго края.

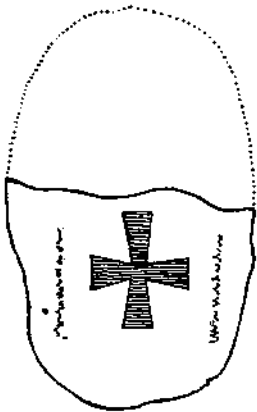
19 мая былъ день рожденія Чжи-дарына и всѣ бывшіе на съѣздѣ отправились въ ближайшее селеніе Мазаръ, гдѣ устроена была байга, на которой наѣзdnиками были малые ребята солоновъ на кунанахъ (четырехлѣтнихъ лошадяхъ).

Поѣздка эта имѣла важные результаты.

Возвратившійся вечеромъ изъ Мазара кульджинскій аксакаль X. привезъ къ находившемуся на съѣздѣ секретарю кульджинскаго консульства камень съ крестомъ и надписью и двѣ монеты — одну серебряную, другую мѣдную.

Камень представлялъ изъ себя только половину своего объема, а другая половина была отбита. На камнѣ крестъ и по обѣ стороны послѣдняго надписи (сирійскія).

Аксакалу камень этотъ и монеты переданы были муезиномъ мазарской мечети Мухаммедъ-Юсупомъ, который нашель ихъ въ развалинахъ огромнѣйшаго древняго города, находящагося на юго-западъ отъ Мазара. Нашель онъ все это года два тому назадъ.

Узнавши, кто былъ нашедшій эти предметы, я пригласилъ его къ себѣ и поѣхалъ съ нимъ на мѣсто находки. Мѣсто это расположено на западъ отъ селенія Мазара верстахъ въ 5-ти. Оно представляетъ группу развалинъ, растянувшихся на обширное пространство въ нѣсколько верстъ, по обѣ стороны р. Кегеня. Многія мѣста разрыты, очевидно, въ поискахъ кладовъ. Такъ какъ послѣднія, впрочемъ, находились здѣсь, то мѣстность эту прозвали Алтунлыкъ-Шагаръ (Золотой Городъ). По р. Кегеню съ правой стороны ея тянутся валы, на которыхъ расположены были, по толкованію мѣстныхъ туземцевъ, водяныя мельницы. При поверхностномъ осмотрѣ этого мѣста, я насчиталъ до 8 такихъ мельницъ. Тамъ онъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ нашеть камень, и показалъ мнѣ кусокъ обломка, оставшагося отъ камня съ крестомъ. Я тщательно осмотрѣлъ этотъ обломокъ, но ничего на немъ не нашеть: на немъ не осталось ни одной буквы отъ надписей, которыя всецѣло находились на первомъ обломкѣ съ крестомъ.

Я просилъ мѣезина поискать здѣсь камней съ крестами и покопать окрестную мѣстность. Мѣезинъ копалъ тамъ дня два, но ничего не нашеть, кромѣ костей ребенка.

Затѣмъ 26 мая онъ утромъ принесъ мнѣ найденный неподалеку отъ того камня другой цѣлый камень съ крестомъ и надписью, снимокъ съ котораго при семъ прилагаю фотографическій и слѣданный типографскими чернилами (№ 2).

Объ этой находкѣ я составилъ актъ. Прочитать надписей никто изъ китайско-подданныхъ не могъ: очевидно, это надписи несторіанскія.

Подобныя же камни найдены мною во множествѣ на несторіанскихъ кладбищахъ около гг. Пишпека и Токмака.

Такимъ образомъ, оба найденныя на Алмалыкѣ камня (мой и секретаря консульства) указываютъ на существованіе въ немъ христіанства.

Здѣсь же, въ развалинахъ, Алмалыка найденъ окрестными солонами камень съ надписью, но безъ креста, снимокъ съ котораго при семъ прилагаю (№ 1).

Камень этотъ передалъ въ мое полное распоряженіе солонъ Фушанъ, алъютантъ илійскаго цзянь-цзюня Іана, присутствовавшій на съѣздѣ. Онъ велѣлъ привзести мнѣ этотъ камень изъ дома своего, находящагося недалеко отъ мѣста международнаго съѣзда.

Кромѣ этихъ остатковъ христіанства доставлены мнѣ недавно изъ Мазара же найденные въ Алмалыкѣ 3 камня съ крестами и надписями (№ 3, 4, 5); камни эти, равно какъ два вышеупомянутые, представлены мною въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

Затѣмъ были присланы мнѣ изъ Кульджи уже въ Вѣрный, при письмѣ отъ Мадина Насырова, два снимка съ камней которые онъ предлагалъ мнѣ пріобрѣсти, какъ найденныя на Алмалыкѣ. Снимки эти при семъ прилагаю. (№№ 6 и 7).

Такимъ образомъ по настоящей день мнѣ извѣстно, что найдено восемь камней на Алмалыкѣ: одинъ хранится въ Кульджѣ у секретаря консульства, два у Мадина-Ахуна Насыръ-Ходжіева и пять пріобрѣтены мною и представлены въ Императорскую Археологическую Коммиссію¹⁾.

Изъ монетъ, мнѣ извѣстныхъ найденныхъ на Алмалыкѣ—одна серебряная, двѣ мѣдныя. Серебряныя и мѣдная хранятся у секретаря Кульджинскаго консульства, другая, мѣдная, послана мною въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Изъ Кульджи же мнѣ доставили серебряную монету, битую въ Алмалыкѣ. Фотографическій снимокъ съ нея при этомъ прилагаю.

Раскопки и поиски камней и вещей на Алмалыкѣ продолжаются мѣстными таранчами китайско-подданными, по моему порученію. За находки платится имъ очень значительное вознагражденіе; такъ, за первый камень я

¹⁾ Затѣмъ получены еще снимки съ 4 камней (№№ 8, 9, 10 и 11), которые при семъ прилагаются.

заплатилъ 15 рублей, а за три послѣдніе — 27 рублей. Мадина Насыровъ предлагалъ мнѣ свои камни и рассчитывалъ получить съ меня болѣе 50 рублей, но я уклонился отъ ихъ приобрѣтенія, ибо, судя по надписямъ, присланнымъ мнѣ Мудиной, камни не заслуживаютъ столь высокаго вознагражденія.

Мѣстность Алмалыка, на которой происходятъ раскопки, называется, по словамъ таранчей, Алтундыкъ-Шагаръ — потому, что китайцы при раскопкахъ находили много золота, коралловъ и др. вещи. Дѣйствительно, мѣстность, какъ я замѣтилъ, вся изрыта и видно множество ямъ.

Кромѣ того называютъ мѣстность эту городомъ Тимуръ; называютъ также Хомуша. Жители этого города отличались «дурнымъ сердцемъ» и въ наказаніе за ихъ злодѣянія съ неба пошелъ каменный дождь, которымъ и уничтожило жителей города. Таково преданіе о прекращеніи существованія этого города. Надгробныя надписи, найденныя въ Алмалыкѣ, прочитаны г. Коковцевымъ и описаніе этихъ надписей помѣшено въ т. XVI, выпускъ 4 (стр. 0,190 - 0,200) «Записокъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества».

Гробница Ширъ-Али-хана.

Рядомъ съ гробницей Туглукъ-Тимуръ-хана (на югъ отъ послѣдней) находится другое зданіе съ гробницею Ширъ-Али-хана,—внука Туглукъ-Тимуръ-хана.

Зданіе это въ томъ же стилѣ, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Имѣетъ по фасаду 3 сажени 2 аршина, въ длину же—4 сажени и $1\frac{1}{2}$ аршина.

Зданіе не имѣетъ нигдѣ никакихъ надписей. Сложено оно также изъ кирпича, нигдѣ не оштукатурено—ни снаружи, ни внутри. Лежитъ въ могилѣ, по словамъ шейховъ, пять труповъ: самъ Ширъ-Али-ханъ, его жена и трое дѣтей.

По рассказамъ таранчей, «Ширъ-Али-ханъ былъ ханомъ послѣ Туглукъ-Тимура, который при жизни еще поставилъ его ханомъ.

Дочь Туглукъ-Тимуръ-хана была замужемъ за Тимурленгомъ и у нихъ былъ сынъ Ширъ-Али-ханъ, — тотъ самый, который и похороненъ въ здѣшнемъ Мазарѣ».

По другимъ рассказамъ, «Ширъ-Али-ханъ есть внукъ Туглукъ-Тимуръ-хана отъ четвертаго потомка и въ мазарѣ лежитъ трупъ только его одного».

Во всякомъ случаѣ, болѣе точныя свѣдѣнія изложены въ прилагаемой запискѣ о Туглукъ-Тимуръ-ханѣ, извлеченной изъ «Тарихи-Рашиди».

Помѣщаемъ ниже свѣдѣнія съ родословіемъ Туглукъ-Тимуръ-хана, извлеченныя изъ книги «Родословіе муллы Темюръ-ахуна», находящейся у муллы города Джаркента Низамеддинъ-ахуна.

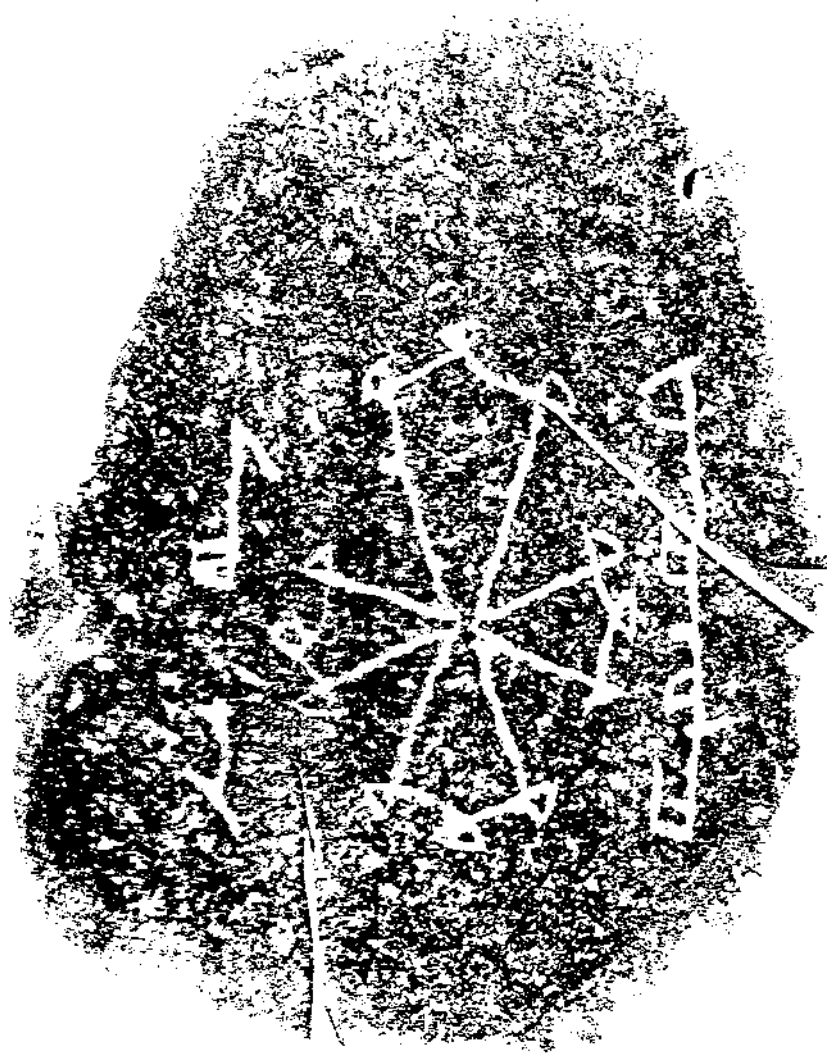
Книга эта составлена на основаніи «Тарихи-Рашиди».

KUMBI, No. 1 r. 1.

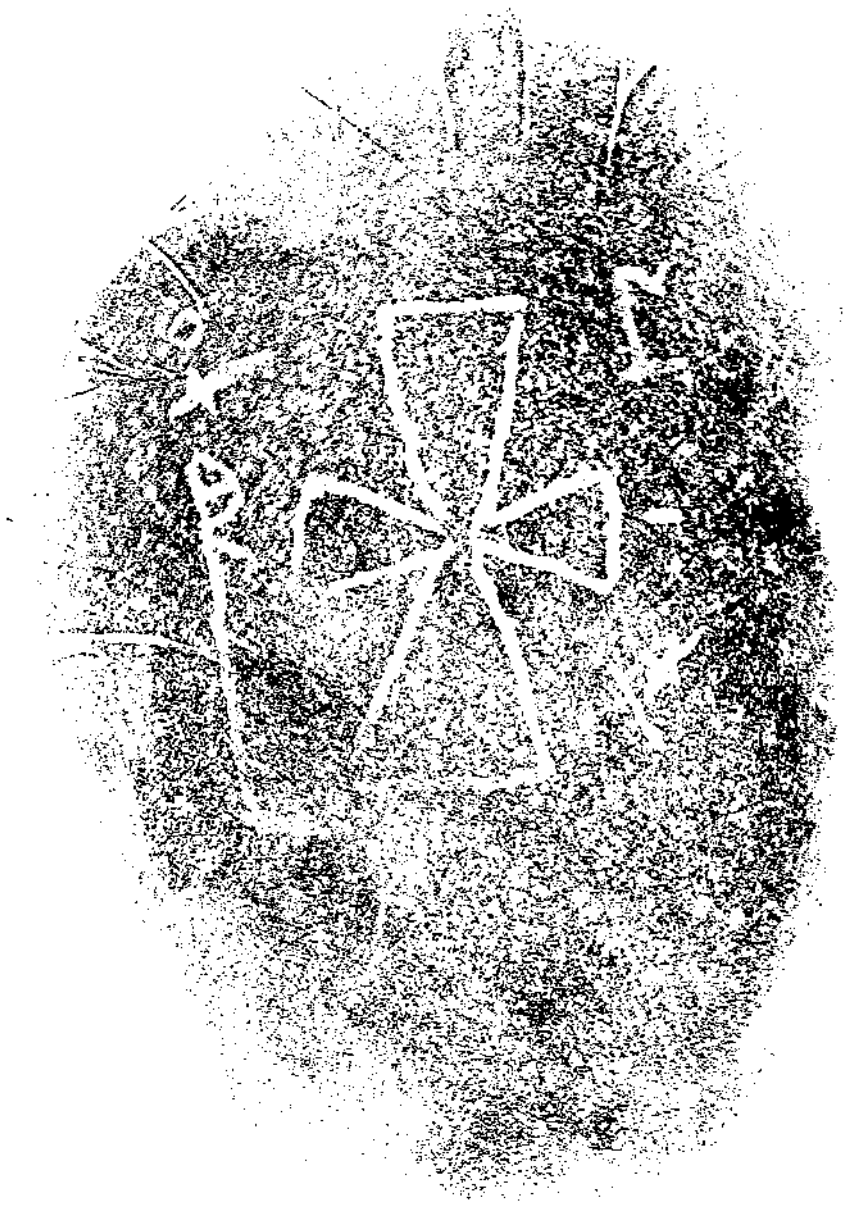
Fig. 1.

Камеш. № 2.

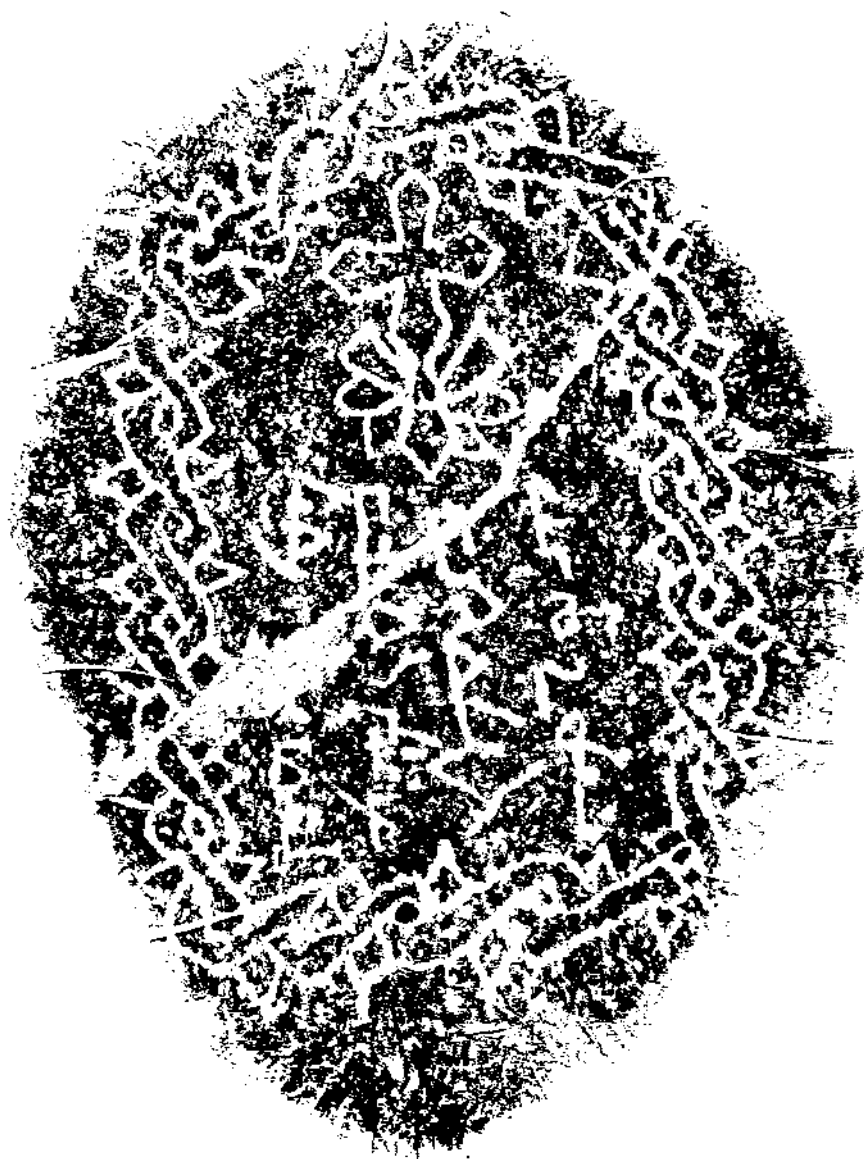
Камень № 3.

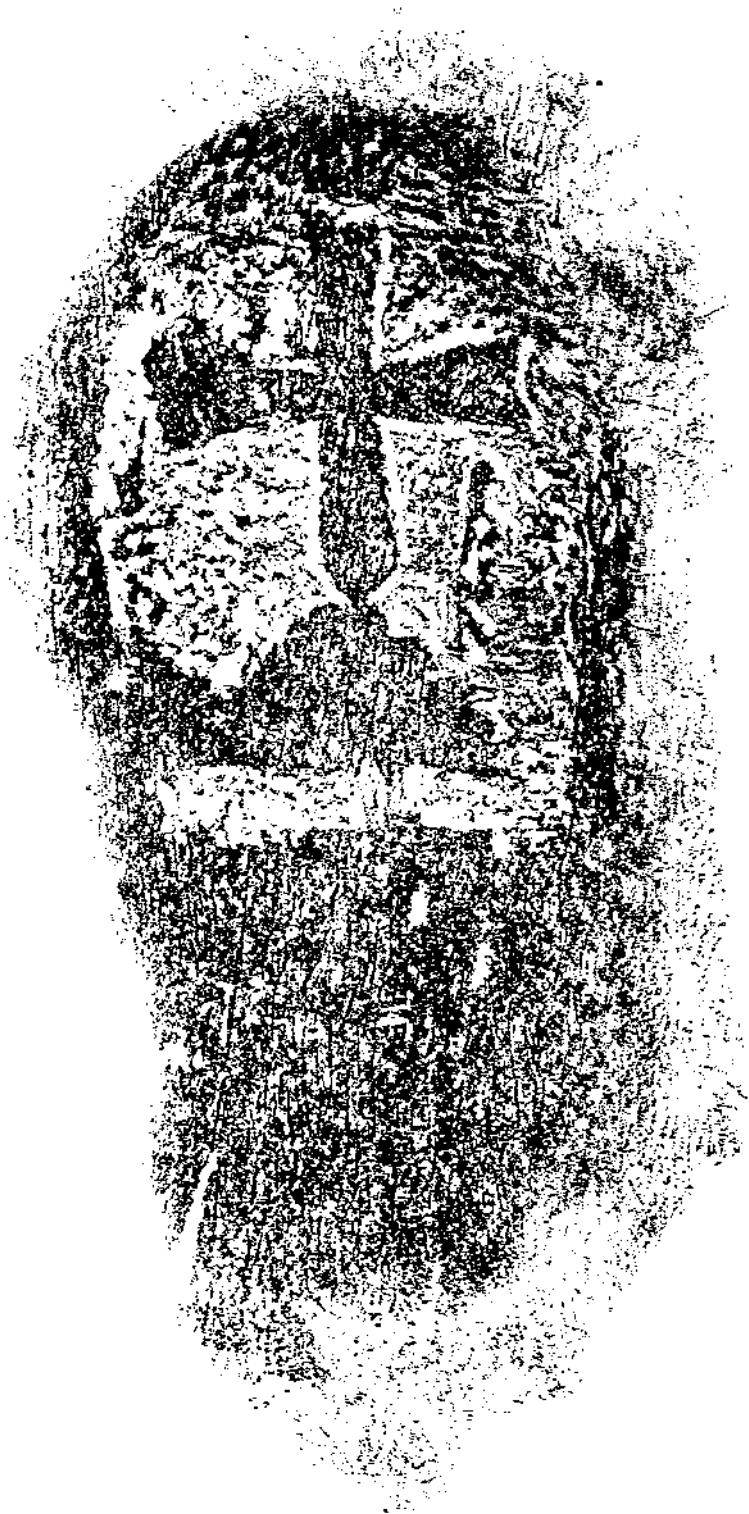
Камень № 4.

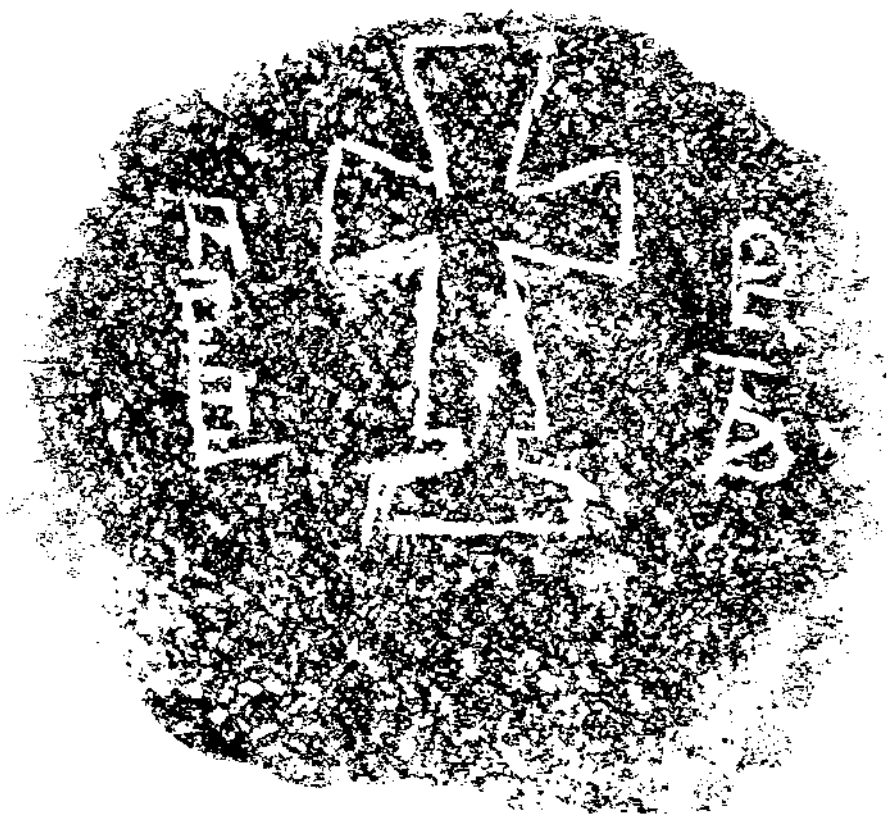

Камень № 5

Камень № 6.

Камея № 8.

Картон № 9.

Качели. № 10. Углубление в центре. Углубление в центре. Углубление в центре.

Камень № 11.

Эти строки излагаютъ воспоминанія о его величествѣ Туглукъ-Тимуръ-ханѣ.

Несомнѣнно и достовѣрно, что священное и благородное происхожденіе Туглукъ-Тимуръ-хана было следующее:

Туглукъ-Тимуръ-ханъ есть сынъ Исханъ-Буга-хана.

Послѣдній есть сынъ Деваджебинъ-хана.

Этотъ есть сынъ Борака.

Боракъ есть сынъ Карабойсувъ-хана.

Послѣдній есть сынъ Мамскей-хана.

Мамскей-ханъ есть сынъ Джагатай-хана.

Джагатай-ханъ есть сынъ Чингизъ-хана.

Чингизъ-ханъ есть сынъ Юсукея.

Послѣдній есть сынъ Бартана.

Бартанъ есть сынъ Кабуля.

Этотъ есть сынъ Тумне.

Тумне есть сынъ Байсынкара.

Байсынкаръ есть сынъ Кайду.

Кайду есть сынъ Думенина.

Послѣдній есть сынъ Бука.

Бука есть сынъ Бузенджиръ-хана.

Бузенджиръ-ханъ есть сынъ Аланку (Аланкула) красивой.

Генеалогія эта восходитъ до Іафета, сына Ноева.

Помянутая Аланку красивая была женщина.

Въ промежутокъ этого времени было много всякихъ происшествій; мы изложимъ ихъ вкратцѣ.

Сынъ Бузенджиръ-хана, Бука-ханъ, исповѣдывалъ религію своего отца и былъ совершеннѣйшимъ мусульманиномъ. Сынъ же его Думенинъ остался малолѣтнимъ и забылъ религію своего отца; никто не далъ ему надлежащаго воспитанія и по сей причинѣ онъ присоединился къ многобожникамъ и обратился въ идолопоклонника.

Теперь, когда мы достигли до Туглукъ-Тимуръ-хана, го должны сказать, что Туглукъ-Тимуръ-хана Всевышній

Господь наставлялъ на путь истины; съ господиномъ нашимъ Джемаледдиномъ имѣлъ свиданіе и разговоръ и назначилъ срокъ на принятіе ислама; но такъ какъ жизнь помянутаго господина нашего не оказала въ этомъ дѣлѣ помощи, то онъ сталъ мусульманиномъ уже въ рукахъ сына его, господина нашего Аршеддина.

Да будетъ извѣстно, что владѣнія калмыковъ мы называемъ Мугулистаномъ—(страной монголовъ).

Царствовать у нихъ послѣ Чингизъ-хана досталось въ наслѣдство Исхакъ-Буга-хану.

У Исхакъ-Буга-хана дѣтей не было; старшая жена его Сатыльмишъ-ханъ не рожала ихъ.

Хотя у него были и другія жены, однако, по калмыцкому обычаю, начальствованіе надъ всѣми женами принадлежало старшей женѣ.

Но однажды Сатыльмишъ-ханъ посовѣстилась и сказала: «я не рожаю, я даю позволеніе, чтобы вы спали на постели также съ вашею женою, которая прозывается Менликъ». Затѣмъ она прибавила: «можетъ статься—появится у васъ ребенокъ и онъ будетъ вамъ преемникомъ».

Послѣ того Менликъ стала беременною. Сатыльмишъ-ханъ приревновала се и отдала Менликъ одному человѣку по имени Ширавуль-Духтуй.

Ширавуль-Духтуй увезъ эту женщину въ мѣсто своего жительства, по обычаю калмыковъ.

Послѣ того, спустя нѣкоторое время, Исхакъ-Буга-ханъ покинулъ сей міръ. Народъ остался безъ главы.

У помянутаго хана былъ одинъ начальникъ въ Аксуйскомъ округѣ. Имя его было Эмиръ-Буладжи. Его родословіе также восходило до Джагатай-хана.

Послѣ того, какъ умеръ помянутый Исхакъ-Буга-ханъ, Эмиръ-Буладжи былъ изумленъ этимъ обстоятельствомъ.

У него былъ одинъ человѣкъ по имени Ташъ-Темюръ. Призвавъ его къ себѣ, онъ сказалъ: «народъ остался безъ главы; весьма возможно, что найдется великій врагъ и сядетъ на мѣсто хана и заставитъ насъ оставить отечество. Прежде чѣмъ это происшествіе обнаружится, на-

добно заняться изысканіемъ средствъ противъ сего. Мы слышали, что женщина Менликъ была беременна отъ Псхакъ-Буга-хана. Ты отправляйся въ Могулистанъ и постарайся тамъ поразвѣдать и найти мѣсто жительства Ширавуль-Духтуя». Онъ отдалъ такое приказаніе.

Послѣ того Ташъ-Темюръ въ образѣ пастуха погналъ триста козловъ и отправился въ Могулистанъ. Въ пути онъ пилъ ихъ молоко и ѣлъ ихъ мясо.

Наконецъ, пробираясь между разными племенами, онъ розыскалъ мѣстожителство Ширавуль-Духтуя. Онъ увидалъ, что какая-то старуха ходитъ и собираетъ тезекъ. Онъ спросилъ у нея: «у Ширавуль-Духтуя сколько дѣтей?» Старуха отвѣтила: «у него двое дѣтей. Одно отъ Псхакъ-Буга-хана; женщина Менликъ была беременна отъ него. Другой же ребенокъ—отъ него родился. Имя его Анджумликъ, а имя ребенка, родившагося отъ Псхакъ-Буга-хана, Туглукъ-Тимуръ-ханъ». Такъ она рассказала.

Ташъ-Темюръ спросилъ: «гдѣ ханскій сынъ?»

Старуха указала въ сторону кучки игрившихъ калмычскихъ дѣтей.

Ташъ-Темюръ пошелъ къ дѣтямъ и увидѣлъ, что на лбу у ханскаго сына запечатлѣлись слѣды счастья.

Онъ сдѣлалъ знакъ въ его сторону.

Ташъ-Темюръ изложилъ ханскому сыну причины своего прибытія сюда.

Посовѣщавшись съ ханскимъ сыномъ, они направились въ сторону къ Аксу.

Когда они прибыли на Музартскій переваль, то ханскій сынъ провалился въ ледяную расщелину¹⁾.

Такое происшествіе привело Ташъ-Темюра въ отчаяніе и онъ сталъ призывать къ помощи. Между тѣмъ вблизи обнаружили караваны.

Начальникомъ одного каравана былъ человекъ по имени Бикчекъ.

Ташъ-Темюръ рассказалъ ему объ этомъ происшествіи.

¹⁾ — гавъ — ледяная расщелина.

Бикчекъ сказалъ: «я самъ спуусь и извлеку ханскаго сына».

Онъ привязалъ себѣ за спину веревку и спустился въ ледяную расщелину. Онъ увидѣлъ, что ханскій сынъ благополученъ.

Онъ съ ханскимъ сыномъ заключилъ условіе и ханскій сынъ сказалъ: «если счастье попадетъ въ мои руки, то я изыщу способы вознаградить тебя за оказанную мнѣ тобою услугу».

Ханскій сынъ далъ такое обѣщаніе.

Послѣ того Бикчекъ сказалъ: «я выйду впередъ, а затѣмъ вытяну васъ. Если же я останусь сзади васъ, то спутники мои изъ зависти меня не вытянутъ».

Сперва вышелъ Бикчекъ, а послѣ него ханскій сынъ.

Вслѣдъ затѣмъ Ташъ-Темюръ доставилъ ханскаго сына къ Эмиру Буладжи. Эмиръ-Буладжи, увидавши хана, чрезвычайно обрадовался и поставилъ его ханомъ надъ всѣми подвѣдомственными себѣ городами.

Въ тотъ годъ, какъ онъ сталъ ханомъ, онъ увидѣлся съ господиномъ нашимъ Джемаледдиномъ и далъ обѣщаніе принять исламъ.

Послѣ того стало извѣстно по всему Могулистану, что Туглукъ-Тимуръ-ханъ возсѣлъ на престолъ.

Каждый день приходили къ нему солдаты, оставшіеся послѣ его отца, и армія его стала огромною.

По прошествіи пяти лѣтъ, онъ явился на Хоргосъ (Кургасъ) въ резиденцію своего отца и тутъ основался, а затѣмъ покорилъ весь Могулистанъ.

Да будетъ извѣстно, что Хоргосомъ называютъ большую рѣку¹⁾. Керъ называется долина повѣше могилы хана. На западной сторонѣ долины Керъ²⁾, на мѣстности, называемой Байманъ, существуютъ дворцовыя строенія ханскія.

1) Владаетъ она въ р. Или съ правой стороны. Теперь она служитъ пограничною рѣкой между русскими и китайскими владѣніями.

2) На этой мѣстности, называемой Керъ или Ке, или Кесень, бывають теперь обыкновенно международныя сѣзды съ китайцами.

Выше ханской могилы есть долина, называемая Алмалыкъ; низовья ея называютъ Алматы-сумуль¹⁾.

На восточной сторонѣ отъ Алмалыка былъ холмъ, который назывался Азанъ-дунъ (возвышенность для призыванія). На этомъ мѣстѣ господинъ нашъ Аршединъ, когда приходилъ сюда по приглашенію хановъ на молитвы, читалъ «азанъ» (призывъ къ молитвѣ).

Наконецъ Эмиръ-Буладжи умеръ. Туглукъ Тимуръ-ханъ на мѣсто его поставилъ эмиромъ сына его, Эмира Хулаада, а старшаго брата Эмира Буладжи, Эмиръ-Тулалака сдѣлалъ визиремъ. Младшій братъ Эмира Буладжи, Камреддинъ, этимъ неудовольствовался и предпринялъ противъ Туглука-Тимуръ-хана непріязненные отношенія.

Наконецъ Туглукъ-Тимуръ-ханъ посадилъ отца его въ своей резиденціи, а самъ послалъ, по прошествіи семи лѣтъ, свое войско въ Мавераннагръ.

Въ первый разъ, когда они пошли, ничего не завоевали; когда же они пошли во второй разъ, то покорили и заняли страны и онъ своего старшаго сына Шлясъ-хана поставилъ государемъ, а эмира Тимуръ-Гургана назначилъ ему везиремъ. На службу къ Шлясъ-хану онъ поставилъ много монгольскихъ князей (бековъ), а надъ этими беками поставилъ беклеръ-бекомъ (старшимъ изъ бековъ) Бикчека.

Послѣ того Туглукъ-Тимуръ-ханъ прибылъ въ свою резиденцію, на Хоргосъ, и основался тамъ.

Вскорѣ послѣ того онъ скончался и отправился изъ сего міра.

Его погребли тамъ.

Въ историческихъ книгахъ приводятся свѣдѣнія, что Туглукъ-Тимуръ-ханъ родился въ 730 году (Гиджры), въ возрастѣ 16 лѣтъ отправился онъ къ Эмиру Буладжи, а въ возрастѣ 18 лѣтъ сталъ ханомъ; 24 лѣтъ онъ сдѣлался мусульманиномъ; 31 года онъ послалъ свое войско въ Маве-

¹⁾ Иначе называется Алматы. Здѣсь во времена русскаго правленія была почтовая станція. Кругомъ росъ хорошей карагачевый лѣсъ; теперь онъ весь вырубленъ живущими здѣсь солдатами.

раннагръ, а въ 764 году онъ умеръ. Прожилъ онъ на семь свѣтъ 34 года. А впрочемъ Господь лучше знаетъ правду.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ ханъ отправился изъ міра сего, Эмиръ-Камреддинъ выступилъ и покорилъ владѣнія хана и умертвилъ потомковъ и родственниковъ его.

Сынъ Туглукъ-Тимуръ-хана, рожденный отъ жены его по имени Мирага, Хазыръ-Ходжа-ханъ, и сынъ Эмира Буладжи, Эмиръ Худададъ, спасались въ горахъ Кашгара и Хотана отъ Эмира Камреддина, скитались тамъ и воспитывались.

Наконецъ умеръ Эмиръ-Камреддинъ. Послѣ его смерти Эмиръ-Худададъ посадилъ ханомъ Хызыръ-Ходжа-хана на мѣсто отца его.

Сынъ Хызыръ-Ходжа-хана есть Мухаммедъ-ханъ; сынъ его Ширъ-Али-ханъ; сынъ Ширъ-Али-хана—Султанъ Увейсъ-ханъ; сынъ этого султана Юнусъ-ханъ, сынъ Юнусъ-хана—Султанъ Ахмедъ-ханъ, сынъ его—Саидъ-ханъ. Сынъ Саидъ-хана есть Абдурренидъ-ханъ. Сынъ послѣдняго—Абдурахимъ-ханъ.

Въ историческихъ книгахъ обо всѣхъ этихъ ханахъ упоминается довольно, но относительно всѣхъ выше-сказанныхъ событій рассказовъ могло бы быть много и мы ихъ сократили. Это приведенное родословіе Туглукъ-Тимуръ-хана изложено сокращенно изъ книги «Родословія муллы Темюръ-Ахуна».

Писано это въ г. Джаркентъ въ 1318 году Гилжры или въ 1900 году по Рождествѣ Христовѣ.

Мазаръ шейха Мухаммедъ-Садыка.

Находится этотъ мазаръ въ верхнемъ селеніи Мазаръ, расположенномъ на мѣстности «Аматы-Аузы», къ сѣв.-вост. отъ мазара съ могилой Туглукъ-Тимуръ-хана, верстахъ въ трехъ.

Селеніе это находится на землѣ солоновъ. Въ этомъ и другомъ селеніяхъ Мазарахъ китайцы опредѣлили къ могиламъ по 8 шейховъ, которые здѣсь живутъ и обра-

батываютъ солонскую землю, давая съ каждыѣхъ 10 хо по 1 хо¹⁾ въ пользу солоновъ.

У могилы Мухаммедъ-Садыка живеть теперь 12 шейховъ, у могилы же Туглукъ-Тимуръ-хана 4.

Въ верхнемъ Мазарѣ, кромѣ этихъ шейховъ, живутъ кашгарлыки и таранчи, которые воздѣлываютъ землю.

Могила Мухаммедъ-Садыка—въ крайне запущенномъ видѣ; на верху зданія крыши нѣтъ, стоятъ бревна для образованія купола, который хотѣлъ устроить нашъ джаркентскій таранчинецъ Закиръ, но онъ не имѣлъ возможности этого сдѣлать послѣ того, какъ прогорѣлъ въ Джаркентѣ на подрядахъ нашимъ войскамъ.

Зданіе могилы представляетъ комнату, къ которой придѣлана другая малая. Въ этой малой—могила Мухаммедъ-Садыка. Надгробіе же посрединѣ большой комнаты, какъ толковали таранчи, «для формы»; а четыре надгробія по угламъ стоятъ, по словамъ таранчей, надъ могилами родственниковъ Садыка.

Вокругъ постройки садъ, въ которомъ я замѣтила иву, сливовыя деревья, урюкъ, тополь и яблони.

Между двумя мазарами Мухаммедъ-Садыка и Туглукъ-Тимуръ-хана находится обширный садъ съ могилами солона Кагаджи, бывшаго учителя въ нашей кульджинской школѣ для толмачей, его отца и братьевъ. Сынъ его Джалафунга состоитъ, въ чинѣ полковника, ухеридой (волостной управитель) у солоновъ, живущихъ въ окрестностяхъ.

Садъ этотъ принадлежитъ Джалафунгъ и имѣеть много фруктовыхъ деревьевъ.

Могилы расположены полукругомъ; въ центрѣ могила отца Кагаджи.

Шейхъ Мухаммедъ-Садыкъ былъ самаркандецъ. Отъ могилы шейха Мухаммедъ-Садыка до Азанъ-тепе около 8 версть.

Отъ этого мазара въ полуверстѣ есть могила Котбудиинъ-Аллямъ. Этотъ святой тоже былъ самаркандецъ.

¹⁾ Хо=3 пуда 30 фунтовъ.

Шейхъ Мухаммедъ-Садыкъ.

Когда родился Мухаммедъ-Салыкъ, то «день затмился, а мѣсяцъ загорѣлся».

Родители его были изъ знатныхъ.

Ученыхъ астрономовъ было много среди народа; были и святые.

По поводу затменія солнца и другихъ явленій, а также по поводу рожденія Салыка, было много толковъ среди святыхъ и ученыхъ.

Духъ пророка Мухаммеда приказалъ родителямъ его во снѣ, чтобы они нарекли имя Мухаммедъ-Салыкъ сыну ихъ и предсказалъ о затменіи солнца и блистаніи луны...

На 1-мъ году сталъ Садыкъ говорить и сталъ произносить стихъ изъ Корана.

يوم لا ينفع مال ولا بنون الا من اتى الله

بقلب سليم¹⁾

Черезъ два дня онъ сталъ говорить другой стихъ:

قال الله هذا يوم ينفع الصادقين صدقهم

لهم جنت تجري من تحسبها الانهار خالدين فيها ابدا

رضى الله عنهم ورضوا عنه ذاك الفوز العظيم²⁾

¹⁾ «Въ день, въ который не помогутъ ни богатства, ни сыновья, а только тотъ, кто придетъ къ Богу съ мирнымъ сердцемъ» (88-ой стихъ изъ 26-ой суры Корана «Поэты»).

²⁾ «Богъ скажетъ: это время—такой день, въ который праведникамъ принесетъ пользу ихъ правда; для нихъ будутъ райскіе сады, по которымъ текутъ рѣки, и они останутся въ нихъ вѣчно. Богъ будетъ доволенъ ими, а они будутъ довольны имъ. Это высокое блаженство». (Стихъ 119 изъ 5-й суры Корана «Трапеза»).

Пока росъ Садыкъ, онъ повторялъ эти два стиха и также зикръ: لا اله الا الله

5 лѣтъ отдали его въ мактабъ.

Когда онъ вошелъ въ училище, то сказалъ:

а четыре стѣны отвѣтили:

السلام عليكم
يا اولى الله
السلام عليكم

Мулла удивился.

Садыкъ занимался въ училищѣ толкованіемъ Корана.

Въ 12 мѣсяцевъ и 5 дней изучилъ Коранъ: понялъ смыслъ Корана и наизусть изучилъ его.

Послѣ того приходили ученики въ училище и онъ преподавалъ имъ тамъ.

Во время рузы во снѣ принесъ ему кто-то шербетъ: онъ выпилъ.

Преподаватели ему сказали, что они не могутъ ему преподавать, такъ какъ онъ совершенно изучилъ все, и потому пусть уходитъ изъ училища.

По 7 году онъ изучилъ всѣ науки и послѣ того самъ сталъ преподавать.

Съ 2-хъ лѣтъ Садыкъ ходилъ въ сапогахъ и штанахъ и никогда не занимался забавами малыхъ дѣтей: всегда пряталъ свои руки въ рукава.

Изъ 24 часовъ и часу не оставался безъ молитвы. По ночамъ молился и не спалъ. Въ три дня ѣлъ одинъ разъ.

Такимъ образомъ онъ прожилъ до 30 лѣтъ.

Съ пророкомъ Хызромъ былъ всегда въ сношеніяхъ.

За это время онъ подготовилъ 100 человекъ ученыхъ.

Являлся Хызръ и уговаривалъ его не бояться творить дѣла Господни.

Два шейха какъ-то явились въ Садыку; они забыли говорить зикры и пришли къ нему и просили научить ихъ. Садыкъ послѣ того сдѣлался шейхомъ.

Въ недѣлю сорока тысячамъ людей онъ подалъ руку (муридамъ) и занялся обученіемъ муридовъ.

Садыкъ приказалъ одному дервишу записать имена его муридовъ, оказалось 125000 человекъ.

Шейхъ-Османъ былъ первымъ муридомъ по списку и помогалъ Садыку въ сообщеніи зикровъ народу.

Послѣднимъ въ спискѣ 125 тысячъ былъ Баба-Саадеддинъ-Каттали.

Садыкъ 25 лѣтъ былъ шейхомъ и занимался муридизмомъ и зикрами.

Была у него ханака, въ которой было 200 худжра.

Онъ выстроилъ только одну ханаку.

Въ серединѣ ханака было маленькое строеніе, въ которомъ помѣщался только одинъ Садыкъ. Тамъ молился онъ.

Каждый день 1000 барановъ, или 1000 рогатыхъ, или верблюдовъ приносились въ жертву назри и на утро ничего не оставалось.

Одинъ дервишъ сказалъ Садыку, что принесенное для назри слѣдуетъ не сразу приносить въ жертву, а по частямъ каждый день и откладывать на черный день.

Садыкъ разсердился и прогналъ его изъ ханака.

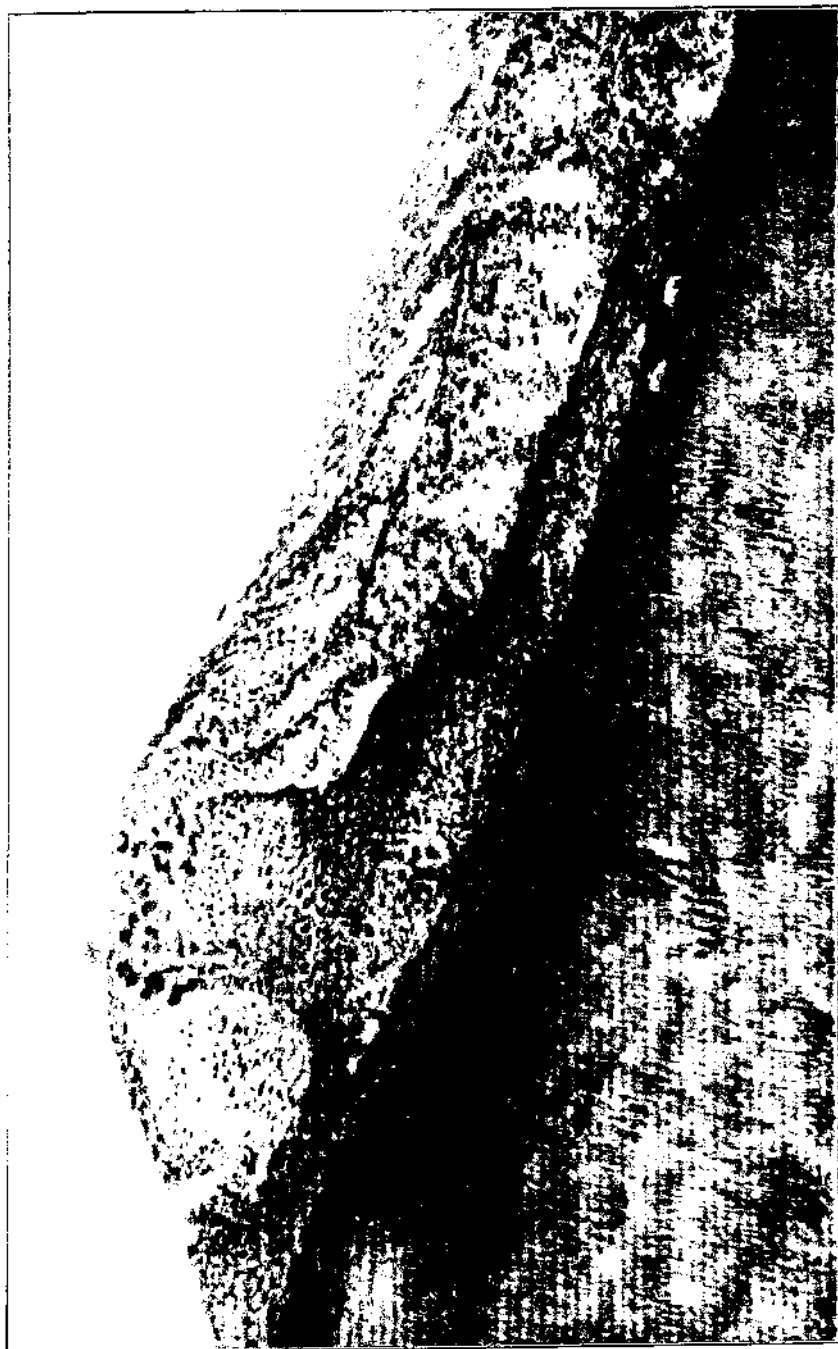
Шейхъ-Османъ какъ-то привелъ на веревкѣ дервиша къ Садыку. Садыкъ сказалъ: «зачѣмъ привелъ его, самъ развѣ онъ не могъ прійти»? Послѣ того изъ рта Садыка вышелъ вздохъ (охъ) и дервиша сожгло.

Послѣ того Садыкъ сказалъ Осману: «ты сдѣлалъ это для меня, ибо у меня на 30 лѣтъ уменьшилась жизнь». Послѣ того онъ позвалъ всѣхъ муридовъ, чтобы поздороваться; Садыкъ имъ сказалъ: «жизнь моя на 30 лѣтъ сократилась, я ухожу изъ сего міра». Всталъ и сдѣлалъ зикръ, преклонился на молитву и умеръ.

Умеръ въ Алмату въ десятый день ру.

Когда умеръ, то одинъ изъ дервишей муридовъ видѣлъ сонъ, что Садыкъ сѣлъ на бѣлую лошадь, на головѣ хорошая чалма и хорошая одежда.

Видѣвшій сонъ спросилъ садыка: «эй, шейхъ, какъ нынѣ дѣла»? Шейхъ сказалъ: «мое положеніе на 100 сте-

Аварг-Тене.

Ца гомор. В. Н. Хангусов.

пеней стало лучше, чѣмъ въ семь мѣрѣ; я обучаю здѣсь 5000 человекъ».

Приведенный выше рассказъ взятъ изъ книги «Тезкере шейха Мухаммедъ - Садыка Бузургвора». Это тезкере находится у шейха Муминъ - Абдуррахимова въ Мазарѣ.

Азанъ-дунъ или Азанъ-тепе.

Верстахъ въ 8 отъ верхняго селенія Мазара къ горамъ на сѣверо-западъ находится горка, называемая Азанъ-дунъ¹⁾.

Это та горка, съ которой мусульманскій святой Аршеддинъ приносилъ, будто бы, Азанъ.

Изольованная горка эта лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Ус Булакъ.

Съ сѣверной стороны она обмыта водою и часть ея свалилась въ глубокий ровъ, тянущійся къ горамъ.

Горка поросла съ трехъ сторонъ травою. На горкѣ нѣсколько валуновъ.

Къ востоку отъ нея маленькая горка, тоже покрытая валунами. На вершинѣ ея обо-собрание камней.

И съ сѣверной, и съ южной сторонъ вокругъ Азанъ-дуна глубокия промоины.

Фотографическій снимокъ съ Азанъ-тепе при семъ прилагается.

Съ этой горы азаномъ призываютъ окрестныхъ правовѣрныхъ на молитву мевляна Аршеддинъ.

¹⁾ Дунъ — возвышенность.

Аршединъ, какъ гласитъ преданіе, не ходилъ въ городъ, ибо боялся жителей его, а пребывалъ постоянно у Азанъ-тепе.

Съ горки этой открывается на далекое пространство прекрасный видъ на окрестную мѣстность съ поселеніями въ Плійской долині.

Н. Пантусовъ.

Легенда о Туглукъ-Тимуръ-ханѣ).

Лѣтъ двѣсти тому назадъ, предводитель калмыковъ Уши-Кечиль, во главѣ несмѣтной силы калмыковъ съ рѣки Волги отправился въ Кульджинскій край. Дойдя до нынѣшняго Семирѣчья, онъ остановился на зимовку на Балхашѣ и по р. Или. Шли они уничтожить китайцевъ, которые занимали роскошныя Илискія пастбища. Китайцы, узнавъ о приходѣ калмыковъ, испугались такой массы калмыковъ и, чтобы погубить ихъ, отравили воду въ рѣкѣ, отъ чего очень много калмыковъ, употреблявшихъ въ пищу воду изъ рѣки Или, погибло, но большая часть ихъ осталась живыми. Уши-Кечиль собралъ старѣйшихъ на совѣтъ, на которомъ рѣшено было, что калмыки погибли оттого, что они не взяли съ собой бога, почему, избравъ 12 стариковъ, послали ихъ въ Россію за богомъ, а сами пошли далѣе.

Отправившіеся въ Россію старики привезли съ собой двѣ иконы—образа Христа и Божіей Матери. Такъ какъ двухъ иконъ было недостаточно для такого громаднаго числа калмыковъ, то послѣдніе, по приказанію Уши-Кечиля, надѣлали изображенія этихъ двухъ иконъ изъ глины, мѣди и серебра. Статую Христа они называли Бурхунъ-Бакиши, а Божіей Матери—Дарки-Бурхунъ.

Когда калмыки занимали берега Балхаша и рѣки Или, то къ нимъ явился киргизъ рода Тезекъ и заявилъ имъ, что онъ беретъ ихъ въ долину рѣки Или.

1) Записана переводчикомъ Г. Л. Асановымъ въ г. Вѣрномъ со словъ одного крещенаго калмыка.

Поступокъ былъ вызванъ боязнью предъ численностью калмыковъ за свой родъ. Звали его Умуръ-Али. По занятіи Илійскаго края калмыками Умуръ-Али былъ награжденъ Уши-Кечилемъ грамотой, коею онъ и весь его родъ ограждался отъ всякихъ посягательствъ разбойниковъ и калмыковъ на его имущество. Вскорѣ послѣ занятія калмыками Илійской долины и послѣ постройки кумирни на мѣстѣ Старой Кульджи, гдѣ главнымъ образомъ калмыки обосновались, Умуръ-Али отправился въ Ланьчжоу къ китайскому хану и доложилъ ему о занятіи края калмыками, о ихъ численности, вѣрованіи и новыхъ законахъ этого края, за что и былъ награжденъ китайскимъ ханомъ краснымъ шарикомъ, грамотой и дворянскимъ званіемъ.

Вернувшись отъ китайскаго хана, Умуръ-Али сказалъ Уши-Кечилю, что скорѣ явятся къ нему китайцы и будутъ воевать съ нимъ, поэтому ему надлежитъ готовиться къ войнѣ, самъ же вернулся въ свои владѣнія, заручившись расположеніемъ той и другой стороны. Черезъ нѣкоторое время, по возвращеніи Умуръ-Али, ханомъ изъ Ланьчжоу былъ посланъ къ Уши-Кечилю Мынь-даженъ съ большими подарками и предложеніемъ мира.

Принявъ подарки и обласкавъ Мынь-дажена, Уши-Кечиль, въ свою очередь, послалъ съ дарами къ хану Цицинъ-хана и Амуръ-сана въ числѣ пяти сановниковъ; ханъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ посольства калмыковъ, что побудило его показать имъ всѣ рѣдкости и драгоценности его ханства.

Посольству поручено было узнать — чѣмъ питаются китайцы, въ чемъ живутъ, что носятъ и во что вѣруютъ, чѣмъ богаты эти страны.

По возвращеніи посольства изъ Ланьчжоу, Уши-Кечиль привелъ въ порядокъ свои войска и раздѣлилъ ихъ на три части; часть ихъ, подъ предводительствомъ Цицинъ-хана и Амуръ-сана, отправилась воевать съ китайцами; часть, подъ предводительствомъ Галдымтына, осталась въ долинѣ Или и третья часть, подъ предводи-

тельствомъ самого Уши-Кечиля, отправилась къ Кашгару: пройдя немного далѣе нынѣшняго Учъ-Турфана, Уши-Кечиль остановился на зимовку и основалъ крѣпость своего имени—Уши¹⁾.

Сарты, узнавъ о приближеніи калмыковъ, явились къ нему съ дарами и заключили миръ и дабы заручиться благосклонностью Уши-Кечиля на будущее время, сартскій ханъ выдалъ за него свою дочь. Покончивъ такъ благополучно дѣло съ сартами, Уши вернулся въ долину Или, но не засталъ тамъ ни Цицинъ-хана, ни Амуръ-сана. Галдымтынъ сталъ говорить Уши-Кечилю, что онъ опасается за жизнь своихъ братьевъ, такъ какъ прошло уже много времени, но свѣдѣній о братьяхъ получено не было.

Приказавъ отыскать проводниковъ, Уши-Кечиль отправился розыскивать своихъ братьевъ, которые все это время дрались съ китайцами, но побѣдить ихъ не могли. Пришедшая неожиданно помощь рѣшила дѣло въ пользу калмыковъ; разбивъ китайцевъ и разгромивъ ихъ богатства, калмыки отправились обратно, при чемъ забрали съ собою и двухъ китайскихъ боговъ—Хутухту и Кокчинъ-Богды; въ бою съ китайцами палъ Цицинъ-ханъ. Боги эти говорили, но когда калмыки довели ихъ до мѣстности Ханинъ, недалеко отъ нынѣшняго селенія Шихо. Боги ихъ перестали говорить, почему калмыки, предвзя какой-то Промысль, остановились и стали строить кумирню. Кумирню эту они хотѣли выстроить настолько большую, чтобы загородиться отъ солнца.

Постройка производилась преимущественно силой плѣнныхъ китайцевъ и продолжалась 30 лѣтъ. По окончаніи постройки кумирня эта простояла три мѣсяца и три дня и рушилась. Черезъ нѣсколько лѣтъ постѣ войны съ китайцами Уши-Кечиль умеръ, а Амуръ-сана, взявъ шесть человекъ своихъ приближенныхъ, ушелъ въ русскіе предѣлы, но на пути на него напалъ Аблай-ханъ и

¹⁾ Уши близъ Учъ-Турфана, на правомъ берегу р. Кокшала. Теперь тамъ одна руины.

взялъ его въ плѣнъ. Проживъ въ плѣну у Аблая-хана 6 мѣсяцевъ, Амуръ-сана сказалъ своимъ товарищамъ, что Аблай-ханъ собирается ихъ убить, поэтому имъ нужно бѣжать. Для побѣга онъ предложилъ имъ такой способъ: онъ сядетъ на своего коня, а они должны были взяться кто за его сѣдло, кто за патрѣю, кто сѣсть ему на спину; когда все вцѣпились въ него, онъ ударилъ по лошади и ускакалъ. Доѣхавъ до Алтынъ-Эмеля, онъ взялъ бабку марала и сталъ гадать, бросивъ нѣсколько разъ бабку, онъ сказалъ, что прѣдетъ изъ русскихъ предѣловъ обратно, мѣстность же эту называлъ Алтынъ-Эмель, что значитъ «золотое сѣдло». На томъ камнѣ, на которомъ стояла его лошадь, остались слѣды копытъ его лошади; въ знакъ же своей остановки на этомъ мѣстѣ, онъ на камняхъ высѣкъ надписи; какъ отпечатки копытъ, такъ и надписи на камняхъ сохранились и до сего времени ¹⁾. Въ Кульдѣжѣ же остался одинъ только Галдымтынъ съ двумя сыновьями Уши-Кечиля—Сартыномъ (или Сартынтыкомъ) и Сапа мыртыномъ. Оставшись одинъ, Галдымтынъ сталъ расширять владѣнія, приобрѣтенныя Уши-Кечилемъ, и завоевалъ всю мѣстность вплоть до нынѣшняго Аулиата. Доѣхавъ до Аулиата, Галдымтынъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его конь, отъ него остался знакъ.

Имъ были изъ камня высѣчены ясли, въ которыхъ онъ кормилъ своего коня, и высѣченъ тамъ же каменный столбъ, за который онъ привязывалъ своего коня ²⁾.

Галдымтынъ рѣшилъ было остаться въ Аулиата, но киргизскія ханы его выдворили, почему ему пришлось вернуться обратно въ Кульдѣжу.

По возвращеніи въ Кульдѣжу, онъ сложилъ съ себя власть въ пользу сыновей Уши-Кечиля, а самъ на своемъ конѣ отправился на р. Текесъ и поселился въ ущельѣ Цигурха, гдѣ имъ также изъ камня высѣчено корыто и столбъ для его коня, сохранившіеся и до нашихъ дней.

¹⁾ Надписи есть около Алтынъ-Эмельскаго перевала. Я не успѣлъ ихъ осмотрѣть и снять фотографіи.

²⁾ Сказаніе относится къ извѣстному Акеръ-Ташу.

Проживъ нѣкоторое время въ этомъ ущельѣ, Галдымтынъ рѣшилъ прорубить дорогу чрезъ Мусунь-Бабань (Бинь-Дабань) и увести калмыковъ во внутренней Китай. Проработавъ нѣсколько дней благополучно, Галдымтынъ замѣтилъ, что поднялся сильный буранъ, но онъ не хотѣлъ уступать стихіямъ и продолжалъ работу; на другой день буранъ повторился, но Галдымтынъ надѣялся осилить его. наконецъ на третій день онъ почувствовалъ сильную слабость и сѣлъ отдохнуть, поставивъ свой кетмень подъ головой у себя—сѣлъ и въ такомъ видѣ замерзъ; мѣсто, гдѣ работалъ Галдымтынъ и гдѣ онъ замерзъ, было видно въ прежнее время, какъ рассказываютъ бывшіе тамъ калмыки; видно ли это мѣсто въ данное время—калмыки эти не знаютъ, такъ какъ давно уже не были на Бинь-Дабанѣ. Послѣ себя Галдымтынъ оставилъ одного сына Тимурь-Тугу-хана или Туглукъ-хана.

Сынъ Уши-Кечиля Сартымтынъ былъ сильный, почему брать его Сапамыртынъ и племянникъ Тимурь-Тугу-ханъ боялись его и искали случая—какъ бы лишить его жизни. Сартымтынъ всегда носилъ при себѣ шашку Уши-Кечиля, которая и могла только срубить голову Сартымтыну. Однажды всѣ они были на озерѣ Сайрамноръ; Сартымтынъ сказалъ своимъ спутникамъ: «если бы у меня была власть подлѣзть подъ землю, то я одной рукой перевернулъ бы ее вверхъ дномъ». Тогда Сапамыртынъ и Тимурь-Тугу-ханъ сказали ему, что онъ это не можетъ сдѣлать, а для примѣра предложили влѣзть въ озеро, а они его заморозятъ, тогда хватить ли у него силы вылѣзть изъ озера; если же хватить силы, то они въ силу его увѣруютъ. Сартымтынъ согласился. Забравшись въ озеро, онъ сталъ на колѣна, а Сапамыртынъ и Тимурь-Тугу-ханъ стали его замораживать; чрезъ три дня, когда они убѣдились, что ледъ достаточно утолстился, они предложили ему выбраться. Сартымтынъ сталъ на ноги и поднялъ на себя весь ледъ. Видя, что уловка ихъ не удалась, Сапамыртынъ и Тимурь-Тугу-ханъ сказали ему, что они условивались заморозить его на ногахъ, а не стоящаго на колѣнахъ,

почему предложили ему опять влѣзть въ озеро и стать на ноги. Сартымтынъ согласился и когда пошелъ въ озеро, то шашку Уши-Кечилиа забылъ на берегу озера. Добравшись до середины озера, Сартымтынъ сталъ на ноги и предложилъ имъ замораживать его. Когда ледъ достаточно окрѣпъ и дошелъ ему до шеи, Сапамыртынъ и Тимуръ-Тугу-ханъ взяли шашку, забытую имъ на берегу, и пустили ее по льду. Шашка покатилаь и отскла Сартымтыну голову, а туловище осталось навсегда въ озерѣ. По этому поводу калмыки говорятъ: «Сартымтынъ санъ залу била уха го дань укува.»

Хотя Сартымтынъ и былъ человѣкомъ сильнымъ, но глупости своей самъ себя погубилъ. Такъ какъ Тимуръ-Тугу-ханъ былъ еще молодъ, то народомъ сталъ управлять Сапамыртынъ. Сапамыртынъ хотя и не способенъ былъ править по смерти брата своего, съ которымъ онъ изъ за соперничества прибѣгъ къ хитрости и убилъ его, но вскорѣ убѣдился, что править краемъ онъ не можетъ; тѣмъ не менѣе ему пришлось остаться на нѣсколько лѣтъ у власти, пока подростетъ малолѣтній въ то время Тимуръ-Тугу-ханъ. Когда Тимуръ-Тугу-ханъ достигъ совершеннолѣтія, то Сапамыртынъ сказалъ ему: «у отца твоего была лошадь Хунь-ху-дзуръ, лошадь эта слишкомъ умная и при случаѣ даетъ наставленія своему хозяину; такъ какъ отецъ твой Галлымтынъ не послушалъ совѣта Хунь-ху-дзура не прорубать дороги чрезъ Бинь-Дабанъ, Хунь-ху-дзуръ, предвидя гибель своего хозяина, ушелъ въ необитаемыя степи; по предсказанію же ученыхъ старцевъ Хунь-ху-дзуръ явится къ тебѣ въ то время, когда ты будешь править народомъ, поэтому, прежде чѣмъ передать тебѣ правленіе, я долженъ женить тебя.»

Выслушавъ предложеніе Сапамыртына, Тимуръ-Тугу-ханъ изъявилъ полное согласіе слѣдовать его совѣтамъ; поэтому, подыскавъ Тимуръ-Тугу-хану подходящую невѣсту, Сапамыртынъ женилъ его и передалъ ему бразды правленія. Послѣ женитьбы къ Тимуръ-Тугу-хану вскорѣ явился Хунь-ху-дзуръ и рассказалъ ему—какъ онъ слу-

жилъ его отцу, служить же Тимурь-Тугу-хану Хунь-ху-дзурь отказался и просилъ его пустить въ лучшей изъ табуновъ, что Тимурь-Тугу-ханъ и исполнилъ. Славъ правленіе Тимурь-Тугу-хану, Сапамыртынъ принялъ на себя санъ Уши (особый монгольскій санъ) и отправился въ городокъ Уши, гдѣ и открылъ монастырь; проживъ до глубокой старости, тамъ въ Уши и умеръ.

Когда жена Тугу-хана родила ему сына, къ нему явился Хунь-ху-дзурь и сказалъ, что одна изъ кобылъ жереба, отъ лба жеребенка будетъ свѣтитъ какъ отъ луны, жеребенокъ съ его сыномъ будетъ летать, какъ птица по воздуху.

Сына своего Тимурь-Тугу-ханъ назвалъ Куикунь-Ноинъ. Предсказавъ о чудномъ жеребенкѣ, Хунь-ху-дзурь скрылся, о чемъ пастухи и сообщили Тимурь-Тугу-хану, который разспросилъ своихъ пастуховъ, не замѣчали ли они чего особеннаго въ томъ табунѣ, гдѣ былъ Хунь-ху-дзурь. Тогда одинъ изъ пастуховъ сказалъ ему, что въ табунѣ есть одна бурая кобыла, которая не ходитъ въ числѣ остальныхъ кобылъ, а бѣгаетъ вокругъ табуна, при чемъ, по всѣмъ признакамъ, кобыла эта жереба, но вотъ уже три года, какъ она не даетъ приплода и не подпускаетъ къ себѣ жеребцовъ. Тимурь-Тугу-ханъ приказалъ пастухамъ взять людей и поймать эту кобылу, кормить ее, пока она не ожеребится.

Черезъ нѣсколько дней пастухи явились и сказали Тимурь-Тугу-хану, что кобыла куда то скрылась.

По прошествіи одного года, кобыла эта явилась сама съ жеребенкомъ-кобылкой сѣропѣгой масти. Когда сынъ Тимурь-Тугу-хана—Куикунь-Ноинъ—достигъ 12-тилѣтнаго возраста, Тимурь-Тугу-ханъ приказалъ привести ему эту пѣгую кобылу, на которой онъ сталъ ѣздить.

Черезъ годъ послѣ этого къ Тимурь-Тугу-хану явился пастухъ и заявилъ ему: «сынъ твой Куикунь-ханъ вчера куда то ѣздилъ на сѣропѣгой кобылѣ; пріѣхавъ, онъ отпустилъ свою кобылу въ табунъ, а самъ удалился

домой; когда я сталъ заворачивать табунъ, то увидѣлъ, что у этой кобылы позади переднихъ лопатокъ есть крылья, которыя она черезъ нѣкоторое время втянула въ себя. О существованіи крыльевъ у этой кобылы Куйкунъ-ханъ знаетъ уже давно, такъ какъ онъ каждый вечеръ ловить эту кобылу, садится на нее и куда-то уѣзжаетъ и у него есть какая то тамъ тайна, почему онъ и скрываетъ отъ тебя о чудномъ свойствѣ своей кобылы».

Тимуръ-Тугу-ханъ приказалъ пастуху привести эту кобылу къ нему; но по осмотрѣ кобылы не нашелъ у нея никакихъ признаковъ крыльевъ. На всѣ разспросы Куйкунъ-Ноинъ отвѣчалъ, что онъ, правда, ѣздитъ на этой кобылѣ въ табунъ съ пастухами и что никакихъ признаковъ крыльевъ у кобылы не замѣчалъ; ѣздитъ онъ на этой именно кобылѣ потому, что она любимая его лошадь и что изъ табуна онъ вообще никуда не отлучался. Между прочимъ узнавъ, что тайну о существованіи крыльевъ у кобылы пастухи открыли, открыли и то, что онъ куда-то по вечерамъ ѣздитъ, Куйкунъ-Ноинъ сталъ болѣе остороженъ. Для того, чтобы совершать свои ежедневныя поѣздки, онъ каждый день сталъ приходить незамѣтно для пастуховъ въ близъ лежащій лѣсокъ, куда къ нему прибѣгала и его кобыла, съвѣ на которую онъ отправлялся въ Кашгаръ на свиданіе къ своей любовницѣ, дочери кашгарскаго хана Джангиръ-Ходжи. Когда Куйкунъ-Ноину было лѣтъ 16, онъ сѣлъ на кобылу и поѣхалъ, но чрезъ нѣкоторое время увидѣлъ, что кобыла его выпустила крылья и понеслась какъ вихрь по воздуху, города мелькали, одинъ другого краше. Проѣзжая однажды надъ большимъ красивымъ городомъ, онъ увидѣлъ сидящихъ въ саду нѣсколькихъ дѣвушекъ, изъ числа коихъ одна особенно выдѣлялась своей красотой и роскошью своего одѣянія; Куйкунъ-Ноинъ былъ пораженъ ея красотой и, спустившись въ этотъ обширный садъ, Куйкунъ-Ноинъ былъ очарованъ прелестью этой дѣвушки; не замѣчая, что творится вокругъ, онъ только смотрѣлъ и смотрѣлъ на очаровавшій его прел-

метъ; очнулся же онъ тогда, когда красавица подошла къ нему и спросила у него: «кто ты, молодецъ, и откуда такъ внезапно явился въ садъ, въ который доступъ всѣмъ мужчинамъ воспрещенъ, кто же осмѣлится нарушить это, будетъ лишенъ жизни отцомъ; но тебѣ же я разрѣшаю остаться и рассказать о твоёмъ загадочномъ появленіи только потому, что ты единственный мужчина, который обладаетъ дивною красотой и такъ смѣло нарушилъ распоряженія моего отца, такого сильнаго и могущественнаго хана».

Куйкунъ-Ноинъ рассказалъ—кто онъ и какъ появился; въ свою очередь спросилъ — кто она, поразившая его своей красотой, одѣянiемъ и прелестью благоуханнаго сада.

Дѣвушка сказала, что городъ, въ которомъ они находятся, Кашгаръ, что она дочь кашгарскаго хана Джангиръ-Ходжи. Молодые люди произвели сильное впечатлѣніе другъ на друга съ первой же встрѣчи; дѣвушка пригласила къ себѣ Куйкунъ-Ноина. Угостивъ его, она просила его пріѣзжать чаще и навѣщать ее.

«Въ этомъ саду,—сказала она—кромѣ меня и монахъ подругъ, никто не бываетъ, поэтому ты, не боясь никого, можешь оставаться у меня даже до разсвѣта, утромъ же ко мнѣ приходитъ старшая няня разбудить меня и одѣть и только тогда присутствіе твое будетъ опасно для насъ обоихъ».

Куйкунъ-Ноинъ вернулся домой, но назавтра опять поѣхалъ на свиданіе. Черезъ нѣсколько дней, почувствовавъ привязанность къ дѣвущкѣ, Куйкунъ-Ноинъ сталъ летать на своей чудной кобылѣ каждый день на свиданіе къ своей любовницѣ, а на ночь возвращался домой.

Поѣздки его продолжались цѣлый годъ, по прошествіи коего у нея родился сынъ, котораго назвали Кумъ-Таджи (Хунъ-Таджи); боясь гнѣва своего отца, дѣвушка хоронила отъ него и няньки свою тайну и ребенка; Куйкунъ-Ноинъ же продолжалъ летать къ своей невѣстѣ. Когда сыну ихъ было уже два года, Куйкунъ-

Ноинъ привезъ своей невѣстѣ въ пазухѣ три кульджинскихъ яблока, но, входя въ двери, одно изъ яблокъ незамѣтно обронилъ, что и послужило открытіемъ ихъ тайны и гибелью чудной кобылы. На утро, когда старуха няня шла разбудить и одѣть свою любимицу, она подняла это яблоко; осмотрѣвъ его хорошенько, она узнала, къ своему удивленію, въ немъ яблоко кульджинской породы. Не сказавъ ничего о своей находкѣ дѣвушкѣ, она показала его хану; ханъ, увидѣвъ яблоко, сильно разгнѣвался на старуху и приказалъ во что бы то ни стало узнать, какъ появилось это яблоко у его дочери, при чемъ высказалъ подозрѣніе, что кто-то былъ у нея.

На другой вечеръ старуха тайно отъ своей питомицы спряталась около ея помѣщенія съ цѣлью дожидаться—кто пріѣдетъ или придетъ къ ней, справедливо предполагая, что если уже кто былъ ранѣе, то явится и послѣ.

Ждать пришлось недолго, такъ какъ чрезъ нѣкоторое время прилетѣлъ Куйкунъ-Ноинъ на своей кобылѣ. Старуха была поражена видѣннымъ.

Куйкунъ-Ноинъ сошелъ съ своей лошади и привязалъ ее къ помѣщенію своей возлюбленной. Ранѣе старуха слышала, что у сына Тимуръ-Тугу-хана есть пѣгая кобыла съ крыльями, на которой сынъ хана куда-то неизвѣстно исчезаетъ, почему, давъ войти въ комнаты Куйкунъ-Ноину, она подошла къ его лошади и стала съ удивленіемъ ее осматривать, при чемъ замѣтила подъ передними лопатками крылья, которыя кобыла вбирала въ себя. Старуха выхвативъ ножъ, отрѣзала крылья, чѣмъ и лишила кобылу способности летать. Лишивъ такимъ образомъ Куйкунъ-Ноина возможности бѣжать, старуха поспѣшила доложить о своемъ открытіи своему повелителю. Чрезъ нѣкоторое время Куйкунъ-Ноинъ и его возлюбленная услышали сильный шумъ, крикъ и говоръ. То шелъ со своею челядью Джангиръ-Ходжа ловить дерзкаго, осмѣливагося нарушить его покой и осквернить своимъ присутствіемъ свѣтлицу его любимицы.

Боясь быть пойманнымъ на мѣстѣ, Куйкунъ-Ноинъ выбѣжалъ изъ комнаты и вскочилъ на кобылу, ударилъ ее нагайкой, но кобыла не двинулась съ мѣста; взглянувъ на лопатки, ея онъ, къ ужасу своему, замѣтилъ кровь и понялъ, что кобыла его лишилась крыльевъ. Въ это время замѣтила его сидящаго на лошади челядь Джангиръ-Ходжи, поймали его, связали и поволокли къ хану. Ханъ опросилъ его, кто онъ, откуда, давно ли знакомъ съ его дочерью, какъ попалъ въ ея теремъ.

Куйкунъ-Ноинъ, видя свое плачевное положеніе и хорошо зная, что своимъ запирательствомъ онъ только повредитъ себѣ и что вернуться въ Кульджу онъ уже лишень всякой возможности, такъ какъ кобыла его лишена крыльевъ, повинился во всемъ предъ Джангиръ-Ходжей. Послѣдній приказалъ обыскать помѣщеніе своей дочери и когда былъ найденъ въ подпольѣ 2-хъ лѣтній сынъ Куйкунъ-Ноина, названный Кумъ-Таджи, и приведенъ къ хану, Джангиръ-Ходжи оставилъ Куйкунъ-Ноина при себѣ, а отцу его Тимуръ-Тугу-хану написалъ письмо, въ которомъ подробно описалъ о своемъ открытіи и сообщалъ ему, что Куйкунъ-Ноину онъ предложилъ принять магометанство, послѣ чего выдастъ за него свою дочь, въ Кульджу же онъ его не пуститъ, такъ какъ, отпуская его, онъ долженъ отпустить съ нимъ и дочь свою, и внука Кумъ-Таджи.

Получивъ письмо Джангиръ-Ходжи, Тимуръ-Тугу-ханъ пришелъ въ ярость и отъ поступка сына и тѣмъ болѣе отъ рѣшенія Джангиръ-Ходжи, который принудилъ его сына измѣнить своей вѣрѣ; собралъ свои войска и пошелъ воевать съ Джангиръ-Ходжей, но былъ разбитъ. Тимуръ-Тугу-ханъ бѣжалъ обратно въ Кульджу, а братъ его Амирсана сдалъ Джангиръ-Ходжѣ, въ мѣстности Тамгутъ, печать хана и въ мѣстности Чуньджи (ключъ) городскіе ключи, отъ чего эти мѣста и получили свои названія, самъ же поссорился съ Тимуръ-Тугу-ханомъ и уѣхалъ въ Россію. Это было во время царствованія Екатерины II. На Алтынъ-Эмель онъ высѣкъ на камнѣ

прощальный привѣтъ своимъ родичамъ, а мѣстность назвалъ «Золотое Сѣдло». (Алтынъ-Эмель).

По возвращеніи съ войны Джангиръ-Ходжа Куйкунъ-Ноинъ принялъ магометанство и былъ объявленъ мужемъ дочери хана.

Проживъ довольно много лѣтъ въ мірѣ, Тимуръ-Тугу-ханъ все же не покидалъ надежды отомстить Джангиръ-Ходжѣ за отобраннаго сына. Однажды узнавъ, что у него есть два непобѣдимыхъ богатыря Алха-батырь и Толха-батырь, Тимуръ-Тугу ханъ отправилъ ихъ къ своему сыну съ просьбой, чтобы онъ выдалъ имъ своего тестя. Куйкунъ-Ноинъ, выслушавъ посланцевъ своего отца, сказалъ имъ, что онъ былъ любимъ Джангиръ-Ходжей также, какъ то было во времена его дѣтства, что онъ Джангиръ-Ходжу считаетъ своимъ вторымъ отцомъ, поэтому рука его не поднимется на благодѣтеля, хотя даже и ради своего отца, что сынъ его объявленъ наслѣдникомъ кашгарскаго ханства, поэтому онъ не приметъ участія въ похищеніи Джангиръ-Ходжи, но ради того, чтобы угодить отцу, онъ разрѣшаетъ имъ дѣйствовать лично отъ себя, миссію ихъ онъ пока сохранить въ тайнѣ. Войска Алха-батыря были въ горахъ, недалеко отъ Кашгара.

Получивъ разрѣшеніе Куйкунъ-Ноина изыскивать способъ плѣнить Джангиръ-Ходжу, батыри запруднили рѣку, имѣя въ виду лишить городъ воды, а затѣмъ затопить его. Узнавъ о намѣреніи батырей, Джангиръ-Ходжа наскоро собралъ небольшое войско и отправился самъ во главѣ наказать дерзость пришельцевъ, но былъ ими разбитъ. Видя свое пораженіе, Джангиръ-Ходжа сѣлъ на лошадь и побѣжалъ обратно въ Кашгаръ, но Алха и Толха—батыри, наблюдавшіе все время за нимъ, видя его намѣреніе укрыться въ городѣ, бросились вслѣдъ за нимъ. Джангиръ-Ходжа, не имѣя возможности убѣжать отъ своихъ преслѣдователей, слѣзъ съ лошади и самъ сдался въ руки противникамъ.

Взявъ Джангиръ-Ходжу, батыри отправились въ об-

ратный путь. Доѣхавъ до окрестностей нынѣшняго Учъ-Турфана, они подѣхали и остановились на ночлегъ около мельницы и обратились къ мельнику съ просьбой дать имъ корму для ихъ лошадей. Мельникъ корму имъ не далъ. Тогда Алха-батыръ сказалъ мельнику: «ты пожалѣлъ для нашихъ лошадей отрубей, но не подумалъ о томъ, что поступокъ твой можетъ и долженъ быть наказанъ, ибо ты не исполнилъ обычая старины, которымъ требуется оказать гостепрѣимство путнику, а потому я хочу лишить тебя самой мельницы». Сказавъ это, взявъ его жерновъ, всунулъ въ отверстіе руку и понесъ его въ горы. Втащивъ жерновъ на самую высокую гору, онъ бросилъ его тамъ, самъ же поѣхалъ далѣе. Жерновъ этотъ лежитъ на высокой горѣ противъ Учъ-Турфана и по сіе время ¹⁾).

Когда Джангиръ-Ходжа былъ доставленъ въ Кульджу къ Тимуръ-Тугу-хану, то послѣдній сказалъ батырямъ: «благодарю васъ за то, что вы выполнили мое порученіе. но что я буду дѣлать съ вашимъ плѣнникомъ? Изъ родичей моихъ никого не осталось, кто бы могъ быть моимъ преемникомъ; сынъ мой навсегда остался въ Кашгарѣ измѣнникомъ вѣрѣ и родинѣ, а потому я рѣшилъ подчинить мое ханство китайскому хану, которому и прошу васъ доставить Джангиръ-Ходжу».

Отчасти же Тимуръ-Тугу-хану было жалко благодѣтеля и тестя своего сына, къ тому же преданность Куйкунъ-Ноина къ Джангиръ-Ходжѣ обезоружила Тимуръ-Тугу-хана, почему онъ рѣшилъ передать его на волю Ланьчжоускаго хана.

Алха-батыръ и Толха-батыръ увезли его въ Ланьчжоу и представили хану. Впослѣдствіи Джангиръ-Ходжа былъ освобожденъ и умеръ въ глубокой старости въ Кашгарѣ.

По возвращеніи въ Кашгаръ Джангиръ-Ходжа отъ

¹⁾ Дѣйствительно говорятъ, что какой-то большой жерновъ лежитъ на перевалѣ Бекиртыкъ или Кокуртукъ, недалеко отъ перевала Бедель. На этомъ перевалѣ стоитъ нашъ пограничный государственный межевой знакъ.

престола отказался въ пользу Кумъ-Таджи. Ханство Джангиръ-Ходжи было не велико, но Кумъ-Таджи его расширилъ до Самарканда. Ханство кульджинскихъ хановъ также перешло къ Кумъ-Таджи.

Тимуръ-Тугу-ханъ ханствовалъ до старости, но умереть ему своею смертию не пришлось, такъ какъ онъ былъ убитъ Тимурленгомъ, а дочь его была увезена въ Самаркандъ, на ханскій престолъ былъ посаженъ Упшиханъ, племянникъ Тимуръ-Тугу-хана по женской линіи. Отъ Упшихана кульджинское ханство перешло къ Кумъ-Таджи-хану.

Н. Пантусовъ.

Пѣсни бачей.

Посѣтители Туркестанской Сельско-хозяйственной промышленной и научной выставки 1909 года, устроенной въ ознаменованіе XXV-ти лѣтія Туркестанскаго Общества Сельскаго Хозяйства, вѣроятно, наблюдали мимоходомъ и танцы подъ музыку, и пѣніе мальчиковъ-туземцевъ на открытой площадкѣ, гдѣ устраивались всевозможныя увеселенія.

Пѣнье мальчиковъ, вызывавшее несмолкавшій смѣхъ туземцевъ, заинтересовало меня своимъ содержаніемъ, и я условился съ Бахти-Гани-Мухаммедъ-Аліевичемъ Плькинымъ записать ихъ и потомъ перевести на русскій языкъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней 12—15 октября 1909 года Б. М. Плькинъ записалъ наиболѣе интересныя пѣсни.

Подъ звуки бубна ихъ пѣли мальчики-бачи, родомъ изъ Ферганской области, Маргеланскаго уѣзда, Шариханской волости, кишлака Шариханъ, Мирза-Хамдамъ-Хаджи-бача—16 лѣтъ и Сендъ-бача—10 лѣтъ. Антрепренеромъ бачей былъ Аскаръ-Хаджи-Хайдаръ Аліевъ отсюда же.

Въ былыя времена туземцы не ограничивались однимъ только созерцаніемъ бойкихъ и не всегда пристойныхъ танцевъ бачей, не довольствовались только пѣніемъ ихъ, а домогались удовлетворенія своего извращеннаго полового чувства. Въ газетѣ «Русскій Туркестанъ» 30 іюля 1899 года № 85 мной былъ приведенъ перечень статей о бачахъ, во 2-мъ примѣчаніи къ пересказу преданія о происхожденіи сартовъ. Это преданіе съ библиографіей вопроса

было перепечатано въ трудѣ А. Шишова: «Сарты, Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе», напечатанномъ въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Изданіе Сыръ-Дарьинскаго областного Статистическаго комитета. Томъ XI. Ташкентъ, 1904 годъ».

Вышеуказанный списокъ литературы о бачахъ можно пополнить слѣдующими статьями: 1) Бачебазство въ Средней Азіи. В., въ журналѣ «Научное Обзорѣніе» 1900 года № 10; 2) Батча (картина Верещагина). «Всемирная Иллюстрація», 1869 года, № 32, т. II; 3) Разказы художника В. В. Верещагина съ рисунками: Духоборцы-молокане, Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи и пр. Москва, 1900 г. тип. Кушнерева, 4) «Туркестанскія Вѣдомости», 1872 г. въ № 16, въ статьѣ «Русское посольство въ Коканѣ», и 5) тамъ же № 20 за 1872 г. статья П. П. Ибрагимова. «Пять дней въ Коканѣ». 6) См. дополнительный текстъ листъ а).

I.

Ахбаб учун бугунъ базм айля махбуб ракамли,
 Дусть дустыга фидо айляр джан илянь кадамни;
 Ташлянг имды бу базм ичида гам илян алямни!
 Булунг бидор, кадрыни курингъ дидор Хамдамни!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

I.

Стезей очарованья нынче въ танцы мы пустились
 для друзей,
 Мы другъ для друга жертвуемъ стопами и душой
 своей;
 Такъ брось во время танцвъ горе ты съ печалію
 своей!
 Будь добръ, взгляни и дай онѣнку выраженію Хам-
 дамовыхъ очей!
 И нѣжность иная,
 И поза другая!

II.

Пуль алышынынг ашулясы.

Яз утып, у кыш булякча,
 Кыш утып, у яз булякча,
 Манга карангы, наз булякча;
 Маным атым Хамдам бача;
 Химматынгыз манга канча?
 Раст айтынгь, и байбача!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

II.

Пѣсня его (бачи) при сборѣ денегъ.

Лѣто минуло, зимой ужъ не то;
 Минула зима, а лѣтомъ ужъ не то;
 Взгляни-ка на меня, какъ нѣженъ я, а все не то.
 И имя мнѣ Хамдамъ-бача.
 Насколько жъ щедеръ ты ко мнѣ, про то
 Скажи-ка правду бай-бача¹⁾!
 И нѣжность иная,
 И поза другая!

III.

Харь ашукым назымыз куранча,
 Дивана булуб юрурь уль анча;
 Зар бизге киряк, кулум толанча;
 Ашук улур, лябимиз суранча!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

¹⁾ Бай-бача—по-сартовски значить сынъ богатыхъ родителей; богатый молодой человекъ, денди, щеголь.

III.

Пока отъ насъ увидитъ нѣжности поклонникъ вся-
 кій мой,
 Находится изрядно, ставши полумумнымъ диваною!¹⁾
 Намъ нужно золото да полною рукой,
 А онъ влюбленнымъ будетъ въ насъ до тѣхъ лишь
 поръ, пока устами не сольется онъ сомной,
 II нѣжность пная,
 II поза другая!

IV.

Джаду кузым ашуляляр айтадур;
 Харь джилъвала акылынгыз китадур;
 Кульсам, сизни джанынгызга якадур;
 Бир бусада, хушынгыз китадур!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

IV.

Волшебный взоръ мой пѣсни напѣваетъ;
 При всякомъ проявленіи кокетства васъ разумъ оста-
 вляетъ;

¹⁾ Дивана или дувана на сартовскомъ языкѣ, какъ и всякое, съ одной стороны, заимствованное изъ персидскаго языка, съ другой стороны, бытовое слово представляетъ собой попытку охватить сразу сложную, богатую оттенками группу понятій. Такимъ образомъ въ переводѣ на русскій языкъ это слово въ тѣсномъ смыслѣ ближайшимъ образомъ означаетъ: юродивый, блаженный, полумумный, сумасшедшій, дикій, дурачокъ, идіотъ, ослѣпленный отверженецъ какой-нибудь идеи, страдающій навязчивой идеей, idee fixe; въ болѣе же широкомъ смыслѣ такъ называютъ членовъ организацій нищихъ, называемыхъ еще по персидски дервишами, и членовъ религіозно-политическихъ организацій суфиевъ, пантенстовъ и теософовъ, близко примыкающихъ по своимъ возрѣніямъ частью къ буддизму, частью къ неоплатонизму, частью къ различнымъ теченіямъ первыхъ вѣковъ христіанства; словомъ, такъ называютъ мусульманскихъ сектантовъ, съ точки зрѣнія рядового мусульманина обывателя—помѣшанныхъ и волюндумцевъ, сторонниковъ отшельнической и праздної жизни на чужой счетъ, проводящихъ въ жизнь принципы «отдавай все, слѣдуй за учителемъ (прямъ, правомъ) и не имѣй ничего своего». Поэтому многіе изъ нихъ живутъ подаяніями, пьютъ врачуютъ заклинаніями и молитвами, нѣкоторые бываютъ странствующими ремесленниками, нѣкоторые принадлежатъ къ политическимъ организаціямъ.

Моя улыбка ваши души зажигаетъ;
 Отъ одного лишь поцѣлуя васъ сознанье оставляетъ!
 II нѣжность иная,
 II поза другая!

V.

Кур адамга, яки кузыңлы адамга айтылатурган ашуля.

Кузынғызны тыкыб, маны джимейтурунғы;
 Куп титрамай, какшамайтурунғы!
 Таби-лярза касальга ухшамайтурунғы!
 Разы дилинғизни манга димейтурунғы!
 Наз узгача,
 Устамъ булякча!

V.

Пѣсня слѣпому или кривоглазому человѣку.

Уставившись глазами, пожирать меня не слѣдуетъ;
 Такъ сильно не трясишь и быть разслабленнымъ не слѣдуетъ;
 II на больного лихорадкой походить не слѣдуетъ;
 II сердца вашего довольство мнѣ высказывать не слѣдуетъ!
 II нѣжность иная,
 II поза другая!

VI.

Каль адамга айтылатурган ашуля.

II лялязори ман, ак блякча!
 Хайяр пур булуб, каль ту лякча,
 Та ки манга джабырынғыз зиндалякча.
 Наз узгача,
 Устамъ булякча!

VI.

**Пѣсня плѣшивому человѣку съ блестящей
лысиной.**

О, мой цвѣтникъ тюльпановъ, ручки бѣлыя у васъ;
Какъ ты, плѣшивыхъ, — сотни тысячъ, а смѣлости
полно у васъ!

На всю-то жизнь мою — назойливость у васъ!

И нѣжность иная,

И поза другая!

VII.

Буруни узун адамга айтылатурган ашуля.

Сызга коп сайд жылынган,
Гам ханджаридни дилингиз тилинган,
Диляри булянган!

И тумшукляри килишкан!

Дамамга инды килиб,

Тумшукляридан елинган!

Наз узгача,

Устам булякча!

VII.

Пѣсня человѣку съ длиннымъ носомъ.

На васъ облавъ ужъ много совершено;
Кинжаломъ горя сердце ваше поражено;
А сердце ихъ!? увы, растерзано оно!
А что за носъ у нихъ! Лишь восхищеніе одно!
Теперь попавши носомъ въ мой силокъ,
Они запутались въ него!

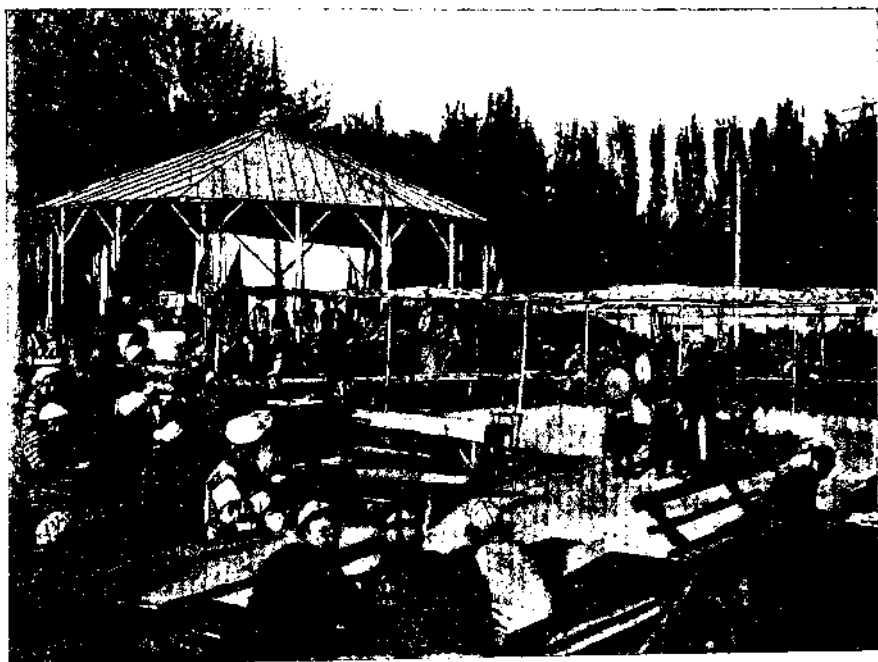
И нѣжность иная,

И поза другая!

VIII.

Семиз адамга айтылятурган ашуля.

Дуны башынгызда гальдракча;
 Сыз семиздан садо булякча!
 Сыз сода асыри ман тулякча!
 Юк, хич іерда курмадым сыздан дунгалакча!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

Танцы бачей на Туркестанской Сельско-Хозяйственной выставкѣ въ 1909 г.

VIII.

Пѣсня жирному (толстяку) человѣку.

Тюбетейка ¹⁾—арбяное ²⁾ колесо на вашей головѣ!
 Отъ такого жирнаго, какъ вы, и звуки-то не тѣ!

¹⁾ Тюбетейка, головной уборъ у туземцевъ.

²⁾ Арба, на двухъ громадныхъ колесахъ новозка, замѣняетъ здѣшнимъ туземцамъ непривычную для нихъ телегу. Арба принята и въ туркестанскихъ войскахъ.

Вы—простакъ, покорный плѣнникъ мнѣ!
 Нѣтъ ужъ, круглаго, какъ вы, не видѣть я нигдѣ!
 II нѣжность иная!
 II поза другая!

XI.

Хуштарга.

Ман хуштарни курйичи, нима адосы!
 Вааслимда ирир гамыныз дуасы;
 Джан офатадур кашим карасы;
 Ман ашук илине бир балясы!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

IX.

Посмотрю-ка я на влюбленнаго, какова то цѣль его;
 Отъ печали вашей исцѣленіе—лишь со мной сово-
 купленіе;
 Брови черныя мои—безпокойство для души;
 Для влюбленной же толпы я источникъ лишь одной
 бѣды!
 II нѣжность иная,
 II поза другая!

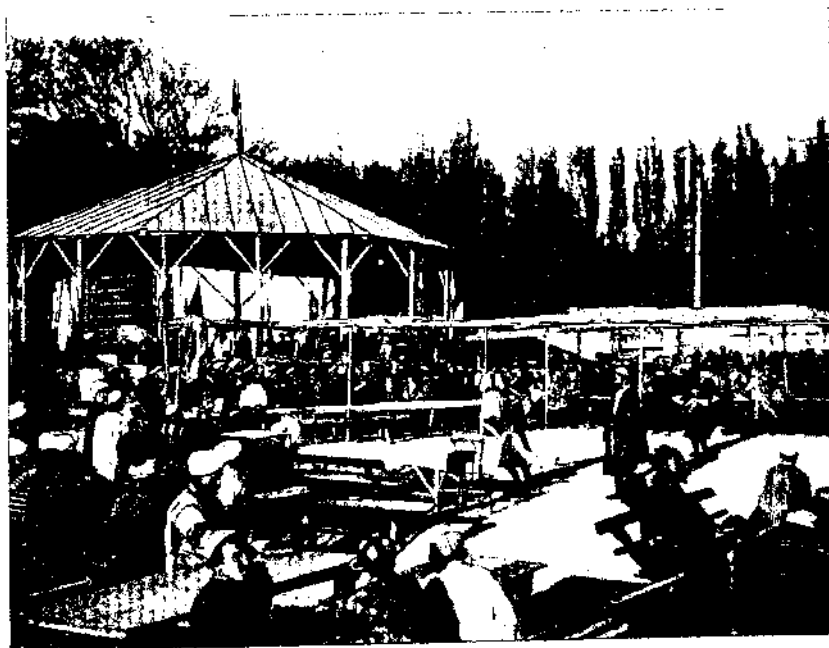
X.

Махфи юзумузны блярсыз, и яр!
 Маст кузлярымыз хамиша хунхар;
 Бир кульмакимада кузынгыз начар!
 Рахм айлямасам, ни сузынгыз бар?
 Наз узгача!
 Устам булякча!

Объ устройствѣ арбы см. 1) Л. О. Костенко „Туркестанскій Край“ т. II. Сиб. 1880. Стр. 16—21. 2) „Русскій Туркестан“. Сборникъ по поводу политехнической выставки. Выпускъ III, 1872, стр. 53—56. 3) Сборникъ матеріаловъ для статистики С. Д. обл. Томъ VIII. Статья Н. И. Габбина: Кустарные промыслы. II Производство арбы. 4) Тотъ же сборникъ. Т. VI стр. 86—88.

Танцы бачей на Туркестанской Сельско-Хозяйственной выставкѣ въ 1909 г.

Танцы бачей на Туркестанской Сельско-Хозяйственной выставкѣ въ 1909 г.

X.

Мой ликъ таинственный, о другъ, узнаете сейчасъ:
 Плотоядны постоянно взоры пьяные у насъ!
 При одной моей усмѣшкѣ взоръ безпомощенъ у
 васъ;
 Что жъ вы можете сказать мнѣ, если я не пожалѣю
 васъ?

И нѣжность иная,
 И поза другая!

XI.

Кадрымни шахри Шахар-хон бильды;
 Базымда юруб, псанд булды;
 Гышк ханджари джигарины тильды;
 Би мор булуб, курунгъ,—іекылды,—бас тузальды;
 Наз узгача,
 Устам булякча!

XI.

Мнѣ цѣну городъ Шари-ханъ¹⁾ узналъ;
 Какъ былъ онъ восхищенъ, когда мои онъ танцы
 посѣщалъ!
 И печень у него пронзилъ любви кинжалъ.
 Взгляните, какъ онъ исцѣлился, а вѣдь больной онъ
 былъ и какъ уналъ!
 И нѣжность иная,
 И поза другая!

XII.

Чирайлық адамга айтатурган ашуля.

Гуль-чигра! сизни качан курубман,
 Юз фыкыр хайяль илян юрубман,
 Сугбатта рубарынгызда ултурубман!

¹⁾ Шари-ханъ или, по сартски, Шахаръ-хонъ—большое селеніе, расположенное въ 25 верстахъ къ юго-западу отъ города Андикана по дорогѣ въ Маргеланъ (нынѣ г. Скобелевъ Ферганской области).

У кунь—узгача,
 Бу кунь—булякча!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

ХII.

Пѣсня красивому человѣку.

Розоликій! Ахъ, когда на васъ взгляну я,
 Съ сотней помысловъ въ мечтаніяхъ брожу я,
 Противъ васъ, бесѣдуя, сижу я!
 Какъ тотъ день иной,
 Такъ нынче другой!
 И нѣжность пная,
 И поза другая!

ХIII.

Бача узъ хақыда айтатурган ашулясы.

Ман баг Прамни афтоби,
 Ашуки дили шоглями кабаби,
 Касбим мани наама рабаби,
 Шанамни китаби!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

ХIII.

Пѣсня о самомъ бачѣ.

Я—солнце сада Прама, ¹⁾
 Я—пламя, изсушающее влюбленного сердце!

¹⁾ Прамъ, Премъ или Арамъ-баги—знаменитые сады въ Счастливой Аравіи, земной рай; такъ назывался древній городъ, упоминаемый въ Коранѣ (въ главѣ 89, стихъ 6-ой), находившійся на равнинѣ Ахкафъ, въ Хадремаутъ, въ южной части Аравійскаго полуострова; городъ Премъ былъ населенъ древнимъ арабскимъ племенемъ Адъ. Адійцы были люди исполинскаго роста; толкователь Корана Джелаль-Эддинъ считаетъ ростъ самыхъ высокихъ изъ нихъ въ 100 локтей, а низкихъ 60 локтей. Поколѣніе или племя арабовъ Адъ носитъ такое названіе по имени Ада, сына

Мое искусство—музыка особаго рода.
 Въ этомъ и заключается писаніе о моихъ достоинствахъ!
 И нѣжность иная,
 И поза другая!

XIV.

Ман бачаляр ичида шагириман,
 Хам джилъва усуль магириман,
 Кузь джадгарины сагириман,
 Шааринизни бир мусафириман!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

XIV.

Между бачами я лучший пѣвецъ,
 И какъ искусникъ, въ движеніяхъ граціи я молодецъ,
 Я для очей чаръ чудесныхъ творецъ,
 Въ городѣ вашемъ чужой я пришлецъ!
 И нѣжность иная,
 И поза другая!

XV.

Кильдым бу шаарга, саир иттым;
 Зиби чаманы бу даур иттым;
 Ашукляра хулук хаир иттым;
 Джаннат куши ман ки таир иттым.

Ауса, внука Арама, правнука Сима: у Сима былъ сынъ Арамъ, у Арама—Аусъ-Хеддаль, одинъ изъ царей этого народа, услышавъ разговоръ о садахъ утѣхъ, задумалъ построить великолѣпные дворцы, которые могли бы давать повятіе своимъ великолѣпіемъ и красотой объ раѣ. Восточные писатели, особенно поэты, говоря объ очаровательныхъ мѣстахъ сравниваютъ ихъ съ садами Ирема. Они были разрушены вмѣстѣ съ дворцами небеснымъ крикомъ, посланнымъ въ наказаніе этого народа за его грѣхи. Но предварительно для образумленія упорныхъ Богъ не послалъ дожда на ихъ страну въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Засуха истребила у нихъ весь скотъ.

Сравни также «Олягъ», напечатанную А. А. Диваевымъ пѣсню съ примѣчаніемъ въ „Окраинѣ“, 1897 года № 27.

Наз узгача,
Устам булякча!

XV.

Я въ этомъ городѣ прогулку совершилъ;
Я по лугамъ цвѣтушимъ много покружилъ;
Влюбленнымъ благодравье приносилъ;
Какъ птица райская, полеть я совершилъ!
И нѣжность иная,
И поза другая!

XVII.

Кильдым бу шаарга джилъва айляб,
Агаста харам джилъва айляб,
Юз раньга узумни джилъва айляб!
Кургян кшилярни дильва айляб!
Наз узгача,
Устам булякча!

XVII.

Пришелъ я въ этотъ городъ и кокетствомъ всѣхъ
плѣнилъ!
Тихохонько запретнымъ я кокетствомъ плѣнилъ.
На разныя сто ладовъ кокетствомъ я плѣнилъ.
Людей, увидѣвшихъ меня, сердца плѣнилъ!
И нѣжность иная,
И поза другая!

XVIII.

Ким манга келиб, дучар булды.
Тали куши анга яр булды.
Кыш табигаты бахар булды.
Хар коры аны базар булды.
Наз узгача,
Устам булякча!

XVI.

Кто, ко мнѣ приидя, сталъ случайнымъ встрѣчнымъ,
 Птица счастья для того стала другомъ.
 Зимы природныя свойства уподобились веснѣ,
 И дѣло всякое его уподобилось веснѣ!
 И нѣжность иная,
 И поза другая!

XIX.

Кара какыль имас
 Башимда,—
 Зиб бахри адоляттур
 Юзумда
 Халь имас,—
 Юлдузум субхи киямидур;
 Лябим шакар,
 Кадым анвар,
 Юзум кане миллихаттур,
 Маны бир тора зультумнын
 Сумбуль райхани джанаттур!
 Наз узгача,
 Устам булякча!

XIX.

Не черная коса
 На головѣ моей—
 Вѣдь это счастья краса!
 И на лицѣ моемъ
 Не родинка видна,
 А утра ранняго звѣзда!
 Какъ сахаръ, ротикъ мой.
 Стань лучезарень мой.
 Источникъ нѣжности ликъ мой!

И прядь одна моихъ кудрей,
Какъ райскіе сумбуль¹⁾, райхань²⁾, ей, ей!

XX.

Диль шанасы дур, сачим тарагы
Ман ашук илене раушан чирагы,
Кузь кырпыгым дур улюм ярагы!
Наз узгача,
Устам булякча!

XX.

Сердцу скребокъ съ моей головы изъ волосъ гре-
бешокъ.
Для влюбленной толпы я самъ, какъ яркій, горю
огонекъ.
Даже рѣсницы очей моихъ смертоносный снарядъ!
И нѣжность иная,
И поза другая!

XXI.

Кашим маны ханджари ду дамдан!
Накылынгызы кисай му бир калямдан?
Бавар кун, бу сузумда юк касамдан,
Хак Ояты Нуныль-Калямдан!
Наз узгача,
Устам булякча!

¹⁾ Сумбуль—растение, произрастающее, между прочимъ, въ долину рѣки Зерафшана, въ нынѣшней Самаркандской области. Ботаническое названіе этого растенія первоначально было *Euryangium sumbul* Kaufmanni, теперь же называютъ его *Ferula sumbul* Hook. fil. Сумбуль принадлежитъ къ числу душистыхъ растеній; масло сумбула имѣетъ большое значеніе въ парфюмерномъ дѣлѣ, какъ фиксаторъ различныхъ летучихъ эфирныхъ маселъ.

²⁾ Райхань—*Ocimum basilicum* или базиликъ, очень душистое растеніе. Туземцы различаютъ 17 разновидностей его.

XXI.

Моя бровь—острый съ двухъ сторонъ кинжалъ!
 Хотите ли, чтобъ вашу рѣчь однимъ я словомъ обо-
 рвалъ?
 Повѣрь, нѣтъ нужды, чтобъ эту рѣчь я клятвой
 подтверждалъ,
 И, какъ истину, стихъ главы въ Коранѣ «Нунъ»¹⁾
 вѣщаль!

Перевели: *Б.—Г. М.—А. Илькинъ.*
А.—Б. А.—Д. Диваевъ.
Петръ Комаровъ.

¹⁾ Сура «Нунъ» или 68 глава Корана подъ буквой—Н—«Наш». Носитъ еще названіе «Сурат-уль—Калям», т. е., глава «Письменная трость» или «Перо»—по первому стиху ея: «Клянусь письменною тростью и тѣмъ, что пишутъ они».

Киргизскіе напѣвы.

Приводимые здѣсь напѣвы записаны въ Семипалатинской области, а именно, №№ 1, 3 и 4 въ Энрекейской волости Семипалатинскаго уѣзда, № 2 въ г. Семипалатинскѣ, №№ 5 и 6 въ аулахъ сѣвернаго побережья Балхаша. № 3 исполненъ былъ женскимъ голосомъ, остальные номера— профессиональными пѣвцами, кромѣ № 2, спѣтаго городскимъ киргизскимъ мальчикомъ. Киргизскіе напѣвы не укладываются въ общепринятая подраздѣленія тактовъ европейской пѣсни, но для ясности я счелъ необходимымъ, быть можетъ произвольно, подраздѣлить мелодіи на такты, указавъ размѣръ счета обыкновеннымъ способомъ.

При разсмотрѣніи записанныхъ мелодій, легко убѣдиться, что далеко не въ каждой изъ нихъ встрѣчается характерный для восточной пѣсни скачекъ на увеличенную секунду, какъ это сплошь и рядомъ имѣетъ мѣсто въ напѣвахъ кавказскихъ народностей. Такіе скачки имѣются въ мелодіи № 1 (1, 2 и 3 такты), № 3 (въ 5 тактѣ), № 5 (въ 10 и 11 тактахъ) и № 6 (въ 7 тактѣ). Мелодія № 2, спѣтая городскимъ жителемъ, по строенію своему, скорѣе европейская пѣсенка. Возможно, что пѣвецъ, проживая въ городѣ, слушая русское пѣніе и музыку, исполняемую военными оркестрами, находился подъ вліяніемъ чуждаго для него напѣва и спѣлъ свою пѣсенку на европейскій ладъ.

Мелодія № 5 спѣта балхашскимъ пѣвцомъ, никогда не бывавшимъ не только въ областномъ, но даже и въ своемъ уѣздномъ городѣ. Между тѣмъ, строеніе первыхъ

четырёхъ тактовъ этой мелодіи совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ ученія о строеніи европейской мелодіи. Это обстоятельство какъ бы даетъ право признавать за киргизомъ способность къ симметрическому строенію по строенію мелодій. Было бы чрезвычайно интересно знать, въ какую форму вылилась бы импровизація профессиональнаго пѣвца—киргиза, если познакомить его съ теоріей музыки, созданной европейцами.

Въ мелодіи № 6 обращаетъ на себя вниманіе замѣчательно точная имитація 10-го и 11-го тактовъ, повторяющихся въ 12 и 13 тактахъ на чистую квинту выше. Это тоже даетъ право предполагать, что киргизская мелодія при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ оказаться способной къ европеизаціи.

Что касается текста приводимыхъ здѣсь мелодій, то смыслъ его слѣдующій:

Мелодія № 1. Воспѣвается горе киргиза, у котораго пала лошадь.

Мелодія № 2. Спѣта безъ словъ одними гортанными выкрикиваніями.

Мелодія № 3. Спѣты молодой вдовой, оплакивавшей своего недавно умершаго мужа.

Мелодія № 4. Пѣснь о могучемъ богатырѣ, уложившемъ на полѣ брани тысячу враговъ своей родины.

Мелодія № 5. Пѣснь о бурѣ, свирѣпствовавшей на Балхашѣ.

Мелодія № 6. Пѣснь объ Искандеръ-ханѣ и его дѣлахъ. При дальнѣйшемъ исполненіи этой пѣсни пѣвецъ модулировалъ въ другія тональности, и порядокъ мелодическихъ группъ измѣняется. Пѣніе этой пѣсни сопровождалось выворачиваніемъ верхнихъ вѣкъ, что дѣлалось, очевидно, съ цѣлью произвести большее впечатлѣніе на слушателей.

Г. И. Гизлеръ.

Нѣкоторые семейные обычаи киргизовъ сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области.

Почти всѣ безъ исключенія киргизы любятъ общество, всякія новости разносятся по киргизской степи съ быстротой телеграфа, они охотно болтаютъ, большіе любители вкусно поѣсть и повеселиться на устраиваемыхъ тояхъ (праздникъ). Тои обыкновенно устраиваются богатыми киргизами по случаю какого-либо семейнаго торжества: свадьбы, обрѣзанія, поминокъ и т. п. На мѣстѣ, предназначенномъ для тоя, разбивается 100—200 кибитокъ для приглашенныхъ гостей, гости съѣзжаются изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ, часто пріѣзжаютъ даже изъ другихъ областей; вѣсть идетъ по всей степи. Аульные старшины, волостные управители и бии только и разговариваютъ о томъ, чтобы попасть къ извѣстному числу на той верстъ за 300—400 отъ своей стоянки.

Въ выставленныхъ юртахъ размѣщаются всѣ приглашенные и преимущественно по родамъ; хозяинъ праздника и члены его семьи угощаютъ пріѣзжихъ на той. Вдали отъ юртъ, на берегу арыка или ручья, помѣщаются юрты-кухни, около которыхъ рѣжутъ барановъ, лошадей и верблюдовъ; все это въ громадныхъ котлахъ варится и разсылается по юртамъ гостей въ извѣстное время дня; около почти каждой юрты стоятъ готовые самовары; прибывшіе гости среди бесѣды попиваютъ чаекъ и ждутъ предполагающихся удовольствій. По обычаю, всѣ прибывающіе на той приносятъ подарки. По-

дарки эти по преимуществу состоятъ изъ барановъ, лошадей, халатовъ; каждодневно на тоѣ идетъ козлодраніе; игра эта продолжается по 3—4 часа; зрителями являются обыкновенно всѣ пріѣхавшіе на той и даже не приглашенные; въ Ауліэтинскомъ уѣздѣ и видѣль на тоѣ много русскихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ изъ близъ лежащихъ поселковъ. Приглашенные киргизами обыкновенно помѣщались въ отдѣльныхъ юртахъ, а вечеромъ парни и молодя дѣвицы затѣвали пѣсни и игры, которыя продолжались далеко за полночь; благозвучная киргизская пѣсня разносится далеко по необъятной степи, здѣсь и тамъ около юртъ слышится смѣхъ, прибаутки, загадки, и молодежь веселится во всю.

Старики въ своихъ юртахъ, поужинавъ, также ведутъ разговоры о разныхъ новостяхъ и рассказываютъ не мало легендъ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ киргизскаго народа ¹⁾).

На третій или четвертый день на тоѣ назначается байга (скачки). Скачутъ обыкновенно по прямому направлению, приблизительно верстъ 20—30.

Всѣ участники сначала отправляются на то мѣсто,

¹⁾ Одна изъ такихъ легендъ особенно мнѣ памятна; киргизъ-рассказчикъ повѣствовалъ о томъ, что у хана Тохтамыша было пять женъ; первая изъ нихъ жила въ Каратаускихъ горахъ на ур. Акъ-Сумбе и звали ее Акъ-Бикешъ; вторая жила на ур. Беленъ-Ата, звали ее тѣмъ же именемъ; третья жила при впаденіи р. Кенгира въ р. Сары-Су, звали ее Балгашъ-Ата, остальные двѣ жены жили на сѣверъ по р. Ишиму. Ханъ жилъ при старшей женѣ Балгашъ-Ата при устьѣ р. Кенгира и имѣлъ привычку за ночь на своемъ быстроногомъ конѣ объѣзжать всѣхъ женъ, жившихъ на разстояніи 1500 верстъ и къ утру возвращался къ Балгашъ-Ата; послѣдняя очень ревновала хана къ другимъ женамъ, а особенно къ Акъ-Бикешъ, которую ханъ посѣщалъ каждодневно и любилъ больше другихъ женъ.

Балгашъ-Ата считалась въ народѣ чародѣйкой; въ одну изъ поѣздокъ Тохтамыша къ Акъ-Бикешъ, на Акъ-Сумбе, Балгашъ-Ата погналась за нимъ на своемъ конѣ, но не догнала его и воротилась полная злобы и ревности, и на возвратномъ пути три раза отдыхала, и тамъ, гдѣ она ложилась на отдыхъ и касалась земли своей нагайкой, получались возвышенности; такимъ образомъ образовались три параллельныя другъ другу возвышенности: Башъ-Косоунъ, Урта-Косоунъ и Алкъ-Косоунъ; возвратившись къ устью Кенгира и вспомня, что быстроногій конь Тохтамыша пьетъ только прѣсную воду, отъ которой у него развивается быстрота, злая ханша своимъ чародѣйствомъ испортила воду Сары-Су, сдѣлавъ ее соленой, и съ этихъ поръ вкусъ воды Кенгира и Сары-Су рѣзко отличается: въ Кенгирѣ вода прѣсная, въ Сары-Су соленая. Только чрезъ три дня возвратился домой на измученномъ конѣ ханъ Тохтамышъ, и, любя своего коня, онъ сталъ рѣдко посѣщать Акъ-Бикешъ къ большому удовольствію чародѣйки Балгашъ-Ата.

откуда начинается скачка, ихъ сопровождаютъ 2—3 чело­вѣка, которые устанавливаютъ порядокъ байги, т. е. чтобы скачущіе не вылѣзали впередъ до общаго начала скачки; на мѣстѣ, откуда начинается скачка, даютъ передохнуть лошадямъ, затѣмъ по сигналу всѣ разомъ пускаются скакать по прямому направленію къ назначенному мѣсту. На скачкахъ зрителей бываетъ по нѣсколь­ку тысячъ. Когда замѣтятъ издали скачущихъ, то хозяева скачущихъ лошадей бросаются навстрѣчу и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы скакуны дошли до условленнаго мѣста. Если скакунъ ослабѣлъ, или есть основаніе предполагать, что онъ не дойдетъ до условленнаго мѣста, то выѣхавшіе навстрѣчу тянутъ скакуна за поводъ, подпихиваютъ сзади, съ боковъ; достигнувъ до мѣста назначенія прибывшіе всадники бросаютъ свои шапки и кушаки передъ тѣмъ лицомъ, которое поставлено въ мѣстѣ окончанія скачки. Послѣ прихода всѣхъ скакуновъ происходитъ раздача призовъ. Число призовъ зависитъ отъ числа скакавшихъ,—приблизительно, одинъ призъ на 5, 6 лошадей. Призы бываютъ денежные, доходяшіе иногда до большихъ суммъ, или же они состоятъ изъ скота, халатовъ и матерій. Въ Ауліятинскомъ уѣздѣ у киргизовъ назначаются денежные; скотъ, отдаваемый въ призы, по большей части плохого качества: лошади съ пороками, верблюды, бараны и козлы худые. На скачкахъ заинтересовано не то лицо, которому принадлежитъ скакунъ, или лицо скачущее, а всѣ родственники, можно сказать цѣлый родъ, а поэтому и призъ, выигранный скакуномъ, раздается всѣмъ присутствующимъ ихъ рода. Я видѣлъ примѣръ, когда взявшій призъ, раздавъ часть полученныхъ денегъ родственникамъ, вздумалъ съ нерозданной частью ускакать. Сородичи его догнали и заста­вили раздать оставшуюся часть денегъ.

Въ случаѣ, если скаковая лошадь, не дойдя до мѣста остановки, будетъ загнана и издохнетъ, то за нее хозяинъ получаетъ вознагражденіе или по своей оцѣнкѣ, или по оцѣнкѣ посредниковъ; если же лошадь, взявъ призъ,

издохнетъ, то призъ остается за нею. Двѣ лошади, прибывшія къ призовому мѣсту одновременно, голова въ голову, или получаютъ призъ пополамъ, или имъ дѣлается на слѣдующій день, или черезъ нѣсколько дней, перескачка; обычай этотъ древній и существуетъ почти у всѣхъ киргизовъ¹⁾. Онъ свято хранится при современныхъ условіяхъ скачекъ у киргизъ.

У горныхъ киргизъ (каракиргизъ) часто на тояхъ происходитъ единоборство; коннаго единоборства мнѣ не приходилось видѣть, но пѣшіе борются плохо: ни искусства, ни ловкости въ борьбѣ нѣтъ, тянется борьба очень долго и не потому, что одинъ другого не можетъ поборотъ, а потому, что поборовъ, вновь начинаютъ бороться, являются и другіе желающіе. Я всегда изумлялся тому порядку и дисциплинѣ на борьбѣ, которые поддерживаютъ присутствующіе киргизы, размѣстившіеся правильно вокругъ мѣста, предназначеннаго для борьбы; побѣдитель получаетъ призъ обыкновенно скотомъ, но много скота въ послѣднее время не даютъ даже на богатыхъ тояхъ, обыкновенно выигравшій получаетъ жеребенка или пару барановъ.

Относительно присутствующей на той публики слѣдуетъ замѣтить, что она состоитъ изъ званыхъ на той, и незваныхъ, къ числу послѣднихъ принадлежатъ жители близъ лежащихъ ауловъ, которые, пробывъ день, къ вечеру, по окончаніи увеселеній, уѣзжаютъ въ свой аулъ, къ нимъ пристраиваются на ночлегъ и тѣ изъ званыхъ, которымъ приходится далеко ѣхать ночевать. Русскіе крестьяне окрестныхъ селъ съ охотой посѣщаютъ той, приѣзжая верхами и на телѣгахъ; здѣсь же они открываютъ базаръ, торгуя арбузами, дынями, хлѣбомъ, квасомъ и сѣменами; особенно русскіе охотно посѣщаютъ тѣ дни, когда назначены скачки или борьба.

Той вообще представляетъ изъ себя своеобразную картину народнаго киргизскаго праздника съ своими не-

¹⁾ На него указываетъ, между прочимъ, и Н. П. Гродековъ въ своей книгѣ: «Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области», стр. 255.

затѣйливыми развлеченіями, не прѣхать на той лицамъ приглашеннымъ считается большой невѣжливостью. Не обходятся тои и безъ различныхъ курьезовъ и трагикомедій. Какъ примѣръ, позволю привести одинъ случай, происшедшій на тоѣ въ Туркестанскомъ участкѣ. Этотъ тои устроилъ одинъ бій по случаю обрѣзанія сына: въ числѣ приглашенныхъ явились и киргизки, для которыхъ отведена была особая юрта; когда поздно вечеромъ киргизскія дамы разошлись, то въ юртѣ былъ найденъ мертвый ребенокъ; находка эта испортила цѣлый день праздника; пришлось вызвать слѣдственную власть, ибо среди безтолковыхъ показаній киргизовъ и киргизокъ никакъ нельзя было выяснить—мертвымъ ли родился ребенокъ, или былъ задушенъ; съ трудомъ слѣдовательно удалось установить мать ребенка, которая преждевременно разрѣшилась мертвымъ младенцемъ (что удостовѣрено было вскрытіемъ) и изъ ложнаго стыда оставила въ юртѣ мертворожденнаго, такъ какъ родила первенца. Очень долго просила хозяйшѣ тоя, чтобы не разглашать среди гостей о несчастной матери, дабы не конфузнуть ее передъ киргизскими женщинами. Все событіе рассказала чистосердечно мать роженицы; эта уже старая, сравнительно, женщина такъ ловко помогла дочери въ родахъ, что никто не замѣтилъ, тѣмъ болѣе, что въ юртѣ сидѣло 30—40 киргизокъ. Бѣдная роженица была тихонько уведена съ тоя мужемъ домой и долго потомъ болѣла отъ преждевременныхъ родовъ¹⁾.

¹⁾ Изъ прошлой исторіи сѣверной части Сыръ-Дарьинской области мнѣ, между прочимъ, на одномъ изъ тоевъ пришлось услышать небезынтересный рассказъ отъ старика киргиза о цѣлой водной системѣ Сыръ-Дарьи за 700—800 лѣтъ тому назадъ. Киргизъ рассказывалъ, что въ то время Сыръ-Дарья отъ бывшей почтовой станціи Яны-Курганъ раздѣлялась на два рукава, одинъ изъ нихъ шелъ по Кызыль-Кумскимъ пескамъ, а другой у подножья Каратаускихъ горъ. Какъ въ Кызыль-Кумахъ, такъ и у подножья Каратаускихъ горъ, была полная культура, средняя же между рукавами представляла изъ себя песчаную пустыню, рѣка по песку прорывала свое новое, настоящее русло и соединялась въ одинъ рукавъ. У Каратаускихъ горъ культура исчезла; когда-то была попытка провести арыкъ изъ Сыръ-Дарьи къ древнему городу Бешъ-Тагъ и слѣды этого арыка у бывшей почтовой станціи Тумень-Арыка имѣются до сихъ поръ; рассказчикъ добавилъ, что по приказанію одного хана (имени его рассказчикъ не зналъ) Тумень-Арыкъ работало непочислимое число рабочихъ, но результатовъ никакихъ не было достигнуто: вода по Тумень-

Киргизскіе тон, какъ выше было упомянуто, назначаются по случаю какого либо семейнаго торжества: свадьбы, поминокъ и т. п.; позволю хотя бы въ короткихъ словахъ описать эти обряды.

Когда большая часть калыма уплачена и сосватаннымъ подошло время сочетаться бракомъ, женихъ только начинаетъ посѣщать невесту, не показываясь тестю, обыкновенно женихъ помѣщается въ кибиткѣ у старшаго брата невесты и при посредствѣ жены послѣднiго онъ видится съ своей невестой, но за эти свиданія женихъ приноситъ подарки посредникамъ. Эти свиданія составляютъ древній свадебный обычай; на нихъ женихъ ближе знакомится со своей невестой и если она ему нравится, то здѣсь же рѣшается вопросъ объ окончательной уплатѣ калыма, а если женихъ родственникамъ невесты очень нравится, то не задерживаютъ свадьбу — отдаютъ невесту, довѣряя жениху, что недоданную часть калыма онъ уплатитъ послѣ свадьбы. Такъ какъ женитьба сопряжена съ большими расходами, какъ со стороны жениха, такъ и родственниковъ невесты, то иногда жениху, уплатившему весь калымъ полностью, разрѣшаютъ увезти невесту тайно, и этимъ побѣгаютъ излишнихъ расходовъ. О тайномъ увозѣ невесты возникаетъ много жалобъ и въ томъ случаѣ, когда родственники жениха и невесты не сошлись въ условіяхъ, а женихъ и невеста любятъ другъ друга и долго ждуть переговоровъ вовсе не намѣрены; обыкновенно эти жалобы оканчиваются небольшимъ штрафомъ въ пользу родственниковъ невесты. Приѣзжая на свиданія, женихъ привозитъ съ собой по-

Арыку не пошла. Съ точки зрѣнія современнаго положенія вѣщей правдоподобное въ этомъ разсказѣ то, что дѣйствительно у станціи Тумень-Арыкъ есть слѣды трехъ арыковъ глубокой профили и что въ Каратаускихъ предгорьяхъ, противъ желѣзно-дорожной станціи Чийли, есть развалины древняго города Бентъ-Тагъ; развалины эти находятся въ предгорьяхъ, въ 25 вер. отъ станціи Чийли и въ 40—35 верстахъ отъ ст. Тумень-Арыка. У станціи же Яны-Курганъ слѣдовъ двухъ руслъ Сыръ-Дарьи нѣтъ, хотя на всемъ пространствѣ отъ Яны-Кургана вплоть до горъ Перовска рѣка, благодаря своему перемѣчивому руслу, имѣетъ много старыхъ руслъ, образующихъ озера-старичи, но надо предпологать, что эти старичи позднѣйшаго происхожденія. Поэтому утверждать, что легенда киргизовъ имѣла подъ собой какую-либо правдоподобную почву, нѣтъ никакихъ пока основаній впрелъ до обследованія этого пространства въ научномъ отношеніи.

дарки для женщины, родственниц невесты, и вечером, когда постель готова для жениха, то его зовутъ, осыпаютъ зерномъ или сушенымъ урюкомъ и вводятъ невесту. Женихъ съ невестой ложится на постель, но около невесты ложится и родственница, которая крѣпко ее держитъ; такія свиданія жениха съ невестой до отпуска ея въ кибитку жениха производятся нѣсколько разъ, и чѣмъ они чаще, тѣмъ они дороже стоятъ жениху, ибо онъ каждый разъ долженъ отдаривать родственницъ невесты, а киргизки вообще очень надки на всякіе подарки.

У богатыхъ киргизовъ при отпускѣ невесты въ аулъ жениха устраиваютъ той (праздникъ), къ этому той женихъ прибѣгаетъ одѣтый въ лучшее платье и на конѣ съ разукрашеннымъ сѣдельнымъ приборомъ. Богатая невеста также красиво одѣвается и надѣваетъ на голову особый головной уборъ, который переходитъ изъ рода въ родъ въ семьѣ, изъ которой онѣ выходятъ замужъ. Всѣ угощенія на той устраиваетъ женихъ. На свадебномъ пиру старики смотрятъ на козлодраніе, молодежь состязается въ пѣніи, женщины стараются увести невесту изъ среды подругъ, но послѣднія ее отстаиваютъ; но затѣмъ все-таки уводятъ къ себѣ и подруги дѣлаютъ видъ, что плачутъ по увеленной къ женщинамъ невестѣ. Родственницы невесты готовятъ брачное ложе и результаты проведенной молодыми брачной ночи сообщаютъ родителямъ невесты. На утро молодыхъ угощаютъ тестъ и теща, гости приносятъ молодымъ вареную баранину.

Самый обрядъ бракосочетанія происходитъ такъ: мулла читаетъ молитвы, въ это время наливаютъ въ чашку воду, куда невеста бросаетъ или серьги, или кольца, чашку закрываютъ платкомъ. По окончаніи молитвы брошенные вещи вынимаютъ и изъ чашки женихъ и невеста выпиваютъ по глотку воды; эту же воду отпиваютъ глотками и присутствующіе, какъ свидѣтели. Мулла за бракосочетаніе получаетъ или подарокъ, или деньги, смотря по состоянію брачующихся.

Послѣобряда родственники новобрачныхъ поздравляютъ ихъ, дѣлаютъ имъ, собственное наставленіе и отправляютъ

невесту въ ауль жениха; женихъ же временно остается и уже потомъ догоняетъ брачный поѣздъ, съ которымъ и привозитъ молодую жену въ свой ауль; при проводахъ дочери иногда тестъ устраиваетъ байгу. По прибытіи въ ауль свекра, послѣдній устраиваетъ или скачки, или козлодраніе; невесту въ ауль снимаютъ съ верблюда или лошади и дѣвцы ведутъ ее пѣшкомъ въ юрту свекра, гдѣ за пологомъ она должна находиться три дня, не показываясь свекру и свекрови. Ея даже не посѣщаетъ мужъ и она проводитъ время съ дѣвцами, родственницами мужа, на утро же 7-го дня открываютъ пологъ и показываютъ всей роднѣ мужа; свекоръ также устраиваетъ той, который продолжается недѣлю и болѣе, смотря по богатству его; молодая въ продолженіе года не можетъ ѣздить къ своему отцу и матери. Узнаетъ объ ихъ жизни отъ своего мужа, который долженъ часто посѣщать родню жены.

Похороны у киргизъ происходятъ или въ день смерти, или утромъ на слѣдующій день; если могила вблизи аула, то переносятъ покойника на носилкахъ самаго примитивнаго устройства, а если могила далеко, то трупъ обертываютъ въ кошму и везутъ на верблюдѣ. За похороны мужья получаютъ или верблюда, или лошадей, или барана, смотря по состоянію родственниковъ умершаго. Послѣ смерти родственника въ нѣкоторыхъ киргизскихъ родахъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней оставшіеся въ живыхъ не варятъ нищи.

Поминки объ усопшихъ совершаются въ седьмой, девятый и годовой дни послѣ смерти; въ эти дни обыкновенно рѣжутъ скотину и угощаютъ пріѣхавшихъ на поминки. На поминкахъ въ годовой день устраивается большой той, собирается много приглашенныхъ, много рѣжутъ на угощенье барановъ, лошадей и верблюдовъ, устраивается байга на призы; вдовѣ покойнаго съ этого дня разрешается выйти вновь замужъ и трауръ по покойномъ кончается; поминки продолжаются нѣсколько дней у богатыхъ и одинъ день у бѣдныхъ.

Н. Калмаковъ.

Перстень-печатъ Миранъ-шаха мирзы, сына Тамерлана.

Въ 1885 г. мнѣ довелось приобрести въ г. Самаркандѣ для Императорской Археологической Комиссiи небольшую коллекцію мѣстныхъ древностей, среди которыхъ оказался датированный перстень съ именемъ Миранъ-шаха мирзы, третьяго сына Тамерлана, правителя Азербейджана, признаннаго впоследствии сумасшедшимъ. До сихъ поръ этотъ перстень оставался не опубликованнымъ, несмотря на его историческій интересъ и археологическую рѣдкость, такъ какъ памятниковъ подобнаго рода, относящихся къ средневѣковому періоду мусульманства, вообще очень мало, а въ Россiи почти вовсе нѣтъ. И это тѣмъ болѣе странно, такъ какъ такихъ памятниковъ существовало въ свое время много, потому что у восточныхъ мусульманъ было усвоено обычаемъ прикладывать вмѣсто подписи именную печать, которая часто замѣнялась перстнемъ. Ярлыки татарскихъ хановъ иногда скрѣплялись именнымъ ханскимъ перстнемъ, что называлось юзюкъ нишанлыгъ (يوزک نشانیغ), а по-русски передавалось:

«съ жиковиннымъ нишаномъ грамоту послать есми», или просто: «жиковиною ¹⁾ запечатавъ».

Основную часть перстня Миранъ-шаха составляетъ щитокъ или вставка, исполненная изъ изумруда въ видѣ тонкой пластинки миндалевидной формы, вся покрытая надписью, вырѣзанною наоборотъ, чтобы перстень могъ

¹⁾ Жиковина—перстень, замѣняющій печать.

служить вмѣсто печати. Камень заключенъ въ золотую оправу, повидимому современную вставку, только кольнеобразная дужка принаяна послѣ, быть можетъ въ недавнее время; однако цвѣтъ золота дужки совпадаетъ съ цвѣтомъ золота въ оправѣ.

Миндалевидная форма (на Востока: باد صبی отъ персидскаго слова бадемъ — миндаля) перстней и печатей является привилегіей царственныхъ особъ; простые смертные были лишены права ею пользоваться. Эту форму мы видимъ не только въ Средней Азій, но и въ другихъ мѣстахъ; такъ, крымскіе ханы имѣли печати миндалевидной формы; ее же присвоили себѣ ширинскіе беки, у которыхъ, какъ извѣстно была подобная ханской бадемы мугыръ, т.-е. миндалевидная печать¹⁾. Но мы знаемъ, что ширинскіе беки, не въ примѣръ прочимъ бекамъ, пользовались исключительнымъ положеніемъ и многое узурпировали изъ ханскихъ прерогативъ; у нихъ въ подражаніе ханамъ существовали свои калга и нуреддинъ; понятно, что и форма ханской печати не ускользнула отъ ихъ вниманія; они ввели ее въ свой обиходъ, придавали ей большое значеніе и гордились ею. Въ Западномъ Туркестанѣ порядки были строже, миндалевидная печать была только у хановъ, и эта форма преобладаетъ у золотыхъ печатей хивинскихъ хановъ изъ ханской сокровищницы, конфискованной туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ по занятіи г. Хивы въ маѣ 1873 года. Печати эти хранятся теперь въ средневѣковомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа.

Подпись на перстиѣ Миранъ-шаха содержитъ слѣдующій текстъ:

امیر الامراء اذربایجان میرزا میرانشاه بن امیر صاحبقران
امیر تیمور کورگان ۸۰۲

¹⁾ „Камеральное описаніе Крыма“ (Извѣстія Таврической ученой Архив. Ком., № 4, Симфер., 1888, стр. 124).

Т.-с. «Эмиръ эль-омра Азербейджана мирза Миранъ-шахъ, сынъ эмира сахибъ-кырана, эмира Тимура Гурекана, 802» (= 1399—1400 г. по Р. X.).

Здѣсь прежде всего заслуживаетъ вниманія титулъ — эмиръ-эль-омра, т.-с. эмиръ эмировъ; такой титулъ впервые былъ введенъ въ Джагатаевомъ улусѣ и относился къ главному министру, который по власти и по рангу соотвѣтствовалъ темнику Золотой Орды. Стало быть Миранъ-шахъ, а значитъ и другіе потомки Тамерлана, являлись въ отведенныя имъ области не въ званіи удѣльныхъ князей и собственниковъ, какъ можно было бы думать, а въ качествѣ лицъ чиновныхъ, въ родѣ генераль-губернаторовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Зеферъ-Намэ Миранъ-шахъ такъ не титулуется, а постоянно называется эмиръ-заде *امیرزاده*, что можно переводить: царевичъ. Во всякомъ случаѣ перстень свидѣтельствуетъ опредѣленнѣе, чѣмъ Зеферъ-Намэ, въ какомъ званіи Миранъ-шахъ всупилъ въ управленіе Азербейджаномъ.

Выставленный на печати годъ 802-й гиджры (1399—1400 по Р. X.) указываетъ, какъ будто, время, когда Миранъ-шахъ получилъ власть надъ Азербейджаномъ и другими провинціями; но Шерифъ-эд-динъ относитъ это событіе на семь лѣтъ раньше, именно къ 795-му году гиджры. Его рассказъ приводится здѣсь по рукописи Азіатскаго музея № в 568 (листь 235 recto), съ вариантами изъ другой рукописи №а 568 (листь 200 recto et verso). Заглавіе рассказа слѣдующее:

کفتار در تفویض فرمودن صاحب قران ظفریناه تحت هلاکوخان را
بامیرزاده میران شاه

«Рассказъ о передачѣ побѣдоноснымъ Сахибкыраномъ престола Хулагу-хана царевичу Мираншаху».

عاطفت پادشاهانه ممالک آذربایجان محان (سوری) آوردریند و باکو و
 شروانات و کیلانات با توابع و مصافات تا روم نامزد امیرزاده
 میرانشاه فرمود و شاهزاده جوانبخت از تبریز و سلطانیه و دیگر
 ولایات ساوری و پیشکشها ارجمند بیرون از وصف چون
 و چند بکشید و بزم عشرت از انتظام اسباب بهجت و عشرت
 در گرفته چند روز بعیش و شادمانی مشرق و کامرانی بگذرانید
 روز سه شنبه⁴ سیزدهم از آنجا کوچ کرده امیرزاده
 میرانشاه را از پیش بطرف⁵ قلاغی فرستاد.....

«Милость царская назначила царевичу Мирантъ-шаху области: Азербейджанъ, Рей, Дербендъ, Баку, область Ширванскую, область Гилянскую съ подвластными имъ (мѣстностями) и пространство до Рума. Счастливымъ царевичъ привезъ изъ Тебриза, Султаніи и другихъ областей достойные дары и подношенія, — какіе и сколько, — превыше описанія! Начавъ веселый ширъ съ устройства

1) Это слово написано безъ диакритическихъ точекъ, его можно читать **بیجان**

„бездушный“, т.-е. бездушный Азербейджанъ; но такъ какъ въ другихъ рукописяхъ оно отсутствуетъ, то я полагаю, что здѣсь простая описка писца.

2) Въ рукописи 2568 союзъ, пропущенъ, а потому чтеніе съ изафетомъ дало бы: „Дербендъ Бакинскій“.

3) Въ рукописи 2568 послѣ вставлено: **و پیشکش آورده حضرت**

صاحب القرآن را در هدایا طویهای پادشاهانه داد

т.-е. „и подарки привезши, подарилъ его величеству Сахібқырану въ Хамаданъ царскіе ширъ“.

4) Рукоп. 2568: **روز شنبه** — въ субботу.

5) Рукоп. 2568: **بطرق** — по дорогамъ (въ).

увеселеній и торжествъ, онъ проведеть нѣсколько дней въ наслажденіяхъ, свѣтлой радости и удовольствіяхъ..... во вторникъ тринадцатаго числа, снявшись оттуда, онъ (Тимуръ) послалъ царевича Миранъ-шаха въ сторону Калагн»...¹⁾

Извѣстіе объ этомъ событіи повторено Шерифъ-эддиномъ еще въ другомъ мѣстѣ (л. 290 verso), въ главѣ:

9. گفتار در فرستادن حضرت صاحب قران موافق امیرزاده
میرانشاه را بضبط آذربایجان و محاصره قلعه النجف

«Разсказъ объ отправленіи споспѣшествуемымъ Сахибкыраномъ царевича Миранъ-шаха на управление Азербейджаномъ и на осаду крѣпости Аланджикъ».

حضرت صاحب قران تختگاه آذربایجان و حکومت آن ممالک از
در بند باکو تا بغداد و از همدان تا روم بامیرزاده میرانشاه تفویض
فرموده بود چنانچه سبق ذکر یافته بود و کس رفته بود که متعلقان
شاهزاده مشار الیه که در خراسان مانده بودند با کج تمام
امرا و لشکریانش با آذربایجان نقل کنند درین وقت فرمان
اعلی بنفاد پیوست که شاهزاده بضبط آن ممالک قیام
نیاید و قلعه النجف را نیز محاصره کند....

«Его величество Сахибкыранъ престоль Азербейджана и управление тѣми областями отъ Дербенда Бакинскаго до Багдада и отъ Хамадана до Рума поручилъ царевичу Миранъ-шаху, какъ объ этомъ уже выше упоминалось. Кто-то отправился, чтобы перевести въ Азербейджанъ со всѣмъ лагеремъ военачальниковъ и воиновъ изъ приближенныхъ этого царевича, которые оставались въ Хорасанѣ. Въ это время вышелъ высочайшій указъ, чтобы

¹⁾ Этотъ разсказъ изложенъ въ переводѣ Petis de la Croix (Histoire de Timour-Bec) во II томѣ, стр. 212—213, при чемъ приводится дата: 13-го Шаабана 795 г. гиджры, т.-е. 24 июня 1393 г. по Р. X.

царевичъ вступилъ въ управление Азербейджаномъ и, кромѣ того, осадилъ крѣпость Аланджикъ»... Это упоминается подъ 798 г. гиджры (= 1395--6 г. по Р. X.).

У Пти-де-ля-Круа это помѣщено въ LXII-й главѣ II тома, стр. 390—391, съ тою лишь разницею, что пропущена фраза: «какъ объ этомъ уже выше упоминалось», вслѣдствіе чего безъ обращенія къ тексту можно было бы подумать, что Тимуръ вторично поручилъ управление Азербейджаномъ Миранъ-шаху. Такимъ образомъ остается загадкой, почему на перстнѣ Миранъ-шаха выставленъ 802-й годъ.

Н. Веселовскій.

Рис. 1.
Натур. величина.

Рис. 2.
Натур. величина.

Перстень Миранъ-шаха-мирзы.

Указатель личных и географических именъ.

А.

- А. К. 118.
Абдуль-Азизъ, турецкій султанъ XLVI.
Абдуль-Ахадъ-Бахадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій *) 96, 98.
Абдуль-Маликъ, катта-тюря XXVII, XXVIII, XXX, 7, 8, 9, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 98, 99.
Абдуль-Гіясъ-Ханъ 107, 108, 114.
Абдуль-Куддусъ-Ханъ 107, 108, 114.
Абдулла-Джанъ, посланецъ Абдурахманъ-хана 105.
Абдулла-Керимъ, мулла LV.
Абдулла - ханъ. сынъ Ширъ - Али - хана LXVII.
Абдуль-Назаръ-беги 113.
Абдурахимъ-ханъ, сынъ Абдуррешидъ-хана 182.
Абдурахманъ-афтобачи LV, LVII, LVIII, LIX, LXI, LXII, LXIII.
Абдурахманъ-Суфи, хивинскій серхенгъ 11, 12.
Абдурахманъ - ханъ, сердаръ афганскій (впоследствии—эмиръ афганскій) LXIX, LXX, 18, 41, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117.
Абдуррешидъ-ханъ, сынъ Саидъ-Хана 182.
Абиль-огля, кульджинскій султанъ (Султанъ-Ханъ-Аля-ханъ) XLI, XLIII.
Абды-Вали-шейхъ 169.
Аблай-ханъ 191, 192.
Абрамовъ XXII, XXIII, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XLII, LXVI.
Абу-л-Гази, хивинскій ханъ 4, 163.
Авазъ-Мухаммедъ, кокандскій историкъ 3.

*) Впереди предшествуетъ слово „Сейидъ“.

- Австралія 153.
Австрія Нижняя III.
Агыръ-Башъ, туркменскій аулъ 120.
Адай, киргизскій родъ 14, 18.
Адъ, имя внука Арамова и древняго арабскаго племени 213.
Азадъ, мулла 90.
Азанъ-Дунъ (Азанъ-Тюбе, Азанъ-Тепе) 171, 181, 183, 187, 188.
Азбергенъ, см. Азизъ-Бергенъ-бий.
Азбергенъ-Мунайпасовъ, киргизъ LVI.
Азербейджанъ 229, 232, 233, 234.
Азизъ-Бергенъ-бий (Азбергенъ), знатный киргизъ 13.
Азизъ-де-Рошельрунъ 152.
Азія 135, 138, 143, 154, 162.
Asie Centrale LXXVIII.
Анбъ-Хаджи, шейхъ 170.
Айдаръ-Ходжа XXXI.
Акеръ-Ташъ, урочище 192.
Аксу XXXVIII, XLIV, LXV, 179.
Аксуискій округъ 178.
Акъ-Бикешъ, жена Тохтамышъ-хана 222.
Акъ-Кала, крѣпость въ Хивинскомъ ханствѣ 11, 12.
Акъ-Мечеть X, XXXVIII.
Акъ-Сумбе, урочище 222.
Алайскія горы LXIII.
Аланджикъ, крѣпость 233, 234.
Аланку (Аланкула), родоначальница предковъ Чингиза 177.
Алатаевскій округъ IX.
Алачананъ, мѣстность въ сѣверномъ Афганистанѣ 115.
Александръ II—VI, VIII, IX, XIV, XXI, XXIX, XXXV, XLI, LX, LXI, LXX, 101.
Алексій, епископъ 154, 156.
Алексѣевское сел. (Талгаръ) 170.
Алекторовъ, А. Е. 148.

- Али-Кадамъ, колоды 48.
 Алимту, рѣка (Алматы, Алимату) 163, 171.
 Алий, Левъ Аллаха (четвертый халифъ) 90, 94.
 Алимъ, киргизскій родъ 14.
 Алимъ-ханъ, кокандскій ханъ 111.
 Алла-Куль, хивинскій ханъ 3.
 Аллахъ 88, 89, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 98.
 Али-Султанъ 162.
 Алимту см. Алымту-сумуль.
 Алмалыкъ, Алматы, Алимту, городъ и мѣстность 161, 162, 171, 172, 173, 174, 175, 181, 186.
 Алмалы (Алмоллы), мѣстность 171.
 Алымту - сумуль, низовья долины Алмалыкъ 181.
 Алматы-Аузы, мѣстность 171, 182.
 Алтунлыкъ-Шагаръ (Золотой Городъ) 173, 175.
 Алтынсаринъ, И. А. 141.
 Алтынъ-Эмель, мѣстность и переваль 192, 199, 200.
 Алтышааръ XXXVII.
 Алха-Батыръ, имя мужа 200, 201.
 Америка 1, 153.
 Амурсана, братъ Тимуръ-Тугу-хана 199.
 Аму-Дарьинскій отдѣлъ LII.
 Аму-Дарья LII, LXXIX, 10, 11, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 54, 90, 108, 109, 110, 112.
 Амуръ-сана, имя мужа 190, 191, 192.
 Ангарикъ, мѣсто въ Хивѣ 9.
 Англія XII, XVI, XLV, XLVII, LXVII, LXVIII, LXX, 101, 152.
 Англо-Индійскія владѣнія XLIV.
 Андиджанъ X, LIX, LX, 212.
 Анджумликъ, сынъ Ширавуль-Духтуя 179.
 Андрей Губурнатъ (?) 4.
 Анна-берди-Шахъ-берди-оглы, туркмень 121.
 Аравійскій полуостровъ 213.
 Аравія Счастливая 213.
 Аральское море XVII, 13, 16.
 Араль 19.
 Арамъ, сынъ Симовъ 214.
 Арамъ-баги, см. Иремъ.
 Арсланъ-тюря, см. Хатимъ-тюря.
 Архангельская губернія LXIII.
 Аршединъ, святой 171, 178, 187, 188.
 Арышь-Ата, мѣсто въ Хивинскомъ ханствѣ.
 Асановъ, Г. Л. 189.
 Асаръ 112.
 Аскаръ-Хаджи-Хайдаръ-Алиевъ, имя бачи 203.
 Ассакѣ LIV.
 Астана-Баба, развалины близъ Керки 48.
 Астанакуль-парвоначи, братъ эмира Музафара 95, 96, 98, 99.
 Астраханская губернія 147.
 Астраханъ 147.
 Асхабадскій уѣздъ 121.
 Асхабадъ LXXIX.
 Аулие-Ата X, 192.
 Аулиеатинскій уѣздъ LXXVII, 222, 223.
 Аусъ, правнукъ Сима 214.
 Афганистанъ LVII, LXVII, LXVIII, LXIX, LXXVI, 18, 38, 40, 41, 42, 61, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 112, 115, 116, 117, 158.
 Африка 154.
 Ахаль 118.
 Ахкафъ, равнина въ Хадрамаутъ 213.
 Ахмедъ-бекъ-Агаевъ, публицистъ 154.
 Ахмедъ-Кваллеамъ-бей 153.
 Ахмедъ-ханъ, сынъ Юнусъ-хана 182.
 Ахча, крѣпость 114, 116.
 Аягузь XVII.
 Аякъ-Коссоунъ, возвышенность 222.

Б.

- Баба-Бий XXX, XXXI, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, LIII.
 Баба-Саадединъ-Каттали, мюридъ шейха Мухаммедъ-Садыка 186.
 Баба-ханъ 117.
 Бабуръ 162.
 Багдадъ 233.
 Багинъ 160.
 Багра-шейхъ 169.
 Багыръ—туркменскій ауль 121.
 Бадахшанъ LVI, LXIX, 114, 117.
 Бай XXXVIII.
 Байнаманъ, мѣстность 170, 180.
 Байсунъ 112.
 Байсынкаръ, одинъ изъ предковъ Чингиза 177.
 Баку 156, 232.
 Балгашъ-Ата, жена Тохтамышъ-хана 222.
 Балхашъ 189, 219.
 Балхъ 104.

- Балхъ-Дарья, лѣвый притокъ Аму-Дарьи 48.
 Балькисъ, царица 166.
 Баміанъ 41.
 Бартакъ, дѣдъ Чингизъ-хана 177.
 Бартольдъ, В. В. 19, 163, 169.
 Батырь-тюря XIII.
 Башъ-Коссоунъ, возвышенность 222.
 Бедель, переваль 201.
 Бекиртыкъ (Кокуртукъ), названіе перевала 201.
 Бековичъ-Черкасскій X, LI, 4.
 Бекъ-Кули-бекъ (Кулибековъ) LXV, LXVI, 103.
 Белень-Ата, названіе урочища и жены Тохтамышъ-хана 222.
 Белло 133.
 Бендерскій, топографъ LXXVII.
 Берлинъ IV, LXXIX.
 Бешъ-Арыкъ, мѣстность въ Хивинскомъ ханствѣ 16.
 Бешъ-Тагъ, названіе древняго города 225, 226.
 Биби-Каріе 167.
 Биби-Фарика 165.
 Бикчекъ, имя мужа 179, 180, 181.
 Бинъ-Дабанъ, горы 193, 194.
 Бишбалыкъ, городъ 162.
 Богдановичъ, генераль LXXXIV.
 Богуславскій, полковникъ (загѣмъ генераль-маіоръ) X, 111.
 Боккачьо 133.
 Бомбей 51.
 Боракъ 177.
 Бороталы, рѣка 162.
 Босага, кишлакъ въ окрестностяхъ Керки 42, 43.
 Бранденбургъ III, IV.
 Браунингъ, А. 152.
 Брестъ-Куявскъ IV.
 Будловичъ, А. С. 148.
 Бузрукъ-ханъ XXXVIII.
 Бузенджиръ-ханъ, одинъ изъ предковъ Чингиза 177.
 Бука, одинъ изъ предковъ Чингиза 177.
 Бурдалыкъ 113.
 Бурачи, мѣстность въ Хивинскомъ ханствѣ II.
 Бурхунъ-Бакши (статуя Христа) 189.
 Бухара X, XII, XIII, XIV, XVIII, XIX, XX, XXIV, XXVI, XXXV, XLIV, XLV, XLVI, LI, LIII, LXVII, LXVIII, LXXXVI, 6, 8, 9, 10, 18, 38, 39, 68, 72, 86, 87, 90, 91, 94, 96, 98, 101, 105, 106, 107, 110, 111, 112, 116, 142, 158.
 Бухарское ханство LXVIII, LXXIX, 42, 112.
 Бушай-Тюря (Девлетъ-Бушаевъ), киргизъ 17.
- В.**
- Вали-Ахунъ-Юлдашевъ 169.
 Vambégu 119.
 Варшавская губернія IV.
 Вахшъ, правый притокъ Аму-Дарьи 58.
 Везирбей, публицистъ 151.
 Вейнбергъ, дипломатическій чиновникъ LIII, LIV, LVI, LXV.
 Венюковъ LXXVIII.
 Веревкинъ, полковникъ X.
 Верещагинъ, В. В. (художникъ) XXV, LXXIX, 68, 204.
 Веселовскій Н. И., проф. 2, 141, 234.
 Вильна VIII, IX.
 Винкельманъ, фотографъ LXXIX.
 Волга 189.
 Вологодская губернія LXIII.
 Волжско-Камскій районъ 155.
 Воронежъ, Е. XXV.
 Вревскій, баронъ А. Б. 144, 145, 146.
 Вѣна 111.
 Вюстенфельдъ, ориенталистъ 5.
 Вѣрный IX, XXXIX, LXXII, 189.
- Г.**
- Габбинъ, Н. И. 210.
 Галдымтынъ, предводитель калмыковъ 190, 192, 193, 194.
 Ганфштеггелъ, фотографъ LXXIX.
 Ганъ - Су, провинція XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XLIII.
 Гаспринскій, Измаилъ-бекъ, публицистъ 154, 155.
 Гейденъ, графъ LXIX.
 Гейнсъ, генераль XIX.
 Геокъ-Теле LXXIX.
 Герать LVI, LVII, 91, 100.
 Германия 151.
 Гергебилъ, аулъ V, VI.
 Гизлеръ, Г. И. 220.
 Гилянская область 232.
 Гималаи 20.
 Гинду-Кушъ 33.

Гиргась, В. проф. 156.
 Гирсь, статсь-секретать 103.
 Гисарскій край LXXIX.
 Гисарскій хребеть (кряжь) 42, 110.
 Гисарь (Хисарь) XXVIII, 18, 95, 99.
 Глуховской, штабсь-ротмистрь XIII.
 Howorth 4.
 Гоголь 133.
 Головачевъ, генераль XIX, XXI, XXII, LXXXI,
 102.
 Голубковъ, П. В. 100.
 Гончаровъ 133.
 Городъ Тимура (см. Хомуша).
 Горчаковъ, князь LXVIII.
 Граменицкій, С. М. 141, 146.
 Григоровичъ 133.
 Григорьевъ, В. В. 140, 141.
 Гродековъ, Н. И. VIII, 71, 143, 224.
 Гузарь, городъ 7, 8.
 Гуйюсь, полковникъ LXXXIII.
 Гульчи LXIII.
 Гулямъ-Хайдаръ-ханъ, генераль-губерна-
 торъ Чаръ-Вилаята 110, 114, 115, 116,
 117.
 Гуръ-Эмиръ 167.

Д.

Данія III.
 Даненбергъ, генераль-отъ-инфантеріи VII.
 Дарвазскія горы 86.
 Даргинская экспедиція VI.
 Дарки-Бурхунъ (статуя Богоматери) 189.
 Дау-Кара, см. Тау-Кара.
 Деваджибинъ-ханъ 177.
 Девлетъ-Бушаевъ, см. Бушай-Тюря.
 Девлетъ-Гирей 4.
 Дельбастъ, композиторша 152.
 Денау XXVIII, 110.
 Деанетъ, полковникъ XXIX, XXX.
 Дербентъ (Дербендъ) 112, 232, 233.
 Дежне 112.
 Джагатай-ханъ 177, 178.
 Джагатайскій (Джагатаевъ) улусъ 163, 231.
 Джалафунга, волостной управитель 183.
 Джангиръ XXXVII.
 Джангиръ-Ходжа, кашгарскій ханъ 197,
 198, 199, 200, 201 и 202.
 Джанибекъ-бій (Канали), знатный киргизъ
 13.
 Джаркентъ 161, 169, 176, 182, 183.
 Джарчи 112.

Джаръ-Мечеть, урочище VIII.
 Джемаль-Эдинъ, комментаторъ Корана
 213.
 Джемаледдинъ, шейхъ 178, 180.
 Дженкши, монгольскій ханъ 162.
 Джизакъ XIII, 6.
 Джитты-Шааръ LXV.
 Джура-Бій (Джура,бекъ) XXIV, XXX, XXXI,
 XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, LIII, LXV.
 Диваевъ, А. 85, 214, 218.
 Димаузъ, кишлакъ въ Бухарь 110.
 Дмитровскій, Н. В. 132.
 Добролюбовъ, Н. А. 133.
 Достоевскій 133.
 Достъ-Мухаммедъ, эмиръ афганскій LXIX,
 18, 100.
 Думенинъ, одинъ изъ предковъ Чингиза
 177.
 Духовской, С. М. 147.

Е.

Европа LXXIX, 108, 143, 153, 157.
 Екатерина II—IV, 199.
 Екатеринославъ LXIII.

З.

Заалайская мѣстность XIV.
 Забѣлинъ, А. И. 142.
 Зайсанъ XLI.
 Зайцевское сел. (Чиликъ) 170.
 Закаспій 44.
 Закаспійская область LXXIX, 118.
 Закирь, таранчинецъ 183.
 Залеманъ К. Г. LXXVIII.
 Западный край V.
 Зарафшанскія высоты XXI.
 Зарафшанскіе горныс тюмени XXIX, 109,
 111.
 Зарафшанскія горы XXIX, XXXI, XXXIII,
 110.
 Зарафшанскій округъ XXVI, XXVIII, XXXII,
 XXXIII, XLII, XLV, LXXV, LXXXVI, 101,
 103, 104, 109, 111, 113.
 Зарафшанъ, рѣка 65, 217.
 Зерабулакъ (высоты) XXIII, XXIV, XXVI,
 66, 68.
 Золотая Орда 231.
 Зоръ-Сасыкъ, рѣка 20.

Знаменскій, П. 141.
Золотой городъ (Алтунылькь-Шагарь) 173.

И.

Ибрагимовъ, коллежскій (потомъ статскій) совѣтникъ LXV, 102, 103, 114.
Ибрагимовъ, Ш. 73, 204.
Ивановъ, генераль-маіоръ (впослѣдствіи генераль-лейтенантъ), Н. А. 101, 103, 104, 107, 109, 110, 112, 114, 147.
Ивановъ, Д. Л. LXXVIII.
Иванъ-городъ IV.
Или, рѣка 161, 171, 180, 189, 190.
Илійская долина XLI, 162, 171, 189, 190.
Илійскій край 164, 169, 172.
Илійская область XXXVI, XXXVII.
Илькинъ, Б.-Г.-М.-А. 203, 218.
Ильминскій, Н. И. 141, 148.
Ильясъ-ханъ, сынъ Туглукъ-Тимуръ-хана 181.
Императорская дорога 162.
Имрана, семейство (сура) 165.
Индія LXVII, LXIX, 100, 158.
Иракъ 163.
Ирджаръ 6.
Ирбить XVI.
Иремъ (Ирамя), баснословные сады древности 213.
Иринбай XII.
Иркештамъ LXVI.
Иса-Аула, мулла LV.
Исетъ, разбойникъ XLIX.
Искандеръ-ханъ 220.
Исхакъ-Буга-Ханъ 177, 178, 179.
Исхакъ-ханъ, сердаръ афганскій 106, 107, 109.
Итиль (Волга) 12.
Ишикъ-Агасы-Ата, мѣстность въ Хивинскомъ ханствѣ 16.
Ишимъ, рѣка 222.

I.

Іанъ, илійскій дзянь-дзюнь 174.
Іафегъ, сынъ Ноевъ 177.

К.

Кааба 93.
Кабадіанъ XXXVIII.
Каблуковъ, камергеръ LXX.

Кабуль XXVIII, LXVII, 41, 115.
Кабуль, прадѣдъ Чингиза 177.
Кавказъ V, VI, LI, 155.
Кагаджи, солонъ 183.
Кадди-Шахъ (Царская Стопа), урочище XLIX.
Казалинскій уѣздъ.
Казалинскъ XII, 10, 11.
Казань 3, 141, 146.
Каиръ 154, 155, 156.
Кайду, одинъ изъ предковъ Чингиза 177.
Кала-и-Вамаръ 87.
Калага 233.
Калмаковъ, Н. 228.
Калькутта 52.
Камаль, мирза Якубъ-бека LXIV, LXV.
Камрединъ, братъ Эмира-Буладжи 181, 182.
Канали, см. Джанибекъ-бий.
Кандагаръ 106.
Карабойсунъ-ханъ 177.
Кара-Су IV.
Кара-Тау-горы 222, 225, 226.
Кара-Тюбе XXI, XXII, XXIII, 66, 68.
Каразинъ LXXIX.
Карамя, сел. 170.
Каратегинъ XXVIII.
Карашааръ XXXVIII.
Карганъ-Тепе *) 112, 113.
Каринцевъ, Н. 156.
Карши XXVIII, 7, 8, 47, 68, 90, 91.
Каспійское море XLVII, XLIX.
Катта-Курганскій округъ XXVI.
Катта-Курганъ, городъ XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XLIX, 6, 7.
Катта-Тюря, см. Абдуль-Маликъ.
Кашгарскій кварталъ, въ Ташкентѣ 103.
Кашгаръ X, XXXIV, XXXVIII, XL, XLIV, XLV, XLVI, LIII, LIV, LXIII, LXIV, LXV, LXVI, LXXVI, 158, 197, 200, 201.
Кашка-Дарья XXXIV.
Каульбарсъ, капитанъ XIV.
фонъ-Кауфманы, родъ III.
Кауфманъ Освальдъ III.
— Эбергардъ III.
— Іоаннъ III.
— Ульрихъ III.
— Балтусъ III.

*) Это, очевидно, Курганъ-Тюбе, ибо: возможно, что въ документѣ, откуда взято вышеназванное наименованіе (см. стр. 113), допущена ошибка.
А. С.

- Фридрихъ-Людвигъ IV.
 — Августъ IV.
 — Федоръ IV.
 — Петръ Федоровичъ IV.
 — Константинъ Петровичъ III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LI, LIII, LV, LVI, LVII, LVIII, LIX, LX, LXI, LXII, LXIII, LXIV, LXVI, LXVIII, LXIX, LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, LXXIV, LXXV, LXXVI, LXXVII, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXII, LXXXIII, LXXXIV, 3, 17, 6, 64, 65, 66, 67, 70, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 129, 130, 131, 132, 138, 139, 140, 141, 146, 154, 160, 230.
 — Петръ Михайловичъ IV.
 Кваллеамъ, г-жа 153.
 Кветта, городъ LXVII.
 Ке, см. Керъ.
 Кегень, рѣка и мѣстность (урочище) 170, 171, 172, 173.
 Келатъ, городъ LXVII.
 Келифъ 114.
 Кенгиръ, рѣка 222.
 Кене-Сары-ханъ (Кенисара, Кениссара), сынъ Садыкъ-Тюри 10.
 Кенисара, Кениссара, см. Кене-Сары-Ханъ.
 Керенскій, Ф. М. 145.
 Керки 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 48, 50, 69, 72.
 Керъ, мѣстность (урочище) 170, 171, 180.
 Кесеиъ, см. Керъ.
 Кизиль-Аякъ, кишлакъ 59.
 Кинагазъ, родъ XXXVI.
 Китабъ XXX, XXXII, XXXIII.
 Китай XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLV, XLVI, LXXI, LXXVI, 154.
 Китай Западный L.
 Кермине XX, XXIV, 6, 7, 8, 96.
 Ковалевскій, В. И. LXXVIII.
 Коджъ-Ата, мазаръ въ Хивинскомъ ханствѣ 14.
 Козловскій, В. LXXX.
 Кокандское ханство XXXV, LV, LVII, LVIII, LIX, LX, LXI, LXII, LXIII, LXIV, LXXIII.
 Кокандъ (Коканъ) X, XI, XXXIII, XXXVIII, XL, XLIV, XLV, LIII, LIV, LVI, LVII, LVIII, LIX, LX, LXI, LXII, LXXVI, 5, 204.
 Кокчинъ-Богды, имя китайскаго бога 191.
 Кокшалъ, рѣка 191.
 Кокъ-Узякъ, протокъ 11.
 Колесниковъ, купецъ XLV.
 Колесниковъ, топографъ XIII.
 Колосовскій, В. 35.
 Коляковскій, Г. А. X, XII, XIII, LXI, LXII, LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, 101.
 Комаровъ, Петръ 218.
 Константинополь XV, 156, 157.
 Корольковъ, полковникъ (впослѣдствіи генераль-лейтенантъ) 102.
 Коршъ, Ф. Е. 119.
 Костенко, Л. Ф. 210.
 Котбуддинъ-Аллями, святой 182.
 Краснодарскій заливъ XLVIII, XLIX, L.
 Краснодарскъ XLVIII, XLIX, LI.
 Крачковскій, Ю. Ф. 143.
 Крестовскій, В. В. 133, 134.
 Крыжановскій, В. А., генераль-адъютантъ XII, XIII, XIV, XXI.
 Крымъ 155.
 Ксавье-де-Монтенепъ 133.
 Куйкунъ-Ноинъ, сынъ Тимуръ-Тугу-хана 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201.
 Кураминскій уѣздъ LXXXI.
 Кухертли, урочище LI.
 Кулябъ XXVIII, 18.
 Кульджа (Хой-Юанъ-Чень) XXXVI, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIII, XLIV, L, LXX, LXXI, LXXII (Kouldja LXXVIII), 158, 160, 161, 171, 174, 199, 201.
 Кульджинскій край 189, 192.
 Кульджинскій районъ LXXI.
 Куль-Мухаммедъ, аталыкъ, хивинскій начальникъ 4.
 Куль-Мергенъ, старшина туркменскаго аула Багырь 123.
 Кумюль, см. Хаши.
 Кумъ-Таджи (Хунъ-Таджи), сынъ Куйкунъ-Нояна 197, 199, 202.
 Кунградъ 13.
 Кундузъ 115, 116.
 Куня-Турфанъ LXXV.
 Куня-Ургенчъ 11.
 Кунъ, А. Л. 4, 141.
 Кураминскій уѣздъ LXXXIII.
 Курбанъ-бахши, туркмень 121.
 Курбанъ-Джанъ-дадха („Алайская Царипа“) LXIII.

Кургась, см. Хоргось.
 Курля, король LXIV, LXV.
 Куропаткинъ, А. Н. XLIV, LXVI.
 Кустанаевъ, этнографъ 73.
 Кухи-Тангъ, хребетъ 55.
 Кушнеревъ, содержатель типографіи 204.
 Куча XXXVIII.
 Кызыль-Кумъ, пустыня LXXVI, 225.
 Кюргень (Гюреганъ), эмиръ 164.
 Кюрюкь-Дара V, VI.

Л.

Л. К. Ю. 138.
 Лагоръ 51.
 Лазаревскій, Вл. М. 147.
 Ланьчжоу, мѣстность въ Китайскомъ Туркестанѣ 190, 201.
 Лауданъ 11.
 Леонъ, М. 152.
 Лермонтовъ 133.
 Ле-Мезорье 152.
 Ливадія LXVIII, 107.
 Ливерпуль 153.
 Литвиновъ, Б. 72.
 Лифляндія 131.
 Логофетъ, Д. Н. 99.
 Лондонъ 109, 152.
 Лютшъ, Я. Я. 73, 142.

М.

М—а, З. Е. VIII, LXIX.
 Мавераннахръ 163, 181, 182.
 Маганъ (бекство) XXXIII, 109.
 Мадина-Ахунъ-Насыръ-Ходжиевъ 174, 175.
 Маевъ LXXVIII, LXXIX.
 Мазари-Щерифъ LXXVII, 41, 100, 115, 116, 117.
 Мазаръ-Хаджи-Имамъ 87.
 Мазаръ, селеніе 161, 163, 170, 172, 173, 174, 182, 187.
 Мазаръ Хоргосскій, сел. 161.
 Мазаръ Боробогусукскій, сел. 161.
 Майданы, деревня IV.
 Малевинскій, чиновникъ LXVII.
 Мамедъ-Афзаль-Джанъ, сынъ Абдурахманъ-хана 113.
 Мамскей-ханъ 177.
 Мангытъ XXXVI.
 Мангышлакскій полуостровъ 18.
 Мараль-Баши, названіе мѣстности LXVI.

Маргеланскій уѣздъ 203.
 Маргеланъ LIV, LVIII, LIX, LXII, 212.
 Марокко 154.
 Марсель 41, 54.
 Махмудъ-Нязъ-ссаулъ-баши, хивинскій сановникъ 12, 15, 16, 19.
 Махрамъ XXXIV, LVII, LX, LXI, LXXIX.
 Махтумъ-Кули, туркмень 119.
 Медина 3, 152.
 Межовъ, В. И. LXXXI, 131, 132.
 Меймене XXVIII, 41, 47.
 Мекка LVI, LVII, 3, 93, 170.
 Медина 3.
 Менликъ, жена Исхакъ-Буга-хана 178, 179.
 Меньшиковъ, князь VIII, IX.
 Мервскій оазисъ 119.
 Мервь 9, 48, 90, 106, 118, 120, 121.
 Мескинъ-Клычъ, туркмень 119.
 Мешедъ 106.
 Мешенкли, урочище LI.
 Миддендорфъ, академикъ LXXVIII, 131.
 Милютинъ, графъ Д. А. VII, VIII, XLVIII, XL, LXVIII, 101.
 Мирага, жена Туглукъ-Тимуръ-хана 182.
 Миранъ - Шахъ - Мирза, сынъ Тамерлана 229, 230, 231, 232, 233, 234.
 Мирза-Хамдамъ - Хаджи-бача, имя бачи 203.
 Миропіевъ, М. А. 73, 148.
 Миръ-Худояръ-дадха LVII.
 Миръ-шади 112.
 Михайль Николаевичъ, великій князь LI.
 Моголистанъ, см. Мугулистанъ.
 Молла-Нефесъ, туркмень 119.
 Москва LXXIX, 53, 204.
 Мугулистанъ (Моголистанъ) 162, 178, 179, 180.
 Музартскій переваль 179.
 Музаффаръ-Эдинъ-ханъ *), эмиръ бухарскій XIII, XV, XX, XXVI, XXVII, XXVIII, XXX, XXXII, XXXIII, 6, 7, 8, 10, 18, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 101, 110, 112.
 Мулла - Мухаммедъ - бій, иначе - калѣнъ, кушъ-беги бухарскій 104.
 Муминъ-Абдурахимовъ, шейхъ 187.
 Мунисъ, см. Ширъ-Мухаммедъ.
 Муравьевъ, графъ М. Н. VIII.
 Муса-Бекъ, мирахуръ XV, XVIII.

*) Впереди имени опущено „Сейидъ“.

Мустафа-Хаджи 170.
 Мусунь-Бабань (см. Бинь-Дадань).
 Муфта-Вали-шейхъ 169.
 Мухаммель, пророкъ XXXVII, 90, 92, 95, 152, 154.
 Мухаммедъ-Адиль-Шмицъ-де-Муленъ 151.
 Мухаммедъ-Абдулла-ал-Мамунъ-Сахраварди 152.
 Мухаммедъ-Азизъ-ханъ, двоюродн. братъ Абдурахманъ-хана *) 104.
 Мухаммедъ-Александръ-Руффель-Веббъ, шейхъ-уль-исламъ американскихъ мусульманъ 153.
 Мухаммедъ-Керимъ, хивинскій сотникъ (юзбаши) 16.
 Мухаммедъ-Мухсинъ-ханъ, двоюродный братъ Абдурахманъ-хана 104, 113.
 Мухаммедъ-Мурадъ, хивинскій диванъ-беги 11.
 Мухаммедъ-Насръ-Эддинъ, ханъ кокандскій LIII, LIV, LV, LVI, LVII, LVIII, LIX, LX, LXI, LXII.
 Мухаммедъ-Ниязъ, кокандскій историкъ 3.
 Мухаммедъ-Ниязъ, хивинскій диванъ-беги 9.
 Мухаммедъ-Парса, посолъ бухарскаго эмира въ Константинополь XV.
 Мухаммедъ-Рахимъ-Бахадуръ-ханъ, хивинскій ханъ XII, XLVI, LI, LII, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19.
 Мухаммедъ-Рахимъ-инакъ, глава наймановъ въ Хивѣ 12, 15.
 Мухаммедъ-Риза-аталыкъ, хивинскій савновникъ 9.
 Мухаммедъ-Риза (Огехи), хивинскій историкъ 3, 4, 6, 19.
 Мухаммедъ-Риза, глава хивинскихъ кунградовъ 13.
 Мухаммедъ-Салыкъ, шейхъ 182, 183, 184, 185, 186, 187.
 Мухаммедъ-Сафаръ, джигитъ LXV.
 Мухаммедъ-Серверъ-ханъ, двоюродный братъ Абдурахманъ-хана 104, 113.
 Мухаммедъ-Хайдаръ 162, 169.
 Мухаммедъ-Хакимъ, кокандскій историкъ 3.
 Мухаммедъ-ханъ, секретарь эмира Абдурахманъ-хана 117.

*) При нѣкоторыхъ изъ нижеслѣдующихъ именъ отброшено начальное слово „Сейидъ“.

Мухаммедъ-Ханъ, сынъ Хызыръ-Ходжа-хана 182.
 Мухаммедъ-ша 91.
 Мухаммедъ-Юсупъ 172.
 Мухаммедъ-Якубъ, хивинскій махрамъ 11.
 Мухуръ, рѣка 20.
 Мушкетовъ LXXVIII.
 Нынъ-лаженъ, имя мужа 190.
 Мюнхенъ LXXIX, 151.

Н.

Назировъ, подпоручикъ LXVII.
 Назаровъ, полковникъ XXIV, 65, 68.
 Наманганскій отдѣлъ LIX.
 Наманганъ LIV, LIX, LX.
 Нарынъ, рѣка LVIII.
 Насрулла-ханъ, сынъ Абдурахманъ-хана 113.
 Нейманъ, Карль-Фридрихъ 100.
 Некрасовъ, Н. А. 153.
 Непокройчицкій, генераль-лейтенантъ VII.
 Нижній-Новгородъ XVI.
 Незамеддинъ-Ахунъ 176.
 Никитинъ, В. Н. VII.
 Николаевское, сел. (выселокъ) 161.
 Ной, праотець 177.
 Нукусское приставство 11.
 Нуръ-Ата, городъ 9.
 Нью-Йоркъ 153.

О.

Обернеттеръ, фотографъ LXXIX.
 Огехи, см. Мухаммедъ-Риза.
 Одесса 155.
 Оксусъ LXX.
 Омаръ-Рашидъ-бей 151.
 Оренбургскій край XLIX.
 Оренбургъ IX, XIII, XIV, XLIX, LI, LVI, LXII, LXIII, 18, 64.
 Оренбургъ-Ташкентскій почтовый трактъ 130.
 Османъ, шейхъ 186.
 Островскій 133.
 Остроумовъ, Н. П. LXXIII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXII, 120, 140, 142, 144, 160.
 Отраръ 162.
 Ошанинъ LXXVIII, LXXXI.
 Ошъ LIV, LVIII, LXIII.

П.

Палестина 69.
 Пантусовъ, Н. Н. 3, 188, 202.
 Памиръ (Памирская горная страна) LXXVIII,
 20, 136.
 Парижъ (Paris LXXVIII). 157.
 Паркинсонъ 152.
 Перовскій, графъ XI, 63, 68.
 Перовскій уѣздъ 73.
 Перовскъ XII, 226.
 Персія LVI, 103, 157, 158.
 Петербургъ VIII, IX, XII, XIII, XVII, XX,
 XXVIII, XXIX, XXXIII, XL, XLV, XLVIII,
 LI, LX, LXI, LXII, LXVII, LXX, LXXI,
 LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXIV, 3, 53,
 54, 103, 109, 129, 146, 153.
 Петръ Великій I.
 Petis-de-la-Croix (Пти-де-ля-Круа), 233, 234.
 Петровскій, Н. Ф. VIII.
 Петропавловскъ XVI.
 Петръ Великій 63.
 Пешаверь XXVIII, 41, 51.
 Писаревъ 133.
 Пишпекъ X, 173.
 Половцева, содержательница частной би-
 блиотеки въ Ташкентѣ 133, 135.
 Полторацкій, генераль-майоръ XL, XLI.
 Польша (царство Польское) II, IV.
 Потемкинъ-Таврической IV.
 Поярковъ, Ф. 73.
 Пскентъ, селеніе LXVI.
 Пукаловъ, П. П. 130.
 Пуладъ-ханъ LIII, LIV, LVIII, LIX, LXII.
 Пушкинъ 133.
 Путинцевъ, полковникъ 146.
 Пянджъ 86, 110, 113, 114.

Р.

Раджабъ-ханъ XXXVI.
 Радловъ, В. В. 141.
 Разгоновъ, полковникъ (потомъ генераль-
 майоръ) LXVII, LXVIII.
 Рахкерь, кишлакъ 112.
 Рахматча, хатырчинскій хакимъ 9.
 Ригистанъ въ Бухарѣ 97.
 Ригистанъ Самаркандскій XXIII.
 Розенбахъ, Н. О. 138, 143, 146.
 Регель LXXVIII.
 Рей, городъ въ Персіи 232.
 Ромеръ IV.

Романовскій, генераль-майоръ XIII, XIV,
 XVI.
 Россія X, XII, XIV, XXII, XXVI, XLV, XLVI,
 XLVII, L, LI, LIII, LXII, LXIII, LVIII, LXI,
 LXII, LXIII, LXVII, LXVIII, LXIX, LXX,
 LXXI, LXXVI, LXXVII (Russie LXXVIII),
 3, 6, 110, 141, 148, 150, 154, 155, 156,
 157, 158, 189, 199.
 Рукинъ, подполковникъ 18.
 Румъ 232, 233.
 Румянцовъ-Задунайскій, графъ IV.
 Рустакъ, городъ и укрѣпленіе 116.

С.

Савинковъ, камеръ-юнкеръ LXXXIII.
 Садыкъ-Тюра, киргизъ 10.
 Сандъ-ханъ, сынъ Султанъ-Ахмедъ-хана
 182.
 Сайодъ, кишлакъ въ равнинной Бухарѣ
 113.
 Сайрамноръ, озеро 193.
 Сайрамъ XXXVIII.
 Салтыковъ, М. Е. 133, 134.
 Самаркандская область 42, 47, 146, 217.
 Самаркандскій округъ XXVI, XXXIV, 112.
 Самаркандъ XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV,
 XXV, XXVI, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI,
 XXXII XLV, LXIX, LXXIII (Samarcand
 LXXVIII), 6, 7, 47, 65, 66, 67, 68, 90,
 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107,
 117, 169, 202.
 Самаровъ, Грегоръ 133.
 Самойловичъ, А. 128.
 С(амойловичъ), А. 120.
 Самсоновъ, А. В. 149.
 Сапамыртынъ, сынъ Уши-Кечила 192, 193,
 194.
 Сартымтынъ (Сартынъ, Сартынтыкъ *)
 сынъ Уши-Кечила 192, 193, 194.
 Сары-Битаковъ, киргизъ LVI.
 Сары-Су, рѣка 222.
 Сасыкъ-Куль 6.
 Сатыльмишь-ханъ, жена Исхакъ-Буга-хана
 178.

*) Въ рукописи покойнаго Н. Н. Пантуса
 „Легенда о Туглукъ-Тимуръ-ханѣ“ это имя въ
 первый разъ встрѣчается въ начертаніи „Сартынъ
 (Сартынтыкъ)*“ и далѣе вездѣ пишется Сар-
 тымтынъ. Такъ это и напечатано въ статьѣ, по-
 мѣщенной въ настоящей книгѣ.

Сахибкыранъ (Тамерланъ) 231, 232, 233.
 Сейидъ-бача, имя бачи 203.
 Сайидъ-Джафаръ, афганскій посолъ въ Бухаръ 116.
 Сейидъ-Султанъ, сынъ Малля-хана 5.
 Сейки-Кваллеамъ-бей, шейхъ-уль-исламъ английскихъ мусульманъ 153.
 Семеновъ, А. А. LXXXIV, 117, 138.
 Семипалатинская область XL, XLI, 219.
 Семипалатинскій уѣздъ 219.
 Семипалатинскъ IX, 219.
 Семирѣченская область (Семирѣчье) XVII, XL, XLI, LXV, LXX, LXXI, LXXVII, LXXXII, 189.
 Серахсъ 106.
 Сергіополь IX.
 Сибирь X, XL (Sibérie LXXXVIII).
 Симмаковъ, художникъ LXXIX.
 Симферополь 230.
 Скобелевъ, полковникъ (потомъ генераль-майоръ) LIII, LIV, LVII, LVIII, LIX, LX, LXI, LXII, LXIII, LXVI.
 Скобелевъ, городъ 212.
 Соболевъ, Л. Н. LXIX.
 Средняя Азія XI, XII, XIII, XV, XVI, XX, XXII, XXVI, XLII, XLVI, XLII, XLVIII, LIII, LXIII, LXVIII, LXXV, LXXVIII, LXXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXIII, LXXXVI, 1, 4, 13, 17, 73, 100, 103, 108, 131, 132, 163, 204, 230.
 Стамбуль 151.
 Станиславъ Августъ, король польскій IV.
 Старая Кульджа, городъ 190.
 Стасовъ, В. В. LI, LXXIX, LXXX.
 Стенли-офъ-Алдерлей 152.
 Столѣтовъ, полковникъ (потомъ генераль-майоръ) XLVIII, XLIX, LXVII, LXVIII.
 Струве, чиновникъ м-ва иностран. дѣлъ XIII, XXXV.
 Стремоуховъ, тайный совѣтникъ XXXII.
 Ступишинъ 68.
 Султанія, названіе города 232.
 Султанъ-Мурадъ-ханъ, правитель Кундуза 115, 117.
 Султанъ-Мурадъ-ханъ (бекъ?), братъ Худояръ-хана 5.
 Сузакъ X.
 Сыръ-Дарьинская область XVII, XIX, LXVI, LXXI, LXXVI, LXXXIII, 47, 143, 146, 204, 221, 224, 225.
 Сыръ-Дарья XII, XVI, XLVI, LVIII, 10, 11, 14, 225, 226.

Сѣверо-Западный край VIII.
 Сѣверцовъ LXXVIII.

Т.

Табынъ, киргизскій родъ 14.
 Таиръ-Хаджи 170.
 Талгаръ, см. Алексѣевское селеніе.
 Талки, переваль 162.
 Талкинское ущелье 162.
 Талха-батыръ, имя мужа 200, 201.
 Тамерланъ 229, 230, 231.
 Тарабагатайскія горы XVII.
 Таразъ, городъ 162.
 Татариновъ, горный инженеръ XIII.
 Ташкентскій уѣздъ LXVI.
 Ташкентъ IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XIX, XX, XXIII, XXVII, XXXIII, XXXV, XXXVI, XLI, XLVI, L, LI, LV, LVII, LXIV, LXVII, LXVIII, LXIX, LXX, LXXIII, LXXIX, 2, 10, 64, 74, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 114, 120, 129, 132, 135, 137, 141, 142, 146, 156, 157, 159, 160, 204.
 Ташъ-рабатъ *) 113.
 Ташъ-Темюръ, имя мужа 178, 179, 180.
 Тау-Кара (Дав-Кара), мѣстность въ Хивинскомъ ханствѣ 10, 11.
 Тебризъ 232.
 Тевяшовъ, Н. Н. 147, 148.
 Тегеранъ 103.
 Тезекъ, киргизскій родъ 189.
 Теке, племя туркменъ 9.
 Текесь, рѣка 192.
 Темиръ-Ханъ-Шура LI.
 Темюръ-Ахунъ, мулла 170, 176, 182.
 Терентьевъ, М. А. XII, XXII, XXVII, XLVII, LXVIII, 4, 13, 17, 18, 107.
 Термезъ 40, 41, 42.
 Тимурленгъ 176, 202.
 Тимуръ-Гуреканъ 231, 233, 234.
 Тимуръ-Тугу-ханъ (Туглукъ-ханъ) 193, 194, 195, 196, 198, 199, 200, 201 и 202.
 Тироль III.
 Тифлисъ 118.
 Той-Тюбе XXXIV.
 Токмакъ X, 173.
 Толстой, Левъ 133.

*) Это, очевидно, переваль на пути изъ Курганъ-Тюбе къ кишлаку Сайодъ.

- Томичъ, штабсъ-капитанъ 111, 113.
 Тотлебенъ V.
 Тохтамышъ, ханъ 222.
 Троицкъ XVI.
 Троицкій, В. Н. XXI, XXIV, XXVI, LIX.
 Туглукъ-Тимуръ-ханъ 161, 162, 163, 164, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 189.
 Туглукъ-Тимуръ-ханъ-мазаръ 163.
 Тульчи IV.
 Тумень-Арыкъ 225, 226.
 Тумне, пра-прадѣдъ Чингиза 177.
 Турабъ-ходжа, посолъ Якубъ-бека LXV.
 Тургайская область XLVI.
 Тургеневъ 133.
 Тургенъ, городъ въ Китаѣ XXXIX.
 Туркестанская область LXXXII.
 Туркестанскій край IV, V, LX, LXI, LXXIII, LXXV, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXIII, 2, 73, 104, 129, 131, 132, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 153, 155, 158, 159, 210.
 Туркестанскій участокъ (въ Сырь-Дарьинской области) 225.
 Туркестанъ Афганскій LXIX, 41.
 Туркестанъ Западный 230.
 Туркестанъ Китайскій или Восточный X, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL.
 Туркестанъ Русскій LXVI, 118, 131.
 Туркестанъ, городъ 5.
 Туркестанъ, страна X, XXXIII, XXXVII, XLV, XLVII, LI, LVII, LXXII, LXXIII, LXXV, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXII, 2, 44, 64, 68, 73, 105, 109, 112, 115, 131, 132, 138, 146, 147, 158, 159.
 Туркменія XLIX.
 Турфанъ XXXVIII.
 Турція XLVI, LXVI, LXVII, 139, 155, 156, 157, 158.
 Тюря-ходжа (Хакамъ-ханъ-тюря), анджанецъ, кокандскій историкъ 3.
 Тянь-Шанъ LXXVIII, 20.
- У.**
- Увейсъ-ханъ, сынъ Ширъ-Али-хана 161, 182.
 Уйгуръ, мѣстность въ Хивинскомъ ханствѣ 10.
 Узунъ-Агачъ X.
 Уйгурия, страна 162.
- Уйгалу LXXVIII.
 Уйгалу (m-me) LXXVIII.
 Улугчаты, укрѣпленіе XIV.
 Улугъ-бекъ-мирза 65.
 Улясутай, городъ въ Китаѣ XXXIX.
 Умуръ-Али, киргизъ 190.
 Унковскій, капитанъ 163.
 Упши-ханъ, плем. Тимуръ-Тугу-хана 202.
 Ура-Тюбе XIII, XXIX, 6, 108, 109.
 Ураль, см. Янкъ.
 Уральская область XLVI.
 Уральскъ LVI.
 Ургутъ, кишлакъ въ Зарафшанскихъ горахъ 68.
 Урумчи, округъ XXXVI, XL, XLV.
 Урусовъ, князь XXXI.
 Уфа 154.
 Ухумское ущелье. XX.
 Учъ-Булакъ, рѣка 187.
 Учъ XXXVIII.
 Учъ-Турфанъ 191, 201.
 Уши, городъ и крѣпость 191, 195.
 Уши-Кечилъ, вождь калмыковъ 189, 190, 191, 192, 193, 194.
- Ф.**
- Фарабъ (бекство) XXXIII.
 Федченко, супруги LXXVIII.
 Федченко, А. П. LXXVIII, LXXX.
 Федченко, О. А. LXXVIII, LXXX.
 Фергана LVII, LIX, LXVI, LXXI, (Ferghana LXXVIII), 91, 131.
 Ферганская долина XXXIV, LXIII, LXXVIII, 132.
 Ферганская область LXI, LXII, LXIII, LXVI, LXXV, 47, 109, 146, 149, 203, 212.
 Фердинандъ II, императоръ австрійскій III.
 Фердинандъ III, императоръ германскій III.
 Фолау, Елена 151.
 Форсайтъ, англійскій посолъ въ Кашгаръ XLV.
 Франція IV, 50, 151.
 Фриде, А. Я. LXXI, LXXII, 107, 110.
 Фушанъ, солонь 174.
- Х.**
- Хабибулла-ханъ, сынъ Абдурахманъ-хана 113.

Хадрамаутъ 213.
 Хазрети-Апакъ, святой, покровитель Каш-
 гара LXV.
 Хазрети-Имамъ 116.
 Хакимъ-Ниязъ-аталыкъ, глава кипчаковъ
 въ Хивѣ 12, 15.
 Хакимъ-ханъ-тюря, сынъ Якубъ-бека I.XV,
 I.XVI.
 Хакъ-кули-бекъ, сынъ Якубъ-бека LXV.
 Халы-Даулбаевъ, киргизъ 73.
 Халакъ-Назаръ-парвоначи LV.
 Халь-Ата, мѣстность въ Хивинскомъ оази-
 сѣ 70.
 Хамаданъ 232, 233.
 Хамдамъ-бача, имя бачи 204, 205.
 Ханская ставка (въ Астраханской губер-
 нии) 147.
 Ханинъ, мѣстность въ Китайскомъ Тур-
 кестанѣ 191.
 Ханымъ, дочь Туглукъ-Тимуръ-Хана 169.
 Харузинъ, А. Н. 154.
 Хасанъ-Мурадъ, хивинскій кушъ-беги 9.
 Хатимъ-Тюря (Арсланъ-Тюря) 10.
 Хатырчи, городъ въ Бухарѣ XXVIII, 9.
 Хаши (Кумюль) XXXVIII.
 Хива XI, XXVIII, XLV, XLII, XLVII, XLVIII,
 XLIX, L, LI, LII, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13,
 15, 16, 17, 18, 19, 93, 158, 230.
 Хивинское ханство LIII, LXXIII, LXXX, 3,
 4, 9.
 Хлудовъ, купецъ XI.
 Ходжа-Кулькунъ 113.
 Ходжейли—мѣстность въ Хивинскомъ хан-
 ствѣ 12.
 Ходженгъ XIII, XVI, XXXIV, LIV, LV,
 LVII, LIX, LX, LXI, 108.
 Хой-Юанъ-Чень, см. Кульджа.
 Хомуша (городъ Тимура), мѣстность 175.
 Хорасанъ 233.
 Хоргосскій (№ 2) постъ 161, 172.
 Хоргосское село (Чай-Пузуль) 161.
 Хоргосъ, рѣка 161, 171, 180.
 Хоринъ-Мазаръ 163.
 Хорошинъ LXXVIII.
 Хошъ-Купрюкъ, урочище VIII.
 Храповицкій IV.
 Худай-Назаръ, отставной хивинскій ди-
 ванъ-беги 16.
 Худай-Назаръ, хивинскій махрамъ 12,
 15, 16.
 Худояръ-ханъ, кокандскій ханъ XXXIV,
 XL, XLII, XLIV, LIII, LIV, LV, 5.

Хулагу-ханъ 231.
 Хунь-ху-дзуръ, имя чудесной лошади 194,
 195.
 Хутухту, имя китайскаго бога 191.
 Хызръ, пророкъ 185.
 Хызыръ-Ходжа-ханъ, сынъ Туглукъ-Ти-
 муръ-хана 182.

Ц.

Цзенгъ, китайскій посланникъ I.XX.
 Цигурха, ущелье 192.
 Цишинъ-ханъ, имя мужа 190, 191.
 Циолковскій, начальникъ колонны въ Хи-
 винскомъ походѣ гр. Перовскаго 63, 68.
 Цэванъ-рабтанъ-хунь-тайчжи 163.

Ч.

Чай-Пузуль, см. Хоргосское (село).
 Чандыръ LXXIX.
 Чанъ-Чунъ 162.
 Чапанъ-Ата (высоты) 64.
 Чарджуй 43.
 Чаръ-Вилайетъ 41, 43, 47, 110, 114, 115.
 Черняевъ, Н. Г. X, XII, XIII, XVI, 132, 133,
 134, 136, 137, 138.
 Чйли, ст. Ташкентской ж. дороги 226.
 Чингизъ-Ханъ 177.
 Чжи-даранъ, начальникъ солоновъ 172.
 Чякирдакли, мѣстность въ Хивинскомъ
 ханствѣ 11.
 Чкншляръ LI.
 Чиликъ, см. Зайцевское селеніе 170.
 Чимбай, мѣстность въ Хивинскомъ хан-
 ствѣ 11.
 Чимбайское приставство LII.
 Чимкентскій уѣздъ 73.
 Чимкентъ XII.
 Чимпандзи, селеніе 161.
 Чингизъ-ханъ 162, 177, 178.
 Чигеринъ IV.
 Чохъ-ауль V, VI.
 Чугучакъ XVII.
 Чулакъ-Курганъ X.
 Чюмекей, киргизскій родъ 17.

Ш.

Шааръ XXX, XXXII, XXXIII.
 Шанъ-Ся XLIII.

Шарбафъ, строитель 163.
 Шаригорсть ^{*)}, капитанъ XLIV.
 Шариханская волость 203.
 Шари-Ханъ, кишлакъ 203, 212.
 Шахи-Зинда XX.
 Шахрисябъ (Шаршаузъ) XXII, XXVII, XXVIII, XXX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, 7, 8, 47, 68.
 Шевченко 68.
 Шейхъ-Мухаммедъ-Салыкъ-Назаръ 163, 171, 172.
 Шекспиръ 152.
 Шеллеръ (А. Михайловъ) 133.
 Шерефъ-эд-Динъ, авторъ „Зеферъ-Намэ“ 231, 233.
 Шендрекъ, Калита 152.
 Ширавуль-Духтуи 178, 179.
 Ширгазы, хивинскій ханъ 4.
 Ширванская область 232.
 Ширъ-Али-ханъ, эмиръ афганскій XXXII, LXVII, LXVIII, LXIX, 18.
 Ширъ-Али-ханъ, внукъ Туглукъ-Тимуръ-хана 176, 182.
 Ширъ-Мухаммедъ (Мунисъ), хивинскій историкъ 3, 4.
 Шниновъ, А. 204.
 Шихо, селеніе въ Китайскомъ Туркестанѣ 191.
 Шлорнегъ, А., художница 152, 153.
 Шопенгауеръ, А. 20.
 Штейнбокъ, фотографъ LXXIX.
 Штемпель, майоръ XXIV.
 Шуваловъ, графъ LXVIII.
 Шугнаиъ LXXVIII.

^{*)} Въ текстѣ опечатка (Шаригорсть).

Щ.

Щербинскій, камергеръ LXXI, LXXII.

Э.

Эйюбъ-ханъ, сынъ Достъ-Мухаммеда LXIX, 100.
 Эмиръ-Буладжи 178, 180, 181, 182.
 Эмиръ-Худададъ 181, 182.
 Энрекейская волость 219.
 Эрсари, племя туркменъ 9.
 Эръ-Назаръ-аталыкъ, начальникъ каракал-паковъ 19.
 Эръ-Ниязъ-биъ, хакимъ въ Тау-Кара 11.

Ю.

Южакъ, С. Н. 100.
 Юносъ-Тайчиковъ, киргизъ 73.
 Юнусъ-ханъ, сынъ Увейсъ-хана 182.
 Юсукей, отецъ Чингизъ-хана 177.

Я.

Яворскій, И. И., врачъ LXVII, LXVIII.
 Якка-Багъ XXXVI.
 Якка-Тутъ, кишлакъ въ равнинной Бухарѣ 113.
 Якубъ-бекъ, Сейидъ-Мухаммедъ, владѣтель Кашгара XXXVIII, XXXIX, XL, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, LIII, LXIV, LXV, LXVI, LXXI, 103.
 Якубъ-ханъ, сынъ Ширъ-Али-хана LXIX, 100, 114.
 Яны-Курсанъ XXII, 6, 64, 225, 226.
 Японія 157.
 Яркендъ X, XI.